

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

50 ЛЕТ БЕЗ ВОЖДЯ

СТАЛИНИАДА

Слово товарищу

СТАЛИНУ

Служивший во
различном номе
коме тажедой
ти Орджоники
сказановского
апреле, стар
ный путь
Асаи-сти
продвижения

A large, textured, brown, knitted garment, possibly a sweater or scarf, draped over a dark, curved object. The garment has a thick, ribbed knit pattern. The background is a light, textured surface.

Однако, а первый д
работы это обя
во не выполняе
испытаний п
ко 1835 тонн ста
проц плава, про
лишь выполня
запас недостат
говаривается, н
вый ввод марте
чей с эксплуат
демета.

Публикуемый в сегодняшнем номере газеты анализ одного из сортов говядины выявляет существенные недостатки, присущие только сортовику, но не каткам других цехов. Между, например, анисовый цех Здесь в апреле-мае простои становились до 60 минут из-за размокшего ремонта; тонкотой цех простаивал 44 минуты — миссиям под

Но, одновременно, ряд статистических данных показывают: прерывные примеры работы. Стапельщик печи № 2 Сидоров выпускает плавну за 4 часа 40 минут, снимая 11,5 тонны стали с квадратного метра пода. Это невиданный доселее успех завода. Новый среднегорный цех увеличивает плавн первую сурока на 18,7 проц. и т.д.

Стахановский месяц начал. Завод должен выполнить все указания любимого нариса Орджоникидзе и достойно встретить первый стахановский

С 6
паем
равно
но от
шего
зе
ни
за
в ап
гедс
С
кни
б

С. Ордж-

2000 тонн
в год от
машин

итель
вара

тековской
0908 вче
: один за
ленорд. Он
чение сме
и. достиг
тоины ста
с квадрат
да печи.
левара Си
смену за
ем, что он
пичной по
ника смены
А и масте
КО. выпу
за небыва

ЗАВОДСКОЙ

апреля

Мареновский цех вы-
пустил 1835,04 тонны ста-
ли, что составляет 3,3
процента плана.
Всего по всему производству
на 100,5 процента
по плану по сравнению с
прошлым годом — на 121
процент и по сдаче гото-
вой продукции — на 102,6
процента. Отделением
по производству ста-
ли и проката выпо-

^{12.4}
СТАЛИННАДА

**СЛОВО
ТОВАРИЩУ
СТАЛИНУ**

Москва
ЭКСМО
«Алгоритм»
2 0 0 2

Составитель *Р. Косолапов*

Общественно-редакционный совет:

Аннинский Л. А., Кара-Мурза С. Г., Латышев И. А.,
Николаев С. В., Палиевский П. В., Панарин А. С.,
Поляков Ю. М., Сироткин В. Г., Третьяков В. Т.,
Ульяшов П. С., Уткин А. И.

Разработка серии и оформление художника *Е. Ененко*

С 48 Слово товарищу Сталину. — М.: Изд-во Эксмо,
2002. — 512 с.

ISBN 5-699-00793-8

Сегодня печать, как левая, так и правая, отмечает все возрастающий интерес к личности И. В. Сталина. Это объясняется обстоятельствами сегодняшней жизни, драматическим положением, в котором оказалась Россия, униженным состоянием ее обнищавшего населения. Поневоле народ обращается к славным страницам истории могущественного Советского Союза и его лидера И. В. Сталина. В этой книге собраны наиболее известные произведения и речи И. В. Сталина, документы, относящиеся к его деятельности... Итак, слово товарищу Сталину.

ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

© ООО «Алгоритм-Книга», 2002
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2002

ISBN 5-699-00793-8

Такие лица, преследуя свои цели, не сознавали идеи вообще; но они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что *своевременно*. Именно это является правдой их времени и их мира, так сказать, ближайшим родом, который уже находился внутри. Их дело было знать это всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию. Поэтому всемирно-исторических людей, героев какой-нибудь эпохи, следует признать проницательными людьми, их действия, их речи — лучшим в данное время.

Гегель

СЛОВО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Предисловие составителя

Весной 1972 года во время наших совместных трудов Григорий Оганов (ныне уже покойный) подарил мне стихотворение, которое стало некоторым образом рубежным в моем осмыслении личности и роли Сталина.

Гриша был бакинец и журналист. Наверное, он лучше меня видел кавказские истоки сталинского характера, да еще и собирал исторические материалы. Однако, может быть, и он не вполне ощущал трагически-пронзительное проникновение в собственную судьбу, которое несло в себе наивно-прозрачное произведение 16-летнего семинариста, написанное как бы для серии поэтических «пророков» в родной литературе.

Вот это стихотворение:

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.

А в песне его, а в песне,
Как солнечный блеск, чиста,
Звучали великая правда,
Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья и славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.

Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

Этот текст опубликован в газете «Иверия» 25 декабря 1895 года. Он так бы и остался невинным школьным опытом, если бы не великое — славное и страшное — будущее автора. Уже сорок лет Сталин, переживший самые громкие восхваления и триумфы, когда-либо выпадавшие на долю смертного, покоится то рядом с Лениным в Мавзолее, то позади Мавзолея, под Кремлевской стеной, и все эти десятилетия громоздятся хулы в его адрес, а его имя втаптывается в грязь.

Единственное, в чем ошибся юный поэт Сосо Джугашвили, так это в том, что отверженным в державном доме, который он строил, он стал не при жизни, а после смерти. Многие из тех, в ком Сталин пытался будить разум, с лихвой выместили на нем, мертвом, филистерское раздражение своих растрепанных умишек. Было предпринято все возможное и невозможное для того, чтобы сделать его правду чуждой народу, а его песню — никому не нужной. При всей оглушительности поношений — с основанием (а оно также имеется) и без оно — Сталин теперь самый неизвестный из когда-либо писавших и говоривших. Его мысли и суждения, как правило, даются в тенденциозном пересказе и в усеченном виде, «...и на устах его печать». Работы Сталина почти не переиздаются, и он лишен возможности вести прямой диалог уже с двумя поколениями читателей.

С сознанием своей гражданской ответственности, требуя: «Слово товарищу Сталину!», — составитель помещает в этом сборнике ряд работ Кобы послеленинского периода, когда он оказался во главе Российской, а с 1925 года Всесоюзной ком-

мунистической партии (большевиков). Эти работы, давно или вовсе не публиковавшиеся, неведомы большинству. Сборник естественно распадается на три части: довоенную, с 1924 года; военную, 1941—1945; финальную. Тексты располагаются в хронологическом порядке. Заголовки в большинстве случаев даны составителем.

В конце книги каждому тексту соответствует краткое авторское примечание. Оно, естественно, недостаточно с точки зрения традиционного академизма, но ни к чему другому составитель и не стремился. Для научного комментирования надо проделать колоссальную исследовательскую работу, в том числе в архивах, для которой я не располагаю временем, да она, думается, здесь и не нужна. Мы сыты по горло яковлевыми и лацисами, дзарасовыми и волкогоновыми. Надо, наконец, позволить говорить самому Сталину. Что же касается моих примечаний, то это всего лишь личный взгляд современника, прожившего довольно долгую жизнь и имевшего возможность кое-что наблюдать и сравнивать.

Какой-нибудь мыльный, застойно-перестроечный «академик» попытается вновь, наподобие Ю. Арбатова, заклеить автора этих строк как «догматического сталиниста». Но это несерьезно. Ни демонизация Сталина, служащая внутренней и международной реакции, ни его канонизация, практикуемая консерваторами от коммунизма, не допустят нас к истине. Поэтому, не играя бесплодно и фальшиво в «сталинистов» и «антисталинистов», я предлагаю применить простой шекспировский принцип: «Он человек был, вот что несомненно», — и прежде чем вести разговоры о нем, изучать его самого.

«Сталин был самым ненавистным и самым любимым, глубоко уважаемым и люто презираемым государственным деятелем во всей истории, — писал А. Авторханов. — В его государстве не было людей, равнодушных к нему, — были только энтузиасты и враги. Ни один современник не нарисовал и едва ли нарисует его точный политико-психологический портрет, ибо у него нет беспристрастных современников — даже после его смерти. Чтобы понять его психологию и правильно оценить его деяния, а значит, и его место в истории России и мира, нужны хотя бы лет сто-двести исторической дистанции» (Авторханов А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берии). М., 1992. С. 104).

Думаю, что при верной в целом констатации противоречивого восприятия Сталина А. Авторханову несколько изме-

няет историческое чутье. Серная мгла, которой своекорыстно постарались окружить имя и образ Сталина определенные силы, наконец-то рассеивается под влиянием их же собственных мерзких творений. Пляшущая канкан контрреволюция в Советском Союзе и России уже промыла многим соотечественникам глаза кровью жертв 4 октября. Бред «перестройки» и «рынка» без производства, развальных «реформ» и распродажи страны, ее искусственно подстроенного обнищания и вымирания все чаще пересекается со сверкающей сталинской мыслью и волей. Не только мне и моим друзьям, всем россиянам есть с чем сравнить нынешнюю нашу убогую действительность. Вопреки А. Авторханову, свершенное при участии и под руководством Сталина, контраст между всем этим и постигшим нас разорением доказывают никчемность многих сознательно подогретых антисталинских страстей, облегчая понимание его психологии и правильную оценку его деяний. Наваждение проходит быстрее, чем казалось, и срок, назначенный А. Авторхановым — 100—200 лет, — сам собой сокращается не по дням, а по часам.

В настоящем сборнике, очевидно, представлен не весь Сталин. Единственное, за что можно ручаться, — это то, что перед читателем предстанет Сталин забытый, неизвестный, разный. При этом я ограничиваю свою задачу тем, чтобы дать поработать историческому материалу без каких-либо добавлений, поскольку он интересен и ярок сам по себе. Благодарю всех тех, кто сочувственно отнесся к такому замыслу, и особенно тех, кто оказал мне прямую помощь в работе, — Киру Алексеевну Корнеевну, Ларису Геннадиевну Косолапову, Николая Васильевича Мищенко, Татьяну Валентиновну Чеплакову.

РИЧАРД КОСОЛАПОВ

Москва. Июль 1993 — март 1994

ЧАСТЬ I

ПО ПОВОДУ СМЕРТИ ЛЕНИНА

Речь на II Всесоюзном съезде Советов
26 января 1924 года

Товарищи! Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать к этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является товарищ Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии. Вот почему партия ленинцев, партия коммунистов, называется вместе с тем партией рабочего класса.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ДЕРЖАТЬ ВЫСОКО И ХРАНИТЬ В ЧИСТОТЕ ВЕЛИКОЕ ЗВАНИЕ ЧЛЕНА ПАРТИИ. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

25 лет пестовал товарищ Ленин нашу партию и выпестовал ее, как самую крепкую и самую закаленную в мире рабочую партию. Удары царизма и его опричников, бешенство буржуазии и помещиков, вооруженные нападения Колчака и Деникина, вооруженное вмешательство Англии и Франции, ложь и клевета стоустой буржуазной печати, — все эти скорпионы неизменно падали на голову нашей партии на протяжении четверти века. Но наша партия стояла, как утес, отражая бесчисленные удары врагов и ведя рабочий класс вперед, к

победе. В жестоких боях выковала наша партия единство и сплоченность своих рядов. Единством и сплоченностью добилась она победы над врагами рабочего класса.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ ЕДИНСТВО НАШЕЙ ПАРТИИ, КАК ЗЕНИЦУ ОКА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Тяжела и невыносима доля рабочего класса. Мучительны и тягостны страдания трудящихся. Рабы и рабовладельцы, крепостные и крепостники, крестьяне и помещики, рабочие и капиталисты, угнетенные и угнетатели — так строился мир испокон веков, таким он остается и теперь в громадном большинстве стран. Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унижительными. Только в нашей стране удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и поставить на его место господство рабочих и крестьян. Вы знаете, товарищи, и теперь весь мир признает это, что этой гигантской борьбой руководил товарищ Ленин и его партия. Величие Ленина в том, прежде всего, и состоит, что он, создав Республику Советов, тем самым показал на деле угнетенным массам всего мира, что надежда на избавление не потеряна, что господство помещиков и капиталистов недолговечно, что царство труда можно создать усилиями самих трудящихся, что царство труда нужно создать на земле, а не на небе. Этим он зажег сердца рабочих и крестьян всего мира надеждой на освобождение. Этим и объясняется тот факт, что имя Ленина стало самым любимым именем трудящихся и эксплуатируемых масс.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ХРАНИТЬ И УКРЕПЛЯТЬ ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПО-

ЩАДИМ СВОИХ СИЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Диктатура пролетариата создавалась в нашей стране на основе союза рабочих и крестьян. Это первая и коренная основа Республики Советов. Рабочие и крестьяне не могли бы победить капиталистов и помещиков без наличия такого союза. Рабочие не могли бы разбить капиталистов без поддержки крестьян. Крестьяне не могли бы разбить помещиков без руководства со стороны рабочих. Об этом говорит вся история гражданской войны в нашей стране. Но борьба за укрепление Республики Советов далеко еще не закончена, — она приняла лишь новую форму. Раньше союз рабочих и крестьян имел форму военного союза, ибо он был направлен против Колчака и Деникина. Теперь союз рабочих и крестьян должен принять форму хозяйственного сотрудничества между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, ибо он направлен против купца и кулака, ибо он имеет своей целью взаимное снабжение крестьян и рабочих всем необходимым. Вы знаете, что никто так настойчиво не проводил эту задачу, как товарищ Ленин.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ ВСЕМИ СИЛАМИ СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНИМ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Второй основой Республики Советов является союз трудящихся национальностей нашей страны. Русские и украинцы, башкиры и белорусы, грузины и азербайджанцы, армяне и дагестанцы, татары и киргизы, узбеки и туркмены — все они одинаково заинтересованы в укреплении диктатуры пролетариата. Не только диктатура пролетариата избавляет эти народы от цепей и угнетения, но и эти народы избавляют нашу Республику Советов от козней и вылазок врагов рабочего класса своей беззаветной преданностью Республике Советов, своей готовностью жертвовать за нее. Вот почему товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ РЕСПУБЛИК. КЛЯ-

НЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ ВЫПОЛНИМ С ЧЕСТЬЮ И ЭТУ ТВОЮ ЗАПОВЕДЬ!

Третьей основой диктатуры пролетариата является наша Красная Армия, наш Красный Флот. Ленин не раз говорил нам, что передышка, отвоеванная нами у капиталистических государств, может оказаться кратковременной. Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии. События, связанные с ультиматумом Керзона и с кризисом в Германии, лишний раз подтвердили, что Ленин был, как и всегда, прав. Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот!

Громадным утесом стоит наша страна, окруженная океаном буржуазных государств. Волны за волнами катятся на нее, грозя затопить и размыть. А утес все держится непоколебимо. В чем ее сила? Не только в том, что страна наша держится на союзе рабочих и крестьян, что она олицетворяет союз свободных национальностей, что ее защищает могучая рука Красной Армии и Красного Флота. Сила нашей страны, ее крепость, ее прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира. Рабочие и крестьяне всего мира хотят сохранить Республику Советов, как стрелу, пущенную верной рукой товарища Ленина в стан врагов, как опору своих надежд на избавление от гнета и эксплуатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения. Они хотят ее сохранить, и они не дадут ее разрушить помещикам и капиталистам. В этом наша сила. В этом сила трудящихся всех стран. В этом же слабость буржуазии всего мира.

Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал ее как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом. Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Со-

ветов. Ленин знал, что только таким путем можно воспламенить сердца трудящихся всего мира к решительным боям за освобождение. Вот почему он, гениальнейший из гениальных вождей пролетариата, на другой же день после пролетарской диктатуры заложил фундамент Интернационала рабочих. Вот почему он не устал расширять и укреплять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал.

Вы видели за эти дни паломничество к гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина. Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света для того, чтобы засвидетельствовать, что Ленин был вождем не только русского пролетариата, не только европейских рабочих, не только колониального Востока, но и всего трудящегося мира земного шара.

УХОДЯ ОТ НАС, ТОВАРИЩ ЛЕНИН ЗАВЕЩАЛ НАМ ВЕРНОСТЬ ПРИНЦИПАМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. КЛЯНЕМСЯ ТЕБЕ, ТОВАРИЩ ЛЕНИН, ЧТО МЫ НЕ ПОЩАДИМ СВОЕЙ ЖИЗНИ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УКРЕПЛЯТЬ И РАСШИРЯТЬ СОЮЗ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА — КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ!

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ТАКТИКА РУССКИХ КОММУНИСТОВ

Предисловие к книге «На путях к Октябрю»

I

Внешняя и внутренняя обстановка Октябрьской революции

Три обстоятельства внешнего порядка определили ту сравнительную легкость, с какой удалось пролетарской революции в России разбить цепи империализма и свергнуть, таким образом, власть буржуазии.

Во-первых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в период отчаянной борьбы двух основных империалистических групп, англо-французской и австро-германской, когда эти группы, будучи заняты смертельной борьбой между собой, не имели ни времени, ни средств уделить серьезное внимание борьбе с Октябрьской революцией. Это обстоятельство имело громадное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей возможность использовать жестокие столкновения внутри империализма для укрепления и организации своих сил.

Во-вторых, то обстоятельство, что Октябрьская революция началась в ходе империалистической войны, когда измученные войной и жаждавшие мира трудящиеся массы самой логикой вещей были подведены к пролетарской революции, как единственному выходу из войны. Это обстоятельство имело серьезное значение для Октябрьской революции, ибо оно дало ей в руки мощное оружие мира, облегчило ей возможность соединения советского переворота с окончанием ненавистной войны и создало ей ввиду этого массовое сочувствие как на Западе, среди рабочих, так и на Востоке, среди угнетенных народов.

В-третьих, начало мощного рабочего движения в Европе и факт назревания революционного кризиса на Западе и Востоке, созданного продолжительной империалистической войной. Это обстоятельство имело для революции в России неоценимое значение, ибо оно обеспечило ей верных союзников вне России в ее борьбе с мировым империализмом.

Но, кроме обстоятельств внешнего порядка, Октябрьская революция имела еще целый ряд внутренних благоприятных условий, облегчивших ей победу.

Главными из этих условий нужно считать следующие.

Во-первых, Октябрьская революция имела за собой активнейшую поддержку громадного большинства рабочего класса России.

Во-вторых, она имела несомненную поддержку

крестьянской бедноты и большинства солдат, жаждавших мира и земли.

В-третьих, она имела во главе, в качестве руководящей силы, такую испытанную партию, как партия большевиков, сильную не только своим опытом и годами выработанной дисциплиной, но и огромными связями с трудящимися массами.

В-четвертых, Октябрьская революция имела перед собой таких сравнительно легко преодолимых врагов, как более или менее слабую русскую буржуазию, окончательно деморализованный крестьянскими «бунтами» класс помещиков и совершенно обанкротившиеся в ходе войны соглашательские партии (партии меньшевиков и эсеров).

В-пятых, она имела в своем распоряжении огромные пространства молодого государства, где могла свободно маневрировать, отступать, когда этого требовала обстановка, передохнуть, собраться с силами и пр.

В-шестых, Октябрьская революция могла рассчитывать в своей борьбе с контрреволюцией на наличие достаточного количества продовольственных, топливных и сырьевых ресурсов внутри страны.

Сочетание этих внешних и внутренних обстоятельств создало ту своеобразную обстановку, которая определила сравнительную легкость победы Октябрьской революции.

Это не значит, конечно, что Октябрьская революция не имела своих минусов в смысле внешней и внутренней обстановки. Чего стоит, например, такой минус, как известная одинокость Октябрьской революции, отсутствие возле нее и по соседству с ней советской страны, на которую она могла бы опереться? Несомненно, что будущая революция, например в Германии, оказалась бы в этом отношении в более выгодном положении, ибо она имеет по соседству такую серьезную по своей силе Советскую страну, как наш Советский Союз. Я уже не говорю о таком минусе Октябрьской революции, как отсутствие пролетарского большинства в стране.

Но эти минусы лишь подчеркивают громадное зна-

чение того своеобразия внутренних и внешних условий Октябрьской революции, о которых говорилось выше.

Об этом своеобразии нельзя забывать ни на одну минуту. О нем особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 года. О нем прежде всего должен помнить Троцкий, огульно проводящий аналогию между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию за ее действительные и мнимые ошибки.

«России, — говорит Ленин, — в конкретной, исторически чрезвычайно оригинальной ситуации 1917 года было легко *начать* социалистическую революцию, тогда как *продолжать* ее и довести ее до конца России будет труднее, чем европейским странам. Мне еще в начале 1918 года пришлось указывать на это обстоятельство, и двухлетний опыт после того вполне подтвердил правильность такого соображения. Таких специфических условий, как: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием благодаря ему империалистической войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистических хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну, отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко враждебной в большинстве своем большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом; таких специфических условий в Западной Европе теперь нет, и повторение таких или подобных условий не слишком легко. Вот почему, между прочим, — помимо ряда других причин, — *начать* социалистическую революцию Западной Европе труднее, чем нам» (см. т. XXV, стр. 205).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

II

О двух особенностях Октябрьской революции, или Октябрь и теория «перманентной» революции Троцкого

Существуют две особенности Октябрьской революции, уяснение которых необходимо прежде всего для того, чтобы понять внутренний смысл и историческое значение этой революции.

Что это за особенности?

Это, во-первых, тот факт, что диктатура пролетариата родилась у нас, как власть, возникшая на основе союза пролетариата и трудящихся масс крестьянства, при руководстве последними со стороны пролетариата. Это, во-вторых, тот факт, что диктатура пролетариата утвердилась у нас, как результат победы социализма в одной стране, капиталистически мало развитой, при сохранении капитализма в других странах, капиталистически более развитых. Это не значит, конечно, что у Октябрьской революции нет других особенностей. Но для нас важны теперь именно эти две особенности не только потому, что они отчетливо выражают сущность Октябрьской революции, но и потому, что они великолепно вскрывают оппортунистическую природу теории «перманентной революции».

Рассмотрим вкратце эти особенности.

Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции. Кого поддержит в борьбе за власть трудовой люд города и деревни, буржуазию или пролетариат, чьим резервом станет он, резервом буржуазии или резервом пролетариата, — от этого зависит судьба революции и прочность диктатуры пролетариата. Революции 1848 г. и 1871 г. во Франции погибли, главным образом потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии ее крестьянские резервы, она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата и пролетариат

оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионных масс трудового люда города и деревни.

Кто не понял этого, тот никогда не поймет ни характера Октябрьской революции, ни природы диктатуры пролетариата, ни своеобразия внутренней политики нашей пролетарской власти.

Диктатура пролетариата не есть простая правительственная верхушка, «умело» «отобранная» заботливой рукой «опытного стратега» и «разумно опирающаяся» на те или иные слои населения. Диктатура пролетариата есть классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, при условии, что руководящей силой этого союза является пролетариат.

Речь идет здесь, таким образом, не о том, чтобы «немножечко» недооценить или «немножечко» переоценить революционные возможности крестьянского движения, как любят теперь выражаться некоторые дипломатические защитники «перманентной революции». Речь идет о природе нового пролетарского государства, возникшего в результате Октябрьской революции. Речь идет о характере пролетарской власти, об основах самой диктатуры пролетариата.

«Диктатура пролетариата, — говорит Ленин, — есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т.д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма» (см. т. XXIV, стр. 311).

И далее:

«Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в

борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» (см. т. XXIV, стр. 336).

Такова теория диктатуры пролетариата, данная Лениным.

Одна из особенностей Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является классическим проведением ленинской теории диктатуры пролетариата.

Некоторые товарищи полагают, что эта теория является чисто «русской» теорией, имеющей отношение лишь к российской действительности. Это неверно. Это совершенно неверно. Говоря о трудящихся массах непролетарских классов, руководимых пролетариатом, Ленин имеет в виду не только русских крестьян, но и трудящиеся элементы окраин Советского Союза, недавно еще представлявших колонии России. Ленин не устанно твердил, что без союза с этими иномациональными массами пролетариат России не сможет победить. В своих статьях по национальному вопросу и в речах на конгрессах Коминтерна Ленин неоднократно говорил, что победа мировой революции невозможна без революционного союза, без революционного блока пролетариата передовых стран с угнетенными народами поработенных колоний. Но что такое колонии, как не те же угнетенные трудовые массы, и прежде всего трудовые массы крестьянства? Кому не известно, что вопрос об освобождении колоний является, по сути дела, вопросом об освобождении трудовых масс непролетарских классов от гнета и эксплуатации финансового капитала?

Но из этого следует, что ленинская теория диктатуры пролетариата есть не чисто «русская» теория, а теория, обязательная для всех стран. Большевизм не есть только русское явление. «Большевизм», — говорит Ленин, — есть «образец тактики для всех» (см. т. XXIII, стр. 386).

Таковы характерные черты первой особенности Октябрьской революции.

Как обстоит дело с теорией «перманентной революции» Троцкого с точки зрения этой особенности Октябрьской революции?

Не будем распространяться о позиции Троцкого в 1905 году, когда он «просто» забыл о крестьянстве, как революционной силе, выдвигая лозунг «без царя, а правительство рабочее», т.е. лозунг о революции без крестьянства. Даже Радек, этот дипломатический защитник «перманентной революции», вынужден теперь признать, что «перманентная революция» в 1905 году означала «прыжок в воздух» от действительности. Теперь, видимо, все признают, что с этим «прыжком в воздух» не стоит больше возиться.

Не будем также распространяться о позиции Троцкого в период войны, скажем, в 1915 году, когда он в своей статье «Борьба за власть», исходя из того, что «мы живем в эпоху империализма», что империализм «противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации», пришел к выводу, что революционная роль крестьянства должна убывать, что лозунг о конфискации земли не имеет уже того значения, какое он имел раньше. Известно, что Ленин, разбирая эту статью Троцкого, обвинял его тогда в «отрицании» «роли крестьянства», говоря, что «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию!» (см. т. XVIII, стр. 318).

Перейдем лучше к более поздним трудам Троцкого по этому вопросу, к трудам того периода, когда пролетарская диктатура успела уже утвердиться и когда Троцкий имел возможность проверить свою теорию «перманентной революции» на деле и исправить свои ошибки. Возьмем «Предисловие» Троцкого к книге «1905 год», написанное в 1922 году. Вот что говорит Троцкий в этом «Предисловии» о «перманентной революции»:

«Именно в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции».

Мудреное название это выражало ту мысль, что русская революция, перед которой непосредственно стоят буржуазные цели, не сможет, однако, на них остановиться. Революция не сможет разрешить свои ближайшие буржуазные задачи иначе, как поставив у власти пролетариат. А этот последний, взявши в руки власть, не сможет ограничить себя буржуазными рамками в революции. Наоборот, именно для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во *враждебные столкновения* не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с *широкими массами крестьянства*, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение *только* в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата» (курсив мой. — *И. Ст.*).

Так говорит Троцкий о своей «перманентной революции».

Стоит только сравнить эту цитату с вышеприведенными цитатами из сочинений Ленина о диктатуре пролетариата, чтобы понять всю пропасть, отделяющую ленинскую теорию диктатуры пролетариата от теории Троцкого о «перманентной революции».

Ленин говорит о союзе пролетариата и трудящихся слоев крестьянства, как основе диктатуры пролетариата. У Троцкого же получаются «враждебные столкновения» «пролетарского авангарда» с «широкими массами крестьянства».

Ленин говорит о руководстве трудящимися и эксплуатируемыми массами со стороны пролетариата. У Троцкого же получаются «противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения».

По Ленину революция черпает свои силы прежде всего среди рабочих и крестьян самой России. У Троц-

кого же получается, что необходимые силы можно черпать лишь «на арене мировой революции пролетариата».

А как быть, если международной революции суждено прийти с опозданием? Есть ли какой-либо просвет для нашей революции? Троцкий не дает никакого просвета, ибо «противоречия в положении рабочего правительства... смогут найти свое разрешение только... на арене мировой революции пролетариата». По этому плану для нашей революции остается лишь одна перспектива: прозябать в своих собственных противоречиях и гнить на корню в ожидании мировой революции.

Что такое диктатура пролетариата по Ленину? Диктатура пролетариата есть власть, опирающаяся на союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для «полного свержения капитала», для «окончательного создания и упрочения социализма».

Что такое диктатура пролетариата по Троцкому? Диктатура пролетариата есть власть, вступающая во «враждебные столкновения» с «широкими массами крестьянства» и ищущая разрешения «противоречий» лишь «на арене мировой революции пролетариата».

...Чем отличается эта «теория перманентной революции» от известной теории меньшевизма об отрицании идеи диктатуры пролетариата? По сути ничем.

Сомнения невозможны. «Перманентная революция» не есть простая недооценка революционных возможностей крестьянского движения. «Перманентная революция» есть такая недооценка крестьянского движения, которая ведет к *отрицанию* ленинской теории диктатуры пролетариата.

«Перманентная революция» Троцкого есть разновидность меньшевизма.

Так обстоит дело с первой особенностью Октябрьской революции.

Каковы характерные черты второй особенности Октябрьской революции?

Изучая империализм, особенно в период войны, Ленин пришел к закону о неравномерности, скачкообразности экономического и политического развития капиталистических стран. По смыслу этого закона раз-

витие предприятий, трестов, отраслей промышленности и отдельных стран происходит неравномерно, не в порядке установившейся очереди, не так, чтобы один трест, одна отрасль промышленности или одна страна шли все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла в сравнении с Францией и Англией отсталую страну. То же самое нужно сказать о Японии по сравнению с Россией. Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия и Япония скакнули так далеко, что первая успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке, а вторая — Россию. Из этих противоречий и возникла, как известно, недавняя империалистическая война.

Закон этот исходит из того, что:

1) «Капитализм перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли» (см. предисловие к французскому изданию «Империализма» Ленина, т. XIX, стр. 74).

2) «Дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками (Америка, Англия, Япония), которые втягивают в свою войну из-за дележа своей добычи всю землю» (см. там же).

3) Рост противоречий внутри мировой системы финансового угнетения и неизбежность военных столкновений ведут к тому, что мировой фронт империализма становится легко уязвимым со стороны революции, а прорыв этого фронта со стороны отдельных стран — вероятным.

4) Этот прорыв, вероятнее всего, может произойти в

тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистического фронта слабее, т.е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться.

5) Ввиду этого победа социализма в одной стране, если даже эта страна является менее развитой капиталистически, при сохранении капитализма в других странах, если даже эти страны являются более развитыми капиталистически, — вполне возможна и вероятна.

Таковы в двух словах основы ленинской теории пролетарской революции.

В чем состоит вторая особенность Октябрьской революции?

Вторая особенность Октябрьской революции состоит в том, что эта революция является образцом применения на практике ленинской теории пролетарской революции.

Кто не понял этой особенности Октябрьской революции, тот никогда не поймет ни интернациональной природы этой революции, ни ее колоссальной международной мощи, ни ее своеобразной внешней политики.

«Неравномерность экономического и политического развития, — говорит Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств». Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. т. XVIII, стр. 232—233).

Оппортунисты всех стран утверждают, что пролетарская революция может начаться — если вообще она должна где-либо начаться по их теории — лишь в промышленно развитых странах, что, чем развитее в про-

мышленном отношении эти страны, тем больше шансов на победу социализма, причем возможность победы социализма в одной стране, да еще капиталистически мало развитой, исключается у них, как нечто совершенно невероятное. Ленин еще во время войны, опираясь на закон неравномерного развития империалистических государств, противопоставляет оппортунистам свою теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране, если даже эта страна является капиталистически менее развитой.

Известно, что Октябрьская революция целиком подтвердила правильность ленинской теории пролетарской революции.

Как обстоит дело с «перманентной революцией» Троцкого с точки зрения ленинской теории победы пролетарской революции в одной стране?

Возьмем брошюру Троцкого «Наша революция» (1906 г.).

Троцкий пишет:

«Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты».

О чем говорит эта цитата? Да о том, что победа социализма в одной стране, в данном случае в России, невозможна «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата», т.е. до завоевания власти европейским пролетариатом.

Что общего между этой «теорией» и положением Ленина о возможности победы социализма «в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»?

Ясно, что тут нет ничего общего.

Но допустим, что эта брошюра Троцкого, изданная в 1906 году, когда трудно было определить характер нашей революции, содержит невольные ошибки и не вполне соответствует взглядам Троцкого в более поздний период. Рассмотрим другую брошюру Троцкого, его «Программу мира», появившуюся в свете перед Октябрьской революцией 1917 года и переизданную те-

перь (в 1924 г.) в книге «1917». В этой брошюре Троцкий критикует ленинскую теорию пролетарской революции о победе социализма в одной стране и противопоставляет ей лозунг Соединенных Штатов Европы. Он утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна, что победа социализма возможна лишь как победа нескольких основных стран Европы (Англии, России, Германии), объединяющихся в Соединенные Штаты Европы, либо она вовсе невозможна. Он прямо говорит, что «победоносная революция в России или Англии немыслима без революции в Германии, и наоборот».

«Единственное сколько-нибудь конкретное историческое соображение, — говорит Троцкий, — против лозунга Соединенных Штатов было сформулировано в швейцарском «Социал-демократе» (тогдашний центральный орган большевиков. — *И. Ст.*) в следующей фразе: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма». Отсюда «Социал-демократ» делал тот вывод, что возможна победа социализма в одной стране и что незачем поэтому диктатуру пролетариата в каждом отдельном государстве обуславливать созданием Соединенных Штатов Европы. Что капиталистическое развитие разных стран неравномерно, это совершенно бесспорное соображение. Но самая эта неравномерность весьма неравномерна. Капиталистический уровень Англии, Австрии, Германии или Франции не одинаков. Но по сравнению с Африкой и Азией все эти страны представляют собой капиталистическую «Европу», созревшую для социальной революции. Что ни одна страна не должна «дожидаться» других в своей борьбе — это элементарная мысль, которую полезно и необходимо повторять, дабы идея параллельного интернационального действия не подменялась идеей выжидательного интернационального бездействия. Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах, а если бы этого не произошло, то безнадежно думать — так свидетельствуют и

опыт истории и теоретические соображения, — что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире».

Как видите, перед нами та же теория одновременной победы социализма в основных странах Европы, как правило, исключающая ленинскую теорию революции о победе социализма в одной стране.

Слов нет, что для *полной* победы социализма, для *полной* гарантии от восстановления старых порядков необходимы совместные усилия пролетариев нескольких стран. Слов нет, что без поддержки нашей революции со стороны пролетариата Европы пролетариат России не мог бы устоять против общего напора, точно так же, как без поддержки революционного движения на Западе со стороны революции в России не могло бы это движение развиваться тем темпом, каким оно стало развиваться после пролетарской диктатуры в России. Слов нет, что нам нужна поддержка. Но что такое поддержка нашей революции со стороны западноевропейского пролетариата? Сочувствие европейских рабочих к нашей революции, их готовность расстроить планы империалистов насчет интервенции, — есть ли все это поддержка, серьезная помощь? Безусловно, да. Без такой поддержки, без такой помощи не только со стороны европейских рабочих, но и со стороны колониальных и зависимых стран пролетарской диктатуре в России пришлось бы туго. Хватало ли до сих пор этого сочувствия и этой помощи, соединенной с мощью нашей Красной Армии и с готовностью рабочих и крестьян России грудью отстоять социалистическое отечество, — хватало ли всего этого для того, чтобы отбить атаки империалистов и завоевать себе необходимую обстановку для серьезной строительной работы? Да, хватало. Растет ли это сочувствие или убывает? Безусловно, растет. Есть ли у нас, таким образом, благоприятные условия не только для того, чтобы двинуть вперед дело организации социалистического хозяйства, но и для того, чтобы, в свою очередь, оказать поддержку как западно-

европейским рабочим, так и угнетенным народам Востока? Да, есть. Об этом красноречиво говорит семилетняя история пролетарской диктатуры в России. Можно ли отрицать, что могучий трудовой подъем уже начался у нас? Нет, нельзя отрицать.

Какое значение может иметь после всего этого заявление Троцкого о том, что революционная Россия не могла бы устоять перед лицом консервативной Европы?

Оно может иметь лишь одно значение: во-первых, Троцкий не чувствует внутренней мощи нашей революции; во-вторых, Троцкий не понимает неопределенного значения той моральной поддержки, которую оказывают нашей революции рабочие Запада и крестьяне Востока; в-третьих, Троцкий не улавливает той внутренней немощи, которая разъедает ныне империализм.

Увлечшись критикой ленинской теории пролетарской революции, Троцкий нечаянно разбил себя наголову в своей брошюре «Программа мира», вышедшей в 1917 году и переизданной в 1924 году.

Но, может быть, устарела и эта брошюра Троцкого, перестав почему-либо соответствовать нынешним его взглядам? Возьмем позднейшие труды Троцкого, написанные после победы пролетарской революции в одной стране, в России. Возьмем, например, «Послесловие» Троцкого к новому изданию брошюры «Программа мира», написанное в 1922 году. Вот что он пишет в этом «Послесловии»:

«Несколько раз повторяющееся в «Программе мира» утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось против всего мира в одной стране, и притом отсталой, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического об-

щества не пришли и даже не подошли... До тех пор пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, мы вынуждены в борьбе с экономической изолированностью искать соглашения с капиталистическим миром; в то же время можно с уверенностью сказать, что эти соглашения, в лучшем случае, могут помочь нам залечить те или другие экономические раны, сделать тот или иной шаг вперед, но что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только *после победы пролетариата* в важнейших странах Европы» (курсив мой. — И. Ст.).

Так говорит Троцкий, явно греша против действительности и упорно стараясь спасти «перманентную революцию» от окончательного крушения.

Выходит, что, как ни вертись, а к созданию социалистического общества не только «не пришли», но даже «не подошли». Была, оказывается, кое у кого надежда на «соглашения с капиталистическим миром», но из этих соглашений тоже, оказывается, ничего не выходит, ибо, как ни вертись, а «подлинного подъема социалистического хозяйства» не получишь, пока не победит пролетариат «в важнейших странах Европы».

Ну, а так как победы нет еще на Западе, то остается для революции в России «выбор»: либо сгнить на корню, либо переродиться в буржуазное государство.

Недаром Троцкий говорит вот уже два года о «перерождении» нашей партии.

Недаром Троцкий пророчил в прошлом году «гибель» нашей страны.

Как согласовать эту странную «теорию» с теорией Ленина о «победе социализма в одной стране»?

Как согласовать эту странную «перспективу» с перспективой Ленина о том, что новая экономическая политика даст нам возможность «построить фундамент социалистической экономики»?

Как согласовать эту «перманентную» безнадежность, например, со следующими словами Ленина:

«Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой-либо отвлеченной картины, или какой-либо иконы. Насчет икон мы остались мнения

старого, весьма плохого. Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, — все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая» (см. т. XXVII, стр. 366).

Как согласовать эту «перманентную» беспросветность Троцкого, например, со следующими словами Ленина:

«В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (см. т. XXVII, стр. 392).

Ясно, что тут нет, да и не может быть никакого согласования. «Перманентная революция» Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и наоборот — ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории «перманентной революции».

Неверие в силы и способности нашей революции, неверие в силы и способности российского пролетариата — такова подпочва теории «перманентной революции».

До сего времени отмечали обычно одну сторону теории «перманентной революции» — неверие в револю-

ционные возможности крестьянского движения. Теперь, для справедливости, эту сторону необходимо дополнить другой стороной — неверием в силы и способности пролетариата России.

Чем отличается теория Троцкого от обычной теории меньшевизма о том, что победа социализма в одной стране, да еще в отсталой, невозможна без предварительной победы пролетарской революции «в основных странах Западной Европы»?

По сути дела — ничем.

Сомнения невозможны. Теория «перманентной революции» Троцкого есть разновидность меньшевизма.

В последнее время в нашей печати развелись гнилые дипломаты, старающиеся протащить теорию «перманентной революции», как нечто совместимое с ленинизмом. Конечно, говорят они, эта теория оказалась непригодной в 1905 году. Но ошибка Троцкого состоит в том, что он забежал тогда вперед, попытавшись применить к обстановке 1905 года то, чего нельзя было тогда применить. Но впоследствии, говорят они, например в октябре 1917 года, когда революция успела назреть полностью, теория Троцкого оказалась-де вполне на месте. Нетрудно догадаться, что самым главным из этих дипломатов является Радек. Не угодно ли послушать:

«Война вырыла пропасть между крестьянством, стремящимся к завоеванию земли и к миру, и мелкобуржуазными партиями; война отдала крестьянство под руководство рабочего класса и его авангарда — партии большевиков. Стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство. То, что Роза Люксембург и Троцкий в 1905 г. выдвигали против Ленина (т.е. «перманентную революцию». — *И. Ст.*), оказалось на деле вторым этапом исторического развития».

Тут что ни слово, то передержка.

Неверно, что во время войны «стала возможна не диктатура рабочего класса и крестьянства, а диктатура рабочего класса, опирающегося на крестьянство». На самом деле февральская революция 1917 года была осу-

ществлением диктатуры пролетариата и крестьянства в своеобразном переплете с диктатурой буржуазии.

Неверно, что теорию «перманентной революции», о которой Радек стыдливо умалчивает, выдвинули в 1905 году Роза Люксембург и Троцкий. На самом деле теория эта была выдвинута Парвусом и Троцким. Теперь, спустя десять месяцев, Радек поправляется, считая нужным ругнуть Парвуса за «перманентную революцию». Но справедливость требует от Радека, чтобы был обруган и компаньон Парвуса — Троцкий.

Неверно, что «перманентная революция», отброшенная революцией 1905 года, оказалась правильной на «втором этапе исторического развития», т.е. во время Октябрьской революции. Весь ход Октябрьской революции, все ее развитие показали и доказали полную несостоятельность теории «перманентной революции», полную ее несовместимость с основами ленинизма.

Сладенькими речами да гнилой дипломатией не прикрыть зияющей пропасти, лежащей между теорией «перманентной революции» и ленинизмом.

III

*О некоторых особенностях тактики большевиков
в период подготовки Октября*

Для того чтобы понять тактику большевиков в период подготовки Октября, необходимо уяснить себе, по крайней мере, некоторые особо важные особенности этой тактики. Это тем более необходимо, что в многочисленных брошюрах о тактике большевиков нередко обходятся именно эти особенности.

Что это за особенности?

Первая особенность. Послушав Троцкого, можно подумать, что в истории подготовки Октября существуют всего два периода, период разведки и период восстания, а что сверх того, то от лукавого. Что такое апрельская манифестация 1917 года? «Апрельская манифестация, взявшая «левей» чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимо-

отношения между ними и советским большинством». А что такое июльская демонстрация 1917 года? По мнению Троцкого, «по существу дело и на этот раз свелось к новой более широкой разведке на новом более высоком этапе движения». Нечего и говорить, что июньская демонстрация 1917 года, устроенная по требованию нашей партии, тем более должна быть названа, по представлению Троцкого, «разведкой».

Выходит, таким образом, что у большевиков уже в марте 1917 года имелась готовая политическая армия из рабочих и крестьян, и если они не пускали ее в ход для восстания ни в апреле, ни в июне, ни в июле, а занимались лишь «разведкой», то это потому, и только потому, что «данные разведки» не давали тогда благоприятных «показаний».

Нечего и говорить, что это упрощенное представление о политической тактике нашей партии является не чем иным, как смешением обычной военной тактики с революционной тактикой большевиков.

На самом деле все эти демонстрации являлись, прежде всего, результатом стихийного напора масс, результатом рвущегося на улицу возмущения масс против войны.

На самом деле роль партии состояла тут в оформлении и руководстве стихийно возникавшими выступлениями масс по линии революционных лозунгов большевиков.

На самом деле у большевиков не было, да и не могло быть в марте 1917 года готовой политической армии. Большевики лишь создавали такую армию (и создали ее, наконец, к октябрю 1917 года) в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь 1917 года, создавали ее и через апрельскую манифестацию, и через июньскую и июльскую демонстрации, и через выборы в районные и общегородские думы, и через борьбу с корниловщиной, и через завоевание Советов. Политическая армия не то, что армия военная. Если военное командование приступает к войне, имея в руках уже готовую армию, то партии приходится создавать свою армию в ходе самой борьбы, в ходе столкновений классов, по

мере того, как сами массы убеждаются на собственном опыте в правильности лозунгов партии, в правильности ее политики.

Конечно, каждая такая демонстрация давала вместе с тем известное освещение скрытых от глаз соотношений сил, известную разведку, но разведка являлась здесь не мотивом демонстрации, а ее естественным результатом.

Анализируя события перед восстанием в октябре и сравнивая их с событиями апреля — июля, Ленин говорит:

«Дело стоит именно не так, как перед 20—21 апреля, 9 июня, 3 июля, ибо тогда было *стихийное возбуждение*, которое мы, как партия, или не улавливали (20 апреля), или сдерживали и оформляли в мирную демонстрацию (9 июня и 3 июля). Ибо мы хорошо знали тогда, что Советы еще не наши, что крестьяне *еще верят* пути либердановско-черновскому, а не пути большевистскому (восстанию), что, следовательно, за нами большинства народа быть не может, что, следовательно, восстание преждевременно» (см. т. XXI, стр. 345).

Ясно, что на одной лишь «разведке» далеко не уедешь.

Дело, очевидно, не в «разведке», а в том, что:

1) партия за весь период подготовки Октября неуклонно опиралась в своей борьбе на стихийный подъем массового революционного движения;

2) опираясь на стихийный подъем, она сохраняла за собой безраздельное руководство движением;

3) такое руководство движением облегчало ей дело формирования массовой политической армии для Октябрьского восстания;

4) такая политика не могла не привести к тому, что вся подготовка Октября прошла под руководством одной партии, партии большевиков;

5) такая подготовка Октября, в свою очередь, привела к тому, что в результате Октябрьского восстания власть оказалась в руках одной партии, партии большевиков.

Итак, безраздельное руководство одной партии, пар-

тии коммунистов, как основной момент подготовки Октября, — такова характерная черта Октябрьской революции, такова первая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков победа диктатуры пролетариата в обстановке империализма была бы невозможна.

Этим выгодно отличается Октябрьская революция от революции 1871 года во Франции, где руководство революцией делили между собой две партии, из коих ни одна не может быть названа коммунистической партией.

Вторая особенность. Подготовка Октября проходила, таким образом, под руководством одной партии, партии большевиков. Но как велось партией это руководство, по какой линии оно проходило? Руководство это проходило по линии изоляции *соглашательских* партий, как наиболее опасных группировок в период развязки революции, по линии изоляции эсеров и меньшевиков.

В чем состоит основное стратегическое правило ленинизма?

Оно состоит в признании того, что:

1) наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются *соглашательские* партии;

2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий;

3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть ввиду этого направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся.

В период борьбы с царизмом, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905—1916) наиболее опасной социальной опорой царизма являлась либерально-монархическая партия, партия кадетов. Почему? Потому что она была партией *соглашательской*, партией *соглашения* между царизмом и большинством народа, т.е. крестьянством в целом. Естественно, что партия направляла тогда главные удары против кадетов, ибо, не изолировав кадетов, нельзя было рассчи-

тывать на *разрыв* крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, нельзя было рассчитывать на победу революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской стратегии и обвиняли большевиков в излишнем «кадетоедстве», утверждая, что борьба с кадетами «заслоняет» у большевиков борьбу с главным врагом — с царизмом. Но обвинения эти, будучи лишены почвы, изобличали прямое непонимание большевистской стратегии, требующей изоляции соглашательской партии для того, чтобы облегчить, приблизить победу над главным врагом.

Едва ли нужно доказывать, что без такой стратегии гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции была бы невозможна.

В период подготовки Октября центр тяжести борющихся сил переместился на новую плоскость. Не стало царя. Партия кадетов из силы соглашательской превратилась в силу правящую, в господствующую силу империализма. Борьба шла уже не между царизмом и народом, а между буржуазией и пролетариатом. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями соглашения между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на *разрыв* трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в «излишней ненависти» к эсерам и меньшевикам и в «забвении» ими главной цели.

Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции.

Характерной чертой этого периода является дальнейшее революционизирование трудящихся масс крестьянства, их разочарование в эсерах и меньшевиках, их

отход от этих партий, их поворот в сторону прямого сплочения вокруг пролетариата, как единственной до конца революционной силы, способной привести страну к миру. История этого периода есть история борьбы эсеров и меньшевиков, с одной стороны, и большевиков, с другой стороны, за трудящиеся массы крестьянства, за овладение этими массами. Судьбу этой борьбы решили коалиционный период, период керенщины, отказ эсеров и меньшевиков от конфискации помещичьей земли, борьба эсеров и меньшевиков за продолжение войны, июньское наступление на фронте, смертная казнь для солдат, корниловское восстание. И решили они эту судьбу исключительно в пользу большевистской стратегии. Ибо без изоляции эсеров и меньшевиков невозможно было свергнуть правительство империалистов, без свержения этого правительства невозможно было вырваться из войны. Политика изоляции эсеров и меньшевиков оказалась единственно правильной политикой.

Итак, изоляция партий меньшевиков и эсеров, как основная линия руководства делом подготовки Октября, — такова вторая особенность тактики большевиков.

Едва ли нужно доказывать, что без этой особенности тактики большевиков союз рабочего класса и трудящихся масс крестьянства повис бы в воздухе.

Характерно, что об этой особенности большевистской тактики Троцкий ничего, или почти ничего, не говорит в своих «Уроках Октября».

Третья особенность. Руководство партии делом подготовки Октября проходило, таким образом, по линии изоляции партий эсеров и меньшевиков, по линии отрыва от них широких масс рабочих и крестьян. Но как осуществлялась партией эта изоляция конкретно, в какой форме, под каким лозунгом? Она осуществлялась в форме революционного движения масс за власть Советов, под лозунгом «Вся власть Советам!», путем борьбы за превращение Советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности.

Почему большевики ухватились именно за Советы,

как за основной организационный рычаг, могущий облегчить дело изоляции меньшевиков и эсеров, способный двинуть вперед дело пролетарской революции и призванный подвести миллионные массы трудящихся к победе диктатуры пролетариата?

Что такое Советы?

«Советы, — говорил Ленин еще в сентябре 1917 г., — суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т.е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т.е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и *исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение...

Если бы народное творчество революционных клас-

сов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя» (см. т. XXI, стр. 258—259).

Вот почему ухватились большевики за Советы, как за основное организационное звено, могущее облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности.

Лозунг «Вся власть Советам!» с точки зрения его внутреннего развития прошел две стадии: первую (до июльского поражения большевиков, во время двоевластия) и вторую (после поражения корниловского восстания).

На первой стадии этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо Советы были тогда эсерово-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т.е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри Советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать Советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их провести на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускорял их изоляцию, их отрыв от масс. Июльское поражение большевиков прервало, однако, это развитие, дав перевес генерально-кадетской контрреволюции и отбросив эсерово-меньшевиков в объятия последней. Это обстоятельство вынудило партию снять временно лозунг «Вся власть Советам!» с тем, чтобы вновь выставить его в условиях нового подъема революции.

Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг «Вся власть Советам!» вновь стал на очереди. Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии. Его содержание изменилось коренным

образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо Советы в своем большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата.

Неоценимое значение тактики превращения Советов в органы государственной власти состояло в том, что она отрывала миллионные массы трудящихся от империализма, развенчивала партии меньшевиков и эсеров, как орудие империализма, и подводила эти массы, так сказать, прямым сообщением к диктатуре пролетариата.

Итак, политика превращения Советов в органы государственной власти, как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата, — такова третья особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Четвертая особенность. Картина была бы неполной, если бы мы не занялись вопросом о том, как и почему удавалось большевикам превратить свои партийные лозунги в лозунги для миллионных масс,двигающие вперед революцию, как и почему удавалось им убедить в правильности своей политики не только авангард и не только большинство рабочего класса, но и большинство народа.

Дело в том, что для победы революции, если эта революция является действительно народной, захватывающей миллионные массы, — недостаточно одной лишь правильности партийных лозунгов. Для победы революции требуется еще одно необходимое условие, а именно: чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов. Только тогда лозунги партии становятся лозунгами самих масс. Только тогда становится революция действительно народной революцией. Одна из особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября состоит в том, что она умела правильно определить те пути и повороты, которые естественно подводят массы к лозунгам партии, к

самому, так сказать, порогу революции, облегчая им, таким образом, ощутить, проверить, распознать на своем собственном опыте правильность этих лозунгов. Иначе говоря, одна из особенностей тактики большевиков состоит в том, что она не смешивает руководство партией с руководством массами, что она ясно видит разницу между руководством первого рода и руководством второго рода, что она является, таким образом, наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся.

Наглядным примером проявления этой особенности большевистской тактики является опыт с созывом и разгоном Учредительного собрания.

Известно, что большевики выдвинули лозунг Республики Советов еще в апреле 1917 года. Известно, что Учредительное собрание является буржуазным парламентом, в корне противоречащим основам Республики Советов. Как могло случиться, что большевики, идя к Республике Советов, требовали вместе с тем от Временного правительства немедленного созыва Учредительного собрания? Как могло случиться, что большевики не только приняли участие в выборах, но и созвали сами Учредительное собрание? Как могло случиться, что большевики допускали за месяц до восстания, при переходе от старого к новому, возможность временной комбинации Республики Советов и Учредительного собрания?

А «случилось» это потому, что:

1) идея Учредительного собрания была одной из самых популярных идей среди широких масс населения;

2) лозунг немедленного созыва Учредительного собрания облегчал разоблачение контрреволюционной природы Временного правительства;

3) чтобы развенчать в глазах народных масс идею Учредительного собрания, необходимо было подвести эти массы к стенам Учредительного собрания с их требованиями о земле, о мире, о власти Советов, столкнув их таким образом с действительным и живым Учредительным собранием;

4) только таким образом можно было облегчить мас-

сам убедиться на своем собственном опыте в контрреволюционности Учредительного собрания и в необходимости его разгона;

5) все это, естественно, предполагало возможность допущения временной комбинации Республики Советов и Учредительного собрания, как одного из средств изживания Учредительного собрания;

6) такая комбинация, если бы она осуществилась при условии перехода всей власти к Советам, могла означать лишь подчинение Учредительного собрания Советам, превращение его в придаток Советов, его безболезненное отмирание.

Едва ли нужно доказывать, что без такой политики большевиков разгон Учредительного собрания не прошел бы так гладко, а дальнейшие выступления эсеров и меньшевиков под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» не провалились бы с таким треском.

«Мы участвовали, — говорит Ленин, — в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное собрание, в сентябре — ноябре 1917 года. Верна была наша тактика или нет?.. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре — ноябре 1917 года больше, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели, ибо не в том ведь дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько готовы (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать (или допустить разгон) буржуазно-демократический парламент. Что в России в сентябре — ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократичного буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики не бойкотировали Учредительное собрание, а участвовали в выборах и до и после завоевания пролетариатом политической власти» (см. т. XXV, стр. 201—202).

Почему же они не бойкотировали Учредительное собрание? Потому, говорит Ленин, что:

«Даже за несколько недель до победы Советской республики, даже *после* такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность *доказать* отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, *облегчает* успех их разгона, *облегчает* «политическое изживание» буржуазного парламентаризма» (см. там же).

Характерно, что Троцкий не понимает этой особенности большевистской тактики, фыркая на «теорию» сочетания Учредительного собрания с Советами как на гильфердинговщину.

Он не понимает, что допущение такого сочетания при лозунге восстания и вероятной победе Советов, связанное с созывом Учредительного собрания, есть единственно революционная тактика, не имеющая ничего общего с гильфердинговской тактикой превращения Советов в придаток Учредительного собрания, что ошибка некоторых товарищей в этом вопросе не дает ему основания хулить совершенно правильную позицию Ленина и партии о «комбинированной государственности» при известных условиях (сравни т. XXI, стр. 338).

Он не понимает, что без своеобразной политики большевиков, взятой в связи с Учредительным собранием, им не удалось бы завоевать на свою сторону миллионные массы народа, не завоевав же этих масс, они не смогли бы превратить Октябрьское восстание в глубокую народную революцию.

Интересно, что Троцкий фыркает даже на слова «народ», «революционная демократия» и т.п., встречающиеся в статьях большевиков, считая их неприличными для марксиста.

Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, даже в сентябре 1917 года, за месяц до победы диктатуры пролетариата, писал о «необходимости немедленного перехода всей власти в руки революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом» (см. т. XXI, стр. 198).

Троцкий, очевидно, забывает, что Ленин, этот несомненный марксист, цитируя известное письмо Маркса к Кугельману (апрель 1871 года) о том, что слом бюро-

кратически-военного государственного аппарата является предварительным условием всякой действительно народной революции на континенте, пишет черным по белому следующие строки:

«Особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительно народной революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что, кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции, для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно...

В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. Разбить эту машину, сломать ее — таков действительный интерес «народа», большинства его рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование» (см. т. XXI, стр. 395—396).

Этих слов Ленина забывать нельзя.

Итак, умение убеждать массы на своем собственном опыте в правильности партийных лозунгов путем подвода этих масс к революционным позициям, как важнейшее условие завоевания на сторону партии миллионов трудящихся, — такова четвертая особенность тактики большевиков в период подготовки Октября.

Я думаю, что сказанного вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе характерные черты этой тактики.

IV

Октябрьская революция, как начало и предпосылка мировой революции

Несомненно, что универсальная теория одновременной победы революции в основных странах Европы, теория невозможности победы социализма в одной стране, оказалась искусственной, нежизнеспособной теорией. Семилетняя история пролетарской революции в России говорит не за, а против этой теории. Теория эта неприемлема не только как схема развития мировой революции, ибо она противоречит очевидным фактам. Она еще более неприемлема как лозунг, ибо она связывает, а не развязывает инициативу отдельных стран; получающих возможность, в силу известных исторических условий, к самостоятельному прорыву фронта капитала, ибо она дает стимул не к активному натиску на капитал со стороны отдельных стран, а к пассивному выжиданию момента «всеобщей развязки», ибо она культивирует среди пролетариев отдельных стран не дух революционной решимости, а дух гамлетовских сомнений насчет того, что «а вдруг другие не поддержат». Ленин совершенно прав, говоря, что победа пролетариата в одной стране является «типичным случаем», что «одновременная революция в ряде стран» может быть лишь «редким исключением» (см. т. XXIII, стр. 354).

Но ленинская теория революции не ограничивается, как известно, одной лишь этой стороной дела. Она есть вместе с тем теория развития мировой революции. Победа социализма в одной стране не есть самодовлеющая задача. Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата во всех странах. Ибо победа революции в одной стране, в данном случае в России, есть не только продукт неравномерного развития и прогрессирующего распада империализма. Она есть вместе с тем начало и предпосылка мировой революции.

Несомненно, что пути развития мировой революции не так просты, как это могло бы показаться раньше,

до победы революции в одной стране, до появления развитого империализма, являющегося «кануном социалистической революции». Ибо появился такой новый фактор, как действующий в условиях развитого империализма закон неравномерного развития капиталистических стран, говорящий о неизбежности военных столкновений, об общем ослаблении мирового фронта капитала и возможности победы социализма в отдельных странах. Ибо появился такой новый фактор, как огромная Советская страна, лежащая между Западом и Востоком, между центром финансовой эксплуатации мира и ареной колониального гнета, которая одним своим существованием революционизирует весь мир.

Все это такие факторы (я не говорю о других, менее важных факторах), которые не могут быть не учтены при изучении путей мировой революции.

Раньше думали обычно, что революция будет развиваться путем равномерного «вызревания» элементов социализма, прежде всего в более развитых, в «передовых», странах. Теперь это представление нуждается в существенных изменениях.

«Система международных отношений, — говорит Ленин, — сложилась теперь такая, что в Европе одно из государств поработщено государствами-победителями — это Германия. Затем ряд государств, и притом самых старых государств Запада, оказались в силу победы в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые, все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира».

«В то же время целый ряд стран: Восток, Индия, Китай и т.п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи.

Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому масштабу. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может не привести к кризису всего всемирного капитализма».

Ввиду этого и в связи с этим «западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму... не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплуатации одних государств другими, путем эксплуатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплуатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения» (см. т. XXVII, стр. 415—416).

Если к этому добавить тот факт, что не только побежденные страны и колонии эксплуатируются победившими странами, но и часть победивших стран попадает в орбиту финансовой эксплуатации наиболее могущественных стран-победительниц, Америки и Англии; что противоречия между всеми этими странами являются важнейшим фактором разложения мирового империализма; что, кроме этих противоречий, существуют еще и развиваются глубочайшие противоречия внутри каждой из этих стран; что все эти противоречия углубляются и обостряются фактом существования рядом с этими странами великой Республики Советов, — если все это принять во внимание, то картина своеобразия международного положения станет более или менее полной.

Вероятнее всего, что мировая революция будет развиваться путем революционного отпадения ряда новых стран от системы империалистических государств при поддержке пролетариев этих стран со стороны пролетариата империалистических государств. Мы видим, что первая отпавшая страна, первая победившая страна уже поддерживается рабочими и трудящимися массами других стран. Без этой поддержки она не могла бы продержаться. Несомненно, что поддержка эта будет усиливаться и нарастать. Но несомненно также и то, что само развитие мировой революции, самый процесс отпадения от империализма ряда новых стран будет происхо-

доть тем скорее и основательнее, чем основательнее будет укрепляться социализм в первой победившей стране, чем скорее будет превращаться эта страна в базу дальнейшего развертывания мировой революции, в рычаг дальнейшего разложения империализма.

Если верно положение, что окончательная победа социализма в первой освободившейся стране невозможна без общих усилий пролетариев нескольких стран, то столь же верно и то, что мировая революция будет развертываться тем скорее и основательнее, чем действительнее будет помощь первой социалистической страны рабочим и трудящимся массам всех остальных стран.

В чем должна выражаться эта помощь?

Она должна выражаться, во-первых, в том, чтобы победившая страна «проводила максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*» (см. Ленин, т. XIII, стр. 385).

Она должна выражаться, во-вторых, в том, чтобы «победивший пролетариат» одной страны, «экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал... *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (см. Ленин, т. XVIII, стр. 232—233).

Характерная особенность этой помощи со стороны победившей страны состоит не только в том, что она ускоряет победу пролетариев других стран, но также и в том, что, облегчая эту победу, она тем самым обеспечивает *окончательную* победу социализма в первой победившей стране.

Вероятнее всего, что в ходе развития мировой революции, наряду с очагами империализма в отдельных капиталистических странах и с системой этих стран во всем мире, создадутся очаги социализма в отдельных советских странах и система этих очагов во всем мире,

причем борьба между этими двумя системами будет наполнять историю развертывания мировой революции.

Ибо, — говорит Ленин, — «невозможно свободное объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами» (см. там же).

Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания.

Не правы поэтому не только те, которые, забывая о международном характере Октябрьской революции, объявляют победу революции в одной стране чисто национальным и только национальным явлением. Не правы также и те, которые, помня о международном характере Октябрьской революции, склонны рассматривать эту революцию как нечто пассивное, призванное лишь принять поддержку извне. На самом деле не только Октябрьская революция нуждается в поддержке со стороны революции других стран, но и революция этих стран нуждается в поддержке со стороны Октябрьской революции для того, чтобы ускорить и двинуть вперед дело свержения мирового империализма.

17 декабря 1924 г.

ДИАЛЕКТИКА ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ

Из доклада на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии»

7 декабря 1926 года

Товарищи! Раньше чем перейти к существу вопроса, позвольте сделать несколько предварительных замечаний.

1. Противоречия внутрипартийного развития

Первый вопрос — это вопрос о борьбе внутри нашей партии, о борьбе, которая не вчера началась и которая не прекращается.

Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения в виде группы большевиков в 1903 году и проследить ее последующие этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри этой партии, история преодоления этих противоречий и постепенного укрепления нашей партии на основе преодоления этих противоречий. Можно подумать, что русские люди слишком драчливы, любят дискутировать, плодят разногласия, и потому развитие партии идет у них через преодоление внутрипартийных противоречий. Это неверно, товарищи. Дело тут не в драчливости. Дело тут в наличии принципиальных разногласий, возникающих в ходе развития партии, в ходе классовой борьбы пролетариата. Дело тут в том, что противоречия можно преодолеть лишь путем борьбы за те или иные принципы, за те или иные цели борьбы, за те или иные методы борьбы, ведущей к цели. Можно и нужно идти на всякие соглашения с инакомыслящими внутри партии по вопросам текущей политики, по вопросам чисто практического характера. Но если вопросы эти связаны с принципиальными разногласиями, то никакое соглашение, никакая «средняя» линия не может спасти дело. Нет и не может быть «средней» линии в вопросах принципиального характера. Либо одни, либо другие принципы должны быть положены в основу работы партии. «Средняя» линия по вопросам принципиальным есть «линия» засорения голов, «линия» затушевывания разногласий, «линия» идейного перерождения, «линия» идейной смерти партии.

Как живут и развиваются нынче социал-демократические партии на Западе? Есть ли у них противоречия внутри партии, принципиальные разногласия? Конечно, есть. Вскрывают ли они эти противоречия и стараются ли их преодолеть честно и открыто на глазах у пар-

тийных масс? Нет. Конечно, нет! Практика социал-демократии состоит в том, чтобы превращать свои конференции и съезды в пустой маскарад парадного благополучия, старательно скрывая и замазывая внутренние разногласия. Но из этого ничего, кроме засорения голов и идейного обнищания партии, не может получиться. В этом одна из причин падения западноевропейской социал-демократии, когда-то революционной, а ныне реформистской.

Но мы так не можем жить и развиваться, товарищи. Политика «средней» принципиальной линии не есть наша политика. Политика «средней» принципиальной линии есть политика увядающих и перерождающихся партий. Такая политика не может не вести к превращению партии в пустой бюрократический аппарат, вращающийся на холостом ходу и оторванный от рабочих масс. Этот путь не есть наш путь.

Все прошлое нашей партии является подтверждением того положения, что история нашей партии есть история преодоления внутрипартийных противоречий и неуклонного укрепления рядов нашей партии на основе этого преодоления.

Возьмем первый период, период «Искры», или период II съезда нашей партии, когда впервые появились разногласия внутри нашей партии между большевиками и меньшевиками и когда верхушка нашей партии распалась, в конце концов, на две части: на часть большевистскую (Ленин) и часть меньшевистскую (Плеханов, Аксельрод, Мартов, Засулич, Потресов). Ленин был тогда в единственном числе. Если бы вы знали, сколько было тогда криков и воплей о «незаменимых», отошедших от Ленина! Однако практика борьбы и история партии показали, что это расхождение являлось необходимым этапом для зарождения и развития действительно революционной и действительно марксистской партии. Практика борьбы показала тогда, что, во-первых, дело не в количестве, а в качестве, и, во-вторых, дело не в формальном единстве, а в том, чтобы единство имело принципиальную основу. История показала, что Ленин был прав, а «незаменимые» были не правы. История показала, что без преодоления этих противоре-

чий между Лениным и «незаменимыми» мы не имели бы настоящей революционной партии.

Возьмем следующий период, период кануна революции 1905 года, когда большевики и меньшевики стояли друг против друга все еще внутри одной партии, как два лагеря с двумя совершенно различными платформами, когда большевики стояли на пороге формального раскола партии и когда они для отстаивания линии нашей революции были вынуждены созвать свой особый съезд (III съезд). Чем взяла тогда верх большевистская часть партии, чем она завоевала симпатии большинства партии? Тем, что она не замазывала принципиальных разногласий и боролась за преодоление этих разногласий путем изоляции меньшевиков.

Я мог бы сослаться далее на третью стадию развития нашей партии, на период после поражения революции 1905 года, на период 1907 года, когда одна часть большевиков, так называемые отзовисты, во главе с Богдановым, отошла от большевизма. Это был критический период в жизни нашей партии. Это был тот период, когда целый ряд большевиков из старой гвардии покинули Ленина и его партию. Меньшевики кричали тогда о гибели большевиков. Однако большевизм не погиб, и практика борьбы за какие-нибудь полтора года показала, что Ленин и его партия были правы, ведя борьбу за преодоление противоречий внутри рядов большевизма. Эти противоречия были преодолены не путем их замазывания, а путем их вскрытия и путем борьбы ко благу и выгоде нашей партии.

Я мог бы сослаться дальше на четвертый период в истории нашей партии, на период 1911—1912 годов, когда большевики восстановили разбитую было царской реакцией партию и изгнали вон ликвидаторов. И тут, как и в предыдущие периоды, большевики шли к восстановлению и укреплению партии не через замазывание принципиальных разногласий с ликвидаторами, а через их вскрытие и преодоление.

Я мог бы указать затем на пятую стадию в развитии нашей партии, на период перед Октябрьской революцией 1917 года, когда одна часть большевиков во главе с известными лидерами большевистской партии колеб-

нулась и не захотела идти на Октябрьское восстание, считая его авантюрой. Известно, что и это противоречие было преодолено большевиками не путем замазывания разногласий, а путем открытой борьбы за Октябрьскую революцию. Практика борьбы показала, что без преодоления этих разногласий мы могли бы поставить Октябрьскую революцию в критическое положение.

Я мог бы указать, наконец, на дальнейшие периоды развития нашей внутрипартийной борьбы, на период Брестского мира, период 1921 года (профсоюзная дискуссия) и остальные периоды, которые вам известны и о которых я не буду здесь распространяться. Известно, что во все эти периоды, как и в прошлом, наша партия росла и крепла через преодоление внутренних противоречий.

Что же из этого получается?

Выходит, что ВКП(б) росла и крепла через преодоление внутрипартийных противоречий.

Выходит, что преодоление внутрипартийных разногласий путем борьбы является законом развития нашей партии.

Могут сказать, что это — закон для ВКП(б), а не для других пролетарских партий. Это неверно. Этот закон является законом развития для всех сколько-нибудь больших партий, все равно, идет ли речь о пролетарской партии СССР или о пролетарских партиях на Западе. Если можно в маленькой партии маленькой страны так или иначе замазать разногласия, покрыв их авторитетом одного или нескольких лиц, то в большой партии большой страны развитие через преодоление противоречий является неминуемым элементом роста и укрепления партии. Так шло дело в прошлом. Так идет дело в настоящем.

Я хотел бы тут сослаться на авторитет Энгельса, который руководил вместе с Марксом пролетарскими партиями на Западе не один десяток лет. Дело идет о восьмидесятих годах прошлого столетия, когда в Германии царил исключительный закон против социалистов, Маркс и Энгельс находились в Лондоне в эмиграции, а заграничный нелегальный орган германской социал-демократии «Социал-демократ» направлял на

деле работу германской социал-демократии. Бернштейн был тогда революционным марксистом (он не успел еще переключиться к реформистам). Энгельс находился с ним в оживленной переписке по самым злободневным вопросам политики германской социал-демократии. Вот что он писал тогда Бернштейну (1882 г.):

«По-видимому, всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития вообще. Германская партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, где даже сама драка играла важную роль. Объединение стало возможным лишь тогда, когда шайка прохвостов, специально выращенная Лассалем, чтобы служить его орудием, уже изжила себя, да и тогда наши чересчур поспешно пошли на это объединение. Во Франции те люди, которые, хотя и пожертвовали бакунистской теорией, но продолжают пользоваться бакунистскими средствами борьбы и в то же время хотят принести классовый характер движения в жертву своим особым целям, тоже должны сначала изжить себя, прежде чем опять станет возможным объединение. Проповедовать при таких обстоятельствах объединение было бы чистой глупостью. Моральные проповеди не помогут против детских болезней, которые при нынешних обстоятельствах неизбежны» (см. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. 1, стр. 324—325).

Ибо, говорит Энгельс в другом месте (1885 г.):

«Противоречия никогда не могут быть затушеваны надолго, они решаются борьбой» (см. там же, стр. 371).

Вот чем, прежде всего, нужно объяснить наличие противоречий внутри нашей партии и развитие нашей партии через преодоление этих противоречий путем борьбы.

2. Источники противоречий внутри партии

Но откуда берутся эти противоречия и разногласия, где их источник?

Я думаю, что источники противоречий внутри пролетарских партий кроются в двух обстоятельствах.

Что это за обстоятельства?

Это, во-первых, давление буржуазии и буржуазной идеологии на пролетариат и его партию в обстановке борьбы классов, — давление, которому нередко поддаются наименее устойчивые слои пролетариата, а значит — и наименее устойчивые слои пролетарской партии. Нельзя считать, что пролетариат является совершенно изолированным от общества, стоящим вне общества. Пролетариат является частью общества, связанной с его разнообразными слоями многочисленными нитями. Но партия есть часть пролетариата. Поэтому и партия не может быть свободной от связей и влияния разнообразных слоев буржуазного общества. Давление буржуазии и ее идеологии на пролетариат и его партию выражается в том, что буржуазные идеи, нравы, обычаи, настроения нередко проникают в пролетариат и его партию через известные слои пролетариата, так или иначе связанные с буржуазным обществом.

Это, во-вторых, разнородность рабочего класса, наличие разных слоев внутри рабочего класса. Я думаю, что пролетариат, как класс, можно было бы разделить на три слоя.

Один слой — это основная масса пролетариата, его ядро, его постоянная часть, это та масса «чистокровных» пролетариев, которая давно уже порвала связи с классом капиталистов. Этот слой пролетариата является наиболее надежной опорой марксизма.

Второй слой — это недавние выходцы из непролетарских классов, из крестьянства, из мещанских рядов, из интеллигенции. Это выходцы из других классов, недавно только влившиеся в состав пролетариата и внесшие в рабочий класс свои навыки, свои привычки, свои колебания, свои шатания. Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для всяких анархистских, полуанархистских и «ультралевых» группировок.

Наконец, третий слой — это рабочая аристократия, верхушка рабочего класса, наиболее обеспеченная часть пролетариата с ее стремлением к компромиссам с буржуазией, с ее преобладающим настроением приспособления к сильному миру, с ее настроением «выйти в лю-

ди». Этот слой представляет наиболее благоприятную почву для откровенных реформистов и оппортунистов.

Несмотря на внешнюю разницу, эти последние два слоя рабочего класса представляют более или менее общую среду, питающую оппортунизм вообще, оппортунизм открытый, поскольку берут верх настроения рабочей аристократии, и оппортунизм, прикрытый «левой» фразой, поскольку берут верх настроения не вполне порвавших еще с мелкобуржуазной средой полумещанских слоев рабочего класса. Тот факт, что «ультралевые» настроения сплошь и рядом совпадают с настроением открытого оппортунизма, — этот факт не представляет ничего удивительного. Ленин говорил не раз, что «ультралевая» оппозиция есть изнанка правой, меньшевистской, откровенной оппортунистической оппозиции. И это совершенно правильно. Если «ультралевый» стоит за революцию только потому, что он ждет завтра же победы революции, то ясно, что он должен впасть в отчаяние и разочароваться в революции, если произойдет заминка революции, если революция не победит завтра же.

Естественно, что при каждом повороте в развитии классовой борьбы, при каждом обострении борьбы и усилении трудностей разница во взглядах, в навыках и в настроениях различных слоев пролетариата должна неминуемо сказаться в виде известных разногласий в партии, а давление буржуазии и ее идеологии неминуемо должно обострить эти разногласия, дав им выход в виде борьбы внутри пролетарской партии.

Таковы источники внутрипартийных противоречий и разногласий.

Можно ли уйти от этих противоречий и разногласий? Нет, нельзя. Думать, что можно уйти от этих противоречий, — это значит обманывать себя. Энгельс был прав, когда говорил, что замазывать противоречия внутри партии надолго невозможно, что эти противоречия решаются борьбой.

Это не значит, что партия должна быть превращена в дискуссионный клуб. Наоборот, пролетарская партия есть и должна остаться боевой организацией пролетариата. Я хочу лишь сказать, что нельзя отмахиваться и

закрывать глаза на разногласия внутри партии, если эти разногласия имеют принципиальный характер. Я хочу лишь сказать, что только путем борьбы за принципиальную марксистскую линию можно будет уберечь пролетарскую партию от давления и влияния буржуазии. Я хочу лишь сказать, что только путем преодоления внутрипартийных противоречий можно будет добиться оздоровления и укрепления партии.

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ

Из речи на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ

20 марта 1927 года

Основная линия, по которой должна пойти наша индустрия, основная линия, которая должна определять все ее дальнейшие шаги, — это есть линия систематического снижения себестоимости промышленной продукции, линия систематического снижения отпускных цен на промышленные товары. Это та столбовая дорога, по которой должна идти наша индустрия, если она хочет развиваться, если она хочет крепнуть, если она хочет вести за собой сельское хозяйство, если она хочет укреплять и расширять фундамент нашей социалистической экономики.

Откуда взялась эта линия?

В чем состоят причины, определяющие необходимость и целесообразность такой линии?

Линия эта определяется, по крайней мере, четырьмя основными причинами.

Первая причина состоит в том, что промышленность, базирующаяся на высоких ценах, не есть и не может быть настоящей промышленностью, ибо такая промышленность должна неизбежно выродиться в тепличное растение, которое не имеет и не может иметь жизнеспособности. Только промышленность, систематически снижающая цены на товары, только промышленность, базирующаяся на систематическом снижении себестоимости продукции, только промышлен-

ность, систематически улучшающая, стало быть, свое производство, технику и организацию труда, методы и формы управления хозяйством, — только такая промышленность нужна нам, ибо только она может развиваться вперед и только она может дать пролетариату полную победу.

Вторая причина состоит в том, что наша промышленность базируется на внутреннем рынке. Мы не можем и не имеем возможности конкурировать с капиталистами на заграничном рынке. Внутренний рынок является для нашей промышленности основным ее рынком. Но из этого следует, что наша промышленность может развиваться и крепнуть лишь в той мере, в какой будет развиваться и расширяться наш внутренний рынок, емкость этого рынка, массовый спрос на промышленные товары. А чем определяется расширение нашего внутреннего рынка, усиление его емкости? Оно определяется, между прочим, систематическим снижением цен на промышленные товары, т.е. той самой основной линией развития нашей промышленности, о которой я говорил выше.

Третья причина состоит в том, что без снижения цен на промышленные товары, без систематического удешевления промышленных товаров немислимо сохранить те условия, которые необходимы для дальнейшего подъема заработной платы рабочих. Во-первых, рабочие сами являются потребителями промышленных товаров, ввиду чего снижение цен на эти товары не может не иметь серьезного значения для сохранения и повышения реальной заработной платы. Во-вторых, снижение цен на промышленные товары определяет стабильность цен на сельскохозяйственные продукты, потребляемые в городах главным образом рабочими, что также не может не иметь серьезнейшего значения для сохранения и повышения реальной заработной платы рабочих. Может ли наше социалистическое государство не повышать систематически заработной платы рабочих? Нет, не может. Но из этого следует, что систематическое снижение цен на промышленные товары является одной из необходимейших предпосылок для поступательного повышения уровня жизни рабочего класса.

Наконец, четвертая причина состоит в том, что без снижения цен на промышленные товары мы не можем сохранить ту смычку между пролетариатом и крестьянством, между индустрией и крестьянским хозяйством, которая составляет базу диктатуры пролетариата в нашей стране. Вы знаете, что крестьянин переплачивает на промышленных товарах, на мануфактуре, на машинах и т.д. Вы знаете, что это обстоятельство вызывает серьезное недовольство среди крестьянства и затрудняет рост сельского хозяйства. А что из этого вытекает? А из этого вытекает лишь то, что мы должны проводить политику систематического снижения цен на промышленные товары, если мы действительно хотим сохранить смычку, сохранить союз рабочего класса и крестьянства и развить дальше сельское хозяйство.

Но что требуется для того, чтобы сделать возможной и вполне осуществимой политику снижения себестоимости промышленной продукции и отпускных цен на товары? Для этого необходимы коренное улучшение техники производства, коренное улучшение организации труда на предприятиях, коренное улучшение и упрощение всего хозяйственного аппарата, решительная борьба с бюрократизмом хозяйственного аппарата. Все это называется у нас социалистической рационализацией производства и управления хозяйством. Наша промышленность вступила в такую фазу развития, когда серьезный рост производительности труда и систематическое снижение себестоимости промышленной продукции становятся невозможными без применения новой, лучшей техники, без применения новой, лучшей организации труда, без упрощения и удешевления нашего хозяйственного аппарата. Все это необходимо нам не только для того, чтобы поднять производительность труда и снижать цены на промышленные товары, но и для того, чтобы добытые на этой основе сбережения обратить на дальнейшее развитие и расширение нашей индустрии. Вот для чего нужна нам социалистическая рационализация производства и управления хозяйством.

Получается, таким образом, цепь: развивать дальше индустрию мы не можем, не снижая систематически себестоимость промышленной продукции и отпускные

цены на товары, а снижать цены на промышленные товары невозможно без применения новой техники, новых форм организации труда, новых, упрощенных способов управления хозяйством. Отсюда вопрос о социалистической рационализации производства и управления хозяйством как один из решающих вопросов современности.

Вот почему я думаю, что недавнее постановление ЦК нашей партии о рационализации производства и управления хозяйством является одним из важнейших постановлений нашей партии, определяющим нашу промышленную политику на ближайший период.

Говорят, что рационализация требует некоторых временных жертв со стороны некоторых групп рабочих, в том числе и молодежи. Это верно, товарищи.

История нашей революции говорит, что ни один крупный шаг не обходился у нас без некоторых жертв со стороны отдельных групп рабочего класса в интересах всего класса рабочих нашей страны. Взять хотя бы гражданскую войну, хотя нынешние незначительные жертвы не идут ни в какое сравнение с теми серьезными жертвами, которые имели место у нас в период гражданской войны. Вы видите, что те жертвы уже окупаются у нас теперь с лихвой.

Едва ли нужно доказывать, что нынешние незначительные жертвы окупятся в ближайшем будущем с избытком. Вот почему я думаю, что мы не должны останавливаться перед некоторыми незначительными жертвами в интересах рабочего класса в целом.

О ЛИЧНОМ МОМЕНТЕ И О «ЗАВЕЩАНИИ» ЛЕНИНА

Из речи на объединенном пленуме
ЦК и ЦКК ВКП(б)

23 октября 1927 года

Прежде всего о личном моменте. Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт,

что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина. Что ж, пусть ругаются на здоровье.

Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина. Кому не известно, что оппозиция во главе с Троцким во время Августовского блока вела еще более хулиганскую травлю против Ленина. Послушайте, например, Троцкого:

«Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении» (см. «Письмо Троцкого Чхеидзе» в апреле 1913 г.).

Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи. Это пишет Троцкий. И пишет он о Ленине.

Можно ли удивляться тому, что Троцкий, так бесцеремонно третирующий великого Ленина, сапога которого он не стоит, ругает теперь почему зря одного из многих учеников Ленина — тов. Сталина.

Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, что было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушать партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности.

Теперь о «завещании» Ленина. Здесь кричали оппозиционеры, — вы слышали это, — что Центральный Комитет партии «скрыл» «завещание» Ленина. Несколько раз этот вопрос у нас на пленуме ЦК и ЦКК обсуждался, вы это знаете. Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает, что «завещание» Ленина было адресовано на имя XIII съезда партии, что оно, это «завещание», было оглашено на съезде, что съезд решил *единогласно* не опубликовывать его, между прочим, потому, что Ленин сам этого не хотел и не требовал. Все это известно оппозиции не хуже, чем всем нам. И тем

не менее, оппозиция имеет смелость заявлять, что ЦК «скрывает» «завещание».

Вопрос о «завещании» Ленина стоял у нас — если не ошибаюсь — еще в 1924 году. Существует некий Истмен, бывший американский коммунист, которого изгнали потом из партии. Этот господин, потолкавшись в Москве среди троцкистов, набравшись некоторых слухов и сплетен насчет «завещания» Ленина, уехал за границу и издал книгу под заглавием «После смерти Ленина», где он не щадит красок для того, чтобы очернить партию, Центральный Комитет и Советскую власть, и где все строит на том, что ЦК нашей партии «скрывает» будто бы «завещание» Ленина. Так как этот Истмен находился одно время в связях с Троцким, то мы, члены Политбюро, обратились к Троцкому с предложением отмежеваться от Истмена, который, цепляясь за Троцкого и ссылаясь на оппозицию, делает Троцкого ответственным за клевету на нашу партию насчет «завещания». Ввиду очевидности вопроса, Троцкий действительно отмежевался от Истмена, дав соответствующее заявление в печати. Оно опубликовано в сентябре 1925 года в №16 «Большевика».

Позвольте прочесть это место из статьи Троцкого насчет того, что скрывают ли партия и ее ЦК «завещание» Ленина или не скрывают. Цитирую статью Троцкого:

«В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК партии «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого «завещания» и пр.); *это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии* (курсив мой. — И. Ст.). Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собой разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до све-

дения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. *Всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича* (курсив мой. — И. Ст.) и интересов созданной им партии» (см. статью Троцкого «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина», «Большевик» №16, 1 сентября 1925 г., стр. 68).

Кажется, ясно? Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК «скрывают» «завещание» Ленина? Блудить языком «можно», но надо же знать меру.

Говорят, что в этом «завещании» тов. Ленин предлагал съезду ввиду «грубости» Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем. Это совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил пленум ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и

Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал и не имею права убегать, ибо это было бы дезертирством. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и, когда партия обязывает, я должен подчиниться.

Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту.

Что же я мог еще сделать?

Что касается опубликования «завещания», то съезд решил его не опубликовывать, так как оно было адресовано на имя съезда и не было предназначено для печати.

У нас имеется решение пленума ЦК и ЦКК в 1926 году, о том, чтобы испросить разрешение у XV съезда на напечатание этого документа. У нас имеется решение того же пленума ЦК и ЦКК о напечатании других писем Ленина, где Ленин отмечает ошибки Каменева и Зиновьева перед Октябрьским восстанием и требует их исключения из партии.

Ясно, что разговоры о том, что партия прячет эти документы, являются гнусной клеветой. Сюда относятся и такие документы, как письма Ленина о необходимости исключения из партии Зиновьева и Каменева. Не бывало никогда, чтобы большевистская партия, чтобы ЦК большевистской партии боялись правды. Сила большевистской партии именно в том и состоит, что она не боится правды и смотрит ей прямо в глаза.

Оппозиция старается козырять «завещанием» Ленина. Но стоит только прочесть это «завещание», чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, «завещание» Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции.

В самом деле, это факт, что Ленин в своем «завещании» обвиняет Троцкого в «небольшевизме», а насчет ошибки Каменева и Зиновьева во время Октября говорит, что эта ошибка не является «случайностью». Что это значит? А это значит, что *политически* нельзя доверять ни Троцкому, который страдает «небольшевизмом», ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются

«случайностью» и которые могут и должны повториться.

Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в «завещании» насчет ошибок Сталина. Говорится там только о грубости Сталина. Но грубость не есть и не может быть недостатком *политической* линии или позиции Сталина.

Вот соответствующее место из «завещания»:

«Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому».

Кажется, ясно.

О НЕДОСТАТКАХ В ПАРТИИ

Из Политического отчета ЦК ВКП(б)
XV съезду партии

3 декабря 1927 года

У нас нередко решаются вопросы не только на местах, но и в центре, так сказать, в семейном порядке, домашним образом. Иван Иванович, член руководящей верхушки такой-то организации, допустил, скажем, грубейшую ошибку и испортил дело. Но Иван Федорович его не хочет критиковать, выявлять его ошибки, исправлять его ошибки. Не хочет, так как не имеет желания «нажить себе врагов». Допустили ошибку, испортили дело — эка важность! А кто из нас не ошибается? Сегодня я его, Ивана Федоровича, пощажу. Завтра он меня, Ивана Ивановича, пощадит. Ибо какая есть гарантия, что я также не ошибусь? Чинно и хорошо. Мир и благоволение. Говорят, что запущенная ошибка есть порча нашего великого дела? Ничего! Авось как-либо выедем на кривой.

Вот, товарищи, обычные рассуждения некоторых наших ответственных работников.

Но что это значит? Ежели мы, большевики, которые

критикуют весь мир, которые, говоря словами Маркса, штурмуют небо, если мы ради спокойствия тех или иных товарищей откажемся от самокритики, — то разве не ясно, что ничего, кроме гибели нашего великого дела, не может из этого получиться?

Маркс говорил, что пролетарская революция тем, между прочим, и отличается от всякой другой революции, что она сама себя критикует и, критикуя себя, укрепляется. Это очень важное указание Маркса. Если мы, представители пролетарской революции, будем закрывать глаза на наши недочеты, будем разрешать вопросы семейным порядком, замалчивая взаимно свои ошибки и загоняя болячки вовнутрь нашего партийного организма, то кто же будет исправлять эти ошибки, эти недочеты?

Разве не ясно, что мы перестанем быть пролетарскими революционерами и мы наверняка погибнем, ежели не вытравим из своей среды эту обывательщину, эту семейственность в решении важнейших вопросов нашего строительства?

Разве не ясно, что, отказываясь от честной и прямой самокритики, отказываясь от честного и открытого исправления своих ошибок, мы закрываем себе дорогу для продвижения вперед, для улучшения нашего дела, для новых успехов нашего дела?

Ведь наше развитие идет не в порядке плавного, огульного подъема вверх. Нет, товарищи, у нас есть классы, у нас есть противоречия внутри страны, у нас есть прошлое, у нас есть настоящее и будущее, у нас есть противоречия между ними, и мы не можем продвигаться вперед в порядке плавного покачивания на волнах жизни. Наше продвижение протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий.

Никогда не будем мы в силах, пока есть классы, иметь такое состояние, когда можно будет сказать: ну,

слава богу, теперь все хорошо. Никогда этого не будет у нас, товарищи.

Всегда у нас что-либо отмирает в жизни. Но то, что отмирает, не хочет умирать просто, а борется за свое существование, отстаивает свое отжившее дело.

Всегда у нас рождается что-либо новое в жизни. Но то, что рождается, рождается не просто, а питит, кричит, отстаивая свое право на существование.

Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся — вот основа нашего развития. Не отмечая и не выявляя открыто и честно, как это подобает большевикам, недочеты и ошибки в нашей работе, мы закрываем себе дорогу вперед. Ну а мы хотим двигаться вперед. И именно потому, что мы хотим двигаться вперед, мы должны поставить одной из своих важнейших задач честную и революционную самокритику. Без этого нет движения вперед. Без этого нет развития.

Но именно по этой линии у нас все еще хромает дело. Более того, достаточно некоторых успехов, чтобы забыли о недостатках, успокоились и зазнались. Два-три больших успеха — и уже море по колено. Еще два-три больших успеха — и уже зазнались: «шапками закидаем»! Но ошибки остаются, недочеты живут, болячки загоняются вовнутрь нашего партийного организма, и партия начинает болеть.

Второй недостаток. Он состоит в перенесении метода администрирования в партию, в замене метода убеждения, имеющего решающее значение в партии, методом администрирования. Этот недостаток представляет не менее значительную опасность, чем первый недостаток. Почему? Потому что он создает опасность превращения наших партийных организаций, являющихся организациями самостоятельными, в пустые канцелярские учреждения. Если считать, что у нас имеется не менее 60 тыс. наиболее активных работников, разбросанных по всяким хозяйственным, кооперативным и государственным учреждениям и борющихся там с бюрократизмом, то надо признать, что часть из них, борясь с бюрократизмом в этих учреждениях, иногда сама заражается бюрократизмом и привносит его в партийную органи-

зацию. И это не вина, товарищи, а беда наша, ибо, пока есть государство, этот процесс будет продолжаться в большей или меньшей степени. И именно потому, что этот процесс имеет некоторые корни в жизни, именно поэтому необходимо нам вооружиться для борьбы с этим недостатком, поднимая активность партийных масс, вовлекая их в решение вопросов нашего партийного руководства, насаждая систематически внутрипартийную демократию и не допуская замены метода убеждения в нашей партийной практике методом администрирования.

Третий недостаток. Состоит он, этот недостаток, в желании ряда наших товарищей плыть по течению, плавно и спокойно, без перспектив, без заглядывания в будущее, так, чтобы кругом чувствовалось праздничное и торжественное настроение, чтобы каждый день были у нас торжественные заседания, да чтобы везде были аплодисменты, и чтобы каждый из нас попадал по очереди в почетные члены всяких президиумов.

Вот это безудержное желание видеть везде праздничное настроение, эта тяга к декорациям, ко всяким юбилеям, нужным и ненужным, это желание плыть, куда плывется, не оглядываясь, куда же это нас несет, — все это и составляет существо третьего недостатка нашей партийной практики, основу наших недочетов в нашем партийном быту.

Видали ли вы гребцов, гребущих честно, в поте лица, но не видящих того, куда их несет течение? Я видал таких гребцов на Енисее. Это — честные и неутомимые гребцы. Но беда их состоит в том, что они не видят и не хотят видеть того, что их может прибить волной к скале, где им грозит гибель.

То же самое бывает с некоторыми нашими товарищами. Гребут честно не покладая рук, плывут плавно, отдаваясь течению, а куда их несет, не только не знают, но даже не хотят знать. Работа без перспектив, работа без руля и без ветрил — вот к чему приводит желание плыть обязательно по течению.

А результаты? Результаты ясные: сначала они обкладываются плесенью, потом они становятся серенькими, потом их засасывает тина обывательщины, а потом они превращаются в заурядных обывателей. Это и есть путь действительного перерождения.

Вот, товарищи, некоторые недостатки в нашей партийной практике и в нашем партийном быту, о которых я хотел сказать вам несколько горьких слов.

О САМОКРИТИКЕ

Из доклада на активе
Московской организации ВКП(б)

13 апреля 1928 года

Я знаю, что в рядах партии имеются люди, недолюбливающие критику вообще, самокритику в особенности. Эти люди, которых я мог бы назвать «лакированными» коммунистами, то и дело ворчат, отмахиваясь от самокритики: дескать, опять эта проклятая самокритика, опять выворачивание наших недостатков, — нельзя ли дать нам пожить спокойно? Ясно, что эти «лакированные» коммунисты не имеют ничего общего с духом нашей партии, с духом большевизма. Так вот, в связи с наличием таких настроений у людей, встречающих самокритику далеко не с энтузиазмом, позволюсь спросить: нужна ли нам самокритика, откуда она взялась и какая от нее польза?

Я думаю, товарищи, что самокритика нужна нам, как воздух, как вода. Я думаю, что без нее, без самокритики, наша партия не могла бы двигаться вперед, она не могла бы вскрывать наши язвы, она не могла бы ликвидировать наши недостатки. А недостатков у нас много. Это надо признать открыто и честно.

Лозунг самокритики нельзя считать новым лозунгом. Он лежит в самой основе большевистской партии. Он лежит в основе режима диктатуры пролетариата. Если наша страна является страной диктатуры пролетариата, а диктатурой руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не может делить

власть с другими партиями, то разве не ясно, что мы сами должны вскрывать и исправлять наши ошибки, если хотим двигаться вперед, разве не ясно, что их некому больше вскрывать и исправлять? Не ясно ли, товарищи, что самокритика должна быть одной из серьезнейших сил, двигающих вперед наше развитие?

Лозунг самокритики получил особо сильное развитие после XV съезда нашей партии. Почему? Потому что после XV съезда, ликвидировавшего оппозицию, создалась новая обстановка в партии, с которой мы не можем не считаться.

В чем состоит новизна обстановки? В том, что у нас нет или почти нет больше оппозиции, в том, что ввиду легкой победы над оппозицией, которая (т.е. победа) сама по себе представляет серьезнейший плюс для партии, в партии может создаться опасность почить на лаврах, предаться покою и закрыть глаза на недостатки нашей работы.

Легкая победа над оппозицией есть величайший плюс для нашей партии. Но она таит в себе свои особые минусы, состоящие в том, что партия может проникнуться чувством самодовольства, чувством самовлюбленности и почить на лаврах. А что значит почить на лаврах? Это значит поставить крест над нашим движением вперед. А для того чтобы этого не случилось, нам нужна самокритика — не та критика, злобная и, по сути дела, контрреволюционная, которую проводила оппозиция, — а критика честная, открытая, большевистская самокритика.

XV съезд нашей партии учел это обстоятельство, дав лозунг самокритики. С тех пор волна самокритики нарастает, накладывая свою печать и на работу апрельского пленума ЦК и ЦКК.

Странно было бы бояться того, что враги наши, враги внутренние, так же как и враги внешние, используют критику наших недостатков, подняв шум: ага, у них, у большевиков, не все обстоит благополучно. Странно было бы бояться всего этого нам, большевикам. Сила большевизма в том именно и состоит, что он не боится признать свои ошибки. Пусть партия, пусть больше-

вики, пусть все честные рабочие и трудящиеся элементы нашей страны вскрывают недостатки нашей работы, недостатки нашего строительства, пусть намечают пути ликвидации наших недостатков для того, чтобы в нашей работе и в нашем строительстве не было застойности, болота, гниения, для того, чтобы вся наша работа, все наше строительство улучшалось изо дня в день и шло от успехов к успехам. В этом теперь главное. А там пусть враги наши болтают о наших недостатках — такие пустяки не могут, не должны смущать большевиков.

Наконец, есть еще одно обстоятельство, толкающее нас к самокритике. Я имею в виду вопрос о массах и вождях. За последнее время у нас стали создаваться некоторые своеобразные отношения между вождями и массами. С одной стороны, у нас выделилась, исторически создалась группа руководителей, авторитет которых поднимается все выше и выше и которая становится почти что недостижимой для масс. С другой стороны, массы рабочего класса прежде всего, массы трудящихся вообще поднимаются вверх чрезвычайно медленно, они начинают смотреть на вождей снизу вверх, зажав глаза, и нередко боятся критиковать своих вождей.

Конечно, тот факт, что у нас создалась группа руководителей, поднявшихся слишком высоко и имеющих большой авторитет, — этот факт является сам по себе большим достижением нашей партии. Ясно, что без наличия такой авторитетной группы руководителей руководить большой страной немыслимо. Но тот факт, что вожди, идя вверх, отдаляются от масс, а массы начинают смотреть на них снизу вверх, не решаясь их критиковать, — этот факт не может не создавать известной опасности отрыва вождей от масс и отдаления масс от вождей.

Опасность эта может привести к тому, что вожди могут зазнаться и признать себя непогрешимыми. А что может быть хорошего в том, что руководящие верхи зазнаются и начнут смотреть на массы сверху вниз? Ясно, что ничего, кроме гибели для партии, не может выйти из этого. Ну а мы хотим двигаться вперед и улучшать свою работу, а не губить партию. И именно для того,

чтобы двигаться вперед и улучшать отношения между массами и вождями, надо держать все время открытым клапан самокритики, надо дать советским людям возможность «крыть» своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы вожди не зазнавались, а массы не отдалялись от вождей.

Иногда смешивают вопрос о массах и вождях с вопросом о выдвижении. Это неправильно, товарищи. Речь идет не о выдвижении новых вождей, хотя это дело заслуживает серьезнейшего внимания партии. Речь идет о том, чтобы сохранить уже выдвинувшихся и авторитетнейших вождей, организовав постоянный и нерушимый контакт между ними и массами. Речь идет о том, чтобы организовать в порядке самокритики и критики наших недостатков широкое общественное мнение партии, широкое общественное мнение рабочего класса, как живой и бдительный моральный контроль, к голосу которого должны внимательно прислушиваться авторитетнейшие вожди, если они хотят сохранить за собой доверие партии, доверие рабочего класса.

В этом смысле значение печати, нашей партийно-советской печати поистине неопределимо. В этом смысле нельзя не приветствовать инициативу «Правды» в деле организации «Листка Рабоче-Крестьянской Инспекции», ведущего систематическую критику недостатков нашей работы. Необходимо только постараться, чтобы критика была серьезной и глубокой, а не скользила по поверхности. В этом смысле следует также приветствовать инициативу «Комсомольской правды», буйно и задорно атакующей недостатки нашей работы.

Иногда ругают критиков за несовершенство их критики, за то, что критика оказывается иногда правильной не на все 100 процентов. Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не во всем правильна, начинают ее поносить, хулить.

Это неправильно, товарищи. Это опасное заблуждение. Попробуйте только выставить такое требование, и вы закроете рот сотням и тысячам рабочих, рабкоров, селькоров, желающих исправить наши недостатки, но

не умеющих иногда правильно формулировать свои мысли. Это была бы могила, а не самокритика.

Вы должны знать, что рабочие иногда побаиваются сказать правду о недостатках нашей работы. Побоятся не только потому, что им может «влететь» за это, но и потому, что их могут «засмеять» за несовершенную критику. Где же простому рабочему или простому крестьянину, чувствующему недостатки нашей работы и нашего планирования на своей собственной спине, где же им обосновать по всем правилам искусства свою критику? Если вы будете требовать от них правильной критики на все 100 процентов, вы уничтожите этим возможность всякой критики снизу, возможность всякой самокритики. Вот почему я думаю, что если критика содержит хотя бы 5—10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно. В противном случае, повторяю, вам пришлось бы закрыть рот всем тем сотням и тысячам преданных делу Советов людей, которые недостаточно еще искушены в своей критической работе, но устами которых говорит сама правда.

И именно для того, чтобы не тушить самокритику, а развить ее, именно для этого необходимо внимательно выслушивать всякую критику советских людей, если она даже является иногда не вполне и не во всех своих частях правильной. Только при этих условиях могут получить массы уверенность, что им не «влетит» за несовершенную критику и что их не «засмеют» за некоторые ошибки их критики. Только при этом условии самокритика может получить действительно массовый характер и действительно массовый отклик.

Само собой понятно, что речь идет здесь не о «всякой» критике. Критика контрреволюционера является тоже критикой. Но она ставит своей целью развенчание Советской власти, подрыв нашей промышленности, развал нашей партийной работы. Ясно, что речь идет у нас не о такой критике. Я говорю не о такой критике, а о критике, идущей от советских людей, критике, ставящей своей целью улучшение органов Советской власти, улучшение нашей промышленности, улучшение нашей

партийной и профсоюзной работы. Критика нужна нам для укрепления Советской власти, а не для ее ослабления. И именно для того, чтобы укрепить и улучшить наше дело, именно для этого партия провозглашает лозунг критики и самокритики.

Чего мы ждем, прежде всего, от лозунга самокритики, какие он может дать нам результаты, если он будет проведен правильно и честно? Он должен дать по крайней мере два результата. Он должен, во-первых, поднять бдительность рабочего класса, обострить его внимание к нашим недостаткам, облегчить исправление этих недостатков и сделать невозможными всякого рода «неожиданности» в нашей строительной работе. Он должен, во-вторых, поднять политическую культурность рабочего класса, развить в нем чувство хозяина страны и облегчить обучение рабочего класса делу управления страной.

Обратили ли вы внимание на то, что не только шахтинское дело, но и заготовительный кризис к январю 1928 года явились для многих из нас «неожиданностью»? Особенно характерно в этом отношении шахтинское дело. Пять лет работала контрреволюционная группа буржуазных спецов, получая директивы от анти-советских организаций международного капитала. Пять лет писались и рассылались нашими организациями всякого рода резолюции и постановления. Дело угольной промышленности у нас, конечно, шло все-таки вверх, так как советская система хозяйства до того жизненна и могуча, что она все же брала верх, несмотря на наше головотяпство и наши ошибки, несмотря на подрывную работу спецов. Пять лет эта контрреволюционная группа спецов совершала вредительство в нашей промышленности, взрывая котлы, разрушая турбины и т.д. А мы сидели как ни в чем не бывало. И «вдруг», как снег на голову, — шахтинское дело.

Нормально ли это, товарищи? Я думаю, что более чем ненормально. Сидеть у руля и глядеть, чтобы ничего не видеть, пока обстоятельства не уткнут нас носом в какое-либо бедствие, — это еще не значит руководить. Большевизм не так понимает руководство. Чтобы руко-

водить, надо предвидеть. А предвидеть, товарищи, не всегда легко.

Одно дело, когда десяток-другой руководящих товарищей глядит и замечает недостатки в нашей работе, а рабочие массы не хотят или не могут ни глядеть, ни замечать недостатков. Тут есть все шансы на то, что наверняка проглядишь, не все заметишь. Другое дело, когда вместе с десятком-другим руководящих товарищей глядят и замечают недостатки в нашей работе сотни тысяч и миллионы рабочих, вскрывая наши ошибки, впрягаясь в общее дело строительства и намечая пути для улучшения дела. Тут больше будет поруки в том, что неожиданностей не будет, что отрицательные явления будут вовремя замечены и вовремя будут приняты меры для ликвидации этих явлений.

Нам нужно поставить дело так, чтобы бдительность рабочего класса развивалась, а не заглушалась, чтобы сотни тысяч и миллионы рабочих впрягались в общее дело социалистического строительства, чтобы сотни тысяч и миллионы рабочих и крестьян, а не только десяток руководителей, глядели в оба на ход нашего строительства, отмечали наши ошибки и выносили их на свет божий. Только при этом условии не будет у нас «неожиданностей». Но для того чтобы добиться этого, нам нужно развить критику наших недостатков снизу, нам нужно сделать критику массовой, нам нужно воспринять и провести в жизнь лозунг самокритики.

Наконец, о подъеме культурных сил рабочего класса, о выработке у него навыков к управлению страной в связи с проведением лозунга самокритики. Ленин говорил:

«Главное, чего нам не хватает, — культурности, умения управлять... Экономически и политически НЭП вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики. Дело «только» в культурных силах пролетариата и его авангарда».

Что это значит? Это значит, что одной из основных задач нашего строительства является выработка в рабочем классе навыков и умения управлять страной, управлять хозяйством, управлять промышленностью. Можно

ли выработать в рабочем классе эти навыки и это умение, не развязав сил и способностей рабочих, сил и способностей лучших людей рабочего класса критиковать наши ошибки, отмечать наши недостатки и двигать вперед нашу работу? Ясно, что нельзя.

А что требуется для того, чтобы развязать силы и способности рабочего класса и вообще трудящихся и дать им возможность приобрести навыки к управлению страной? Для этого требуется, прежде всего, честное и большевистское проведение лозунга критики снизу недостатков и ошибок нашей работы. Если рабочие используют возможность открыто и прямо критиковать недостатки в работе, улучшать нашу работу и двигать ее вперед, то что это значит? Это значит, что рабочие становятся активными участниками в деле руководства страной, хозяйством, промышленностью. А это не может не поднять у рабочих чувство хозяина в стране, их активность, их бдительность, их культурность.

Вопрос о культурных силах рабочего класса является одним из решающих вопросов. Почему? Потому что из всех существовавших до сих пор господствующих классов рабочий класс, как господствующий класс, занимает в истории несколько особое и не вполне благоприятное положение. Все господствовавшие до сих пор классы — рабовладельцы, помещики, капиталисты — были вместе с тем классами богатыми. Они имели возможность обучать своих детей знаниям и навыкам, необходимым для управления. Рабочий класс отличается от них, между прочим, тем, что он является классом небогатым, он не имел раньше возможности обучать своих детей знаниям и навыкам управления и он получил такую возможность только теперь, после прихода к власти.

В этом, между прочим, и состоит острота вопроса о культурной революции у нас. Правда, за десять лет своего господства рабочий класс СССР успел в этом отношении гораздо больше, чем помещики и капиталисты за сотни лет. Но международная и внутренняя обстановка такова, что достигнутых результатов далеко еще недостаточно. Поэтому всякое средство, могущее под-

нять уровень развития культурных сил рабочего класса, всякое средство, могущее облегчить дело выработки навыков и умения в рабочем классе управлять страной, промышленностью, — всякое такое средство должно быть использовано нами до дна.

Но из сказанного следует, что лозунг самокритики является одним из важнейших средств в деле развития культурных сил пролетариата, в деле выработки в рабочем классе навыков к управлению. Отсюда вытекает еще одно основание, говорящее за то, что проведение в жизнь лозунга самокритики является жизненной нашей задачей.

Таковы в общем основания, диктующие нам лозунг самокритики, как лозунг дня.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ЗАЗНАВШЕЙСЯ ПАРТИИ

Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 года

Товарищи! Обычно принято на съездах говорить о достижениях. Нет сомнений, что у нас достижения имеются. Они, эти достижения, конечно, не малы, и скрывать их незачем. Но, товарищи, у нас в последнее время стали говорить о достижениях так много и иногда так приторно, что теряется всякая охота повторять сказанное. Поэтому разрешите мне нарушить общий порядок и сказать вам несколько слов не о достижениях наших, а о наших слабостях и о наших задачах в связи с этими слабостями.

Я имею в виду, товарищи, задачи, охватывающие вопросы нашего внутреннего строительства.

Задачи эти касаются трех вопросов: вопроса о линии нашей политической работы, вопроса о поднятии активности широких народных масс вообще, рабочего класса в особенности, и борьбы с бюрократизмом и, наконец, вопроса о выработке новых кадров нашего хозяйственного строительства.

Крепите боевую готовность рабочего класса

Начнем с первого вопроса. Характерная черта переживаемого момента состоит в том, что мы строим вот уже пять лет в условиях мирного развития. Я говорю о мирном развитии не только в смысле отсутствия войны с внешними врагами, но и в смысле отсутствия элементов гражданской войны внутри страны. Это и называется у нас условиями мирного развития нашего строительства.

Вы знаете, что мы воевали три года с капиталистами всего света для того, чтобы завоевать эти условия мирного развития. Вы знаете, что мы эти условия завоевали, и мы считаем это величайшим нашим достижением. Но, товарищи, всякое завоевание, в том числе и это завоевание, имеет и свои отрицательные стороны. Условия мирного строительства не прошли даром для нас. Они наложили свой отпечаток на нашу работу, на наших работников, на их психологию. За эти пять лет мы шли плавно вперед, как на рельсах. В связи с этим создалось у ряда работников настроение о том, что все пойдет как по маслу, что мы сидим чуть ли не на экстренном поезде и двигаемся по рельсам прямо без пересадки к социализму.

На этой почве выросла теория «самотека», теория «авось — небось», теория о том, что «все образуется» само собой, что у нас нет классов, враги наши успокоились и все пойдет у нас, как по-писаному. Отсюда некоторая тяга к инертности, к спячке. Вот эта психология спячки, эта психология «самотека» в работе, — она и составляет отрицательную сторону периода мирного развития.

В чем состоит опасность таких настроений? В том, что они засоряют глаза рабочему классу, не дают ему разглядеть своих врагов, усыпляют его хвастливыми речами о слабости наших врагов и подрывают его боевую готовность.

Нельзя утешать себя тем, что в партии у нас милли-

он членов, в комсомоле — два миллиона, в профсоюзах — десять миллионов, что этим все обеспечено для окончательной победы над врагами. Неверно это, товарищи. История говорит, что самые большие армии гибли от того, что они зазнавались, слишком много верили в свои силы, слишком мало считались с силой врагов, отдавались спячке, теряли боевую готовность и в критическую минуту оказывались застигнутыми врасплох.

Самая большая партия может быть застигнута врасплох, самая большая партия может погибнуть, если она не учтет уроков истории, если она не будет ковать изо дня в день боевую готовность своего класса. Быть застигнутым врасплох, это — опаснейшее дело, товарищи. Быть застигнутыми врасплох, это — значит стать жертвой «неожиданностей», жертвой паники перед врагом. А паника ведет к распаду, к поражению, к гибели.

Я мог бы рассказать вам о многих примерах из жизни наших армий во время гражданской войны, когда маленькие отряды разбивали в прах большие войсковые соединения, если эти войсковые соединения не имели достаточной боевой готовности. Я мог бы рассказать вам о том, как в 1920 году три конные дивизии, имевшие не менее 5 тысяч сабель, были разбиты и обращены в беспорядочное бегство одним пехотным батальоном только лишь потому, что конные дивизии, застигнутые врасплох, были охвачены паникой перед врагом, которого они не знали, который был до крайности малочислен и которого можно было бы распушить одним ударом, если бы эти дивизии не находились в состоянии спячки, а потом — паники, растерянности.

То же самое надо сказать о нашей партии, о нашем комсомоле, о наших профсоюзах, о наших силах вообще. Неверно, что у нас уже нет классовых врагов, что они побиты и ликвидированы. Нет, товарищи, наши классовые враги существуют. И не только существуют, но растут, пытаясь выступить против Советской власти.

Об этом говорят наши заготовительные затруднения зимой этого года, когда капиталистические элементы

деревни попытались подорвать политику Советской власти.

Об этом говорит шахтинское дело, являющееся выражением совместного выступления международного капитала и буржуазии в нашей стране против Советской власти.

Об этом говорят многочисленные факты из области внутренней и внешней политики, которые вам известны и о которых не стоит здесь распространяться.

Молчать об этих врагах рабочего класса нельзя. Преуменьшать силы классовых врагов рабочего класса — преступно. Молчать обо всем этом нельзя особенно теперь, в период нашего мирного развития, когда теория спячки и «самотека», подрывающая боевую готовность рабочего класса, имеет под собой некоторую благоприятную почву.

Громадное воспитательное значение заготовительного кризиса и шахтинского дела состоит в том, что они встряхнули все наши организации, подорвали теорию «самотека» и лишний раз подчеркнули наличие классовых врагов, которые существуют, которые не дремлют и против которых необходимо крепить силы рабочего класса, его бдительность, его революционность, его боевую готовность.

Отсюда очередная задача партии, политическая линия ее повседневной работы: *поднимать боевую готовность рабочего класса против его классовых врагов.*

Нельзя не отметить, что настоящий съезд комсомола, особенно же «Комсомольская правда», подошли теперь ближе чем когда бы то ни было, к этой задаче. Вы знаете, что в речах ораторов, так же как и в статьях «Комсомольской правды», отмечается важность этой задачи. Это очень хорошо, товарищи. Необходимо только, чтобы задачу эту не считали временной и скоропреходящей задачей, ибо задача усиления боевой готовности пролетариата является той задачей, которая должна проникать всю нашу работу, пока есть классы в нашей стране и пока мы имеем капиталистическое окружение.

II

Организуйте массовую критику снизу

Второй вопрос касается задачи борьбы с бюрократизмом, задачи организации массовой критики наших недостатков, задачи организации массового контроля снизу.

Одним из жесточайших врагов нашего продвижения вперед является бюрократизм. Он живет во всех наших организациях — и в партийных, и в комсомольских, и в профессиональных, и в хозяйственных. Когда говорят о бюрократах, обычно указывают пальцем на старых беспартийных чиновников, изображаемых у нас обычно в карикатурах в виде людей в очках. Это не вполне правильно, товарищи. Если бы дело шло только о старых бюрократах, борьба с бюрократизмом была бы самым легким делом. Беда в том, что дело не в старых бюрократах. Дело, товарищи, в новых бюрократах, дело в бюрократах, сочувствующих Советской власти, наконец, дело в бюрократах из коммунистов. Коммунист-бюрократ — самый опасный тип бюрократа. Почему? Потому что он маскирует свой бюрократизм званием члена партии. А таких коммунистических бюрократов у нас, к сожалению, немало.

Возьмите наши партийные организации. Вы, должно быть, читали о смоленском деле, об артемовском деле и т.д. Что же, это — случайность? Чем объясняются эти позорные факты разложения и развала нравов в некоторых звеньях наших партийных организаций? Тем, что монополию партии довели до абсурда, заглушили голос низов, уничтожили внутрипартийную демократию, насадили бюрократизм. Как бороться против этого зла? Я думаю, что никаких других средств против этого зла, кроме организации контроля партийных масс снизу, кроме насаждения внутрипартийной демократии, нет и не может быть. Что можно возразить против того, чтобы поднять ярость партийных масс против этих разложившихся элементов и дать им возможность

гнать в шею такие элементы? Едва ли можно что-либо возразить против этого.

Или, например, взять комсомол. Вы, конечно, не будете отрицать, что кое-где в комсомоле имеются совершенно разложившиеся элементы, беспощадная борьба с которыми абсолютно необходима. Но оставим в стороне разложившихся. Возьмем последний факт беспринципной групповой борьбы внутри комсомола вокруг лиц, борьбы, отравляющей атмосферу в комсомоле. Чем объяснить, что «косаревцев» и «соболевцев» в комсомоле сколько угодно, а марксистов приходится искать со свечой в руках? О чем говорит этот факт, как не о том, что в некоторых звеньях верхушки комсомола происходит процесс бюрократического заострения?

А профсоюзы? Кто будет отрицать, что бюрократизм в профсоюзах хоть отбавляй? У нас есть производственные совещания на предприятиях. У нас имеются временные контрольные комиссии при профсоюзах. Задача этих организаций состоит в том, чтобы будить массы, вскрывать наши недостатки и намечать пути улучшения нашего строительства. Почему эти организации не развиваются у нас? Почему в них не кипит жизнь? Не ясно ли, что бюрократизм в профсоюзах плюс бюрократизм в парторганизациях не дают развиваться этим важнейшим организациям рабочего класса?

Наконец, наши хозяйственные организации. Кто будет отрицать, что наши хозяйственные органы не страдают отсутствием бюрократизма? Возьмите хотя бы шахтинское дело. Разве шахтинское дело не говорит о том, что наши хозяйственные органы не идут вперед, а ползут, волочатся?

Как положить конец бюрократизму во всех этих организациях?

Для этого есть только один-единственный путь — организация контроля снизу, организация критики миллионов масс рабочего класса против бюрократизма наших учреждений, против их недостатков, против их ошибок.

Я знаю, что, поднимая ярость трудящихся масс против бюрократических извращений наших организаций,

приходится иногда задевать некоторых наших товарищей, имеющих в прошлом заслуги, но страдающих теперь бюрократической болезнью. Но неужели это может остановить нашу работу по организации контроля снизу? Я думаю, что не может и не должно. За старые заслуги следует поклониться им в пояс, а за новые ошибки и бюрократизм можно было бы дать им по хребту. А как же иначе? Почему бы этого не сделать, если этого требуют интересы дела?

Говорят о критике сверху, о критике со стороны РКИ, со стороны ЦК нашей партии и т.д. Все это, конечно, хорошо. Но этого далеко еще не достаточно. Более того, главное теперь вовсе не в этом. Главное теперь состоит в том, чтобы поднять широчайшую волну критики снизу против бюрократизма вообще, против недостатков нашей работы — в особенности. Только организуя двойной пресс и сверху и снизу, только перемещая центр тяжести на критику снизу, можно будет рассчитывать на успешную борьбу и искоренение бюрократизма.

Было бы ошибочно думать, что опытом строительства обладают лишь руководители. Это неверно, товарищи. Миллионные массы рабочих, строящие нашу промышленность, накапливают изо дня в день громадный опыт строительства, который ценен для нас ничуть не меньше, чем опыт руководителей. Массовая критика снизу, контроль снизу нужны нам, между прочим, для того, чтобы этот опыт миллионов масс не пропал даром, чтобы он учитывался и претворялся в жизнь.

Отсюда очередная задача партии: *беспощадная борьба с бюрократизмом, организация массовой критики снизу, учет этой критики в практических решениях о ликвидации наших недостатков.*

Нельзя сказать, чтобы комсомол, и особенно «Комсомольская правда», не учитывали важности этой задачи. Недостаток тут состоит в том, что часто выполнение этой задачи не доводится до конца. А чтобы довести его до конца, нужно учитывать не только критику, но и результаты критики, но и те улучшения, которые вводятся в жизнь в результате критики.

III

Молодежь должна овладеть наукой

Третья задача касается вопроса об организации новых кадров социалистического строительства.

Перед нами, товарищи, стоят величайшие задачи переустройства всего нашего народного хозяйства. В области сельского хозяйства мы должны заложить фундамент крупного объединенного общественного хозяйства. Из сегодняшнего обращения тов. Молотова вам должно быть известно, что Советская власть ставит труднейшую задачу объединения мелких, распыленных крестьянских хозяйств в коллективы и создания новых крупных советских хозяйств по хлебу. Это такие задачи, без разрешения которых невозможно серьезное и быстрое продвижение вперед.

Если в индустрии Советская власть опирается на самое крупное и концентрированное производство, то в сельском хозяйстве она опирается на самое распыленное и мелкое крестьянское хозяйство, которое является полутоварным и которое дает гораздо меньше товарного хлеба, чем довоенное хозяйство, несмотря на достижение довоенных норм посевных площадей. В этом — основа всяких возможных затруднений в области хлебозаготовок в будущем. Чтобы выйти из такого положения, надо взяться вплотную за организацию крупного общественного производства в сельском хозяйстве. Но чтобы организовать крупное хозяйство, надо знать науку о сельском хозяйстве. А чтобы знать — надо учиться. Людей же, знающих науку о сельском хозяйстве, у нас до безобразия мало. Отсюда задача создания новых, молодых кадров строителей нового, общественного сельского хозяйства.

В области промышленности дело обстоит у нас много лучше. Но и здесь недостаток новых кадров строителей тормозит наше продвижение вперед. Достаточно вспомнить о шахтинском деле, чтобы понять всю остроту вопроса о новых кадрах строителей социалистической индустрии. Конечно, у нас есть старые специалисты по строительству, промышленности. Но, во-пер-

вых, их мало у нас, во-вторых, не все они хотят строить новую промышленность, в-третьих, многие из них не понимают новых задач строительства, в-четвертых, значительная часть из них уже состарилась и выходит в тираж. Чтобы двинуть дело вперед, надо создать ускоренным темпом новые кадры специалистов из людей рабочего класса, из коммунистов, из комсомольцев.

Охотников строить и руководить строительством у нас хоть отбавляй как в области сельского хозяйства, так и в области промышленности. А людей, умеющих строить и руководить, у нас до безобразия мало. И наоборот, невежества у нас в этой области тьма-тьмушая. Более того, у нас есть люди, которые готовы воспевать нашу некультурность. Если ты неграмотен или пишешь неправильно и кичишься своей отсталостью, — ты рабочий «от станка», тебе почет и уважение. Если ты вылез из некультурности, научился грамоте, овладел наукой, — ты чужой, «оторвался» от масс, перестал быть рабочим.

Я думаю, что мы не двинемся вперед ни на шаг, пока не вытравим этого варварства и дикости, этого варварского отношения к науке и людям культурным. Рабочий класс не может стать настоящим хозяином страны, если он не сумеет выбраться из некультурности, если он не сумеет создать своей собственной интеллигенции, если он не овладеет наукой и не сумеет управлять хозяйством на основе науки.

Нужно понять, товарищи, что условия борьбы теперь иные, чем в период гражданской войны. В период гражданской войны можно было брать позиции врага напором, храбростью, удачью, кавалерийским наскоком. Теперь, в условиях хозяйственного строительства, кавалерийским наскоком можно лишь испортить дело. Храбрость и удачь нужны теперь так же, как и раньше. Но на одной лишь храбрости и удали далеко не уедешь. Чтобы побить теперь врага, надо уметь строить промышленность, сельское хозяйство, транспорт, торговлю, надо отказаться от барского и высокомерного отношения к торговле.

Чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой. А чтобы знать, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо.

Учиться у всех — и у врагов и у друзей, особенно у врагов. Учиться, стиснув зубы, не боясь, что враги будут смеяться над нами, над нашим невежеством, над нашей отсталостью.

Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии.

Нам нельзя теперь ограничиваться выработкой коммунистических кадров вообще, большевистских кадров вообще, умеющих поболтать обо всем понемножку. Дилетантство и всезнайство — теперь оковы для нас. Нам нужны теперь большевики — специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и т.д. и т.п. Нам нужны теперь целые группы, сотни и тысячи новых кадров из большевиков, могущих быть хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знаний. Без этого нечего и говорить о быстром темпе социалистического строительства нашей страны. Без этого нечего и говорить о том, что мы сумеем догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков — специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом — такова теперь задача.

Массовый поход революционной молодежи за науку, — вот что нужно теперь, товарищи.

ДВЕ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА

Из Политического отчета ЦК ВКП(б)
XVI съезду партии

27 июня 1930 года

В чем причина того, что СССР, несмотря на ее культурную отсталость, несмотря на недостаток капиталов, несмотря на недостаток технически подкован-

ных хозяйственных кадров, находится в состоянии растущего экономического *подъема* и имеет на фронте экономического строительства решающие успехи, а передовые капиталистические страны, несмотря на обилие капиталов, обилие технических кадров и более высокий уровень культурности, находятся в состоянии растущего экономического *кризиса* и терпят в области хозяйственного развития *поражение за поражением*?

Причина — в различии экономических систем хозяйства у нас и у капиталистов.

Причина — в *несостоятельности* капиталистической системы хозяйства.

Причина — в *преимуществах* советской системы хозяйства перед системой капиталистической.

Что такое советская система хозяйства?

Советская система хозяйства означает, что:

1) власть класса капиталистов и помещиков свергнута и заменена властью рабочего класса и трудового крестьянства;

2) орудия и средства производства, земля, фабрики, заводы и т.д. отобраны у капиталистов и переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства;

3) развитие производства подчинено не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне;

5) систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует трудящихся от кризисов перепроизводства, роста безработицы и нищеты;

6) рабочий класс и трудовое крестьянство являются хозяевами страны, работающими не на капиталистов, а на свой трудовой народ.

Что такое капиталистическая система хозяйства? Капиталистическая система хозяйства означает, что:

1) власть в стране принадлежит капиталистам;
2) орудия и средства производства сосредоточены в руках эксплуататоров;

3) производство подчинено не принципу улучшения материального положения трудящихся масс, а принципу обеспечения высокой капиталистической прибыли;

4) распределение народного дохода происходит не в интересах улучшения материального положения трудящихся, а в интересах обеспечения максимума прибылей эксплуататоров;

5) капиталистическая рационализация и быстрый рост производства, имеющие своей целью обеспечение высоких прибылей капиталистов, наталкиваются, как на преграду, на нищенское положение и *снижение* материальной обеспеченности миллионных масс трудящихся, не всегда имеющих возможность удовлетворить свои потребности даже в пределах крайнего минимума, что неизбежно создает почву для неминуемых кризисов перепроизводства, роста безработицы, нищеты масс;

6) рабочий класс и трудовые крестьяне являются эксплуатируемыми, работающими не на себя, а на чужой класс, на класс эксплуататоров.

Таковы преимущества *советской* системы хозяйства перед системой капиталистической.

Таковы преимущества *социалистической* организации хозяйства перед организацией *капиталистической*.

Вот где причина того, что у нас, в СССР, имеется растущий экономический подъем, а у них, у капиталистов, растущий экономический кризис.

Вот где причина того, что у нас, в СССР, рост потребления (покупательной способности) масс все время обгоняет рост производства, толкая его вперед, а у них, у капиталистов, наоборот, рост потребления масс (покупательной способности) никогда не поспевает за ро-

том производства и все время отстает от него, то и дело обрекая производство на кризисы.

Вот где причина того, что у них, у капиталистов, считается вполне нормальным уничтожать во время кризисов «избыток» товаров и сжигать «излишек» сельскохозяйственных продуктов, чтобы поддержать высокие цены и обеспечить высокие прибыли, тогда как у нас, в СССР, виновников таких преступлений отправили бы в дом умалишенных.

Вот где причина того, что там, у капиталистов, рабочие бастуют и демонстрируют, организуя революционную борьбу против существующей капиталистической власти, тогда как у нас, в СССР, мы имеем картину великого трудового соревнования миллионов рабочих и крестьян, готовых грудью отстоять Советскую власть.

Вот где причина устойчивости и прочности внутреннего положения СССР, неустойчивости и шаткости внутреннего положения капиталистических стран.

Нужно признать, что система хозяйства, не знающая, куда девать «излишки» своего производства, и вынужденная их сжигать в момент, когда в массах царят нужда и безработица, голод и разорение, — такая система хозяйства сама произносит над собой смертный приговор.

Последние годы были периодом испытания на практике, периодом экзамена двух противоположных систем хозяйства, советской и капиталистической. За эти годы пророчеств о «гибели» и «крахе» советской системы было более чем достаточно. Разговоров и песнопений о «процветании» капитализма — еще больше. И что же? Эти годы лишний раз показали, что капиталистическая система хозяйства является системой *несостоятельной*, что советская система хозяйства обладает такими *преимуществами*, о которых не смеет мечтать ни одно буржуазное государство, будь оно самое «демократическое», «общенародное» и т.д.

В своей речи на конференции РКП(б) в мае 1921 года Ленин говорил:

«Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной

политикой. Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения. Это достигнуто. Замолчать, скрыть капиталисты ничего не могут, они больше всего ловят поэтому наши хозяйственные ошибки и нашу слабость. На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно» (т. XXVI, стр. 410—411).

Я И ТАК ДОСТАТОЧНО НАГРАЖДЕН

Письмо тов. И. Н. Бажанову

Уважаемый тов. И. Н. Бажанов!

Письмо Ваше о переуступке мне второго Вашего ордена в награду за мою работу получил.

Очень благодарен Вам за теплое слово и товарищеский подарок. Я знаю, чего Вы лишаете себя в пользу меня и ценю Ваши чувства.

Тем не менее я не могу принять Ваш второй орден. Не могу и не должен принять не только потому, что он может принадлежать только Вам, так как только Вы заслужили его, но и потому, что я и так достаточно награжден вниманием и уважением товарищей и — стало быть — не имею права грабить Вас.

Ордена созданы не для тех, которые и так известны, а, главным образом, — для таких людей-героев, которые мало известны и которых надо сделать известными всем.

Кроме того, должен Вам сказать, что у меня уже есть два ордена. Это больше чем нужно, — уверяю Вас.

Извиняюсь за поздний ответ.

С ком. приветом *И. Сталин*.

Р. С. Возвращаю орден по принадлежности.

И. Сталин

16 февраля 1933 г.

СОЦИАЛИЗМ И РАВЕНСТВО

Из Отчетного доклада о работе ЦК ВКП(б)
XVII съезду партии

26 января 1934 года

Партию нельзя рассматривать, как нечто оторванное от окружающих людей. Она живет и подвизается внутри окружающей ее среды. Неудивительно, что в партию проникают нередко извне нездоровые настроения. А почва для таких настроений несомненно имеется в нашей стране хотя бы потому, что у нас все еще существуют некоторые промежуточные слои населения как в городе, так и в деревне, представляющие питательную среду для таких настроений.

XVII конференция нашей партии сказала, что одна из основных политических задач при осуществлении второй пятилетки состоит в «преодолении пережитков капитализма в экономике и сознании людей». Это совершенно правильная мысль. Но можно ли сказать, что мы уже преодолели все пережитки капитализма в экономике? Нет, нельзя этого сказать. Тем более нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР и против которого мы, большевики, должны все время держать порох сухим.

Понятно, что эти пережитки не могут не являться благоприятной почвой для оживления идеологии разбитых антиленинских групп в головах отдельных членов нашей партии. Добавьте к этому не очень высокий теоретический уровень большинства членов нашей партии, слабую идеологическую работу партийных органов, загруженность наших партийных работников чисто практической работой, отнимающей у них возможность пополнить свой теоретический багаж, — и вы

поймете, откуда берется та путаница по ряду вопросов ленинизма в головах отдельных членов партии, которая нередко проникает в нашу печать и которая облегчает дело оживления остатков идеологии разбитых антиленинских групп.

Вот почему нельзя говорить, что борьба кончена и нет больше необходимости в политике наступления социализма.

Можно было бы взять ряд вопросов ленинизма и продемонстрировать на них, насколько еще живучи среди некоторых членов партии остатки идеологии разбитых антиленинских групп.

Взять, например, вопрос о построении *бесклассового социалистического общества*. XVII конференция партии сказала, что мы идем к созданию бесклассового, социалистического общества. Понятно, что бесклассовое общество не может прийти в порядке, так сказать, самотека. Его надо завоевать и построить усилиями всех трудящихся — путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов, в боях с врагами как внутренними, так и внешними.

Дело, кажется, ясное.

А между тем, кому не известно, что провозглашение этого ясного и элементарного тезиса ленинизма породило немалую путаницу в головах и нездоровые настроения среди одной части членов партии? Тезис о нашем продвижении к бесклассовому обществу, данный, как лозунг, они поняли, как стихийный процесс. И они прикидывали: ежели бесклассовое общество, то значит можно ослабить классовую борьбу, можно ослабить диктатуру пролетариата и вообще покончить с государством, которое все равно должно отмереть в ближайшее время. И они приходили в телячий восторг в ожидании того, что скоро не будет никаких классов, — значит, не будет классовой борьбы, значит, не будет забот и тревог, значит, можно сложить оружие и пойти на боковую — спать в ожидании пришествия бесклассового общества.

Не может быть сомнения, что эта путаница в головах и эти настроения, как две капли воды, похожи на известные взгляды правых уклонистов, в силу которых старое должно самотеком врасти в новое, и в один прекрасный день мы незаметно должны оказаться в социалистическом обществе.

Как видите, остатки идеологии разбитых антиленинских групп вполне способны к оживлению и далеко еще не потеряли своей живучести.

Понятно, что, если бы эта путаница во взглядах и эти небольшевистские настроения овладели большинством нашей партии, партия оказалась бы демобилизованной и разоруженной.

Возьмем далее вопрос о сельскохозяйственной артели и сельскохозяйственной коммуне. Теперь все признают, что артель является при нынешних условиях единственно правильной формой колхозного движения. И это вполне понятно: а) артель правильно сочетает личные, бытовые интересы колхозников с их общественными интересами, б) артель удачно приспособляет личные, бытовые интересы к общественным интересам, облегчая тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма.

В отличие от артели, где обобществлены только средства производства, в коммунах до последнего времени были обобществлены не только средства производства, но и быт каждого члена коммуны, т.е. члены коммуны в отличие от членов артели не имели в личном владении домашнюю птицу, мелкий скот, корову, зерно, приусадебную землю. Это значит, что в коммунах личные, бытовые интересы членов не столько учитывались и сочетались с интересами общественными, сколько заглушались последними в интересах мелкобуржуазной уравниловки. Понятно, что это обстоятельство является самой слабой стороной коммун. Этим, собственно, и объясняется, что коммуны не имеют большого распространения и попадают лишь единицами и десятками. По этой же причине коммуны, чтобы отстоять свое существование и не развалиться, оказались вынужденными отказаться от обобществления быта, начинают работать

по трудодням, стали выдавать зерно на дом, допускают личное владение домашней птицей, мелким скотом, коровой и т.д., но из этого следует, что коммуны фактически перешли на положение артелей. И в этом нет ничего плохого, ибо этого требуют интересы здорового развития массового колхозного движения.

Это не значит, конечно, что коммуна вообще не нужна, что она не является больше высшей формой колхозного движения. Нет, коммуна нужна, и она, конечно, является высшей формой колхозного движения, но не нынешняя коммуна, которая возникла на базе неразвитой техники и недостатка продуктов и которая сама переходит на положение артели, а — будущая коммуна, которая возникает на базе более развитой техники и обилия продуктов. Нынешняя сельскохозяйственная коммуна возникла на основе малоразвитой техники и недостатка продуктов. Этим, собственно, и объясняется, что она практиковала уравниловку и мало считалась с личными, бытовыми интересами своих членов, ввиду чего она вынуждена теперь перейти на положение артели, где разумно сочетаются личные и общественные интересы колхозников. Будущая коммуна вырастет из развитой и зажиточной артели. Будущая сельскохозяйственная коммуна возникнет тогда, когда на полях и в фермах артели будет обилие зерна, скота, птицы, овощей и всяких других продуктов, когда при артелях заведутся механизированные прачечные, современные кухни-столовые, хлебозаводы и т.д., когда колхозник увидит, что ему выгоднее получать мясо и молоко с фермы, чем заводить свою корову и мелкий скот, когда колхозница увидит, что ей выгоднее обедать в столовой, брать хлеб с хлебозавода и получать стираное белье из общественной прачечной, чем самой заниматься этим делом. Будущая коммуна возникнет на базе более развитой техники и более развитой артели, на базе обилия продуктов. Когда это будет? Конечно, не скоро. Но это будет. Было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания артели в будущую коммуну. Это спутало бы все карты и облегчило бы дело наших врагов. Процесс перерастания артели в будущую коммуну

должен происходить постепенно, по мере того, как все колхозники будут убеждаться в необходимости такого перерастания.

Так обстоит дело с вопросом об артели и коммуне.

Дело, казалось бы, ясное и почти что элементарное.

А между тем среди одной части членов партии имеется изрядная путаница по этому вопросу. Считают, что, объявив артель основной формой колхозного движения, партия отдалилась от социализма, отступила назад от коммуны, от высшей формы колхозного движения — к низшей. Почему, спрашивается? Потому, оказывается, что в артели нет равенства, так как там сохраняется разница в потребностях и в личном быту членов артели, тогда как в коммуне есть равенство, так как там уравниены и потребности и личное бытовое положение ее членов. Но, во-первых, у нас нет больше таких коммун, где бы существовали поравнение, уравниловка в области потребностей и личного быта. Практика показала, что коммуны наверняка погибли бы, если бы они не отказались от уравниловки и не перешли на деле на положение артели. Стало быть, нечего ссылаться на то, чего нет уже в природе. Во-вторых, всякому ленинцу известно, если он только настоящий ленинец, что уравниловка в области потребностей и личного быта есть реакционная мелкобуржуазная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического общества, организованного по-марксистски, ибо нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем личном быту жили по одному образцу. И наконец: разве среди рабочих не сохраняется разница как в потребностях, так и в их личном быту? Значит ли это, что рабочие стоят дальше от социализма, чем члены сельскохозяйственных коммун?

Эти люди, очевидно, думают, что социализм требует уравниловки, уравниения, нивелировки потребностей и личного быта членов общества. Нечего и говорить, что такое предположение не имеет ничего общего с марксизмом, ленинизмом. Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и

быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспроприированы, б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества, в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (*социалистическое общество*), г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (*коммунистическое общество*). При этом марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма.

Вот вам марксистское понимание равенства.

Никакого другого равенства марксизм не признавал и не признает.

Делать отсюда вывод, что социализм требует уравниловки, уравниения, нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по плану марксистов все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда, в одном и том же количестве, — значит говорить пошлости и клеветать на марксизм.

Пора усвоить, что марксизм является врагом уравниловки. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» бичевали Маркс и Энгельс примитивный утопический социализм, называя его реакционным за его проповедь «всеобщего аскетизма и грубой уравнительности». Энгельс в своем «Анти-Дюринге» посвятил целую главу бичующей критике «радикального уравнительного социализма», выдвинутого Дюрингом, как противовес против марксистского социализма.

«Реальное содержание пролетарского требования равенства, — говорил Энгельс, — сводится к требованию *уничтожения классов*. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости».

То же самое говорит Ленин:

«Энгельс был тысячу раз прав, когда писал: понятие равенства помимо уничтожения классов есть глупейший и вздорный предрассудок. Буржуазные профессора за понятие равенства пытались нас изобличить в том, будто мы хотим одного человека сделать равным другим. В этой бессмыслице, которую они сами придумали, они пытались обвинить социалистов. Но они не знали по своему невежеству, что социалисты — и именно основатели современного научного социализма Маркс и Энгельс — говорили: равенство есть пустая фраза, если под равенством не понимать уничтожения классов. Классы мы хотим уничтожить, в этом отношении мы стоим за равенство. Но претендовать на то, что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка интеллигента». (Речь Ленина «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», т. XXIV, стр. 293—294.)

Кажется, ясно.

Буржуазные писатели охотно изображают марксистский социализм, как старую царскую казарму, где все подчинено «принципу» уравниловки. Но марксисты не могут быть ответственными за невежество и тупость буржуазных писателей.

Не может быть сомнения, что эта путаница во взглядах у отдельных членов партии насчет марксистского социализма и увлечение уравниловскими тенденциями сельскохозяйственных коммун похожи, как две капли воды, на мелкобуржуазные взгляды наших левацких головотяпов, у которых идеализация сельскохозяйственных коммун доходила одно время до того, что они пытались насадить коммуны даже на заводах и фабриках, где квалифицированные и неквалифицированные рабочие, работая каждый по своей профессии, должны были отдавать зарплату в общий котел и делить ее потом поровну. Известно, какой вред причинили нашей промышленности эти уравниловско-мальчишеские упражнения «левых» головотяпов.

Как видите, остатки идеологии разбитых антипартийных групп имеют довольно большую живучесть.

Понятно, что, если бы эти левацкие взгляды востор-

жестовали в партии, партия перестала бы быть марксистской, а колхозное движение было бы вконец дезорганизовано.

Или, например, возьмем вопрос о лозунге «*Сделать всех колхозников зажиточными*». Этот лозунг касается не только колхозников. Он еще больше касается рабочих, так как мы хотим сделать всех рабочих зажиточными, — людьми, ведущими зажиточную и вполне культурную жизнь.

Казалось бы, дело ясное. Незачем было свергать капитализм в октябре 1917 года и строить социализм на протяжении ряда лет, если не добьемся того, чтобы люди жили у нас в довольстве. Социализм означает не нищету и лишения, а уничтожение нищеты и лишений, организацию зажиточной и культурной жизни для всех членов общества.

А между тем этот ясный и, по сути дела, элементарный лозунг вызвал целый ряд недоумений, путаницу и неразбериху среди одной части членов партии. Не есть ли, говорят они, этот лозунг возвращение к старому, отвергнутому партией лозунгу «обогащайтесь»? Ежели все станут зажиточными, продолжают они, и беднота перестанет существовать, на кого же нам, большевикам, опираться в своей работе, как же мы будем работать без бедноты?

Может быть, это и смешно, но существование таких наивных и антиленинских взглядов среди части членов партии является несомненным фактом, с которым нельзя не считаться.

Эти люди, очевидно, не понимают, что между лозунгом «обогащайтесь» и лозунгом «сделать всех колхозников зажиточными» лежит целая пропасть. Во-первых, обогащаться могут только *отдельные* лица или группы, тогда как лозунг о зажиточной жизни касается не отдельных лиц или групп, а всех колхозников. Во-вторых, обогащаются *отдельные* лица или группы для того, чтобы подчинить себе остальных людей и *эксплуатировать* их, тогда как лозунг о зажиточной жизни всех колхозников при наличии обобществления средств производства в колхозах *исключает* всякую возможность экс-

плуатации одних другими. В-третьих, лозунг «обогащайтесь» был дан в период начальной стадий НЭПа, когда капитализм частично восстанавливался, когда кулаки были в силе, в стране преобладало единоличное крестьянское хозяйство, а колхозное хозяйство находилось в зачаточном состоянии, тогда как лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» дан в последней стадии НЭПа, когда капиталистические элементы в промышленности уничтожены, кулаки в деревне разгромлены, индивидуальное крестьянское хозяйство оттеснено на задний план, а колхозы превращены в господствующую форму сельского хозяйства. Я уже не говорю о том, что лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» дан не изолированно, а в неразрывной связи с лозунгом «сделать колхозы большевистскими».

Не ясно ли, что лозунг «обогащайтесь» означал, по сути дела, призыв — *восстановить* капитализм, тогда как лозунг «сделать всех колхозников зажиточными» означает призыв — *добить* последние остатки капитализма путем усиления экономической мощи колхозов и превращения всех колхозников в зажиточных тружеников?

Не ясно ли, что между этими лозунгами нет и не может быть ничего общего?

Что касается того, что без существования бедноты немыслимы будто бы ни большевистская работа, ни социализм, то это такая глупость, о которой неловко даже говорить. Ленинцы опираются на бедноту, когда есть капиталистические элементы и есть беднота, которую эксплуатируют капиталисты. Но когда капиталистические элементы разгромлены, а беднота освобождена от эксплуатации, задача ленинцев состоит не в том, чтобы закрепить и сохранить бедность и бедноту, предпосылки существования которых уже уничтожены, а в том, чтобы уничтожить бедность и поднять бедноту до зажиточной жизни. Было бы глупо думать, что социализм может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться беднотой и

прет вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а карикатура на социализм. Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности. Ибо социализм, марксистский социализм, означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно развитых трудящихся людей.

Не может быть сомнения, что эта путаница во взглядах у отдельных членов партии насчет бедноты и зажиточности есть отражение взглядов наших левацких головотяпов, идеализирующих бедноту, как извечную опору большевизма при всех и всяких условиях, и рассматривающих колхозы, как арену ожесточенной классовой борьбы.

Как видите, и здесь, в этом вопросе, остатки идеологии разбитых антипартийных групп все еще не теряют своей живучести.

ПОСТИГНУТЬ ДУХ СОЦИАЛИЗМА

Беседа с английским писателем Г. -Д. УЭЛЛСОМ

23 июля 1934 года

Уэллс. Я Вам очень благодарен, м-р Сталин, за то, что Вы согласились меня принять. Я недавно был в Соединенных Штатах, имел продолжительную беседу с президентом Рузвельтом и пытался выяснить, в чем заключаются его руководящие идеи. Теперь я приехал к Вам, чтобы расспросить Вас, что Вы делаете для того, чтобы изменить мир...

Сталин. Не так уж много...

Уэллс. Я иногда брожу по белу свету и, как простой человек, смотрю, что делается вокруг меня.

Сталин. Крупные деятели, вроде Вас, не являются «простыми людьми». Конечно, только история сможет

показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель, но, во всяком случае, Вы смотрите на мир не как «простой человек».

Уэллс. Я не собираюсь скромничать. Я имею в виду, что я стремлюсь видеть мир глазами простого человека, а не партийного политика или ответственного государственного деятеля. Моя поездка в Соединенные Штаты произвела на меня потрясающее впечатление. Рушится старый финансовый мир, перестраивается по-новому экономическая жизнь страны. Ленин в свое время сказал, что надо «учиться торговать», учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас постигнуть дух социализма. Мне кажется, что в Соединенных Штатах речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического, хозяйства. Вы и Рузвельт отправляетесь от двух разных исходных точек. Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Вашингтоном и Москвой? Мне, например, бросилось в глаза в Вашингтоне то же, что происходит здесь: расширение управленческого аппарата, создание ряда новых государственных регулирующих органов, организация всеобъемлющей общественной службы. Так же, как и в вашей стране, им не хватает умения руководить.

Сталин. У США другая цель, чем у нас, в СССР. Та цель, которую преследуют американцы, возникла на почве экономической неурядицы, хозяйственного кризиса. Американцы хотят разделаться с кризисом на основе частнокапиталистической деятельности, не меняя экономической базы. Они стремятся свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой. У нас же, как Вы знаете, на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база. Даже если те американцы, о которых Вы говорите, частично добьются своей цели, т.е. сведут к минимуму этот ущерб, то и в этом случае они не уничтожат корней той анархии, которая свойственна существующей капиталистической системе. Они сохраняют тот экономический строй, который обязательно должен приводить, не

может не приводить к анархии в производстве. Таким образом, в лучшем случае речь будет идти не о перестройке общества, не об уничтожении старого общественного строя, порождающего анархию и кризисы, а об ограничении отдельных отрицательных его сторон, ограничении отдельных его эксцессов. Субъективно эти американцы, может быть, и думают, что перестраивают общество, но объективно нынешняя база общества сохраняется у них. Поэтому объективно никакой перестройки общества не получится.

Не будет и планового хозяйства. Ведь что такое плановое хозяйство, каковы некоторые его признаки? Плановое хозяйство стремится уничтожить безработицу. Допустим, что удастся, сохраняя капиталистический строй, довести безработицу до некоторого минимума. Но ведь ни один капиталист никогда и ни за что не согласится на полную ликвидацию безработицы, на уничтожение резервной армии безработных, назначение которой — давить на рынок труда, обеспечивать дешевле оплачиваемые рабочие руки. Вот Вам уже одна прореха в «плановом хозяйстве» буржуазного общества. Плановое хозяйство предполагает далее, что усиливается производство в тех отраслях промышленности, продукты которых особенно нужны народным массам. А Вы знаете, что расширение производства при капитализме происходит по совершенно иным мотивам, что капитал устремляется в те отрасли хозяйства, где более значительна норма прибыли. Никогда Вы не заставите капиталиста наносить самому себе ущерб и согласиться на меньшую норму прибыли, во имя удовлетворения народных нужд. Не освободившись от капиталистов, не разделившись с принципом частной собственности на средства производства, Вы не создадите планового хозяйства.

Уэллс. Я согласен со многим из того, что Вы сказали. Но я хотел бы подчеркнуть, что если страна в целом приемлет принцип планового хозяйства, если правительство понемногу, шаг за шагом, начинает последовательно проводить этот принцип, то, в конечном счете, будет уничтожена финансовая олигархия и водворится

социализм в том смысле, в каком его понимают в англосаксонском мире. Рузвельтовские лозунги «нового порядка» имеют колоссальный эффект и, по-моему, являются социалистическими лозунгами. Мне кажется, что вместо того, чтобы подчеркивать антагонизм между двумя мирами, надо было бы в современной обстановке стремиться установить общность языка между всеми конструктивными силами.

Сталин. Когда я говорю о невозможности осуществления принципов планового хозяйства при сохранении экономической базы капитализма, я этим ни в какой степени не хочу умалить выдающиеся личные качества Рузвельта — его инициативу, мужество, решительность. Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт самая сильная фигура. Я поэтому хотел бы еще раз подчеркнуть, что мое убеждение в невозможности планового хозяйства в условиях капитализма вовсе не означает сомнения в личных способностях, таланте и мужестве президента Рузвельта. Но самый талантливый полководец, если обстановка ему не благоприятствует, не может добиться той цели, о которой Вы говорите. Теоретически, конечно, не исключено, что можно в условиях капитализма понемногу, шаг за шагом, идти к той цели, которую Вы называете социализмом в англосаксонском толковании этого слова. Но что будет означать этот «социализм»? В лучшем случае — некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве. Все это хорошо. Но как только Рузвельт или какой-либо другой капитан современного буржуазного мира захочет предпринять что-нибудь серьезное против основ капитализма, он неизбежно потерпит полную неудачу. Ведь банки не у Рузвельта, ведь промышленность не у него, ведь крупные предприятия, крупные экономии — не у него. Ведь все это является частной собственностью. И железные дороги, и торговый флот — все это в руках частных хозяев. И наконец, армия квалифицированного труда, инженеры, техники, они ведь тоже не у Рузвельта, а у частных

хозяев, они работают на них. Нельзя забывать о функциях государства в буржуазном мире. Это — институт организации обороны страны, организации охраны «порядка», аппарат собирания налогов. Хозяйство же в собственном смысле мало касается капиталистического государства, оно не в его руках. Наоборот, государство находится в руках капиталистического хозяйства. Поэтому, я боюсь, что Рузвельт, несмотря на всю свою энергию и способности, не добьется той цели, о которой Вы говорите, если вообще у него есть эта цель. Может быть, через несколько поколений можно было бы несколько приблизиться к этой цели, но я лично считаю и это маловероятным.

Уэллс. Я, быть может, сильнее, чем Вы, верю в экономическую интерпретацию политики. Благодаря изобретениям и современной науке приведены в действие громадные силы, ведущие к лучшей организации, к лучшему функционированию человеческого коллектива, т.е. к социализму. Организация и регулирование индивидуальных действий стали механической необходимостью независимо от социальных теорий. Если начать с государственного контроля над банками, затем перейти к контролю над транспортом, над тяжелой промышленностью, над промышленностью вообще, над торговлей и т.д., то такой всеобъемлющий контроль будет равносителен государственной собственности на все отрасли народного хозяйства. Это и будет процессом социализации. Ведь социализм, с одной стороны, и индивидуализм — с другой, не являются такими же антиподами, как черное и белое. Между ними имеется много промежуточных стадий. Имеется индивидуализм, граничащий с бандитизмом, и имеется дисциплинированность и организованность, равносителная социализму. Осуществление планового хозяйства зависит в значительной степени от организаторов хозяйства, от квалифицированной технической интеллигенции, которую можно шаг за шагом завоевывать на сторону социалистических принципов организации. А это самое главное. Ибо — сначала организация, затем — социализм. Орга-

низация является наиболее важным фактором. Без организации идея социализма — всего лишь идея.

Сталин. Непримиимого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности. В этом смысле непримиимого контраста между «индивидуализмом» и социализмом нет. Но разве можно отрицать контраст между классами, между классом имущих, классом капиталистов, и классом трудящихся, классом пролетариев? С одной стороны, класс имущих, в руках которых банки, заводы, рудники, транспорт, плантации в колониях. Эти люди не видят ничего, кроме своего интереса, своего стремления к прибыли. Они не подчиняются воле коллектива, они стремятся подчинить любой коллектив своей воле. С другой стороны, класс бедных, класс эксплуатируемых, у которых нет ни фабрик, ни заводов, ни банков, которые вынуждены жить продажей своей рабочей силы капиталистам и которые лишены возможности удовлетворить свои самые элементарные потребности. Как можно примирить такие противоположные интересы и устремления? Насколько я знаю, Рузвельту не удалось найти путь к примирению этих интересов. Да это и невозможно, как говорит опыт. Впрочем, Вы знакомы с положением в Соединенных Штатах лучше, чем я, так как я в США не бывал и слежу за американскими делами преимущественно по литературе. Но у меня есть кое-какой опыт по части борьбы за социализм, и этот опыт говорит мне: если Рузвельт попытается действительно удовлетворить интересы класса пролетариев за счет класса капиталистов, последние заменят его другим президентом. Капиталисты скажут: президенты уходят и приходят, а мы,

капиталисты, остаемся; если тот или иной президент не отстаивает наших интересов, найдем другого. Что может противопоставить президент воле класса капиталистов?

Уэллс. Я возражаю против этой упрощенной классификации человечества на бедных и богатых. Конечно, есть категория людей, стремящихся исключительно к наживе. Но разве этих людей не считают точно так же, как и здесь, помехой? Разве на Западе мало людей, для которых нажива не цель, которые обладают известными средствами, хотят их инвестировать, получают от этого прибыль, но совсем не в этом видят цель своей деятельности? Эти люди рассматривают инвестирование средств, как неудобную необходимость. Разве мало талантливых и преданных инженеров, организаторов хозяйства, деятельность которых движется стимулами совсем иными, чем нажива? По-моему, имеется многочисленный класс попросту способных людей, сознающих неудовлетворительность нынешней системы и призванных сыграть большую роль в будущем, социалистическом обществе. Я много занимался последние годы и много думал о необходимости пропаганды идей социализма и космополитизма в широких кругах инженеров, летчиков, в военно-технических кругах и т.д. Подходить к этим кругам с прямолинейной пропагандой классовой борьбы — бесцельно. Это круги, понимающие, в каком состоянии находится мир, превращающийся в кровавое болото, но эти круги считают ваш примитивный антагонизм классовой борьбы нонсенсом.

Сталин. Вы возражаете против упрощенной классификации людей на богатых и бедных. Конечно, есть средние слои, есть и та техническая интеллигенция, о которой Вы говорите и в среде которой есть очень хорошие, очень честные люди. Есть в этой среде и нечестные, злые люди. Всякие есть. Но, прежде всего, человеческое общество делится на богатых и бедных, на имущих и эксплуатируемых, и отвлекаться от этого основного деления и от противоречия между бедными и богатыми — значит отвлекаться от основного факта. Я не отрицаю наличия промежуточных средних слоев, которые

либо становятся на сторону одного из этих двух борющихся между собой классов, либо занимают в этой борьбе нейтральную или полунейтральную позицию. Но, повторяю, отвлекаться от этого основного деления общества и этой основной борьбы между двумя основными классами — значит игнорировать факты. Эта борьба идет и будет идти. Исход этой борьбы решается классом пролетариев, классом работающих.

Уэллс. Но разве мало небедных людей, которые работают, и работают продуктивно?

Сталин. Конечно, имеются и мелкие землевладельцы, ремесленники, мелкие торговцы, но не эти люди определяют судьбы стран, а те трудящиеся массы, которые производят все необходимое для общества.

Уэллс. Но ведь имеются очень различные капиталисты. Имеются такие, которые только думают о профите, о наживе, имеются такие, которые готовы на жертвы. Например — старый Морган: этот думал только о наживе, он был попросту паразитом на теле общества, он лишь аккумулировал в своих руках богатства. Но вот возьмите Рокфеллера: он блестящий организатор, он дал пример организации сбыта нефти, достойный подражания. Или Форд: конечно, Форд себе на уме, но эгоистичен; но не является ли он страстным организатором рационального производства, у которого и вы учитесь? — Я хотел бы подчеркнуть, что за последнее время в англосаксонских странах произошел по отношению к СССР серьезный перелом в общественном мнении. Причиной этому является, в первую очередь, позиция Японии и события в Германии. Но есть и другие причины, не вытекающие из одной только международной политики. Есть причина более глубокая: осознание широкими кругами того факта, что система, покоящаяся на частной наживе, рушится. И в этих условиях, мне кажется, что надо не выпячивать антагонизм между двумя мирами, а стремиться сочетать все конструктивные движения, все конструктивные силы, в максимально возможной степени. Мне кажется, что я левее Вас, м-р Сталин, что я считаю, что мир уже ближе подошел к изжитию старой системы.

Сталин. Когда я говорю о капиталистах, которые стремятся лишь к профиту, к наживе, я этим вовсе не хочу сказать, что это — последние люди, ни на что иное не способные. У многих из них имеются несомненно крупные организаторские способности, которые я и не думаю отрицать. Мы, советские люди, многому у капиталистов учимся. И Морган, которому Вы даете такую отрицательную характеристику, является, безусловно, хорошим, способным организатором. Но если Вы говорите о людях, готовых реконструировать мир, то их, конечно, нельзя найти в среде тех, которые верой и правдой служат делу наживы. Мы и эти люди находимся на противоположных полюсах. Вы говорите о Форде. Конечно, он способный организатор производства. Но разве Вам неизвестно его отношение к рабочему классу, разве Вы не знаете, сколько рабочих он зря выбрасывает на улицу? Капиталист прикован к профиту, его никакими силами оторвать от него нельзя. И капитализм будет уничтожен не «организаторами» производства, не технической интеллигенцией, а рабочим классом, ибо эта прослойка не играет самостоятельной роли. Ведь инженер, организатор производства работает не так, как он хотел бы, а так, как ему прикажут, как велит интерес хозяина. Есть, конечно, исключения, есть люди из этой прослойки, которые освободились от дурмана капитализма. Техническая интеллигенция может, в определенных условиях, творить «чудеса», приносить человечеству громадную пользу. Но она же может приносить и большой вред. Мы, советские люди, имеем свой немалый опыт с технической интеллигенцией. После Октябрьской революции определенная часть технической интеллигенции не захотела участвовать в строительстве нового общества, противилась этому строительству, саботировала его. Мы всячески стремились включить техническую интеллигенцию в это строительство, подходили к ней и так, и этак. Прошло немало времени, прежде чем наша техническая интеллигенция стала на путь активной помощи новому строю. Ныне лучшая ее часть — в первых рядах строительства социалистического общества. Мы, имея этот опыт, далеки от

недооценки как положительных, так и отрицательных сторон технической интеллигенции, и мы знаем, что она может и повредить, и творить «чудеса». Конечно, дело обстояло бы иначе, если можно было бы единым ударом оторвать духовно-техническую интеллигенцию от капиталистического мира. Но это утопия. Разве много найдется людей из технической интеллигенции, которые решатся порвать с буржуазным миром и взяться за реконструкцию общества? Как, по-вашему, много ли есть таких людей, скажем, в Англии, во Франции? Нет, мало имеется охотников порвать со своими хозяевами и начать реконструкцию мира!

Кроме того, разве можно упускать из виду, что для того, чтобы переделать мир, надо иметь власть? Мне кажется, г-н Уэллс, что Вы сильно недооцениваете вопрос о власти, что он вообще выпадает из Вашей концепции. Ведь что могут сделать люди даже с наилучшими намерениями, если они не способны поставить вопрос о взятии власти и не имеют в руках власти? Они могут, в лучшем случае, оказать содействие тому новому классу, который возьмет власть, но сами перевернуть мир они не могут. Для этого требуется большой класс, который заменил бы класс капиталистов и стал бы таким же повластным хозяином, как он. Таким классом является рабочий класс. Конечно, надо принять помощь технической интеллигенции и надо, в свою очередь, оказать ей помощь. Но не надо думать, что она, техническая интеллигенция, может сыграть самостоятельную историческую роль. Переделка мира есть большой, сложный и мучительный процесс. Для этого большого дела требуется большой класс. Большому кораблю — большое плавание.

Уэллс. Да, но для большого плавания требуются капитан и навигатор.

Сталин. Верно, но для большого плавания требуется прежде всего большой корабль. Что такое навигатор без корабля? Человек без дела.

Уэллс. Большой корабль — это человечество, а не класс.

Сталин. Вы, г-н Уэллс, исходите, как видно, из

предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей. Я не верю в доброту буржуазии.

Уэллс. Я припоминаю, как обстояло дело с технической интеллигенцией несколько десятилетий тому назад. Тогда технической интеллигенции было мало, зато дела было много и каждый инженер, техник, интеллигент находил применение своим знаниям. Поэтому это был наименее революционный класс. Ныне же наблюдается избыток технической интеллигенции, и настроение ее круто изменилось. Квалифицированный интеллигент, который ранее никогда не стал бы даже прислушиваться к революционным разговорам, теперь очень ими интересуется. Недавно я был приглашен на обед Королевского Общества, нашего крупнейшего английского научного общества. Речь председателя была речью в пользу социального планирования и научного управления. Лет тридцать тому назад там не стали бы даже слушать того, что я говорю. А теперь во главе этого общества стоит человек с революционными взглядами, настаивающий на научной реорганизации человеческого общества. Ваша пропаганда классовой борьбы не посчиталась с этими фактами. Настроения меняются.

Сталин. Да, я это знаю, и объясняется это тем, что капиталистическое общество находится теперь в тупике. Капиталисты ищут и не могут найти такого выхода из этого тупика, который был бы совместим с достоинством этого класса, с интересами этого класса. Они могут частично выкарабкаться из кризиса на четвереньках, но такого выхода, через который они могли бы выйти с высоко поднятой головой, который не нарушал бы в корне интересов капитализма, они найти не могут. Это, конечно, чувствуют широкие круги технической интеллигенции. Значительная часть ее начинает осознавать общность интересов с тем классом, который способен указать выход из тупика.

Уэллс. Вы, м-р Сталин, лучше, чем кто-либо иной, знаете, что такое революция, и притом на практике. Восстают ли когда-либо массы сами? Не считаете ли Вы

установленной истиной тот факт, что все революции делаются меньшинством?

Сталин. Для революции требуется ведущее революционное меньшинство, но самое талантливое, преданное и энергичное меньшинство будет беспомощно, если не будет опираться на хотя бы пассивную поддержку миллионов людей.

Уэллс. Хотя бы пассивную? Может быть, подсознательную?

Сталин. Частично и на полуинстинктивную, и на полусознательную поддержку, но без поддержки миллионов самое лучшее меньшинство бессильно.

Уэллс. Я слежу за коммунистической пропагандой на Западе, и мне кажется, что эта пропаганда в современных условиях звучит весьма старомодно, ибо она является пропагандой насильственных действий. Эта пропаганда насильственного свержения общественного строя была уместной тогда, когда речь шла о безраздельном господстве той или иной тирании. Но в современных условиях, когда господствующая система все равно рушится и без того разлагается, надо было бы делать ударение не на инсurreкции, а на эффективности, на компетентности, на производительности. Инсurreкционная нотка кажется мне устаревшей. С точки зрения конструктивно мыслящих людей, коммунистическая пропаганда на Западе представляется помехой.

Сталин. Конечно, старая система рушится, разлагается. Это верно. Но верно и то, что делаются новые потуги иными методами, всеми мерами защитить, спасти эту гибнущую систему. Из правильной констатации Вы делаете неправильный вывод. Вы правильно констатируете, что старый мир рушится. Но вы не правы, когда думаете, что он рухнет сам собой. Нет, замена одного общественного порядка другим общественным порядком является сложным и длительным революционным процессом. Это не просто стихийный процесс, а это борьба, это процесс, связанный со столкновением классов. Капитализм сгнил, но нельзя его сравнивать просто с деревом, которое настолько сгнило, что оно само должно упасть на землю. Нет, революция, смена

одного общественного строя другим, всегда была борьбой, борьбой мучительной и жестокой, борьбой на жизнь и смерть. И всякий раз, когда люди нового мира приходили к власти, им надо было защищаться от попыток старого мира вернуть силой старый порядок, им, людям нового мира, всегда надо было быть настороже, быть готовыми дать отпор покушениям старого мира на новый порядок.

Да, Вы правы, когда говорите, что старый общественный строй рушится, но он не рухнет сам собой. Взять, например, фашизм. Фашизм есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что Вы будете делать с фашистами? Уговаривать их? Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует. Коммунисты вовсе не идеализируют метод насилия. Но они, коммунисты, не хотят оказаться застигнутыми врасплох, они не могут рассчитывать на то, что старый мир сам уйдет со сцены, они видят, что старый порядок защищается силой, и поэтому коммунисты говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу, сделайте все, чтобы вас не раздавил гибнущий старый строй, не позволяйте ему наложить кандалы на ваши руки, которыми вы свергнете этот строй. Как видите, процесс смены одного общественного строя другим является для коммунистов процессом не просто стихийным и мирным, а процессом сложным, длительным и насильственным. Коммунисты не могут не считаться с фактами.

Уэллс. Но присмотритесь к тому, что происходит сейчас в капиталистическом мире. Ведь это не просто крушение строя. Это взрыв реакционного насилия, вырождающегося в прямой гангстеризм. И мне кажется, что, когда речь идет о конфликтах с этими реакционными и неумными насильниками, социалисты должны апеллировать к закону и вместо того, чтобы рассматривать полицию, как врага, поддерживать ее в борьбе с реакционерами. Мне кажется, что нельзя просто действовать методами старого, не гибкого инсurreкционного социализма.

Сталин. Коммунисты исходят из богатого истори-

ческого опыта, который учит, что отжившие классы добровольно не уходят с исторической сцены. Вспомните историю Англии XVII века. Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве, тем не менее, не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?

Уэллс. Кромвель действовал, опираясь на конституцию и от имени конституционного порядка.

Сталин. Во имя конституции он прибегал к насилию, казнил короля, разогнал парламент, арестовывал одних, обезглавливал других!

Но возьмем пример из нашей истории. Разве не ясно было в течение долгого времени, что царский порядок гниет, что он рушится? Сколько крови, однако, понадобилось, чтобы его свалить!

А Октябрьская революция? Разве мало было людей, которые знали, что только мы, большевики, указываем единственно правильный выход? Разве непонятно было, что сгнил русский капитализм? Но Вы знаете, как велико было сопротивление, сколько крови было пролито, чтобы отстоять Октябрьскую революцию от всех врагов, внутренних и внешних?

Или возьмем Францию конца XVIII века. Задолго до 1789 года было ясно многим, насколько прогнили королевская власть, крепостные порядки. Но не обошлось, не могло обойтись без народного восстания, без столкновения классов.

В чем же дело? Дело в том, что классы, которые должны сойти с исторической сцены, последними убеждаются в том, что их роль окончена. Убедить их в этом невозможно. Им кажется, что трещины в прогнившем здании старого строя можно заделать, что можно отремонтировать и спасти рушащееся здание старого порядка. Поэтому гибнущие классы берут в руки оружие и всеми средствами начинают отстаивать свое существование, как господствующего класса.

Уэллс. Но во главе Великой Французской революции стояло немало адвокатов.

Сталин. Разве Вы отрицаете роль интеллигенции в революционных движениях? Разве Великая Французская революция была адвокатской революцией, а не ре-

волюцией народной, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия? И разве адвокаты из числа вождей Великой Французской революции действовали по законам старого порядка, разве не ввели они новую, буржуазную революционную законность?

Богатый исторический опыт учит, что добровольно до сих пор ни один класс не уступал дорогу другому классу. Нет такого прецедента в мировой истории. И коммунисты освоили этот исторический опыт. Коммунисты приветствовали бы добровольный уход буржуазии. Но такой оборот дел невероятен, как говорит опыт. Поэтому коммунисты хотят быть готовыми к худшему и призывают рабочий класс к бдительности, к боевой готовности. Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии, полководец, не понимающий, что противник не сдастся, что его надо добить? Быть таким полководцем — значит обманывать, предавать рабочий класс. Вот почему я думаю, что то, что кажется Вам старомодным, на самом деле является мерой революционной целесообразности для рабочего класса.

Уэллс. Я вовсе не отрицаю необходимости насилия, но считаю, что формы борьбы должны быть максимально близки к тем возможностям, которые даются существующими законами, которые надо защищать от реакционных покушений. Старый порядок не надо дезорганизовать уже потому, что он в достаточной степени сам дезорганизуется. Именно поэтому мне кажется, что борьба против порядка, против закона, есть нечто устаревшее, старомодное. Впрочем, я нарочно утрирую, чтобы ярче выявить истину. Я могу сформулировать свою точку зрения следующим образом: во-первых, я за порядок; во-вторых, я нападаю на существующую систему, поскольку она не обеспечивает порядка; в-третьих, я считаю, что пропаганда идей классовой борьбы может изолировать от социализма как раз те образованные круги, которые нужны для социализма.

Сталин. Чтобы совершить большое, серьезное общественное дело, нужно, чтобы была налицо главная сила, опора, революционный класс. Нужно далее, чтобы была организована помощь этой главной силе со

стороны вспомогательной силы, которой является в данном случае партия, куда войдут и лучшие силы интеллигенции. Вы только что говорили об «образованных кругах». Но каких образованных людей Вы имели в виду? Разве мало было образованных людей на стороне старого порядка и в XVII веке в Англии, и в конце XVIII века во Франции, и в эпоху Октябрьской революции в России? Старый строй имел на своей стороне, на своей службе много высокообразованных людей, которые защищали старый строй, которые шли против нового строя. Ведь образование — это оружие, эффект которого зависит от того, кто его держит в своих руках, кого этим оружием хотят ударить. Конечно, пролетариату, социализму нужны высокообразованные люди. Ведь ясно, что не олухи царя небесного могут помогать пролетариату бороться за социализм, строить новое общество. Роль интеллигенции я не недооцениваю, ее роль я, наоборот, подчеркиваю. Дело только в том, о какой интеллигенции идет речь, ибо интеллигенты бывают разные.

Уэллс. Не может быть революции без коренного изменения в системе народного образования. Достаточно привести два примера: пример германской республики, не тронувшей старой системы образования и поэтому не ставшей никогда республикой, и пример английской лейбористской партии, у которой не хватает решимости настоять на коренном изменении системы народного просвещения.

Сталин. Это правильное замечание.

Позвольте теперь ответить на Ваши три пункта.

Во-первых, главное для революции — это наличие социальной опоры. Этой опорой для революции является рабочий класс.

Во-вторых, необходима вспомогательная сила, то, что называется у коммунистов партией. Сюда войдут и интеллигентные рабочие и те элементы из технической интеллигенции, которые тесно связаны с рабочим классом. Интеллигенция может быть сильна, только если соединится с рабочим классом. Если она идет против рабочего класса, она превращается в ничто.

В-третьих, нужна власть, как рычаг преобразования. Новая власть создает новую законность, новый порядок, который является революционным порядком.

Я стою не за всякий порядок. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса. Если же некоторые законы старого строя могут быть использованы в интересах борьбы за новый порядок, то следует использовать и старую законность. Против Вашего положения о том, что надо нападать на существующую систему, поскольку она не обеспечивает необходимого для народа порядка, я ничего возразить не могу.

И наконец, Вы не правы, если думаете, что коммунисты влюблены в насилие. Они бы с удовольствием отказались от метода насилия, если бы господствующие классы согласились уступить место рабочему классу. Но опыт истории говорит против такого предположения.

Уэллс. В истории Англии, однако, был пример добровольной передачи власти одним классом другому. В период между 1830 и 1870 гг. произошел, без всякой ожесточенной борьбы, процесс добровольного перехода власти от аристократии, влияние которой к концу XVIII века было еще очень велико, к буржуазии, которая являлась сантиментальной опорой монархии. Этот переход власти привел в дальнейшем к установлению господства финансовой олигархии.

Сталин. Но Вы незаметно перешли от вопросов революции к вопросам реформы. Это не одно и то же. Не думаете ли Вы, что большую роль в деле реформ в Англии в XIX веке сыграло чартистское движение?

Уэллс. Чартисты мало что сделали и исчезли бесследно.

Сталин. Я с Вами не согласен. Чартисты и организованное ими забастовочное движение сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок в области избирательной системы, в области ликвидации так называемых «гнилых местечек», осуществления некоторых пунктов «хартии». Чартизм сыграл свою немалую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов пойти на некоторые уступки, на реформы, во имя избежания больших потря-

сений. Вообще, надо сказать, что из всех господствующих классов господствующие классы Англии, и аристократия, и буржуазия, оказались наиболее умными, наиболее гибкими с точки зрения своих классовых интересов, с точки зрения сохранения своей власти. Возьмем пример хотя бы из современной истории: всеобщую забастовку 1926 года в Англии. Любая буржуазия, перед лицом этих событий, когда генеральный совет тред-юнионов призвал к забастовке, прежде всего арестовала бы лидеров тред-юнионов. Английская буржуазия этого не сделала и поступила умно, с точки зрения своих интересов. Ни в США, ни в Германии, ни во Франции я не мыслю себе подобной гибкой классовой стратегии со стороны буржуазии. В интересах утверждения своего господства господствующие классы Англии никогда не зарекались от мелких уступок, от реформ. Но было бы ошибочно думать, что эти реформы представляют революцию.

Уэллс. Вы более высокого мнения о господствующих классах моей страны, чем я. Но велика ли вообще разница между малой революцией и большой реформой, не являются ли реформы малой революцией?

Сталин. В результате напора снизу, напора масс, буржуазия иногда может идти на те или иные частичные реформы, оставаясь на базе существующего общественно-экономического строя. Поступая так, она считает, что эти уступки необходимы в интересах сохранения своего классового господства. В этом суть реформ. Революция же означает переход власти от одного класса к другому. Поэтому нельзя называть какую бы то ни было реформу революцией. Вот почему не приходится рассчитывать на то, чтобы смена общественных строев могла произойти в порядке незаметного перехода от одного строя к другому путем реформ, путем уступок господствующего класса.

Уэллс. Я Вам очень благодарен за эту беседу, имеющую для меня громадное значение. Давая мне Ваши разъяснения, Вы, наверное, вспомнили о том, как в подпольных дореволюционных кружках Вам приходилось объяснять основы социализма. В настоящее

время во всем мире имеются только две личности, к мнению, к каждому слову которых прислушиваются миллионы: Вы и Рузвельт. Другие могут проповедовать сколько угодно, их не станут ни печатать, ни слушать. Я еще не могу оценить то, что сделано в Вашей стране, в которую я прибыл лишь вчера. Но я видел уже счастливые лица здоровых людей, и я знаю, что у Вас делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом поразительный.

Сталин. Можно было бы сделать еще больше, если бы мы, большевики, были поумнее.

Уэллс. Нет, если бы вообще умнее были человеческие существа. Не мешало бы выдумать пятилетку по реконструкции человеческого мозга, которому явно не хватает многих частиц, необходимых для совершенного социального порядка.

Сталин. Не собираетесь ли побывать на съезде Союза советских писателей?

Уэллс. К сожалению, у меня имеются разные обязательства, и я смогу остаться в СССР только неделю. Я приехал, чтобы встретиться с Вами, и я глубоко удовлетворен нашей беседой. Но я собираюсь говорить с теми советскими писателями, с которыми я смогу встретиться, о возможности их вступления в ПЕН-клуб. Это международная организация писателей, основанная Голсуорси, после смерти которого я стал председателем. Организация эта еще слабая, но все же имеет секции во многих странах, и, что еще важнее, выступления ее членов широко освещаются в печати. Эта организация настаивает на праве свободного выражения всех мнений, включая оппозиционные. Я рассчитываю поговорить на эту тему с Максимом Горьким. Однако я не знаю, может ли быть предоставлена такая широкая свобода.

Сталин. Это называется у нас, у большевиков, «самокритикой». Она широко применяется в СССР.

Если у Вас имеются какие-либо пожелания, я Вам охотно помогу.

Уэллс. Благодарю.

Сталин. Благодарю за беседу.

О НЕДОСТАТКАХ ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ И МЕРАХ ПО ЛИКВИДАЦИИ ТРОЦКИСТСКИХ И ИНЫХ ДВУРУШНИКОВ

Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б)

3 марта 1937 года

Товарищи!

Из докладов и прений по ним, заслушанных на Пленуме, видно, что мы имеем здесь дело со следующими тремя основными фактами.

Во-первых, вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, в числе которых довольно активную роль играли троцкисты, задела в той или иной степени все или почти все наши организации, как хозяйственные, так и административные и партийные.

Во-вторых, агенты иностранных государств, в том числе троцкисты, проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты.

В-третьих, некоторые наши руководящие товарищи, как в центре, так и на местах, не только не сумели разглядеть настоящее лицо этих вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, но оказались до того беспечными, благодушными и наивными, что нередко сами содействовали продвижению агентов иностранных государств на те или иные ответственные посты.

Таковы три бесспорных факта, естественно вытекающих из докладов и прений по ним.

I

Политическая беспечность

Чем объяснить, что наши руководящие товарищи, имеющие богатый опыт борьбы со всякого рода антипартийными и антисоветскими течениями, оказались в данном случае столь наивными и слепыми, что не сумели разглядеть настоящее лицо врагов народа, не сумели

распознать волков в овечьей шкуре, не сумели сорвать с них маску?

Можно ли утверждать, что вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств, действующих на территории СССР, может являться для нас чем-либо неожиданным и небывалым? Нет, нельзя этого утверждать. Об этом говорят вредительские акты в разных отраслях народного хозяйства за последние 10 лет, начиная с шахтинского периода, зафиксированные в официальных документах.

Можно ли утверждать, что за последнее время не было у нас каких-либо предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний насчет вредительской, шпионской или террористической деятельности троцкистско-зиновьевских агентов фашизма? Нет, нельзя этого утверждать. Такие сигналы были, и большевики не имеют права забывать о них.

Злодейское убийство товарища Кирова было первым серьезным предупреждением, говорящим о том, что враги народа будут двурушничать и, двурушничая, будут маскироваться под большевика, под партийца, для того, чтобы втереться в доверие и открыть себе доступ в наши организации.

Судебный процесс «Ленинградского центра», равно как судебный процесс «Зиновьева — Каменева», дал новое обоснование урокам, вытекающим из факта злодейского убийства товарища Кирова.

Судебный процесс зиновьевско-троцкистского блока расширил уроки предыдущих процессов, показав воочию, что зиновьевцы и троцкисты объединяют вокруг себя все враждебные буржуазные элементы, что они превратились в шпионскую и диверсионно-террористическую агентуру германской полицейской охраны, что двурушничество и маскировка являются единственным средством зиновьевцев и троцкистов для проникновения в наши организации, что бдительность и политическая прозорливость представляют наиболее верное средство для предотвращения такого проникновения, для ликвидации зиновьевско-троцкистской шайки.

Центральный Комитет ВКП(б) в своем закрытом письме от 18 января 1935 года по поводу злодейского убийства товарища Кирова решительно предостерегал партийные организации от политического благодушия и обывательского ротозейства. В закрытом письме сказано:

«Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрывкой правого уклона, уверяющего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ротозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за крайние средства, как единственные средства обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительным».

В своем закрытом письме от 29 июля 1936 года по поводу шпионско-террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока Центральный Комитет ВКП(б) вновь призывал партийные организации к максимальной бдительности, к умению распознавать врагов народа, как бы хорошо они ни были замаскированы. В закрытом письме сказано:

«Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны, — шпионов, провокаторов, диверсантов, белогвардейцев, кулаков и т.д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани, — все наши партийные организации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов необходима на любом участке и во всякой обстановке. Неотъемлемым качеством каждого большевика в

настоящих условиях должно быть умение распознавать врага партии, как бы хорошо он ни был замаскирован».

Значит, сигналы и предупреждения были.

К чему призывали эти сигналы и предупреждения?

Они призывали к тому, чтобы ликвидировать слабость партийно-организационной работы и превратить партию в неприступную крепость, куда не мог бы проникнуть ни один двурушник.

Они призывали к тому, чтобы покончить с недооценкой партийно-политической работы и сделать решительный поворот в сторону всемерного усиления такой работы, в сторону усиления политической бдительности.

И что же? Факты показали, что сигналы и предупреждения воспринимались нашими товарищами более чем туго.

Об этом красноречиво говорят всем известные факты из области кампании по проверке и обмену партийных документов.

Чем объяснить, что эти предостережения и сигналы не возымели должного действия?

Чем объяснить, что наши партийные товарищи, несмотря на их опыт борьбы с антисоветскими элементами, несмотря на целый ряд предостерегающих сигналов и предупреждающих указаний, оказались политически близорукими перед лицом вредительской и шпионско-диверсионной работы врагов народа?

Может быть, наши партийные товарищи стали хуже, чем они были раньше, стали менее сознательными и дисциплинированными? Нет, конечно, нет!

Может быть, они стали перерождаться? Опять же нет! Такое предположение лишено всякого основания.

Так в чем же дело? Откуда такое ротозейство, беспечность, благодушие, слепота?

Дело в том, что наши партийные товарищи, будучи увлечены хозяйственными кампаниями и колоссальными успехами на фронте хозяйственного строительства, забыли просто о некоторых очень важных фактах, о которых большевики не имеют права забывать. Они забыли об одном основном факте из области международно-

го положения СССР и не заметили двух очень важных факторов, имеющих прямое отношение к нынешним вредителям, шпионам, диверсантам и убийцам, прикрывающимся партийным билетом и маскирующимся под большевика.

II

Капиталистическое окружение

Что это за факты, о которых забыли или которых просто не заметили наши партийные товарищи?

Они забыли о том, что Советская власть победила только на одной шестой части света, что пять шестых света составляют владения капиталистических государств. Они забыли, что Советский Союз находится в обстановке капиталистического окружения. У нас принято болтать о капиталистическом окружении, но не хотят вдуматься, что это за штука — капиталистическое окружение. Капиталистическое окружение — это не пустая фраза, это очень реальное и неприятное явление. Капиталистическое окружение — это значит, что имеется одна страна, Советский Союз, которая установила у себя социалистические порядки, и имеется, кроме того, много стран — буржуазные страны, которые продолжают вести капиталистический образ жизни и которые окружают Советский Союз, выжидая случая для того, чтобы напасть на него, разбить его или, во всяком случае — подорвать его мощь и ослабить его.

Об этом основном факте забыли наши товарищи. А ведь он именно и определяет основу взаимоотношений между капиталистическим окружением и Советским Союзом.

Взять, например, буржуазные государства. Наивные люди могут подумать, что между ними существуют исключительно добрые отношения, как между государствами однотипными. Но так могут думать только наивные люди. На самом деле отношения между ними более чем далеки от добрососедских отношений. Доказано, как дважды два четыре, что буржуазные государства за-

сылают друг к другу в тыл своих шпионов, вредителей, диверсантов, а иногда и убийц, дают им задание внедриться в учреждения и предприятия этих государств, создать там свою сеть и «в случае необходимости» — взорвать их тылы, чтобы ослабить их и подорвать их мощь. Так обстоит дело в настоящее время. Так обстояло дело и в прошлом. Взять, например, государства в Европе времен Наполеона I. Франция кишела тогда шпионами и диверсантами из лагеря русских, немцев, австрийцев, англичан. И наоборот, Англия, немецкие государства, Австрия, Россия имели тогда в своем тылу не меньшее количество шпионов и диверсантов из французского лагеря. Агенты Англии дважды устраивали покушение на жизнь Наполеона и несколько раз поднимали вандейских крестьян во Франции против правительства Наполеона. А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило Французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии. Нечего и говорить, что наполеоновское правительство не оставалось в долгу у своих соседей и тоже предпринимало свои диверсионные мероприятия. Так было в прошлом, 130 лет тому назад. Так обстоит дело теперь, спустя 130 лет после Наполеона I. Сейчас Франция и Англия кишат немецкими шпионами и диверсантами, и, наоборот, в Германии в свою очередь подвизаются англо-французские шпионы и диверсанты. Америка кишит японскими шпионами и диверсантами, а Япония — американскими.

Таков закон взаимоотношений между буржуазными государствами.

Спрашивается, почему буржуазные государства должны относиться к Советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет с точки зрения марксизма предположить, что в тылы Советского Сою-

за буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?

Не ясно ли, что, пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?

Обо всем этом забыли наши партийные товарищи и, забыв об этом, оказались застигнутыми врасплох.

Вот почему шпионско-диверсионная работа троцкистских агентов японо-немецкой полицейской охраны оказалась для некоторых наших товарищей полной неожиданностью.

III

Современный троцкизм

Далее. Ведя борьбу с троцкистскими агентами, наши партийные товарищи не заметили, проглядели, что нынешний троцкизм уже не тот, чем он был, скажем, лет 7—8 тому назад, что троцкизм и троцкисты претерпели за это время серьезную эволюцию, в корне изменившую лицо троцкизма, что ввиду этого и борьба с троцкизмом, методы борьбы с ним должны быть изменены в корне. Наши партийные товарищи не заметили, что троцкизм перестал быть политическим течением в рабочем классе, что из политического течения в рабочем классе, каким он был 7—8 лет тому назад, троцкизм превратился в оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств.

Что такое политическое течение в рабочем классе? Политическое течение в рабочем классе — это такая группа или партия, которая имеет свою определенную политическую физиономию, платформу, программу, которая не прячет и не может прятать своих взглядов от рабочего класса, а, наоборот, пропагандирует свои взгляды открыто и честно, на глазах у рабочего класса, кото-

рая не боится показать свое политическое лицо рабочему классу, не боится продемонстрировать своих действительных целей и задач перед рабочим классом, а наоборот, с открытым забралом идет в рабочий класс для того, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Троцкизм в прошлом, лет 7—8 тому назад, был одним из таких политических течений в рабочем классе, правда, антиленинским и потому глубоко ошибочным, но все же политическим течением.

Можно ли сказать, что нынешний троцкизм, троцкизм, скажем, 1936 года, является политическим течением в рабочем классе? Нет, нельзя этого говорить. Почему? Потому что современные троцкисты боятся показать рабочему классу свое действительное лицо, боятся открыть ему свои действительные цели и задачи, старательно прячут от рабочего класса свою политическую физиономию, опасаясь, что, если рабочий класс узнает об их действительных намерениях, он проклянет их, как людей чуждых, и прогонит их от себя. Этим, собственно, и объясняется, что основным методом троцкистской работы является теперь не открытая и честная пропаганда своих взглядов в рабочем классе, а маскировка своих взглядов, подбострастное и подхалимское восхваление взглядов своих противников, фарисейское и фальшивое втаптывание в грязь своих собственных взглядов.

На судебном процессе 1936 года, если вспомните, Каменев и Зиновьев решительно отрицали наличие у них какой-либо политической платформы. У них была полная возможность развернуть на судебном процессе свою политическую платформу. Однако они этого не сделали, заявив, что у них нет никакой политической платформы. Не может быть сомнения, что оба они лгали, отрицая наличие у них платформы. Теперь даже слепые видят, что у них была своя политическая платформа. Но почему они отрицали наличие у них какой-либо политической платформы? Потому что они боялись открыть свое подлинное политическое лицо, они боялись продемонстрировать свою действительную платформу

реставрации капитализма в СССР, опасаясь, что такая платформа вызовет в рабочем классе отвращение.

На судебном процессе в 1937 году Пятаков, Радек и Сокольников стали на другой путь. Они не отрицали наличия политической платформы у троцкистов и зиновьевцев. Они признали наличие у них определенной политической платформы, признали и развернули ее в своих показаниях. Но развернули ее не для того, чтобы призвать рабочий класс, призвать народ к поддержке троцкистской платформы, а для того, чтобы проклясть и заклеить ее, как платформу антинародную и антипролетарскую. Реставрация капитализма, ликвидация колхозов и совхозов, восстановление системы эксплуатации, союз с фашистскими силами Германии и Японии для приближения войны с Советским Союзом, борьба за войну и против политики мира, территориальное расчленение Советского Союза с отдачей Украины немцам, а Приморья — японцам, подготовка военного поражения Советского Союза в случае нападения на него враждебных государств и, как средство достижения этих задач, — вредительство, диверсия, индивидуальный террор против руководителей Советской власти, шпионаж в пользу японо-немецких фашистских сил — такова развернутая Пятаковым, Радеком и Сокольниковым политическая платформа нынешнего троцкизма. Понятно, что такую платформу не могли не прятать троцкисты от народа, от рабочего класса. И они прятали ее не только от рабочего класса, но и от троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но даже от руководящей троцкистской верхушки, состоявшей из небольшой кучки людей в 30—40 человек. Когда Радек и Пятаков потребовали от Троцкого разрешения на созыв маленькой конференции троцкистов в 30—40 человек для информации о характере этой платформы, Троцкий запретил им это, сказав, что нецелесообразно говорить о действительном характере платформы даже маленькой кучке троцкистов, так как такая «операция» может вызвать раскол.

«Политические деятели», прячущие свои взгляды, свою платформу не только от рабочего класса, но и от

троцкистской массы, и не только от троцкистской массы, но и от руководящей верхушки троцкистов, — такова физиономия современного троцкизма.

Но из этого вытекает, что современный троцкизм нельзя уже называть политическим течением в рабочем классе.

Современный троцкизм есть не политическое течение в рабочем классе, а беспринципная и безыдейная банда вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, банда заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

Таков неоспоримый результат эволюции троцкизма за последние 7—8 лет.

Такова разница между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем.

Ошибка наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили этой глубокой разницы между троцкизмом в прошлом и троцкизмом в настоящем. Они не заметили, что троцкисты давно уже перестали быть идейными людьми, что троцкисты давно уже превратились в разбойников с большой дороги, способных на любую гадость, способных на все мерзкое вплоть до шпионажа и прямой измены своей родине, лишь бы напакостить Советскому государству и Советской власти. Они не заметили этого и не сумели поэтому вовремя перестроиться для того, чтобы повести борьбу с троцкистами по-новому, более решительно.

Вот почему мерзости троцкистов за последние годы явились для некоторых наших партийных товарищей полной неожиданностью.

Дальше. Наконец, наши партийные товарищи не заметили того, что между нынешними вредителями и диверсантами, среди которых троцкистские агенты фашизма играют довольно активную роль, с одной стороны, и вредителями и диверсантами времен шахтинского периода, с другой стороны, имеется существенная разница.

Во-первых. Шахтинцы и промпартийцы были открыто чуждыми нам людьми. Это были большей частью

бывшие владельцы предприятий, бывшие управляющие при старых хозяевах, бывшие компаньоны старых акционерных обществ либо просто старые буржуазные специалисты, открыто враждебные нам политически. Никто из наших людей не сомневался в подлинности политического лица этих господ. Да и сами шахтинцы не скрывали своего неприязненного отношения к советскому строю. Нельзя то же самое сказать о нынешних вредителях и диверсантах, о троцкистах. Нынешние вредители и диверсанты, троцкисты — это большей частью люди партийные, с партийным билетом в кармане, — стало быть, люди формально не чужие. Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, подхалимничают перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Разница, как видите, существенная.

Во-вторых. Сила шахтинцев и промпартийцев состояла в том, что они обладали в большей или меньшей степени необходимыми техническими знаниями, в то время, как наши люди, не имевшие таких знаний, вынуждены были учиться у них. Это обстоятельство давало вредителям шахтинского периода большое преимущество, давало им возможность вредить свободно и беспрепятственно, давало им возможность обманывать наших людей технически. Не то с нынешними вредителями, с троцкистами. У нынешних вредителей нет никаких технических преимуществ по отношению к нашим людям. Наоборот, технически наши люди более подготовлены, чем нынешние вредители, чем троцкисты. За время от шахтинского периода до наших дней у нас выросли десятки тысяч настоящих технически подготовленных большевистских кадров. Можно было бы назвать тысячи и десятки тысяч технически выросших большевистских руководителей, в сравнении с которыми все эти Пятаковы и Лившицы, Шестовы и Богуславские, Мураловы и Дробнисы являются пустыми болтунами и пригостишками с точки зрения технической подготовки. В чем же в таком случае состоит сила современных вредителей, троцкистов? Их сила состоит в

партийном билете, в обладании партийным билетом. Их сила состоит в том, что партийный билет дает им политическое доверие и открывает им доступ во все наши учреждения и организации. Их преимущество состоит в том, что, имея партийные билеты и прикидываясь друзьями Советской власти, они обманывали наших людей политически, злоупотребляли доверием, вредили втихомолку и открывали наши государственные секреты врагам Советского Союза. «Преимущество», сомнительное по своей политической и моральной ценности, но все же «преимущество». Этим «преимуществом» и объясняется, собственно, то обстоятельство, что троцкистские вредители, как люди с партбилетом, имеющие доступ во все места наших учреждений и организаций, оказались прямой находкой для разведывательных органов иностранных государств.

Ошибка некоторых наших партийных товарищей состоит в том, что они не заметили, не поняли всей этой разницы между старыми и новыми вредителями, между шахтинцами и троцкистами, и, не заметив этого, не сумели вовремя перестроиться для того, чтобы повести борьбу с новыми вредителями по-новому.

IV

Теневые стороны хозяйственных успехов

Таковы основные факты из области нашего международного и внутреннего положения, о которых забыли или которых не заметили многие наши партийные товарищи.

Вот почему наши люди оказались застигнутыми врасплох событиями последних лет по части вредительства и диверсий.

Могут спросить: но почему наши люди не заметили всего этого, почему они забыли обо всем этом?

Откуда взялись все эти забывчивость, слепота, беспечность, благодушие?

Не есть ли это органический порок в работе наших людей?

Нет, это не органический порок. Это — временное явление, которое может быть быстро ликвидировано при наличии некоторых усилий со стороны наших людей.

В чем же тогда дело?

Дело в том, что наши партийные товарищи за последние годы были всецело поглощены хозяйственной работой, они были до крайности увлечены хозяйственными успехами и, будучи увлечены всем этим делом, — забыли обо всем другом, забросили все остальное.

Дело в том, что, будучи увлечены хозяйственными успехами, они стали видеть в этом деле начало и конец всего, а на такие дела, как международное положение Советского Союза, капиталистическое окружение, усиление политической работы партии, борьба с вредительством и т.п., — не стали просто обращать внимания, полагая, что все эти вопросы представляют второстепенное или даже третьестепенное дело.

Успехи и достижения — дело, конечно, великое. Наши успехи в области социалистического строительства действительно огромны. Но успехи, как и все на свете, имеют и свои теневые стороны. У людей, мало искушенных в политике, большие успехи и большие достижения нередко порождают беспечность, благодушие, самодовольство, чрезмерную самоуверенность, зазнайство, хвастовство. Вы не можете отрицать, что за последнее время хвастунов у нас развелось видимо-невидимо. Неудивительно, что в этой обстановке больших и серьезных успехов в области социалистического строительства создаются настроения бахвальства, настроения парадных манифестаций наших успехов, создаются настроения недооценки сил наших врагов, настроения переоценки своих сил и, как следствие всего этого, — появляется политическая слепота.

Тут я должен сказать несколько слов об опасностях, связанных с успехами, об опасностях, связанных с достижениями.

Об опасностях, связанных с трудностями, мы знаем по опыту. Вот уже несколько лет ведем борьбу с такого рода опасностями и, надо сказать, не без успеха. Опас-

ности, связанные с трудностями, у людей нестойких порождают нередко настроения уныния, неверия в свои силы, настроения пессимизма. И, наоборот, там, где дело идет о том, чтобы побороть опасности, проистекающие из трудностей, люди закаляются в этой борьбе и выходят из борьбы действительно твердокаменными большевиками. Такова природа опасностей, связанных с трудностями. Таковы результаты преодоления трудностей.

Но есть другого рода опасности, опасности, связанные с успехами, опасности, связанные с достижениями. Да, да, товарищи, опасности, связанные с успехами, с достижениями. Опасности эти состоят в том, что у людей, мало искушенных в политике и не очень много видавших, обстановка успехов — успех за успехом, достижение за достижением, перевыполнение планов за перевыполнением, — порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почить на лаврах.

Неудивительно, что в этой одуряющей атмосфере зазнайства и самодовольства, атмосфере парадных манифестаций и шумливых самовосхвалений люди забывают о некоторых существенных фактах, имеющих первостепенное значение для судеб нашей страны, люди начинают не замечать таких неприятных фактов, как капиталистическое окружение, новые формы вредительства, опасности, связанные с нашими успехами и т.п. Капиталистическое окружение? Да это же чепуха! Какое значение может иметь какое-то капиталистическое окружение, если мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Новые формы вредительства, борьба с троцкизмом? Все это пустяки! Какое значение могут иметь все эти мелочи, когда мы выполняем и перевыполняем наши хозяйственные планы? Партийный устав, выборность парторганов, отчетность партийных руководителей перед партийной массой? Да есть ли во всем этом нужда? Стоит ли вообще возиться

с этими мелочами, если хозяйство у нас растет, а материальное положение рабочих и крестьян все более и более улучшается? Пустяки все это! Планы перевыполняем, партия у нас неплохая, ЦК партии тоже неплохой — какого рожна еще нам нужно? Станные люди сидят там в Москве, в ЦК партии: выдумывают какие-то вопросы, толкуют о каком-то вредительстве, сами не спят, другим спать не дают...

Вот вам наглядный пример того, как легко и «просто» заражаются политической слепотой некоторые наши неопытные товарищи в результате головокружительного увлечения хозяйственными успехами.

Таковы опасности, связанные с успехами, с достижениями.

Таковы причины того, что наши партийные товарищи, увлекшись хозяйственными успехами, забыли о фактах международного и внутреннего характера, имеющих существенное значение для Советского Союза, и не заметили целого ряда опасностей, окружающих нашу страну.

Таковы корни нашей беспечности, забывчивости, благодушия, политической слепоты.

Таковы корни недостатков нашей хозяйственной и партийной работы.

V

Наши задачи

Как ликвидировать эти недостатки нашей работы?
Что нужно сделать для этого?

Необходимо осуществить следующие мероприятия.

1) Необходимо прежде всего повернуть внимание наших партийных товарищей, увязающих в «текущих вопросах» по линии того или иного ведомства, — в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера.

2) Необходимо поднять политическую работу нашей партии на должную высоту, поставив во главу угла задачу политического просвещения и большевистской закалки партийных, советских и хозяйственных кадров.

3) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что хозяйственные успехи, значение которых, бесспорно, очень велико и которых мы будем добиваться и впредь, изо дня в день, из года в год, все же не исчерпывают всего дела нашего социалистического строительства.

Разъяснить, что теневые стороны, связанные с хозяйственными успехами и выражающиеся в самодовольстве, беспечности, в притуплении политического чутья, могут быть ликвидированы лишь в том случае, если хозяйственные успехи сочетаются с успехами партийного строительства и развернутой политической работы нашей партии.

Разъяснить, что сами хозяйственные успехи, их прочность и длительность целиком и полностью зависят от успехов партийно-организационной и партийно-политической работы, что без этого условия хозяйственные успехи могут оказаться построенными на песке.

4) Необходимо помнить и никогда не забывать, что капиталистическое окружение является основным фактом, определяющим международное положение Советского Союза.

Помнить и никогда не забывать, что, пока есть капиталистическое окружение, будут и вредителя, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в тылы Советского Союза разведывательными органами иностранных государств, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, которые недооценивают значения факта капиталистического окружения, которые недооценивают силы и значения вредительства.

Разъяснить нашим партийным товарищам, что никакие хозяйственные успехи, как бы они ни были велики, не могут аннулировать факта капиталистического окружения и вытекающих из этого факта результатов.

Принять необходимые меры для того, чтобы наши товарищи, партийные и беспартийные большевики, имели возможность знакомиться с целями и задачами, с практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов.

5) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов.

Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома.

6) Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам разницу между современными вредителями и вредителями шахтинского периода, разъяснить, что если вредители шахтинского периода обманывали наших людей на технике, используя их техническую отсталость, то современные вредители, обладающие партийным билетом, обманывают наших людей на политическом доверии к ним, как к членам партии, используя политическую беспечность наших людей.

Необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтинских времен, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду.

Могут спросить: разве нельзя было лет десять тому назад, в период шахтинских времен, дать сразу оба лозунга, и первый лозунг об овладении техникой, и второй лозунг о политическом воспитании кадров? Нет, нельзя было. Так у нас дела не делаются в большевистской партии. В поворотные моменты революционного движения всегда выдвигается один какой-либо основной лозунг, как узловый, для того, чтобы, ухватившись за него, вытянуть через него всю цепь. Ленин так учил нас: найдите основное звено в цепи нашей работы, ух-

ватитесь за него и вытягивайте его для того, чтобы через него вытянуть всю цепь и идти вперед. История революционного движения показывает, что эта тактика является единственно правильной тактикой. В шахтинский период слабость наших людей состояла в их технической отсталости. Не политические, а технические вопросы составляли тогда для нас слабое место. Что касается наших политических отношений к тогдашним вредителям, то они были совершенно ясны, как отношения большевиков к политически чуждым людям. Эту нашу техническую слабость мы ликвидировали тем, что дали лозунг об овладении техникой и воспитали за истекший период десятки и сотни тысяч технически подкованных большевистских кадров. Другое дело теперь, когда мы имеем уже технически подкованные большевистские кадры и когда в роли вредителей выступают не открыто чуждые люди, не имеющие к тому же никаких технических преимуществ в сравнении с нашими людьми, а люди, обладающие партийным билетом и пользующиеся всеми правами членов партии. Теперь слабость наших людей составляет не техническая отсталость, а политическая беспечность, слепое доверие к людям, случайно получившим партийный билет, отсутствие проверки людей не по их политическим декларациям, а по результатам их работы. Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно получившим партийный билет.

Такова коренная разница между узловым вопросом в деле борьбы за кадры в период шахтинских времен и узловым вопросом настоящего периода.

Вот почему мы не могли и не должны были давать лет десять тому назад сразу оба лозунга, и лозунг об овладении техникой, и лозунг о политическом воспитании кадров.

Вот почему старый лозунг об овладении техникой необходимо теперь дополнить новым лозунгом об овла-

дении большевизмом, о политическом воспитании кадров и ликвидации нашей политической беспечности.

7) Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным.

Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм.

Необходимо помнить все это и быть начеку.

8) Необходимо разбить и отбросить прочь другую гнилую теорию, говорящую о том, что не может быть будто бы вредителем тот, кто не всегда вредит и кто хоть иногда показывает успехи в своей работе.

Эта странная теория изобличает наивность ее авторов. Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от вре-

мени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу.

Я думаю, что вопрос этот ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

9) Необходимо разбить и отбросить прочь третью гнилую теорию, говорящую о том, что систематическое выполнение хозяйственных планов сводит будто бы на нет вредительство и результаты вредительства.

Подобная теория может преследовать лишь одну цель: пощекотать ведомственное самолюбие наших работников, успокоить их и ослабить их борьбу с вредительством.

Что значит — «систематическое выполнение наших хозяйственных планов»?

Во-первых, доказано, что все наши хозяйственные планы являются заниженными, ибо они не учитывают огромных резервов и возможностей, таящихся в недрах нашего народного хозяйства.

Во-вторых, суммарное выполнение хозяйственных планов по наркоматам в целом еще не значит, что по некоторым очень важным отраслям так же выполняются планы. Наоборот, факты говорят, что целый ряд наркоматов, выполнивших и даже перевыполнивших годовые хозяйственные планы, систематически не выполняет планов по некоторым очень важным отраслям народного хозяйства.

В-третьих, не может быть сомнения в том, что, если бы вредители не были разоблачены и выброшены вон, с выполнением хозяйственных планов дело обстояло бы куда хуже, о чем следовало бы помнить близоруким авторам разбираемой теории.

В-четвертых, вредители обычно приурочивают главную свою вредительскую работу не к периоду мирного времени, а к периоду кануна войны или самой войны. Допустим, что мы стали бы убаюкивать себя гнилой теорией о «систематическом выполнении хозяйственных планов» и не трогали бы вредителей. Представляют ли авторы этой гнилой теории, какой колоссальный вред

нанесли бы нашему государству вредители в случае войны, если бы дали им остаться в недрах нашего народного хозяйства под сенью гнилой теории о «систематическом выполнении хозяйственных планов».

Не ясно ли, что теория о «систематическом выполнении хозяйственных планов» есть теория, выгодная для вредителей?

10) Необходимо разбить и отбросить прочь четвертую гнилую теорию, говорящую о том, что стахановское движение является будто бы основным средством ликвидации вредительства.

Эта теория выдумана для того, чтобы под шумок болтовни о стахановцах и стахановском движении отвести удар от вредителей.

Тов. Молотов в своем докладе демонстрировал целый ряд фактов, говорящих о том, как троцкистские и нетроцкистские вредители в Кузбассе и Донбассе, злоупотребляя доверием наших политически беспечных товарищей, систематически водили за нос стахановцев, ставили им палки в колеса, искусственно создавали целый ряд препятствий для их успешной работы и добились, наконец, того, что расстроили их работу. Что могут сделать одни лишь стахановцы, если вредительское ведение капитального строительства, скажем, в Донбассе привело к разрыву между подготовительными работами по добыче угля, которые отстают от темпов, и всеми другими работами? Не ясно ли, что само стахановское движение нуждается в реальной помощи с нашей стороны против всех и всяких махинаций вредителей для того, чтобы двинуть вперед дело и выполнить свою великую миссию? Не ясно ли, что борьба с вредительством, борьба за ликвидацию вредительства, обуздание вредительства является условием, необходимым для того, чтобы стахановское движение могло развернуться во всю ширь?

Я думаю, что вопрос этот так же ясен и не нуждается в дальнейших разъяснениях.

11) Необходимо разбить и отбросить прочь пятую гнилую теорию, говорящую о том, что у троцкистских

вредителей нет будто бы больше резервов, что они добирают будто бы свои последние кадры.

Это неверно, товарищи. Такую теорию могли выдумать только наивные люди. У троцкистских вредителей есть свои резервы. Они состоят прежде всего из остатков разбитых эксплуататорских классов в СССР. Они состоят из целого ряда групп и организаций за пределами СССР, враждебных Советскому Союзу.

Взять, например, троцкистский контрреволюционный IV интернационал, состоящий на две трети из шпионов и диверсантов. Чем это не резерв? Разве не ясно, что этот шпионский интернационал будет выделять кадры для шпионско-вредительской работы троцкистов?

Или еще, взять, например, группу пройдохи Шефло в Норвегии, приютившую у себя обер-шпиона Троцкого и помогавшую ему пакостить Советскому Союзу. Чем эта группа не резерв? Кто может отрицать, что эта контрреволюционная группа будет и впредь оказывать услуги троцкистским шпионам и вредителям?

Или еще, взять, например, другую группу такого же пройдохи, как Шефло, группу Суварина во Франции. Чем она не резерв? Разве можно отрицать, что эта группа пройдох также будет помогать троцкистам в их шпионско-вредительской работе против Советского Союза?

А все эти господа из Германии, всякие там Рут Фишеры, Масловы, Урбансы, продавшие душу и тело фашистам, — чем они не резерв для троцкистской шпионско-вредительской работы?

Или, например, известная орда писателей из Америки во главе с известным жуликом Истменом, все эти разбойники пера, которые тем и живут, что клеветают на рабочий класс СССР, — чем они не резерв для троцкизма?

Нет, надо отбросить прочь гнилую теорию о том, что троцкисты добирают будто бы последние кадры.

12) Наконец, необходимо разбить и отбросить прочь еще одну гнилую теорию, говорящую о том, что так как нас, большевиков, много, а вредителей мало, так как нас, большевиков, поддерживают десятки миллионов людей, а троцкистских вредителей лишь единицы и де-

сятки, то мы, большевики, могли бы и не обращать внимания на какую-то кучку вредителей.

Это неверно, товарищи. Эта более чем странная теория придумана для того, чтобы утешить некоторых наших руководящих товарищей, провалившихся на работе ввиду их неумения бороться с вредительством, и усыпить их бдительность, дать им спокойно спать.

Что троцкистских вредителей поддерживают единицы, а большевиков десятки миллионов людей — это, конечно, верно. Но из этого вовсе не следует, что вредители не могут нанести нашему делу серьезнейший вред. Для того чтобы напакостить и навредить, для этого вовсе не требуется большое количество людей. Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах.

Так обстоит дело с вопросом о том, как ликвидировать недостатки нашей работы, общие для всех наших организаций, как хозяйственных и советских, так и административных и партийных.

Таковы меры, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки.

Что касается специально партийных организаций и недостатков в их работе, то о мерах ликвидации этих недостатков достаточно подробно говорится в представ-

ляемом на ваше усмотрение проекте резолюции. Я думаю поэтому, что нет необходимости распространяться здесь об этой стороне дела.

Хотелось бы только сказать несколько слов по вопросу о политической подготовке и усовершенствовании наших партийных кадров.

Я думаю, что если бы смогли, если бы мы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач.

Как обстоит дело с руководящим составом нашей партии?

В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии.

Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство.

Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство.

Поднять идеологический уровень и политическую закалку этих командных кадров, влить в эти кадры свежие силы, ждущие своего выдвижения, и расширить таким образом состав руководящих кадров, — вот задача.

Что требуется для этого?

Прежде всего необходимо предложить нашим партийным руководителям, от секретарей ячеек до секретарей областных и республиканских партийных организаций, подобрать себе в течение известного периода по два человека, по два партийных работника, способных быть их действительными заместителями. Могут сказать: а где их достать, двух заместителей на каждого, у нас нет таких людей, нет соответствующих работников. Это неверно, товарищи. Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и

вовремя выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящите.

Далее. Для партийного обучения и переподготовки секретарей ячеек необходимо создать в каждом областном центре четырехмесячные «Партийные курсы». На эти курсы надо направлять секретарей всех первичных партийных организаций (ячеек), а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — их заместителей и наиболее способных членов первичных парторганизаций.

Дальше. Для политической переподготовки первых секретарей районных организаций необходимо создать по СССР, скажем, в 10-ти наиболее важных центрах, восьмимесячные «Ленинские курсы». На эти курсы следует направлять первых секретарей районных и окружных партийных организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — их заместителей и наиболее способных членов районных и окружных организаций.

Дальше. Для идеологической переподготовки и политического усовершенствования секретарей городских организаций необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячные «Курсы по истории и политике партии». На эти курсы следует направлять первых или вторых секретарей городских организаций, а потом, по прохождении курсов и возвращении их на место, — наиболее способных членов городских организаций.

Наконец, необходимо создать при ЦК ВКП(б) шестимесячное «Совещание по вопросам внутренней и международной политики». Сюда надо направлять первых секретарей областных и краевых организаций и центральных комитетов национальных коммунистических партий. Эти товарищи должны дать не одну, а несколько смен, могущих заменить руководителей Центрального Комитета нашей партии. Это необходимо и это должно быть сделано.

Я кончаю, товарищи.

Мы изложили, таким образом, основные недостатки нашей работы, как те, которые общи для всех наших организаций, хозяйственных, административных, партийных, так и те, которые свойственны лишь специаль-

но партийным организациям, недостатки, используемые врагами рабочего класса для своей диверсионно-вредительской и шпионско-террористической работы.

Мы наметили далее основные мероприятия, необходимые для того, чтобы ликвидировать эти недостатки и обезвредить диверсионно-вредительские и шпионско-террористические вылазки троцкистско-фашистских агентов иностранных разведывательных органов.

Спрашивается, можем ли осуществить все эти мероприятия, есть ли у нас для этого все необходимые возможности?

Безусловно, можем. Можем, так как у нас есть в нашем распоряжении все средства, необходимые для того, чтобы осуществить эти мероприятия. Чего же не хватает у нас?

Не хватает только одного: готовности ликвидировать свою собственную беспечность, свое собственное благодушие, свою собственную политическую близорукость. В этом загвоздка.

Но неужели мы не сумеем разделаться с этой смешной и идиотской болезнью, мы, которые свергли капитализм, построили в основном социализм и подняли великое знамя мирового коммунизма?

У нас нет оснований сомневаться в том, что безусловно разделаемся с ней, если, конечно, захотим этого. Разделаемся не просто, а по-большевистски, по-настоящему.

И когда мы разделаемся с этой идиотской болезнью, мы можем сказать с полной уверенностью, что нам не страшны никакие враги, ни внутренние, ни внешние, нам не страшны их вылазки, ибо мы будем их разбивать в будущем так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 3 МАРТА 1937 ГОДА

Товарищи!

Я говорил в своем докладе об основных вопросах обсуждаемого дела. Прения показали, что у нас имеется теперь полная ясность, имеется понимание задач и есть

готовность ликвидировать недостатки нашей работы. Но прения показали также, что есть некоторые конкретные вопросы нашей организационно-политической партии, по которым нет еще у нас вполне ясного понимания. Таких вопросов я насчитал семь.

Разрешите сказать несколько слов об этих вопросах.

1) Теперь, надо полагать, все поняли, осознали, что чрезмерное увлечение хозяйственными кампаниями и хозяйственными успехами при недооценке и забвении партийно-политических вопросов ведет к тупику. Необходимо, стало быть, повернуть внимание работников в сторону партийно-политических вопросов с тем, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы.

Как практически осуществить задачу усиления партийно-политической работы, задачу освобождения партийных организаций от хозяйственных мелочей? Как видно из прений, некоторые товарищи склонны делать из этого неправильный вывод о том, что придется будто бы отойти вовсе от хозяйственной работы. По крайней мере были голоса: ну, теперь, слава богу, освободимся от хозяйственных дел, теперь можно заняться и партийно-политической работой. Правильен ли этот вывод? Нет, неправилен. Когда наши партийные товарищи, увлекаясь хозяйственными успехами, отходили от политики, это была крайность, стоившая нам больших жертв. Если теперь некоторые наши товарищи, берясь за усиление партийно-политической работы, вздумают отойти от хозяйства, то это будет другая крайность, которая будет нам стоить не меньших жертв. Нельзя шарахаться от одной крайности к другой. Нельзя отделять политику от хозяйства. Мы не можем уйти от хозяйства так же, как не можем уйти от политики. Для удобства изучения люди обычно отделяют методологические вопросы хозяйства от вопросов политики. Но это делается лишь методологически, искусственно, только для удобства изучения. В жизни, наоборот, на практике политика и хозяйство неотделимы. Они существуют вместе и действуют вместе. И тот, кто думает в нашей практической работе отделить хозяйство от политики, усилить хозяй-

ственную работу ценой умаления политической работы или, наоборот, усилить политическую работу ценой умаления хозяйственной работы, тот обязательно попадает в тупик.

Смысл известного пункта проекта резолюции об освобождении партийных организаций от хозяйственных мелочей и усилении партийно-политической работы состоит не в том, чтобы отойти от хозяйственной работы и хозяйственного руководства, а только лишь в том, чтобы не допускать больше практики подмены и обезличения хозяйственных органов, в том числе и особенно земельных органов, нашими партийными организациями. Необходимо, стало быть, усвоить метод большевистского руководства хозяйственными органами, состоящий в том, чтобы систематически помогать этим органам, систематически укреплять их и руководить хозяйством не помимо этих органов, а через них. Нужно дать хозяйственным органам, и прежде всего земельным органам, лучших людей, нужно укомплектовать эти органы новыми лучшими работниками, способными выполнять возложенные на них задачи. Только после того как будет проделана эта работа, можно будет рассчитывать на то, что партийные организации будут полностью освобождены от хозяйственных мелочей. Понятно, что дело это серьезное и требует известного времени. Но пока это не сделано, партийным организациям придется и впредь, на определенно короткий срок, заниматься: вплотную сельскохозяйственными делами со всеми; их мелочами, пахотой, севом, уборкой и т.д.

2) Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т.д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов

рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснений.

Но вот вопрос: как практически осуществить задачу разгрома и выкорчевывания японо-германских агентов троцкизма? Значит ли это, что надо бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил тот или иной троцкист? По крайней мере, такие голоса раздавались здесь на пленуме. Можно ли считать такое толкование резолюции правильным? Нет, нельзя считать правильным. В этом вопросе, как и во всех других вопросах, необходим индивидуальный, дифференцированный подход. Нельзя стричь всех под одну гребенку. Такой огульный подход может только повредить делу борьбы с действительными троцкистскими вредителями и шпионами.

Среди наших ответственных товарищей имеется некоторое количество бывших троцкистов, которые давно уже отошли от троцкизма и ведут борьбу с троцкизмом не хуже, а лучше некоторых наших уважаемых товарищей, не имевших случая колебаться в сторону троцкизма. Было бы глупо опорочивать теперь таких товарищей.

Среди наших товарищей есть и такие, которые идеологически стояли всегда против троцкизма, но, несмотря на это, поддерживали личную связь с отдельными троцкистами, которую они не замедлили ликвидировать, как только стала для них ясной практическая физиономия троцкизма. Нехорошо, конечно, что они прервали свою личную приятельскую связь с отдельными троцкистами не сразу, а с опозданием. Но было бы глупо валить таких товарищей в одну кучу с троцкистами.

3) Что значит — правильно подбирать работников и правильно расставлять их на работе?

Это значит подбирать работников, во-первых, по политическому признаку, т.е. заслуживают ли они по-

литического доверия, и, во-вторых, по деловому признаку, т.е. пригодны ли они для такой-то конкретной работы.

Это значит не превращать деловой подход в деляческий подход, когда люди интересуются деловыми качествами работников, но не интересуются их политической физиономией.

Это значит не превращать политический подход в единственный и исчерпывающий подход, когда люди интересуются политической физиономией работников, но не интересуются их деловыми качествами.

Можно ли сказать, что это большевистское правило выполняется нашими партийными товарищами? К сожалению, нельзя этого сказать. Здесь, на пленуме, уже говорили об этом. Но не сказали всего. Дело в том, что это испытанное правило нарушается в нашей практике сплошь и рядом и притом самым грубым образом. Чаще всего подбирают работников не по объективным признакам, а по признакам случайным, субъективным, обывательски-мещанским. Подбирают чаще всего так называемых знакомых, приятелей, земляков, лично преданных людей, мастеров по восхвалению своих шефов — безотносительно к их политической и деловой пригодности.

Понятно, что вместо руководящей группы ответственных работников получается семейка близких людей, артель, члены которой стараются жить в мире, не обижать друг друга, не выносить сора из избы, восхвалять друг друга и время от времени посылать в центр пустопорожние и тошнотворные рапорта об успехах.

Нетрудно понять, что в такой семейственной обстановке не может быть места ни для критики недостатков работы, ни для самокритики руководителей работы.

Понятно, что такая семейственная обстановка создает благоприятную среду для выращивания подхалимов, людей, лишенных чувства своего достоинства и потому не имеющих ничего общего с большевизмом.

Взять, например, товарищей Мирзояна и Вайнова. Первый из них является секретарем краевой партийной организации Казахстана, второй — секретарем Яро-

славской областной партийной организации. Эти люди в нашей среде — не последние работники. А как они подбирают работников? Первый перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он раньше работал, 30—40 «своих» людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже «своих» людей и расставил их тоже на ответственные посты. Есть, стало быть, своя артель у товарища Мирзояна. Есть она и у товарища Вайнова. Разве нельзя было подобрать работников из местных людей, руководствуясь известным большевистским правилом о подборе и расстановке людей? Конечно, можно было бы. Почему же они этого не сделали? Потому что они нарушают большевистское правило подбора работников, которое исключает возможность обывательски-мещанского подхода, исключает возможность подбора работников по признакам семейственности и артельности. Кроме того, подбирая в качестве работников лично преданных людей, эти товарищи хотели, видимо, создать для себя обстановку некоторой независимости как в отношении местных людей, так и в отношении ЦК партии. Допустим, что товарищи Мирзоян и Вайнов в силу тех или иных обстоятельств будут переведены из места нынешней их работы в какие-либо другие места. Как они должны поступать в таком случае в отношении своих «хвостов»? Неужели им придется снова перетаскивать их в новые места своей работы?

Вот к какому абсурду приводит нарушение большевистского правила о правильном подборе и расстановке работников.

4) Что значит — проверять работников, проверять исполнение заданий?

Проверять работников — это значит проверять их не по их обещаниям и декларациям, а по результатам их работы.

Проверять исполнение заданий — это значит проверять их не только в канцелярии и не только по формальным отчетам, но прежде всего проверять их на месте работы по фактическим результатам исполнения.

Нужна ли вообще такая проверка? Безусловно, нужна. Нужна, во-первых, потому, что только такая проверка дает возможность распознать работника, определить его действительные качества. Нужна, во-вторых, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки исполнительского аппарата. Нужна, в-третьих, потому, что только такая проверка дает возможность определить достоинства и недостатки самих заданий.

Некоторые товарищи думают, что проверять людей можно только сверху, когда руководители проверяют руководимых по результатам их работы. Это неверно. Проверка сверху, конечно, нужна, как одна из действительных мер проверки людей и проверки исполнения заданий. Но проверка сверху далеко еще не исчерпывает всего дела проверки. Существует еще другого рода проверка, проверка снизу, когда массы, когда руководимые проверяют руководителей, отмечают их ошибки и указывают пути их исправления. Этого рода проверка является одним из самых действенных способов проверки людей.

Партийные массы проверяют своих руководителей на активах, на конференциях, на съездах путем заслушивания их отчетов, путем критики недостатков, наконец, путем избрания или неизбрания в руководящие органы тех или иных руководящих товарищей. Точное проведение демократического централизма в партии, как этого требует устав нашей партии, безусловная выборность партийных органов, право выставления и отвода кандидатов, закрытое голосование, свобода критики и самокритики — все эти и подобные им мероприятия необходимо провести в жизнь для того, между прочим, чтобы облегчить проверку и контроль руководителей партии со стороны партийных масс.

Беспартийные массы проверяют своих хозяйственных, профессиональных и иных руководителей на беспартийных активах, на массовых совещаниях всякого рода, где они заслушивают отчеты своих руководителей, критикуют недостатки и намечают пути их исправления.

Наконец, народ проверяет руководителей страны во время выборов в органы власти Советского Союза путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Задача состоит в том, чтобы соединить проверку сверху с проверкой снизу.

5) Что значит — обучать кадры на их собственных ошибках?

Ленин учил, что добросовестное вскрытие ошибок партии, изучение причин, породивших эти ошибки, и намечение путей, необходимых для исправления этих ошибок, является одним из вернейших средств правильного обучения и воспитания партийных кадров, правильного обучения и воспитания рабочего класса и трудящихся масс. Ленин говорит:

«Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею на деле ее обязанностей к своему классу и к трудящимся массам. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это воспитание и обучение класса, а затем и массы».

Это значит, что обязанностью большевиков является не замазывание своих ошибок, не увиливание от вопроса об их ошибках, как это бывает у нас часто, а честное и открытое признание своих ошибок, честное и открытое намечение путей для исправления этих ошибок, честное и открытое исправление своих ошибок.

Я бы не сказал, чтобы многие из наших товарищей с удовольствием пошли на это дело. Но большевики, если они действительно хотят быть большевиками, должны найти в себе мужество открыто признать свои ошибки, вскрыть их причины, наметить пути их исправления и тем помочь партии дать кадрам правильное обучение и правильное политическое воспитание. Ибо только на этом пути, только в обстановке открытой и честной самокритики можно воспитать действительно больше-

вистские кадры, можно воспитать действительно большевистских лидеров.

Два примера, демонстрирующих правильность положения Ленина.

Взять, например, наши ошибки с колхозным строительством. Вы помните, должно быть, 1930 год, когда наши партийные товарищи думали разрешить самый сложный вопрос перевода крестьянства на колхозное строительство в какие-нибудь 3—4 месяца и когда Центральный Комитет партии оказался вынужденным осадить увлекающихся товарищей. Это был один из самых опасных периодов в жизни нашей партии. Ошибка состояла в том, что наши партийные товарищи забыли о добровольности колхозного строительства, забыли, что нельзя переводить крестьян на колхозный путь путем административного нажима, забыли, что колхозное строительство требует не нескольких месяцев, а нескольких лет тщательной и продуманной работы. Они забыли об этом и не хотели признавать своих ошибок. Вы помните, должно быть, что указание ЦК о головокружении от успехов и о том, чтобы наши товарищи на местах не забегали вперед, игнорируя реальную обстановку, было встречено в штыки. Но это не удержало ЦК от того, чтобы пойти против течения и повернуть наших партийных товарищей на правильный путь. И что же? Теперь ясно для всех, что партия добилась своего, повернув наших партийных товарищей на правильный путь. Сейчас у нас имеются десятки тысяч великолепных кадров из крестьян по колхозному строительству и колхозному руководству. Эти кадры обучались и воспитались на ошибках 1930 года. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Другой пример уже из области промышленного строительства. Я имею в виду наши ошибки в период шахтинского вредительства. Наши ошибки состояли в том, что мы не учитывали всей опасности технической отсталости наших кадров в промышленности, мы мирились с этой отсталостью и думали развернуть широкое социалистическое промышленное строительство при

помощи враждебно настроенных специалистов, обрекая наши хозяйственные кадры на роль плохих комиссаров при буржуазных специалистах. Вы помните, должно быть, как неохотно признавали тогда наши хозяйственные кадры свои ошибки, как неохотно признавали они свою техническую отсталость и до чего туго усваивали они лозунг — «овладеть техникой». И что же? Факты показывают, что лозунг «овладеть техникой» возымел свое действие и дал свои благие результаты. Теперь у нас имеются десятки и сотни тысяч великолепных большевистских хозяйственных кадров, уже овладевших техникой и двигающих нашу промышленность. Но этих кадров не было бы у нас теперь, если бы партия спасовала перед упорством хозяйственников, не желавших признать свою техническую отсталость, если бы партия не осознала тогда своих ошибок и не исправила их своевременно.

Некоторые товарищи говорят, что нецелесообразно говорить открыто о своих ошибках, так как открытое признание своих ошибок может быть расценено нашими врагами, как наша слабость, и может быть использовано ими. Это пустяки, товарищи, сущие пустяки. Открытое признание наших ошибок и честное их исправление, наоборот, может лишь усилить нашу партию, поднять авторитет нашей партии в глазах рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, поднять силу и мощь нашего государства. А это главное. Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится.

Другие товарищи говорят, что открытое признание наших ошибок может привести не к обучению и укреплению наших кадров, а к их ослаблению и расстройству, что мы должны щадить и беречь свои кадры, что мы должны щадить их самолюбие и спокойствие. Для этого они предлагают замазывать ошибки наших товарищей, ослабить силу критики, а еще лучше — пройти мимо этих ошибок. Такая установка является не только в корне неправильной, но и в высшей степени опасной, опасной прежде всего для кадров, которые хотят «щадить» и «беречь». Щадить и сохранить кадры при помо-

ши замазывания их ошибок, — это значит наверняка погубить эти самые кадры. Мы бы наверняка загубили свои колхозные большевистские кадры, если бы не вскрыли ошибок 1930 года и не обучили их на этих ошибках. Мы бы наверняка загубили свои промышленные большевистские кадры, если бы мы не вскрыли наших товарищей в период шахтинского вредительства и не обучили наши промышленные кадры на этих ошибках. Кто думает шадить самолюбие наших кадров путем замазывания их ошибок, тот губит и кадры, и самолюбие кадров, ибо он замазыванием их ошибок облегчает повторение новых, может быть, более серьезных ошибок, которые, надо полагать, приведут к полному провалу кадров в ущерб их «самолюбию» и «спокойствию».

б) Ленин учил нас не только учить массы, но и учиться у масс.

Что это значит?

Это значит, что мы, руководители, не должны зазнаваться и должны понимать, что если мы являемся членами ЦК или наркома, то это еще не значит, что мы обладаем всеми знаниями, необходимыми для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание — тем более.

Это значит, что одного лишь нашего опыта, опыта руководителей недостаточно для того, чтобы правильно руководить, что необходимо, стало быть, дополнять свой опыт, опыт руководителей, опытом масс, опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом народа.

Это значит ни на минуту не ослаблять, а тем более не разрывать наших связей с массами.

Это значит, наконец, чутко прислушиваться к голосу масс, к голосу рядовых членов партии, к голосу так называемых «маленьких людей», к голосу народа.

Что значит правильно руководить?

Это вовсе не значит сидеть в канцелярии и строчить директивы.

Правильно руководить — это значит:

— во-первых, найти правильное решение вопроса, а правильное решение невозможно найти без учета опыта

масс, которые на своей собственной спине испытывают результаты нашего руководства;

— во-вторых, организовать исполнение правильного решения, чего, однако, нельзя сделать без прямой помощи со стороны масс;

— в-третьих, организовать проверку исполнения этого решения, чего опять-таки невозможно сделать без прямой помощи масс.

Мы, руководители, видим вещи, события, людей только с одной стороны, я бы сказал — сверху, наше поле зрения, стало быть, более или менее ограничено. Массы, наоборот, видят вещи, события, людей с другой стороны, я бы сказал — снизу, их поле зрения тоже, стало быть, в известной степени ограничено. Чтобы получить правильное решение вопроса, надо объединить эти два опыта. Только в таком случае руководство будет правильным.

Вот что значит не только учить массы, но и учиться у масс.

Два примера, демонстрирующие правильность этого положения Ленина.

Это было несколько лет тому назад. Мы, члены ЦК, обсуждали вопрос об улучшении положения в Донбассе. Проект мероприятий, представленный Наркомтяжем, был явно неудовлетворительный. Трижды возвращали проект в Наркомтяж. Трижды получали из Наркомтяжа все разные проекты. И все же нельзя было признать их удовлетворительными. Наконец, мы решили вызвать из Донбасса несколько рабочих и рядовых хозяйственных и профессиональных работников. Три дня беседовали с этими товарищами. И все мы, члены ЦК, должны были признать, что только они, эти рядовые работники, эти «маленькие люди», сумели подсказать нам правильное решение. Вы помните, должно быть, известное решение ЦК и Совнаркома о мерах усиления добычи угля в Донбассе. Так вот это решение ЦК и Совнаркома которое признано всеми нашими товарищами правильным и даже знаменитым решением, подсказали нам простые люди из низов.

Другой пример. Я имею в виду пример с тов. Нико-

лаенко. Кто такая Николаенко? Николаенко — это рядовой член партии. Она — обыкновенный «маленький человек». Целый год она подавала сигналы о неблагополучии в партийной организации в Киеве, разоблачала семейственность, мещанско-обывательский подход к работникам, зажим самокритики, засилье троцкистских вредителей. От нее отмахивались, как от назойливой мухи. Наконец, чтобы отбиться от нее, взяли и исключили ее из партии. Ни Киевская организация, ни ЦК КП(б)У не помогли ей добиться правды. Только вмешательство Центрального Комитета партии помогло распутать этот запутанный узел. А что выяснилось после разбора дела? Выяснилось, что Николаенко была права, а Киевская организация была не права. Ни больше ни меньше. А ведь кто такая Николаенко? Она, конечно, не член ЦК, она не нарком, она не секретарь Киевской областной организации, она даже не секретарь какой-либо ячейки, она только простой рядовой член партии.

Как видите, простые люди оказываются иногда куда ближе к истине, чем некоторые высокие учреждения.

Можно было бы привести еще десятки и сотни таких примеров.

Выходит, таким образом, что для руководства нашим делом одного лишь нашего опыта, опыта руководителей, далеко еще не достаточно. Для того чтобы правильно руководить, необходимо опыт руководителей дополнить опытом партийной массы, опытом рабочего класса, опытом трудящихся, опытом так называемых «маленьких людей».

А когда это возможно?

Это возможно лишь в том случае, если руководители связаны с массами теснейшим образом, если они связаны с партийными массами, с рабочим классом, с крестьянством, с трудовой интеллигенцией.

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс — вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства.

Можно признать как правило, что, пока большевики сохраняют связь с широкими массами народа, они

будут непобедимыми. И наоборот, стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку.

У древних греков в системе их мифологии был один знаменитый герой — Антей, который был, как повествует мифология, сыном Посейдона — бога морей и Геи — богини земли. Он питал особую привязанность к матери своей, которая его родила, вскормила и воспитала. Не было такого героя, которого бы он не победил, — этот Антей. Он считался непобедимым героем. В чем состояла его сила? Она состояла в том, что каждый раз, когда ему в борьбе с противником приходилось туго, он прикасался к земле, к своей матери, которая родила и вскормила его, и получал новую силу. Но у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли. Враги учитывали эту его слабость и подкарауливали его. И вот нашелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял на воздух, отнял у него возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе.

Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

В этом ключ непобедимости большевистского руководства.

7) Наконец, еще один вопрос. Я имею в виду вопрос о формальном и бездушно-бюрократическом отношении некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии к вопросу об исключении из партии членов партии, или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии. Дело в том, что некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают членов партии,

не знают, чем они живут и как они растут, не знают вообще работников. Поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. И именно потому, что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо хвалят их огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь о «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас двухмиллионная и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, к членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии, а троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства.

Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году. Это был настоящий партийный референдум. Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный Комитет партии против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов — 4 тысячи членов партии, то есть около полпроцента, и воздержалось 2600 членов партии. Не приняло участия в голосовании 123 тысячи членов партии. Не приняли они участия либо потому, что были в отъезде, либо потому, что были в сменах. Если к 4 тысячам, голосовавшим за троцкистов, прибавить всех воздержавшихся, — полагая, что они тоже сочувствовали троцкистам, — и если к этой сумме прибавить не полпроцента не участвовавших в голосовании, как это следовало бы сделать по правилу, а пять процентов не участвовавших, то есть около 6 тысяч членов партии, то по-

лучится около 12 тысяч членов партии, сочувствовавших так или иначе троцкизму. Вот вам вся сила господ троцкистов. Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил. И если, несмотря на это, троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии, то это потому, что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы.

Исключают большей частью за так называемую пассивность. Что такое пассивность? Считают, оказывается, что ежели член партии не усвоил программу партии, то он пассивен и подлежит исключению. Но это же неправильно, товарищи. Нельзя же так буквоедски толковать устав нашей партии. Чтобы усвоить программу партии, надо быть настоящим марксистом, проверенным и теоретически подготовленным марксистом. Я не знаю, много ли найдется у нас членов партии, которые уже усвоили нашу программу, стали настоящими марксистами, теоретически подготовленными и проверенными. Если идти дальше по этому пути, то нам пришлось бы оставить в партии только интеллигентов и вообще людей ученых. Кому нужна такая партия? У нас имеется проверенная и выдержавшая все испытания ленинская формула о членстве в партии. По этой формуле членом партии считается тот, кто признает программу партии, платит членские взносы и работает в одной из ее организаций. Обратите внимание: в ленинской формуле говорится не об усвоении программы, а о признании программы. Это две совершенно различные вещи. Нечего и доказывать, что прав здесь Ленин, а не наши партийные товарищи, все болтающие об усвоении программы. Оно и понятно. Если бы партия исходила из того, что членами партии могут быть только такие товарищи, ко-

торые уже усвоили программу и стали теоретически подготовленными марксистами, то она не создавала бы в партии тысячи партийных кружков, сотни партийных школ, где членов партии обучают марксизму и помогают им усвоить нашу программу. Совершенно ясно, что если партия организует такие школы и кружки среди членов партии, то это потому, что она знает, что члены партии не успели еще усвоить партийную программу, не успели еще стать теоретически подготовленными марксистами.

Стало быть, чтобы выправить нашу политику по вопросу о членстве в партии и об исключении из партии, необходимо покончить с нынешним головотяпским толкованием вопроса о пассивности.

Но у нас есть еще другая погрешность в этой области. Дело в том, что наши товарищи не признают середины между двумя крайностями. Стоит рабочему, члену партии слегка провиниться, опоздать раз-два на партийное собрание, не заплатить почему-либо членских взносов, чтобы его мигом выкинули вон из партии. Не интересуются степенью его провинности, причиной неявки на собрание, причиной неплатежа членских взносов. Бюрократизм в этих вопросах прямо невиданный. Нетрудно понять, что именно в результате такой бездушной политики оказались выброшенными из партии замечательные кадровые рабочие, великолепные стахановцы. А разве нельзя было, раньше чем исключить из партии, сделать предупреждение, если это не действует — поставить на вид или вынести выговор, а если и это не действует — поставить срок для исправления или, в крайнем случае, перевести в кандидаты, но не исключать с маху из партии? Конечно, можно было. Но для этого требуется внимательное отношение к людям, к членам партии, к судьбе членов партии. А этого-то именно и не хватает у некоторых наших товарищей.

Пора, товарищи, давно пора покончить с этим безобразием.

ПРОВОКАЦИЯ ВО ВСЕСОЮЗНОМ МАСШТАБЕ

Об ошибках парторганизации при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков

Постановление Пленума ЦК ВКП(б). Январь 1938 года

Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым обратить внимание партийных организаций и их руководителей на то, что они, проводя большую работу по очищению своих рядов от троцкистско-правых агентов фашизма, допускают в процессе этой работы серьезные ошибки и извращения, мешающие делу очищения партии от двурушников, шпионов, предателей. Вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП(б), партийные организации во многих случаях подходят совершенно неправильно и преступно легкомысленно к исключению коммунистов из партии.

ЦК ВКП(б) не раз требовал от партийных организаций и их руководителей внимательного, индивидуального подхода к членам партии при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении неправильно исключенных из ВКП(б) в правах членов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) в своем решении от 5 марта 1937 г. по докладу товарища Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» указывал:

«Некоторые наши партийные руководители страдают отсутствием должного внимания к людям, к членам партии, к работникам. Более того, они не изучают работников, не знают, чем они живут и как они растут, не знают вообще своих кадров. Именно поэтому у них нет индивидуального подхода к членам партии, к работникам партии. А индивидуальный подход составляет главное дело в нашей организационной работе. И именно потому что у них нет индивидуального подхода при оценке членов партии и партийных работников, они обычно действуют наобум: либо они хвалят их огулом, без меры, либо они избивают их также огулом, без ме-

ры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Некоторые наши партийные руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь о «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе. Исключить из партии тысячи и десятки тысяч людей они считают пустяковым делом, утешая себя тем, что партия у нас большая и десятки тысяч исключенных не могут что-либо изменить в положении партии. Но так могут подходить к членам партии лишь люди, по сути дела, глубоко антипартийные.

В результате такого бездушного отношения к людям, членам партии и партийным работникам искусственно создается недовольство и озлобление в одной части партии.

Понятно, что троцкистские двурушники ловко подцепляют таких озлобленных товарищей и умело тащат их за собой в болото троцкистского вредительства».

В этом же решении пленума ЦК ВКП(б) сказано:

«Осудить практику формального и бездушно-бюрократического отношения к вопросу о судьбе отдельных членов партии, об исключении из партии членов партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

Обязать партийные организации проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы при решении вопроса об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии».

В письме от 24 июня 1936 года «Об ошибках при рассмотрении апелляций исключенных из партии во время проверки и обмена партийных документов» ЦК ВКП(б) указывал на несерьезное, а в ряде случаев бездушно-чиновническое отношение партийных органов к разбору апелляций исключенных из партии.

«Вопреки указаниям ЦК, — говорится в этом письме, — апелляции исключенных рассматриваются крайне медленно. Многие исключенные месяцами добиваются разбора поданных ими апелляций. Большое количество апелляций рассматривалось заочно, без всякой проверки заявлений апеллирующих, без обеспечения апеллирующим возможности дать подробные объяснения по поводу причин их исключения из партии.

В ряде районных партийных организаций был допущен совершенно нетерпимый произвол по отношению к исключенным из партии. Исключенных из партии за сокрытие социального происхождения и за пассивность, а не по мотивам их враждебной деятельности против партии и Советской власти, автоматически снимали с работы, лишали квартир и т.п.

Таким образом, партийные руководители этих партийных организаций, не усвоив по-настоящему указаний партии о большевистской бдительности, своим формально-бюрократическим отношением к рассмотрению апелляций исключенных при проверке партийных документов играли на руку врагам партии».

Как видно, предупреждающие указания местным партийным организациям были.

И все же, несмотря на это, многие парторганизации и их руководители продолжают формально и бездушно-бюрократически относиться к судьбам отдельных членов партии.

Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют, без всяких к тому оснований, врагами народа, чинят беззаконие и произвол над членами партии.

Так, например: ЦК КП(б) Азербайджана на одном заседании 5 ноября 1937 г. механически подтвердил исключение из партии 279 чел.; Сталинградский обком 26 ноября утвердил исключение 69 человек; Новосибирский обком 28 ноября механически подтвердил решения райкомов ВКП(б) об исключении из партии 72 человек; в Орджоникидзевской краевой партийной организации партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) отменила, как неправильные и совершенно необоснованные, решения об исключении из партии 101 коммуниста из 160 человек, подавших апелляции; по Новосибирской партийной организации таким же образом пришлось отменить 51 решение из 80; по Ростовской парторганизации отменены 43 решения из 66; по Сталинградской парторганизации — 58 из 103; по Саратовской — 80 из 134; по

Курской парторганизации — 56 из 92; по Винницкой — 164 из 337 и т.д.

Во многих районах Харьковской области под видом «бдительности» имеют место многочисленные факты незаконного увольнения с работы и отказа в предоставлении работы исключенным из партии и беспартийным работникам. В Змиевском районе в октябре и ноябре 1937 г. беспричинно сняты с работы 36 учителей и намерено к увольнению еще 42. В результате в школах сел Тарановка, Замостяжное, Скрыпаевка и других не преподают историю, Конституцию СССР, русский, украинский и иностранные языки.

В г. Змиеве в средней школе преподавала биологию учительница Журко, 1904 года рождения, дочь колхозника, имеющая 8-летний педагогический стаж, заочница 4 курса пединститута. В местной газете появилась заметка о ее брате, работающем педагогом в г. Изюме, как о националисте. Этого оказалось достаточным для увольнения Журко с работы. В связи с ее увольнением т. Журко было выражено политическое недоверие ее мужу и поднят вопрос также и о его увольнении. При проверке же выяснилось, что заметка о брате Журко оказалась клеветнической и он с работы не снимался.

В г. Харькове по делу одной арестованной троцкистки Горской органами НКВД была допрошена в качестве свидетельницы работница завкома фабрики им. Тинякова Эйнгорн. О своем вызове в НКВД она поделилась с начальником спецчасти Семенковым, который немедленно после этого поставил на парткоме завода вопрос о связях Эйнгорн с троцкисткой Горской. В результате Эйнгорн была снята с работы в завкоме и уволена. Муж сестры Эйнгорн, работавший в редакции местной газеты, уволен за то, что «не сообщил о связях сестры его жены с троцкистами».

Курский обком ВКП(б) без всякой проверки, заочно исключил из партии и добился ареста члена партии предзавкома Дмитро-Тарановского сахарного завода Иванченковой, приписав ей сознательную контрреволюционную подготовку выступления беспартийного рабочего Кулиниченко на предвыборном собрании в Верховный Совет СССР. При проверке установлено,

что вся «вина» Иванченковой заключалась в том, что на предвыборном собрании беспартийный рабочий Кулиниченко, после того как рассказал о своей жизни, сбился в выступлении и забыл назвать фамилию кандидата в депутаты Верховного Совета.

Во многих районах Куйбышевской области исключено из партии большое количество коммунистов с мотивировкой, что они являются врагами народа. Между тем органы НКВД не находят никаких оснований для ареста этих исключенных из партии. Например, Больше-Черниговский райком ВКП(б) исключил из партии и объявил врагами народа 50 человек из общего количества 210 коммунистов, состоящих в районной парторганизации, в то время как в отношении 43 из этих исключенных органы НКВД не нашли никаких оснований для ареста. В партколлегию КПК при ЦК ВКП(б) по Куйбышевской области являются многие исключенные райкомами ВКП(б), как враги народа, с требованием либо их арестовать, либо снять с них позорное клеймо.

ЦК ВКП(б) располагает данными о том, что такие факты имеют место и в других парторганизациях.

Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все эти и подобные им факты имеют распространение в парторганизациях прежде всего потому, что среди коммунистов существуют, еще не вскрыты и не разоблачены *отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвигаться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии.*

Такой карьерист-коммунист полагает, что, раз на члена партии подано заявление, хотя бы неправильное или даже провокационное, он, этот член партии, опасен для организации и от него нужно избавиться поскорее, чтобы застраховать себя, как бдительного. Поэтому он считает излишним объективно разбираться в предъявленных коммунисту обвинениях и заранее предпринимает необходимость его исключения из партии.

Такой карьерист-коммунист, желая выслужиться, без всякого разбора разводит панику насчет врагов народа и с легкостью вопит на партсобраниях об исключе-

нии членов партии из партии на каком-либо формальном основании или вовсе без основания. Партийные же организации нередко идут на поводу у таких крикунов-карьеристов.

Такой карьерист-коммунист безразлично относится к судьбам членов партии и готов заведомо неправильно исключить десятки коммунистов из партии для того, чтобы самому выглядеть бдительным. Он готов по маловажным проступкам исключить членов партии из партии с тем, чтобы приписать себе «заслуги» в разоблачении врагов, а если вышестоящие партийные органы восстанавливают неправильно исключенных из партии, он нимало не смущается, становится в позу человека, довольного тем, что он во всяком случае перестраховался насчет «бдительности».

Партийные организации и их руководители вместо того, чтобы сорвать маску фальшивой бдительности с таких «коммунистов» и вывести их на чистую воду, сами нередко создают им ореол бдительных борцов за чистоту рядов партии.

Пора разоблачить таких, с позволения сказать, коммунистов и заклеить их, как карьеристов, старающихся выслужиться на исключениях из партии, старающихся перестраховаться при помощи репрессий против членов партии.

Известно далее немало фактов, когда замаскированные враги народа, вредители-двурушники в провокационных целях организуют подачу клеветнических заявлений на членов партии и под видом «развертывания бдительности» добиваются исключения из рядов ВКП(б) честных и преданных коммунистов, отводя тем самым от себя удар и сохраняя себя в рядах партии.

Разоблаченный враг народа, бывший зав. ОРПО Ростовского обкома ВКП(б) Шацкий и его сообщники, пользуясь политической близорукостью руководителей Ростовского обкома ВКП(б), исключали из партии честных коммунистов, выносили заведомо неправильные взыскания работникам, всячески озлобляли коммунистов, делая в то же время все возможное, чтобы сохранить в партии свои контрреволюционные кадры.

В том же Ростове бывший зав. отделом школ Рос-

товского обкома ВКП(б), враг народа Шестова по заданию контрреволюционной организации провела в партийной организации Ростовского педагогического института исключение из партии около 30 честных коммунистов.

Бывший секретарь Киевского обкома КП(б)У, враг народа Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступающим коммунистам с провокационным вопросом: «А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?» В результате этой провокации в Киеве были поданы политически компрометирующие заявления почти на половину членов городской парторганизации, причем большинство заявлений оказалось явно неправильным и даже провокационным.

Разоблаченное ныне вражеское руководство Баррикадного райкома ВКП(б) гор. Сталинграда провокационно исключило из партии и добилось ареста члена партии с 1917 года Мохнаткина, бывшего красного партизана, начальника одного из крупнейших цехов завода «Баррикады» за «антисоветские разговоры». Как выяснилось в результате проверки, эти «антисоветские разговоры» выражались в том, что т. Мохнаткин в беседе с товарищами высказывал недовольство по поводу бездушного отношения сельсовета к детям павшего в бою с белыми в годы гражданской войны командира партизанского отряда, в котором Мохнаткин был помощником командира. Тов. Мохнаткин восстановлен в правах члена партии только после вмешательства КПК при ЦК ВКП(б).

Такие факты провокационной работы врагов партии, пробравшихся в партийный аппарат, имели место также в Воронежской, Краснодарской, Челябинской и в других партийных организациях.

Все эти факты показывают, что многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить искусно замаскированного врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии — это во-первых, и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кад-

ры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах.

Такой замаскированный враг — злейший предатель — обычно громче всех кричит о бдительности, спешит как можно больше «разоблачить» и все это делает с целью скрыть свои собственные преступления перед партией и отвлечь внимание партийной организации от разоблачения действительных врагов народа.

Такой замаскированный враг — гнусный двурушник — всячески стремится создать в парторганизациях обстановку излишней подозрительности, при которой каждого члена партии, выступившего в защиту другого коммуниста, оклеветанного кем-либо, немедленно обвиняют в отсутствии бдительности и в связях с врагами народа.

Такой замаскированный враг — подлый провокатор — в тех случаях, когда парторганизация начинает проверять поданное на коммуниста заявление, всячески создает провокационную обстановку для этой проверки, сеет вокруг коммуниста атмосферу политического недоверия и тем самым, вместо объективного разбора дела, организует на него поток новых заявлений.

Партийные организации и их руководители вместо того, чтобы вскрыть и разоблачить провокационную работу такого замаскированного врага, нередко идут у него на поводу, создают ему обстановку безнаказанности за клевету на честных коммунистов и сами встают на путь массовых необоснованных исключений из партии, наложений взысканий и т.п. Больше того, даже после разоблачения врагов, пробравшихся в партийный аппарат и клеветавших на честных коммунистов, наши партийные руководители часто не принимают мер к ликвидации последствий вредительства в партийных организациях в отношении неправильных исключений коммунистов из партии.

Пора всем партийным организациям и их руководителям разоблачить и до конца *истребить замаскированного врага*, пробравшегося в наши ряды и старающегося фальшивыми криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохранить себя в партии, чтобы продолжать в ней свою гнусную предательскую работу.

Чем объяснить, что наши партийные организации до сих пор не разоблачили и не заклеямили не только карьеристов-коммунистов, старающихся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, но и замаскированных врагов внутри партии, старающихся криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохранить себя в партии, старающихся путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры и посеять излишнюю подозрительность в наших рядах?

Объясняется это преступно-легкомысленным отношением к судьбе членов партии.

Всем известно, что многие наши партийные руководители оказались политически близорукими делягами, позволили врагам народа и карьеристам обойти себя и легкомысленно отдали на откуп второстепенным работникам разрешение вопросов, касающихся судеб членов партии, преступно устранившись от руководства этим делом.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и их руководители не только не исправляют антипартийную, чуждую большевизму практику в деле исключения коммунистов из партии, но часто сами, своим неправильным руководством насаждают формальное и бездушно-бюрократическое отношение к членам партии и тем самым создают благоприятную обстановку для карьеристов — коммунистов и замаскированных врагов партии.

Не было ни одного случая, чтобы обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий, разобравшись в деле, осудили практику огульного, валового подхода к членам партии, привлекли к ответственности руководителей местных партийных организаций за необоснованное и неправильное исключение коммунистов из партии.

Руководители партийных организаций наивно считают, что исправление ошибок в отношении неправильно исключенных может подорвать авторитет партии и повредить делу разоблачения врагов народа, не понимая, что каждый случай неправильного исключения из партии — на руку врагам партии.

Во многих областных и краевых организациях лежит без всякого движения большое количество нерассмотренных апелляций. В Ростовской области не рассмотре-

но более 2500 апелляций, и Краснодарском крае — 2000, Смоленской области — 2300, в Воронежской области — 1200, Саратовской области — 500 и т.д.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий, отказавшись от рассмотрения апелляций исключенных, превратили, вопреки Уставу партии, решения райкомов и горкомов ВКП(б) по этому вопросу в безапелляционные и окончательные решения.

Все это означает, что обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий, по существу, устранились от руководства деятельностью местных партийных организаций в самом важном и остром вопросе, в вопросе о судьбах членов партии, предоставив решение этого вопроса самому, а часто и произволу.

Обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий сами поощряют практику массовых, огульных исключений из партии тем, что оставляют безнаказанными тех партийных руководителей, которые допускают произвол в отношении коммунистов.

Пора покончить с чуждым для большевиков формальным и бездушно-бюрократическим отношением к людям, к членам партии.

Пора понять, что:

«Партия стала для члена партии очень большим и серьезным делом и членство в партии или исключение из партии — это большой перелом в жизни человека».

Пора понять, что:

«Для рядовых членов партии пребывание в партии или исключение из партии, — это вопрос жизни и смерти» (*Сталин*).

Пора понять, что существо большевистской бдительности состоит в том, чтобы уметь разоблачать врага, как бы хитер и изворотлив он ни был, в какую бы тогу он ни рядился, а не в том, чтобы без разбора или «на всякий случай» исключать десятками и сотнями из партии всех, кто попадется под руку.

Пора понять, что большевистская бдительность не только не исключает, а, наоборот, предполагает умение проявлять максимум осторожности и товарищеской заботы при решении вопросов об исключении из партии

или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) требует от всех партийных организаций и их руководителей всемерного повышения большевистской бдительности партийных масс, разоблачения и выкорчевывания до конца всех вольных и невольных врагов партии.

Пленум ЦК ВКП(б) считает важнейшим условием успешного разрешения этой задачи ликвидацию без остатка антипартийной практики огульного, неиндивидуального, валового подхода к людям, к членам партии.

Пленум ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий и все партийные организации решительно покончить с массовыми огульными исключениями из партии и установить на деле индивидуальный, дифференцированный подход при решении вопросов об исключении из партии или о восстановлении исключенных в правах членов партии.

2. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий снимать с партийных постов и привлекать к партийной ответственности тех партийных руководителей, которые не выполняют директив ЦК ВКП(б), исключают из партии членов и кандидатов ВКП(б) без тщательной проверки всех материалов и допускают произвол по отношению к членам партии.

3. Предложить обкомам, крайкомам, ЦК нацкомпартий и партколлегиям КПК при ЦК ВКП(б) в трехмесячный срок закончить рассмотрение апелляций всех исключенных из партии.

4. Обязать все партийные комитеты в своих постановлениях об исключении коммунистов из партии ясно и точно излагать мотивы, послужившие основанием к исключению, чтобы вышестоящие партийные органы имели возможность проверить правильность этих постановлений, а каждое такое постановление райкома, горкома, обкома или ЦК нацкомпартий обязательно публиковать в печати.

5. Установить, что партийные органы, восстанавливая в правах членов партии неправильно исключенных местными парторганизациями, обязаны в своих поста-

новлениях точно указывать, какой райком, горком ВКП(б) должен выдать восстановленному в партии партийные документы.

6. Обязать райкомы, горкомы партии немедленно выдавать партийные документы восстановленным в партии, привлекать их к участию в партийной работе и разъяснять всем членам первичных парторганизаций, что они отвечают за большевистское воспитание восстановленных в рядах ВКП(б).

7. Обязать партийные организации привлекать к партийной ответственности лиц, виновных в клевете на членов партии, полностью реабилитировать этих членов партии и публиковать в печати свои постановления в тех случаях, когда предварительно в печати были помещены дискредитирующие члена партии материалы.

8. Запретить парторганизациям заносить в учетную карточку коммуниста факт исключения его из партии до рассмотрения апелляционной жалобы и вынесения окончательного решения об исключении.

9. Запретить неправильную, вредную практику, когда исключенных из ВКП(б) немедленно снимают с занимаемой ими должности.

Установить, что во всех случаях, когда оказывается необходимым, в связи с исключением из ВКП(б), освободить работника от занимаемой должности, это освобождение можно производить только после предоставления ему другой работы.

10. Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий не позже чем к 15 февраля 1938 г. обеспечить через соответствующие советские и хозяйственные органы поступление исключенных из ВКП(б) на работу и впредь не допускать такого положения, чтобы исключенные из ВКП(б) оставались лишенными работы.

ВРЕД НАШЕМУ ОБЩЕМУ ДЕЛУ

Письмо в Детиздат

Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина».

Книжка изобилует массой фактических невернос-

тей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений.

Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу. Советую сжечь книжку.

И. Сталин.

16 февраля 1938 г.

«ДЕЛА» ПРОТИВ НЕВИННЫХ ЛЮДЕЙ

Наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам окружных, городских и районных отделений НКВД. Прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей, окружным, городским и районным прокурорам.

Секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б).

ОБ АРЕСТАХ, ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ И ВЕДЕНИИ СЛЕДСТВИЯ

Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б)

СНК СССР и ЦК ВКП(б) отмечают, что за 1937—1938 годы под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистили СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из

1
троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и в особенности разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции.

Одновременно органами НКВД проделана большая работа также и по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, пробравшихся в СССР в большом количестве из-за кордона под видом так называемых политэмигрантов и перебежчиков из поляков, румын, финнов, немцев, латышей, эстонцев, харбинцев и проч.

Очистка страны от диверсионных повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства.

Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено.

Задача теперь заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами СССР, организовать эту борьбу при помощи более совершенных и надежных методов.

Это тем более необходимо, что массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937—1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры. Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, производили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, в особенности засевших в органах НКВД.

Главнейшими недостатками, выявленными за последнее время в работе органов НКВД и Прокуратуры, являются следующие:

Во-первых, работники НКВД совершенно забросили агентурно-осведомительную работу, предпочитая действовать более упрощенным способом, путем практики массовых арестов, не заботясь при этом о полноте и высоком качестве расследования.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительной работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых «лимитов» для проведения массовых арестов.

Это привело к тому, что и без того слабая агентурная работа еще более отстала и, что хуже всего, многие наркомвнудельцы потеряли вкус к агентурным мероприятиям, играющим в чекистской работе исключительно важную роль.

Это, наконец, привело к тому, что при отсутствии надлежаще поставленной агентурной работы следствию, как правило, не удавалось полностью разоблачить арестованных шпионов и диверсантов иностранных разведок и полностью вскрыть все их преступные связи.

Такая недооценка значения агентурной работы и недопустимо легкомысленное отношение к арестам тем более нетерпимы, что Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в своих постановлениях от 8 мая 1933 года, 17 июня 1935 года и, наконец, 3 марта 1937 года давали категорические указания о необходимости правильно организовать агентурную работу, ограничить аресты и улучшить следствие.

Во-вторых, крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными (показания свидетелей, акты экспертизы, вещественные доказательства и пр.).

Часто арестованный не допрашивается в течение месяца после ареста, иногда и больше. При допросах арестованных протоколы допроса не всегда ведутся. Нередко имеют место случаи, когда показания аресто-

ванного записываются следователем в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время (декада, месяц, даже больше), составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование статьи 138 УПК о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях. Нередки случаи, когда в протокол допроса вовсе не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения.

Следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний, помещаются не подписанные допрошенным и не заверенные следователем протоколы показаний, включаются неподписанные и неутвержденные обвинительные заключения и т.п.

Органы Прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов. Органы Прокуратуры не только не устраняют нарушений революционной законности, но фактически узаконивают эти нарушения.

Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры — как в центре, так и на местах — враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности. Такого рода факты имели место как в центральном аппарате НКВД, так и на местах.

Все эти отмеченные в работе органов НКВД и Прокуратуры совершенно нетерпимые недостатки были возможны только потому, что пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры враги народа всячески пытались оторвать работу органов НКВД и Прокуратуры от партийных органов, уйти от партийного контроля и руководства и тем самым облегчить себе и своим сообщникам возможность продолжения своей антисоветской, подрывной деятельности.

В целях решительного устранения изложенных недостатков и надлежащей организации следственной работы органов НКВД и Прокуратуры — СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Запретить органам НКВД и Прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению.

В соответствии со статьей 127 Конституции СССР аресты производить только по постановлению суда или с санкции прокурора.

Выселение из погранполосы допускается с разрешения СНК СССР и ЦК ВКП(б) по специальному представлению соответствующего обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, согласованному с НКВД СССР.

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР.

3. При арестах органам НКВД и Прокуратуры руководствоваться следующим:

а) согласование на аресты производить в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 июня 1935 года;

б) при истребовании от прокуроров санкций на арест органы НКВД обязаны представлять мотивированное постановление и все обосновывающие необходимость ареста материалы;

в) органы Прокуратуры обязаны тщательно и по существу проверить обоснованность постановлений орга-

нов НКВД об арестах, требуя в случае необходимости производства дополнительных следственных действий или представления дополнительных следственных материалов;

г) органы Прокуратуры обязаны не допускать производства арестов без достаточных оснований.

Установить, что за каждый неправильный арест наряду с работниками НКВД несет ответственность и давший санкцию на арест прокурор.

4. Обязать органы НКВД при производстве следствия в точности соблюдать все требования уголовно-процессуальных кодексов.

В частности:

а) заканчивать расследование в сроки, установленные законом;

б) производить допросы арестованных не позже 24-х часов после их ареста; после каждого допроса составлять немедленно протокол в соответствии с требованием статьи 138 УПК с точным указанием времени начала и окончания допроса.

Прокурор при ознакомлении с протоколом допроса обязан на протоколе сделать надпись об ознакомлении с обозначением часа, дня, месяца и года;

в) документы, переписку и другие предметы, отбираемые при обыске, печатывать немедленно на месте обыска, согласно статье 184 УПК, составляя подробную опись всего опечатанного.

5. Обязать органы Прокуратуры в точности соблюдать требования уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД.

В соответствии с этим обязать прокуроров систематически проверять выполнение следственными органами всех установленных законом правил ведения следствия и немедленно устранять нарушения этих правил; принимать меры к обеспечению за обвиняемым предоставленных ему по закону процессуальных прав и т.п.

6. В связи с возрастающей ролью прокурорского надзора и возложенной на органы Прокуратуры ответственностью за аресты и проводимое органами НКВД следствие признать необходимым:

а) установить, что все прокуроры, осуществляющие надзор за следствием, производимым органами НКВД, утверждаются ЦК ВКП(б) по представлению соответствующих обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий и Прокурора Союза ССР;

б) обязать обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в месячный срок проверить и представить на утверждение в ЦК ВКП(б) кандидатуры всех прокуроров, осуществляющих надзор за следствием в органах НКВД;

в) обязать Прокурора Союза ССР тов. Вышинского выделить из состава работников центрального аппарата политически проверенных квалифицированных прокуроров для осуществления надзора за следствием, производимым центральным аппаратом НКВД СССР, и в двухмесячный срок представить их на утверждение ЦК ВКП(б).

7. Утвердить мероприятия НКВД СССР по упорядочению следственного производства в органах НКВД, изложенные в приказе от 23 октября 1938 года. В частности, одобрить решение НКВД об организации в оперативных отделах специальных следственных частей.

Придавая особое значение правильной организации следственной работы органов НКВД, обязать НКВД СССР обеспечить назначение следователями в центре и на местах лучших, наиболее проверенных политически и зарекомендовавших себя на работе квалифицированных членов партии.

Установить, что все следователи органов НКВД в центре и на местах назначаются только по приказу народного комиссара внутренних дел СССР.

8. Обязать НКВД СССР и Прокурора Союза ССР дать своим местным органам указания по точному исполнению настоящего постановления.

* * *

СНК СССР и ЦК ВКП(б) обращают внимание всех работников НКВД и Прокуратуры на необходимость решительного устранения отмеченных выше недостатков в работе органов НКВД и Прокуратуры и на исклю-

читательное значение организации всей следственной и прокурорской работы по-новому. СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив партии и правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры невзирая на лица будет привлекаться к суровой судебной ответственности.

Председатель Совета народных комиссаров СССР
В. Молотов

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б)
И. Сталин

Ноябрь 1938 года

ПЕРЕХВАЛИВАТЬ НАШ СТРОЙ НЕ СТОИТ

Беседа об учебнике «Политическая экономия»

29 января 1941 года (запись)

1. Определять политическую экономию следует иначе. Вы помните, что Энгельс, например, определял политэкономия как науку о производстве и обмене. Маркс дал свое определение политической экономии как науки о производстве и производственных экономических отношениях. Всем известно также определение политической экономии, данное Богдановым, как науки о развитии общественных экономических отношений людей. Известно также, что Ленин в своей рецензии о книге Богданова одобрил это определение политической экономии.

В учебнике же дано другое определение. С этим нельзя согласиться. Если это принять, то читатель учебника будет дезориентирован. Он вправе спросить, какое же определение политической экономии верно, почему не взято ленинское определение.

Вот почему я предлагаю дать другое определение политической экономии, примерно такое: политическая экономия есть наука о развитии общественно-производственных, т.е. экономических, отношений людей. Она выясняет законы, управляющие производством и

распределением необходимых предметов как личного, так и производственного потребления. Это определение правильное, оно более понятно, доступно. Оно подчеркивает, что в политической экономии идет речь о формах собственности, об отношениях собственности, ибо в производственно-экономические отношения входят прежде всего отношения собственности.

Следует также иметь в виду, что распределение понимается здесь в широком смысле слова. Учебник и здесь страдает, в учебнике очень мало сказано о банках, о торговле, нет ничего о биржах.

2. Перейдем к разделу 5 — «Социалистический строй». Здесь кое-что улучшено, но многое также испорчено по сравнению с прежним макетом.

Так, например, в учебнике говорится, что закон стоимости преодолен в условиях советского хозяйства. Это неясно, почему преодолен?

У нас существует оплата колхозникам, рабочим, да и интеллигенции по труду. Люди разной квалификации получают по-разному, труд инженера, например, раза в три выше по квалификации труда рабочего.

Не исчезли у нас и такие категории, как цена, себестоимость. Мы, например, еще далеко не командуем ценами. Чтобы диктовать цены на рынке, нужны огромные резервы. Это нам не всегда удастся.

Например, в Литве стали быстро возрастать цены на хлеб. Мы дали туда 200 тысяч пудов хлеба, и цены резко пали. Вот что значит диктовать государству цены на рынке, но это отдельные явления, в целом по народному хозяйству мы не располагаем еще такими резервами.

Разве не понятно отсюда, что закон стоимости еще не преодолен, он действует. Вот когда мы станем распределять по потребностям, а не по труду, тогда будет преодолен закон стоимости. Сейчас же мы еще вертимся, находимся в пределах закона стоимости. Мы хотим выйти из этого закона, преодолеть его, но еще не вышли, не преодолели.

Вот, например. У нас еще есть две цены — одна цена наша, другая цена не наша. Идет борьба между ними.

У нас есть еще два рынка — один рынок наш, другой

рынок не наш. Когда граждане продают друг другу продукты, товары, это не может быть учтено сейчас государством. Между этими рынками также идет борьба. Это же все факт, это есть правда, а экономическая наука должна говорить правду.

3. С действием закона стоимости связано и существование таких вещей, как, например, разностная, или дифференциальная, рента. Она же у нас не исчезла, у нас есть различные урожаи от различных площадей посевов. Дело лишь в том, что эта рента идет в карман государству. Речь идет не о том, есть ли у нас дифференциальная рента, но о том, кому эта рента идет, кто ею пользуется. Перехваливать наш строй не стоит, недохваливать тоже нельзя. В рамках нужно держаться.

Пока оплата по труду — действует закон стоимости. Вот когда мы будем диктовать цены на колхозном рынке, тогда другое дело.

Замечание М. (по-видимому, Молотова В. М. — *Сост.*): Да и колхозный рынок есть почти частный, каждый колхозник сам продает свои продукты.

Колхозный рынок все же иное дело. Здесь субъект — колхозник, доход колхозника не идет на эксплуатацию людей, не может быть использован в целях эксплуатации.

4. Время от времени в учебник врывается агитка, плакат. Экономисты изучают факты, и вдруг «троцкистско-бухаринская банда» и т.д. Все это надо вычеркнуть, ни к чему это. Это плакат, это не подходит для серьезного учебника.

Мы апеллируем к уму, а здесь апеллируют не то к желудку, не то к чувствам.

5. О плановом хозяйстве много здесь наворочено, что оно-де безупречно, замечательно и т.д. Надо сказать проще, яснее, сказать, что при капитализме невозможно планировать хозяйство во всенародном масштабе, потому что хозяйства там разъединены. Там возможно планирование, иногда и очень неплохое, хорошее планирование внутри отдельных предприятий, трестов, картелей, синдикатов и т.д., но невозможно планирование в целом, в народном хозяйстве.

А попробуйте вы у нас без плана — все рухнет. У нас

плановое хозяйство — такая же неизбежность, как потребление людьми хлеба. Вытекает это из того, что все предприятия у нас объединены государством.

Здесь следовало бы взять критику Лениным взглядов Каутского на возможность объединения и планирования хозяйства в условиях капитализма. Ленин доказал, выступая против Каутского, что капиталисты, буржуазные государства не способны планировать хозяйство в целом. Вот вместо того чтобы простым языком сказать, что у нас объединены предприятия, а там разъединены, много наворочали лишнего, непонятного, отвлеченного.

6. Вот, например (стр. 369), о соответствии производительных сил производственным отношениям. Это школьная болтовня. Маркс и Энгельс были вынуждены говорить все это абстрактно, отвлеченно, только теоретически. Мы же стоим у руля, в нашем хозяйстве все ясно, нам все видно, надо говорить проще, доступнее, понятнее, конкретнее.

7. Хорошо бы определить задачи планирующего центра. Так, например, первая задача состоит в том, чтобы так спланировать хозяйство, и это есть первая задача, чтобы обеспечить самостоятельность народного хозяйства страны, чтобы хозяйство не превращалось в придаток капиталистических стран. Надо все иметь в своих руках, не стать придатком капиталистического хозяйства. Это самая общая, но очень и очень важная задача.

Если бы у нас не было такого планирующего центра, обеспечивающего самостоятельность народного хозяйства, промышленность развивалась бы совсем иным путем, все началось бы с легкой промышленности, а не с тяжелой промышленности. Мы же перевернули законы капиталистического хозяйства, поставили их с головы на ноги. Мы начали с тяжелой промышленности, а не с легкой, и победили. Без планового хозяйства это было бы невозможно.

Ведь как шло развитие капиталистического хозяйства? Во всех странах дело начиналось с легкой промышленности. Почему? Потому что легкая промышленность приносила наибольшую прибыль. А какое дело отдельным капиталистам до развития черной металлур-

гии, нефтяной промышленности и т.д.? Для них важна прибыль, а прибыль приносилась прежде всего легкой промышленностью. Мы же начали с тяжелой промышленности, и в этом основа того, что мы не придаем капиталистических хозяйств.

Вторая задача планирующего центра — это строить развитие промышленности, хозяйства в интересах победы социализма, строительства социализма. Задача планирования — закрыть все клапаны для возникновения капитализма. Вот здесь уже приходится не считаться с принципом рентабельности предприятий. Дело рентабельности подчинено у нас строительству, прежде всего, тяжелой промышленности, которая требует больших вложений со стороны государства и понятно, что первое время нерентабельна.

Если бы, например, предоставить строительство промышленности капиталу, то больше всего прибыли приносит мучная промышленность, а затем, кажется, производство игрушек. С этого бы и начал капитал строить промышленность. Это же предлагали троцкисты, рыковцы.

Третья задача планирующего центра — не допустить диспропорции в народном хозяйстве. Но в таком большом деле, как народное хозяйство, всегда будут отдельные прорывы. На этот случай надо иметь резервы как фондов, так и рабочей силы. Это тоже следует планировать.

Вот в этом духе все о планировании надо исправить.

Доходы, прибыль, дифференциальная рента есть, но не туда попадает.

Замечание В. (по-видимому, Вознесенского Н. А. — *Сост.*): Может быть, более целесообразно употреблять термин не «прибыль», а «социалистическое накопление».

Пока прибыль не изъята, она не накопление.

Вопрос: Правильно ли употреблять выражение — прибавочный продукт?

Их смущает — раз прибавочный продукт, значит, прибавочная стоимость; раз прибавочная стоимость, значит, эксплуатация.

Надо же думать над этими вопросами. Эти виды доходов остались (прибавочный продукт), но идут они не на эксплуатацию, а на другие цели. В этом все дело.

8. Были предложения свести роль денег к калькуляции. Троцкий это неоднократно выдвигал и защищал. Еще при жизни Ленина Троцкий выступал за это, он за деньги как калькуляцию.

9. Закон стоимости управляет хозяйством через многочисленные жертвы, разрушения.

У нас иное дело. Энгельс писал в «Анти-Дюринге» о переходе от необходимости к свободе, писал о свободе как осознанной необходимости. Закон стоимости должен быть осознан нами, мы должны сознательно калькулировать себестоимость по закону стоимости, а не через жертвы, разрушения и т.д. Следовательно, меняется характер закона стоимости, его содержание.

Вопрос: Есть ли у нас товар?

Раз есть деньги, есть и товар. Все эти категории остались, но изменилось их значение, изменились их функции.

Возьмите, например, прибавочный продукт. Люди стесняются говорить об этом, а рабочему полезно сказать, он должен знать, что он не все получает, что есть прибавочный продукт. Ведь рабочий класс — хозяин, он работает на всю страну, для себя он должен знать, что необходимы резервы про черный день, необходимо на оборону затратить, больницы, школы, на развитие культуры. Ясно, что он не может всего получить.

Замечание В.: Еще Маркс Лассалю критиковал за то, что тот утверждал, будто бы при социализме все будет распределяться между рабочими.

10. О зарплате, о доходах рабочего, крестьянина и интеллигенции. В учебнике не учтено, что люди работают, перевыполняют планы, стремятся больше выработать не только потому, что они у нас у власти стоят, что они хозяева, но и потому, что мы их заинтересовали.

Вспомните, — были теории, — «коммуны на предприятиях», «коллективная зарплата». При помощи таких теорий не поднимешь производства; надо зацепить человека за личные интересы. Для этого — премиаль-

ная система для руководителей, сдельная — для рядовых. Пример — последний закон об оплате труда колхозников на Украине.

Я приведу два примера. По углю одни и те же профессии на поверхности получали больше, чем на подземных работах, и дело шло плохо. Сделали наоборот, положение решительно изменилось.

Замечание М.: А когда вновь обратились к проверке этого вопроса (1939 г.), то оказалось, что опять работники, работающие под землей, получают меньше, чем профессии, работающие на поверхности. Такова сила стихии.

Замечание С. (по-видимому, Сталина И. В. — Сост.): Руководители хозяйственных предприятий, наркоматов, трестов, директора шахт тащат лучших инженеров к себе в канцелярию для справок и проч.

Хлопок. Было с хлопком у нас плохо. Вот четвертый год, как изменили порядок, лично заинтересовали людей в больших урожаях и больших посевах, — и дело пошло. То же следует сказать о последнем законе на Украине. Большой урожай — больше получаешь. Личная заинтересованность обязательно должна быть подчеркнута. Пока квалифицированный рабочий считался изгоем, дело не могло идти.

Есть разница между трудом простым и квалифицированным в условиях социализма. Об этом надо сказать. Хозяйство не будет иметь границ, если платить по-разному.

Замечание М.: Вот были иностранные делегации на Октябрьские празднества, их представители все добивались, почему у нас не поровну платят, почему есть разница в оплате труда инженеров, рабочих, квалифицированных рабочих и неквалифицированных.

Они понимают здесь упрощенно. При капитализме они борются против этого неравенства и не могут понять, почему неравенство в оплате существует при социализме.

А вот в Прибалтике, например, раньше была сдельная система в условиях капитализма. Пришла Советская власть, везде установили повременную оплату. Но

мы должны, это будет правильно, сделать так, чтобы они перешли на сдельную оплату.

11. Здесь Энгельс запутал наших людей. Он неправильно считал, что при социализме все — и квалифицированные и неквалифицированные люди, руководители и исполнители должны получать по-среднему. И сейчас у нас люди хотят перескочить через социализм прямо к коммунизму, когда говорят о таком равенстве.

Еще социализм наладить надо, еще по труду долго надо платить, правильно наладить это дело. Надо перестать быть свиньей, надо быть культурным, навести чистоту, тогда уж вступать в коммунизм. А кто вас пустит таких в коммунизм?!

Замечание: Что значит правильно, удачно решен вопрос о сочетании личных и общественных интересов?

Политически принципиально решен вопрос верно, удачно, но на практике в большинстве случаев неправильно и неудачно. В учебнике ничего этого не разъяснено, это отписка.

Замечание С.: Скажите прямо, что, кроме общественного поля, есть усадьба и проч.

Замечание М.: Без сдельщины не было бы и ударников, стахановцев.

Надо критиковать нашу практику, чтобы правильно, по-марксистски проводить принципиальное, верное разрешение вопроса. В учебнике много текущих моментов, мало принципиальных.

12. Надо раскритиковать фашистскую философию. Итальянцы стали говорить: «Наша пролетарская революция». Гитлер также, оказывается, «пролетарий».

Это надо раскритиковать, прицепить к вопросу о попытках планирования, объединения хозяйства. Также включить это в материал из последнего раздела «Социалистическая система хозяйства». Об этом же можно сказать в разделе об утопистах. Утописты добиваются уничтожения классов, и притом словами, фашисты — при помощи террора. Вот надо доказать, что ничего здесь нет социалистического, пролетарского. Надо раскритиковать это.

Фашисты поднимают демагогию, будто бы они про-

тив буржуазии, изгоняют, например, Тиссена и других. Но это есть давление буржуазного государства на отдельных буржуев. Сказать обо всем этом без ругани. При ругани люди будут настораживаться. Кто ругается, у того не все чисто.

13. Вот здесь был у меня Уэллс, говорил, что он против того, чтобы рабочие управляли, но и против того, чтобы управляли капиталисты. Вот, например, Рузвельт, он, мол, честный человек и может защищать интересы рабочих.

14. Срок работы по 15 марта 1941 года.

ЧАСТЬ II

К ВАМ ОБРАЩАЮСЬ Я, ДРУЗЬЯ МОИ!

Выступление по радио 3 июля 1941 года

Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистичес-

кой войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам

Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не затрагивает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила

в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины поднимется весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо далее чтобы в наших рядах не было

места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспорта с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпи-

онов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. На-

ша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину — в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!

НА ВАС СМОТРИТ ВЕСЬ МИР

Речь на Красной площади в Москве

7 ноября 1941 года

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны и партизанки, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неурепицы, наша армия и наш флот героически отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна — вся наша страна — организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находилось тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии — мы ее только начали созда-

вать, — не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами единый фронт против немецких захватчиков. Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании. Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов. Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат. Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не толь-

ко народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!

НИ ШАГУ НАЗАД!

Приказ Народного комиссара обороны
Союза ССР № 227

28 июля 1942 г.
г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы,

опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге и у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Части войск Южного фронта, идя за паникерами, оставили Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинаят Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов

пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончать отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший поряд-

док и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ — значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали далее около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте па-

никеров в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов, и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать дальше на восток, что от того отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий, и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа ко-

мандования армии и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (по 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. Сталин

СОВЕТСКАЯ СПОСОБНОСТЬ К СОПРОТИВЛЕНИЮ

Ответы на вопросы корреспондента
американского агентства Ассошиэйтед Пресс

Господин Кэссиди!

Ввиду занятости и в связи с этим невозможности дать Вам интервью ограничиваюсь дачей краткого письменного ответа на Ваши вопросы.

1. «Какое место в советской оценке текущего положения занимает возможность второго фронта?»

ОТВЕТ. Очень важное, можно сказать — первостепенное место.

2. «Насколько эффективна помощь союзников Советскому Союзу и что можно было бы сделать, чтобы расширить и улучшить эту помощь?»

ОТВЕТ. В сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, — помощь союзников Советскому Союзу пока еще мало эффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств.

3. «Какова еще советская способность к сопротивлению?»

ОТВЕТ. Я думаю, что советская способность к сопротивлению немецким разбойникам по своей силе ничуть не ниже — если не выше — способности фашистской Германии или какой-либо другой агрессивной державы обеспечить себе мировое господство.

С уважением И. Сталин

3 октября 1942 года

ПОВОРОТ К ПОБЕДЕ

Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского и Ленинградского фронтов

В результате двухмесячных наступательных боев Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13 000 орудий и много другой техники и продвинулась вперед до 400 километров. Наши войска одержали серьезную победу. Наступление наших войск продолжается.

Поздравляю бойцов, командиров и политработни-

ков Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского, Ленинградского фронтов с победой над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками — румынами, итальянцами и венграми под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера.

Объявляю благодарность командованию и доблестным войскам, разгромившим гитлеровские армии на подступах Сталинграда, прорвавшим блокаду Ленинграда и освободившим от немецких оккупантов города — Кантемировка, Беловодск, Морозовский, Миллерово, Старобельск, Котельниково, Зимовники, Элиста, Сальск, Моздок, Нальчик, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Валуйки, Россошь, Острогожск, Великие Луки, Шлиссельбург, Воронеж и многие другие города и тысячи населенных пунктов.

Вперед, за разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!

*Верховный Главнокомандующий
И. Сталин*

*Москва, Кремль.
25 января 1943 года*

ОДНО СЛОВО — СТАЛИНГРАД!

Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Донского фронта

ДОНСКОЙ ФРОНТ

Представителю Ставки Верховного Главнокомандования маршалу артиллерии тов. Воронову.
Командующему войсками Донского фронта генерал-полковнику тов. Рокоссовскому

Поздравляю Вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

*Верховный Главнокомандующий
И. Сталин*

*Москва, Кремль.
2 февраля 1943 года*

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Обращение к народу 9 мая 1945 года

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий День Победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лише-

ния и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстоявшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!

ЗА ЗДОРОВЬЕ РУССКОГО НАРОДА!

Тост на приеме в Кремле в честь командующих войсками
Красной Армии 24 мая 1945 года

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой». Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие.

За здоровье русского народа!

ЗА ЗДОРОВЬЕ СКРОМНЫХ ЛЮДЕЙ!

Тост на приеме в Кремле в честь участников
Парада Победы 25 июня 1945 года

Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я хотел бы выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают «винтика-

ми» государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим. Какой-либо «винтик» разладился — и кончено. Я поднимаю тост за людей простых, обычных, скромных, за «винтики», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела. Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это — скромные люди. Никто о них ничего не пишет, звания у них нет, чинов мало, но это — люди, которые держат нас, как основание держит вершину. Я пью за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей.

МЫ ПОБЕДИЛИ

Обращение к народу 2 сентября 1945 года

Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, 2 сентября, государственные и военные представители Японии подписали акт безоговорочной капитуляции. Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали Вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец Второй мировой войне.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам — Китаю, Соединенным Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьезнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть особый счет к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать тем самым выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через 37 лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный прием в отношении Соединенных Штатов Америки, когда она в 1941 году напала на военно-морскую базу Соединенных Штатов Америки в Пирл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России Южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан — следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу — отторгнуть от России весь ее Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В 1918 году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к Советской стране Англии, Франции, Соединенных

Штатов Америки и опираясь на них, вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не все. В 1938 году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила свое нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики, около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция 1918—1922 годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия

на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всем мире!

Слава вооруженным силам Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавшим победу над Японией!

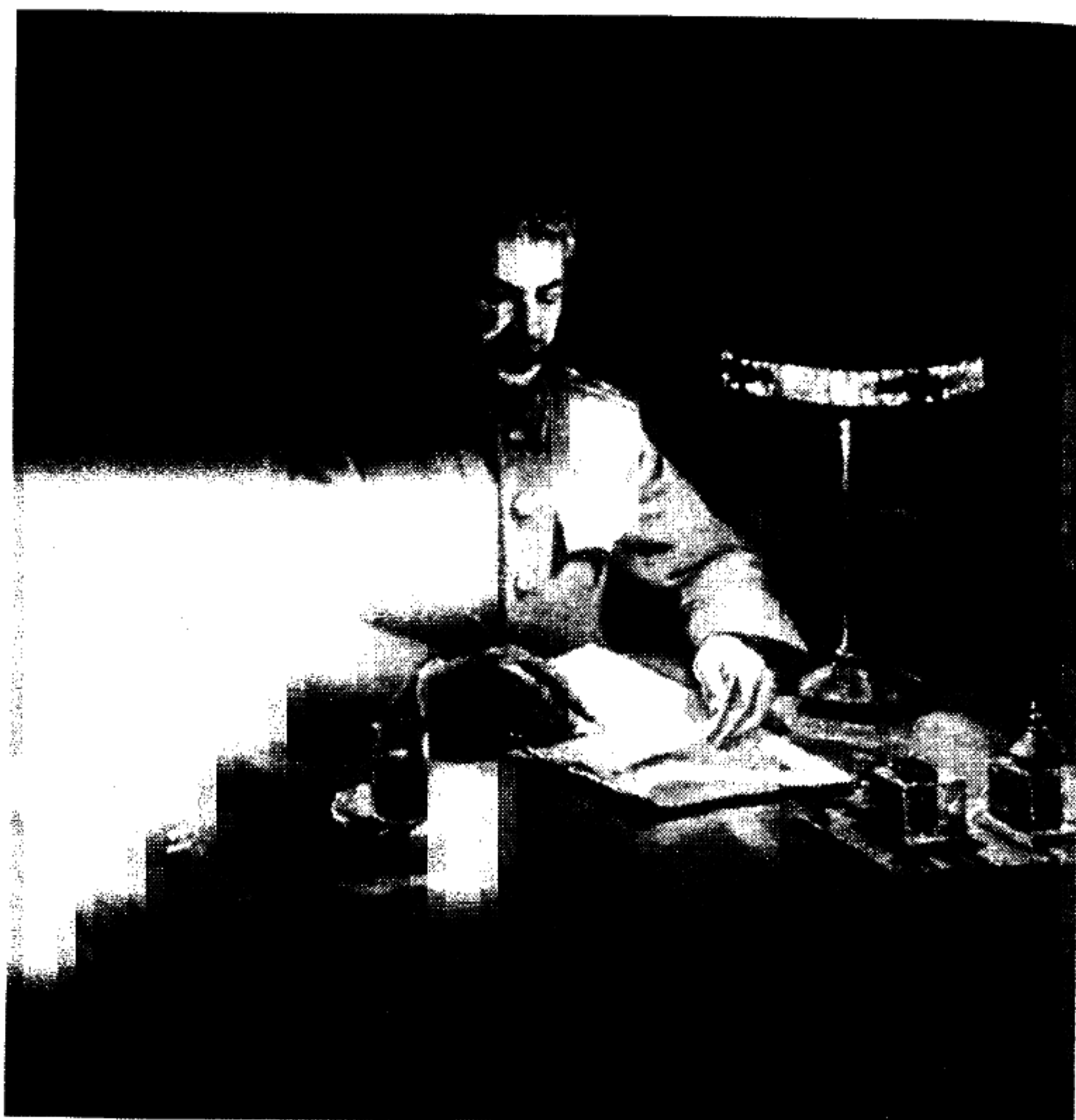
Слава нашим дальневосточным войскам и Тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстоявшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!

ЧАСТЬ III

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Участникам экономической дискуссии

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ, СВЯЗАННЫМ С НОЯБРЬСКОЙ ДИСКУССИЕЙ 1951 ГОДА

Я получил все документы по экономической дискуссии, проведенной в связи с оценкой проекта учебника политической экономии. Получил в том числе «Предложения по улучшению проекта учебника политической экономии», «Предложения по устранению ошибок и неточностей» в проекте, «Справку о спорных вопросах».

По всем этим материалам, а также по проекту учебника считаю нужным сделать следующие замечания.

1. Вопрос о характере экономических законов при социализме

Некоторые товарищи отрицают объективный характер законов науки, особенно законов политической экономии при социализме. Они отрицают, что законы политической экономии отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей. Они считают, что ввиду особой роли, предоставленной историей Советскому государству, Советское государство, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут «сформировать» новые законы, «создать» новые законы.

Эти товарищи глубоко ошибаются. Они, как видно, смешивают законы науки, отражающие объективные процессы в природе или обществе, происходящие независимо от воли людей, с теми законами, которые издаются правительствами, создаются по воле людей и имеют лишь юридическую силу. Но их смешивать никак нельзя.

Марксизм понимает законы науки — все равно,

идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, — как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки.

Значит ли это, что, например, результаты действий законов природы, результаты действий сил природы вообще неотвратимы, что разрушительные действия сил природы везде и всегда происходят со стихийно-неумолимой силой, не поддающейся воздействию людей? Нет, не значит. Если исключить астрономические, геологические и некоторые другие аналогичные процессы, где люди, если они даже познали законы их развития, действительно бессильны воздействовать на них, то во многих других случаях люди далеко не бессильны в смысле возможности их воздействия на процессы природы. Во всех таких случаях люди, познав законы природы, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества.

Возьмем один из многочисленных примеров. В древнейшую эпоху разлив больших рек, наводнения, уничтожение в связи с этим жилищ и посевов считались неотвратимым бедствием, против которого люди были бессильны. Однако с течением времени, с развитием человеческих знаний, когда люди научились строить плотины и гидростанции, оказалось возможным отвести от общества бедствия наводнений, казавшиеся раньше неотвратимыми. Более того, люди научились обуздывать разрушительные силы природы, так сказать, оседлать их, обратить силу воды на пользу общества и использовать ее для орошения полей, для получения энергии.

Значит ли это, что люди тем самым отменили законы природы, законы науки, создали новые законы природы, новые законы науки? Нет, не значит. Дело в том,

что вся эта процедура предотвращения действий разрушительных сил воды и использования их в интересах общества проходит без какого бы то ни было нарушения, изменения или уничтожения законов науки, без создания новых законов науки. Наоборот, вся эта процедура осуществляется на точном основании законов природы, законов науки, ибо какое-либо нарушение законов природы, малейшее их нарушение привело бы лишь к расстройству дела, к срыву процедуры.

То же самое надо сказать о законах экономического развития, о законах политической экономии, — все равно идет ли речь о периоде капитализма или о периоде социализма. Здесь так же, как и в естествознании, законы экономического развития являются объективными законами, отражающими процессы экономического развития, совершающиеся независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу, но они не могут уничтожить их или создать новые экономические законы.

Одна из особенностей политической экономии состоит в том, что ее законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они, по крайней мере большинство из них, действуют в течение определенного исторического периода, после чего они уступают место новым законам. Но они, эти законы, не уничтожаются, а теряют силу в силу новых экономических условий и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, которые не создаются волею людей, а возникают на базе новых экономических условий.

Ссылаются на «Анти-Дюринг» Энгельса, на его формулу о том, что с ликвидацией капитализма и обобществлением средств производства люди получают власть над своими средствами производства, что они получают свободу от гнета общественно-экономических отношений, станут «господами» своей общественной жизни. Энгельс называет эту свободу «познанной необ-

ходимостью». А что может означать «познанная необходимость»? Это означает, что люди, познав объективные законы («необходимость»), будут их применять вполне сознательно в интересах общества. Именно поэтому Энгельс говорит там же, что:

«Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству».

Как видно, формула Энгельса говорит отнюдь не в пользу тех, которые думают, что можно уничтожить при социализме существующие экономические законы и создать новые. Наоборот, она требует не уничтожения, а познания экономических законов и умелого их применения.

Говорят, что экономические законы носят стихийный характер, что действия этих законов являются неотвратимыми, что общество бессильно перед ними. Это неверно. Это — фетишизация законов, отдача себя в рабство законам. Доказано, что общество не бессильно перед лицом законов, что общество может, познав экономические законы и опираясь на них, ограничить сферу их действия, использовать их в интересах общества и «оседлать» их, как это имеет место в отношении сил природы и их законов, как это имеет место в приведенном выше примере о разливе больших рек.

Ссылаются на особую роль Советской власти в деле построения социализма, которая якобы дает ей возможность уничтожить существующие законы экономического развития и «сформировать» новые. Это также неверно.

Особая роль Советской власти объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что Советская власть должна была не заменить одну форму эксплуатации другой формой, как это было в старых революциях, а ликвидировать всякую эксплуатацию; во-вторых, тем, что ввиду отсутствия в стране каких-либо готовых зачатков социалистического хозяйства она должна была

создать, так сказать, на «пустом месте» новые, социалистические формы хозяйства.

Задача эта безусловно трудная и сложная, не имеющая прецедента. Тем не менее Советская власть выполнила эту задачу с честью. Но она выполнила ее не потому, что будто бы уничтожила существующие экономические законы и «сформировала» новые, а только лишь потому, что она опиралась на экономический закон *обязательного соответствия* производственных отношений характеру производительных сил. Производительные силы нашей страны, особенно в промышленности, имели общественный характер, форма же собственности была частная, капиталистическая. Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, Советская власть обобществила средства производства, сделала их собственностью всего народа и тем уничтожила систему эксплуатации, создала социалистические формы хозяйства. Не будь этого закона и не опираясь на него, Советская власть не смогла бы выполнить своей задачи.

Экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил давно пробивает себе дорогу в капиталистических странах. Если он еще не пробил себе дорогу и не вышел на простор, то это потому, что он встречает сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Здесь мы сталкиваемся с другой особенностью экономических законов. В отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил. Нужна, следовательно, сила, общественная сила, способная преодолеть это сопротивление. Такая сила нашлась в нашей стране в виде союза рабочего класса и крестьянства, представляющих подавляющее большинство общества. Такой силы не нашлось еще в других, капиталистических странах. В этом секрет того, что Со-

ветской власти удалось разбить старые силы общества, а экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил получил у нас полный простор.

Говорят, что необходимость планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства нашей страны дает возможность Советской власти уничтожить существующие и создать новые экономические законы. Это совершенно неверно. Нельзя смешивать наши годовые и пятилетние планы с объективным экономическим законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Закон планомерного развития народного хозяйства возник как противовес закону конкуренции и анархии производства при капитализме. Он возник на базе обобществления средств производства, после того, как закон конкуренции и анархии производства потерял силу. Он вступил в действие потому, что социалистическое народное хозяйство можно вести лишь на основе экономического закона планомерного развития народного хозяйства. Это значит, что закон планомерного развития народного хозяйства дает *возможность* нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но *возможность* нельзя смешивать с *действительностью*. Это — две разные вещи. Чтобы эту возможность превратить в действительность, нужно изучить этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона. Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономического закона.

Говорят, что некоторые экономические законы, в том числе и закон стоимости, действующие у нас при социализме, являются «преобразованными» или даже «коренным образом преобразованными» законами на основе планового хозяйства. Это тоже неверно. Нельзя «преобразовать» законы, да еще «коренным образом». Если можно их преобразовать, то можно и уничтожить, заменив другими законами. Тезис о «преобразовании»

законов есть пережиток от неправильной формулы об «уничтожении» и «сформировании» законов. Хотя формула о преобразовании экономических законов давно уже вошла у нас в обиход, придется от нее отказаться в интересах точности. Можно ограничить сферу действия тех или иных экономических законов, можно предотвратить их разрушительные действия, если, конечно, они имеются, но нельзя их «преобразовать» или «уничтожить».

Следовательно, когда говорят о «покорении» сил природы или экономических сил, о «господстве» над ними и т.д., то этим вовсе не хотят сказать, что люди могут «уничтожить» законы науки или «сформировать» их. Наоборот, этим хотят сказать лишь то, что люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними.

Итак, законы политической экономии при социализме являются объективными законами, отражающими закономерность процессов экономической жизни, совершающихся независимо от нашей воли. Люди, отрицающие это положение, отрицают, по сути дела, науку, отрицая же науку, отрицают тем самым возможность всякого предвидения — следовательно, отрицают возможность руководства экономической жизнью.

Могут сказать, что все сказанное здесь правильно и общеизвестно, но в нем нет ничего нового и что, следовательно, не стоит тратить время на повторение общеизвестных истин. Конечно, здесь действительно нет ничего нового, но было бы неправильно думать, что не стоит тратить время на повторение некоторых известных нам истин. Дело в том, что к нам, как руководящему ядру, каждый год подходят тысячи новых молодых кадров, они горят желанием помочь нам, горят желанием показать себя, но не имеют достаточного марксистского воспитания, не знают многих, нам хорошо известных истин и вынуждены блуждать в потемках. Они ошеломлены колоссальными достижениями Советской власти, им кружат голову необычайные успехи совет-

ского строя, и они начинают воображать, что Советская власть «все может», что ей «все нипочем», что она может уничтожить законы науки, сформировать новые законы. Как нам быть с этими товарищами? Как их воспитать в духе марксизма-ленинизма? Я думаю, что систематическое повторение так называемых «общеизвестных» истин, терпеливое их разъяснение является одним из лучших средств марксистского воспитания этих товарищей.

2. Вопрос о товарном производстве при социализме

Некоторые товарищи утверждают, что партия поступила неправильно, сохранив товарное производство после того, как она взяла власть и национализировала средства производства в нашей стране. Они считают, что партия должна была тогда же устранить товарное производство. Они ссылаются при этом на Энгельса, который говорит:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями» (см. «Анти-Дюринг»).

Эти товарищи глубоко ошибаются.

Разберем формулу Энгельса. Формулу Энгельса нельзя считать вполне ясной и точной, так как в ней нет указания, идет ли речь о взятии во владение общества *всех* средств производства или только части средств производства, т.е. *все* ли средства производства переданы в общенародное достояние или только часть средств производства. Значит, *эту* формулу Энгельса можно понять и так, и этак.

В другом месте «Анти-Дюринга» Энгельс говорит об овладении «*всеми* средствами производства», об овладении «*всей* совокупностью средств производства». Значит, Энгельс в своей формуле имеет в виду национализацию не части средств производства, а *всех* средств производства, т.е. передачу в общенародное достояние средств производства не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Из этого следует, что Энгельс имеет в виду такие страны, где капитализм и концентрация производства достаточно развиты не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве для того, чтобы экспроприировать все средства производства страны и передать их в общенародную собственность. Энгельс считает, следовательно, что в *таких* странах следовало бы наряду с обобществлением *всех* средств производства устранить товарное производство. И это, конечно, правильно.

Такой страной являлась в конце прошлого века, к моменту появления в свет «Анти-Дюринга», лишь одна страна — Англия, где развитие капитализма и концентрация производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве были доведены до такой точки, что была возможность в случае взятия власти пролетариатом передать все средства производства в стране в общенародное достояние и устранить из обихода товарное производство.

Я отвлекаюсь в данном случае от вопроса о значении для Англии внешней торговли с ее громадным удельным весом в народном хозяйстве Англии. Я думаю, что только по изучении этого вопроса можно было бы окончательно решить вопрос о судьбе товарного производства в Англии после взятия власти пролетариатом и национализации *всех* средств производства.

Впрочем, не только в конце прошлого столетия, но и в настоящее время ни одна страна еще не достигла той степени развития капитализма и концентрации производства в сельском хозяйстве, какую наблюдаем в Англии. Что касается остальных стран, то там, несмотря на развитие капитализма в деревне, имеется еще достаточно многочисленный класс мелких и средних собственников-производителей в деревне, судьбу которых следовало бы определить в случае взятия власти пролетариатом.

Но вот вопрос: как быть пролетариату и его партии, если в той или иной стране, в том числе в нашей стране, имеются благоприятные условия для взятия власти пролетариатом и ниспровержения капитализма, где капитализм в промышленности до того концентрировал

средства производства, что можно их экспроприировать и передать во владение общества, но где сельское хозяйство, несмотря на рост капитализма, до того еще раздроблено между многочисленными мелкими и средними собственниками-производителями, что не представляется возможности ставить вопрос об экспроприации этих производителей?

На этот вопрос формула Энгельса не дает ответа. Впрочем, она и не должна отвечать на этот вопрос, так как она возникла на базе другого вопроса, а именно — вопроса о том, какова должна быть судьба товарного производства после того, как обобществлены все средства производства.

Итак, как быть, если обобществлены не все средства производства, а только часть средств производства, а благоприятные условия для взятия власти пролетариатом имеются налицо, — следует ли взять власть пролетариату и нужно ли сразу после этого уничтожить товарное производство?

Нельзя, конечно, назвать ответом мнение некоторых горе-марксистов, которые считают, что при таких условиях следовало бы отказаться от взятия власти и ждать, пока капитализм успеет разорить миллионы мелких и средних производителей, превратив их в батраков, и концентрировать средства производства в сельском хозяйстве, что только после этого можно было бы поставить вопрос о взятии власти пролетариатом и обобществлении всех средств производства. Понятно, что на такой «выход» не могут пойти марксисты, если они не хотят опозорить себя вконец.

Нельзя также считать ответом мнение других горе-марксистов, которые думают, что следовало бы, пожалуй, взять власть и пойти на экспроприацию мелких и средних производителей в деревне и обобществить их средства производства. На этот бессмысленный и преступный путь также не могут пойти марксисты, ибо такой путь подорвал бы всякую возможность победы пролетарской революции, отбросил бы крестьянство надолго в лагерь врагов пролетариата.

Ответ на этот вопрос дал Ленин в своих трудах о

«продналоге» и в своем знаменитом «кооперативном плане».

Ответ Ленина сводится коротко к следующему:

а) не упускать благоприятных условий для взятия власти, взять власть пролетариату, не дожидаясь того момента, пока капитализм сумеет разорить многомиллионное население мелких и средних индивидуальных производителей;

б) экспроприировать средства производства в промышленности и передать их в общенародное достояние;

в) что касается мелких и средних индивидуальных производителей, объединять их постепенно в производственные кооперативы, т.е. в крупные сельскохозяйственные предприятия, колхозы;

г) развивать всемерно индустрию и подвести под колхозы современную техническую базу крупного производства, причем не экспроприировать их, а наоборот, усиленно снабжать их первоклассными тракторами и другими машинами;

д) для экономической же смычки города и деревни, промышленности и сельского хозяйства сохранить на известное время товарное производство (обмен через куплю-продажу), как единственно приемлемую для крестьян форму экономических связей с городом, и развернуть всю советскую торговлю, государственную и кооперативно-колхозную, вытесняя из товарооборота всех и всяких капиталистов.

История нашего социалистического строительства показывает, что этот путь развития, начертанный Лениным, полностью оправдал себя.

Не может быть сомнения, что для всех капиталистических стран, имеющих более или менее многочисленный класс мелких и средних производителей, этот путь развития является единственно возможным и целесообразным для победы социализма.

Говорят, что товарное производство все же при всех условиях должно привести и обязательно приведет к капитализму. Это неверно. Не всегда и не при всяких условиях! Нельзя отождествлять товарное производство с

капиталистическим производством. Это — две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишенные средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства.

Ну, а если нет этих условий в наличии, превращающих товарное производство в капиталистическое производство, если средства производства составляют уже не частную, а социалистическую собственность, если системы наемного труда не существует и рабочая сила не является больше товаром, если система эксплуатации давно уже ликвидирована, — как быть тогда: можно ли считать, что товарное производство все же приведет к капитализму? Нет, нельзя считать. А ведь наше общество является именно таким обществом, где частная собственность на средства производства, система наемного труда, система эксплуатации давно уже не существуют.

Нельзя рассматривать товарное производство, как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий. Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму. Спрашивается, почему не может товарное производство обслуживать также на известный период наше социалистическое общество, не приводя к капитализму, если иметь в виду, что товарное производство не имеет у нас

такого неограниченного и всеобъемлющего распространения, как при капиталистических условиях, что оно у нас поставлено в строгие рамки благодаря таким решающим экономическим условиям, как общественная собственность на средства производства, ликвидация системы наемного труда, ликвидация системы эксплуатации?

Говорят, что после того, как установилось в нашей стране господство общественной собственности на средства производства, а система наемного труда и эксплуатации ликвидирована, существование товарного производства потеряло смысл, что следовало бы ввиду этого устранить товарное производство.

Это также неверно. В настоящее время у нас существуют две основные формы социалистического производства: государственная — общенародная и колхозная, которую нельзя назвать общенародной. В государственных предприятиях средства производства и продукция производства составляют всенародную собственность. В колхозных же предприятиях, хотя средства производства (земля, машины) и принадлежат государству, однако продукция производства составляет собственность отдельных колхозов, так как труд в колхозах, как и семена, — свой собственный, а землей, которая передана колхозам в вечное пользование, колхозы распоряжаются фактически как своей собственностью, несмотря на то, что они не могут ее продать, купить, сдать в аренду или заложить.

Это обстоятельство ведет к тому, что государство может распоряжаться лишь продукцией государственных предприятий, тогда как колхозной продукцией, как своей собственностью, распоряжаются лишь колхозы. Но колхозы не хотят отчуждать свои продукты иначе как в виде товаров, в обмен на которые они хотят получить нужные им товары. Других экономических связей с городом, кроме товарных, кроме обмена через куплю-продажу, в настоящее время колхозы не приемлют. Поэтому товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда

Ленин провозгласил необходимость всемерного разворота товарооборота.

Конечно, когда вместо двух основных производственных секторов, государственного и колхозного, появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжения всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его «денежным хозяйством» исчезнет, как ненужный элемент народного хозяйства. Но пока этого нет, пока остаются два основных производственных сектора, товарное производство и товарное обращение должны остаться в силе, как необходимый и весьма полезный элемент в системе нашего народного хозяйства. Каким образом произойдет создание единого объединенного сектора, путем ли простого поглощения колхозного сектора государственным сектором, что мало вероятно (ибо это было бы воспринято, как экспроприация колхозов), или путем организации единого общенародного хозяйственного органа (с представительством от госпромышленности и колхозов) с правом сначала учета всей потребительской продукции страны, а с течением времени — также распределения продукции в порядке, скажем, продуктообмена, — это вопрос особый, требующий отдельного обсуждения.

Следовательно, *наше* товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство и которому суждено обслуживать совместно с его «денежным хозяйством» дело развития и укрепления социалистического производства.

Поэтому совершенно не правы те товарищи, которые заявляют, что, поскольку социалистическое общество не ликвидирует товарные формы производства, у нас должны быть якобы восстановлены все экономические категории, свойственные капитализму: рабочая

сила, как товар, прибавочная стоимость, капитал, прибыль на капитал, средняя норма прибыли и т.п. Эти товарищи смешивают товарное производство с капиталистическим производством и полагают, что раз есть товарное производство, то должно быть и капиталистическое производство. Они не понимают, что наше товарное производство коренным образом отличается от товарного производства при капитализме.

Более того, я думаю, что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из «Капитала» Маркса, где Маркс занимался анализом капитализма, и искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям. Я имею в виду, между прочим, такие понятия, как «необходимый» и «прибавочный» труд, «необходимый» и «прибавочный» продукт, «необходимое» и «прибавочное» время. Маркс анализировал капитализм для того, чтобы выяснить источник эксплуатации рабочего класса, прибавочную стоимость и дать рабочему классу, лишенному средств производства, духовное оружие для свержения капитализма. Понятно, что Маркс пользуется при этом понятиями (категориями), вполне соответствующими капиталистическим отношениям. Но более чем странно пользоваться теперь этими понятиями, когда рабочий класс не только не лишен власти и средств производства, а, наоборот, держит в своих руках власть и владеет средствами производства. Довольно абсурдно звучат теперь, при нашем строе, слова о рабочей силе, как товаре, и о «найме» рабочих: как будто рабочий класс, владеющий средствами производства, сам себе нанимается и сам себе продает свою рабочую силу. Столь же странно теперь говорить о «необходимом» и «прибавочном» труде: как будто труд рабочих в наших условиях, отданный обществу на расширение производства, развитие образования, здравоохранения, на организацию обороны и т.д., не является столь же необходимым для рабочего класса, стоящего ныне у власти, как и труд, затраченный на покрытие личных потребностей рабочего и его семьи.

Следует отметить, что Маркс в своем труде «Критика Готской программы», где он исследует уже не капи-

тализм, а, между прочим, первую фазу коммунистического общества, признает труд, отданный обществу на расширение производства, на образование, здравоохранение, управленческие расходы, образование резервов и т.д., столь же необходимым, как и труд, затраченный на покрытие потребительских нужд рабочего класса.

Я думаю, что наши экономисты должны покончить с этим несоответствием между старыми понятиями и новым положением вещей в нашей социалистической стране, заменив старые понятия новыми, соответствующими новому положению.

Мы могли терпеть это несоответствие до известного времени, но теперь пришло время, когда мы должны, наконец, ликвидировать это несоответствие.

3. Вопрос о законе стоимости при социализме

Иногда спрашивают: существует ли и действует ли у нас, при нашем социалистическом строе, закон стоимости?

Да, существует и действует. Там, где есть товары и товарное производство, не может не быть и закон стоимости.

Сфера действия закона стоимости распространяется у нас прежде всего на товарное обращение, на обмен товаров через куплю-продажу, на обмен главным образом товаров личного потребления. Здесь, в этой области, закон стоимости сохраняет за собой, конечно, в известных пределах роль регулятора.

Но действия закона стоимости не ограничиваются сферой товарного обращения. Они распространяются также на производство. Правда, закон стоимости не имеет регулирующего значения в нашем социалистическом производстве, но он все же воздействует на производство, и этого нельзя не учитывать при руководстве производством. Дело в том, что потребительские продукты, необходимые для покрытия затрат рабочей силы в процессе производства, производятся у нас и реализуются как товары, подлежащие действию закона стоимости. Здесь именно и открывается воздействие закона

стоимости на производство. В связи с этим на наших предприятиях имеют актуальное значение такие вопросы, как вопрос о хозяйственном расчете и рентабельности, вопрос о себестоимости, вопрос о ценах и т.п. Поэтому наши предприятия не могут обойтись и не должны обходиться без учета закона стоимости.

Хорошо ли это? Неплохо. При нынешних наших условиях это действительно не плохо, так как это обстоятельство воспитывает наших хозяйственников в духе рационального ведения производства и дисциплинирует их. Не плохо, так как оно учит наших хозяйственников считать производственные величины, считать их точно и так же точно учитывать реальные вещи в производстве, а не заниматься болтовней об «ориентировочных данных», взятых с потолка. Неплохо, так как оно учит наших хозяйственников искать, находить и использовать скрытые резервы, таящиеся в недрах производства, а не топтать их ногами. Неплохо, так как оно учит наших хозяйственников систематически улучшать методы производства, снижать себестоимость производства, осуществлять хозяйственный расчет и добиваться рентабельности предприятий. Это — хорошая практическая школа, которая ускоряет рост наших хозяйственных кадров и превращение их в настоящих руководителей социалистического производства на нынешнем этапе развития.

Беда не в том, что закон стоимости воздействует у нас на производство. Беда в том, что наши хозяйственники и плановики, за немногими исключениями, плохо знакомы с действиями закона стоимости, не изучают их и не умеют учитывать их в своих расчетах. Этим, собственно, и объясняется та неразбериха, которая все еще царит у нас в вопросе о политике цен. Вот один из многочисленных примеров. Некоторое время тому назад было решено упорядочить в интересах хлопководства соотношение цен на хлопок и на зерно, уточнить цены на зерно, продаваемое хлопкоробам, и поднять цены на хлопок, сдаваемый государству. В связи с этим наши хозяйственники и плановики внесли предложение, которое не могло не изумить членов ЦК, так как по этому

предложению цена на тонну зерна предлагалась почти такая же, как цена на тонну хлопка, при этом цена на тонну зерна была приравнена к цене на тонну печеного хлеба. На замечания членов ЦК о том, что цена на тонну печеного хлеба должна быть выше цены на тонну зерна ввиду добавочных расходов на помол и выпечку, что хлопок вообще стоит намного дороже, чем зерно, о чем свидетельствуют также мировые цены на хлопок и на зерно, авторы предложения не могли сказать ничего вразумительного. Ввиду этого ЦК пришлось взять это дело в свои руки, снизить цены на зерно и поднять цены на хлопок. Что было бы, если бы предложение этих товарищей получило законную силу? Мы разорили бы хлопкоробов и остались бы без хлопка.

Значит ли, однако, все это, что действия закона стоимости имеют у нас такой же простор, как при капитализме, что закон стоимости является у нас регулятором производства? Нет, не значит. На самом деле сфера действия закона стоимости при нашем экономическом строе строго ограничена и поставлена в рамки. Уже было сказано, что сфера действия товарного производства при нашем строе ограничена и поставлена в рамки. То же самое надо сказать о сфере действия закона стоимости. Несомненно, что отсутствие частной собственности на средства производства и обобществление средств производства как в городе, так и в деревне не могут не ограничивать сферу действия закона стоимости и степень его воздействия на производство.

В том же направлении действует закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, заменивший собой закон конкуренции и анархии производства.

В том же направлении действуют наши годовые и пятилетние планы и вообще вся наша хозяйственная политика, опирающиеся на требования закона планомерного развития народного хозяйства.

Все это вместе ведет к тому, что сфера действия закона стоимости строго ограничена у нас и закон стоимости не может при нашем строе играть роль регулятора производства.

Этим, собственно, и объясняется тот «поразительный» факт, что, несмотря на непрерывный и бурный рост нашего социалистического производства, закон стоимости не ведет у нас к кризисам перепроизводства, тогда как тот же закон стоимости, имеющий широкую сферу действия при капитализме, несмотря на низкие темпы роста производства в капиталистических странах, ведет к периодическим кризисам перепроизводства.

Говорят, что закон стоимости является постоянным законом, обязательным для всех периодов исторического развития, что если закон стоимости и потеряет силу, как регулятор меновых отношений в период второй фазы коммунистического общества, то он сохранит на этой фазе развития свою силу, как регулятор отношений между различными отраслями производства, как регулятор распределения труда между отраслями производства.

Это совершенно неверно. Стоимость, как и закон стоимости, есть историческая категория, связанная с существованием товарного производства. С исчезновением товарного производства исчезнут и стоимость с ее формами и закон стоимости.

На второй фазе коммунистического общества количество труда, затраченного на производство продуктов, будет измеряться не окольным путем, не через посредство стоимости и ее форм, как это бывает при товарном производстве, а прямо и непосредственно — количеством времени, количеством часов, израсходованным на производство продуктов. Что же касается распределения труда, то распределение труда между отраслями производства будет регулироваться не законом стоимости, который потеряет силу к этому времени, а ростом потребностей общества в продуктах. Это будет общество, где производство будет регулироваться потребностями общества, а учет потребностей общества приобретет первостепенное значение для планирующих органов.

Совершенно неправильно также утверждение, что при нашем нынешнем экономическом строе, на первой фазе развития коммунистического общества, закон сто-

имости регулирует будто бы «пропорции» распределения труда между различными отраслями производства.

Если бы это было верно, то непонятно, почему у нас не развивают всю легкую промышленность, как наиболее рентабельную, преимущественно перед тяжелой промышленностью, являющейся часто менее рентабельной, а иногда и вовсе нерентабельной?

Если бы это было верно, то непонятно, почему не закрывают у нас ряд пока еще нерентабельных предприятий тяжелой промышленности, где труд рабочих не дает «должного эффекта», и не открывают новых предприятий безусловно рентабельной легкой промышленности, где труд рабочих мог бы дать «большой эффект»?

Если бы это было верно, то непонятно, почему не перебрасывают у нас рабочих из малорентабельных предприятий, хотя и очень нужных для народного хозяйства, в предприятия более рентабельные, согласно закону стоимости, якобы регулирующему «пропорции» распределения труда между отраслями производства?

Очевидно, что, идя по стопам этих товарищей, нам пришлось бы отказаться от примата производства средств производства в пользу производства средств потребления. А что значит отказаться от примата производства средств производства? Это значит уничтожить возможность непрерывного роста нашего народного хозяйства, ибо невозможно осуществлять непрерывный рост народного хозяйства, не осуществляя вместе с тем примата производства средств производства.

Эти товарищи забывают, что закон стоимости может быть регулятором производства лишь при капитализме, при наличии частной собственности на средства производства, при наличии конкуренции, анархии производства, кризисов перепроизводства. Они забывают, что сфера действия закона стоимости ограничена у нас наличием общественной собственности на средства производства, действием закона планомерного развития народного хозяйства, — следовательно, ограничена также нашими годовыми и пятилетними планами, яв-

ляющимися приблизительным отражением требований этого закона.

Некоторые товарищи делают отсюда вывод, что закон планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства уничтожают принцип рентабельности производства. Это совершенно неверно. Дело обстоит как раз наоборот. Если взять рентабельность не с точки зрения отдельных предприятий или отраслей производства и не в разрезе одного года, а с точки зрения всего народного хозяйства и в разрезе, скажем, 10—15 лет, что было бы единственно правильным подходом к вопросу, то временная и непрочная рентабельность отдельных предприятий или отраслей производства не может идти ни в какое сравнение с той высшей формой прочной и постоянной рентабельности, которую дают нам действия закона планомерного развития народного хозяйства и планирование народного хозяйства, избавляя нас от периодических экономических кризисов, разрушающих народное хозяйство и наносящих обществу колоссальный материальный ущерб, и обеспечивая нам непрерывный рост народного хозяйства с его высокими темпами.

Короче: не может быть сомнения, что при наших нынешних социалистических условиях производства закон стоимости не может быть «регулятором пропорций» в деле распределения труда между различными отраслями производства.

4. Вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, а также вопрос о ликвидации различий между ними

Заголовок этот затрагивает ряд проблем, существенно отличающихся друг от друга, однако я объединяю их в одной главе не для того, чтобы смешать их друг с другом, а исключительно для краткости изложения.

Проблема уничтожения противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством представляет известную проблему, давно уже поставленную Марксом и Энгельсом. Эконо-

мической основой этой противоположности является эксплуатация деревни городом, экспроприация крестьянства и разорение большинства деревенского населения всем ходом развития промышленности, торговли, кредитной системы при капитализме. Поэтому противоположность между городом и деревней при капитализме нужно рассматривать как противоположность интересов. На этой почве возникло враждебное отношение деревни к городу и вообще к «городским людям».

Несомненно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации, с укреплением социалистического строя в нашей стране должна была исчезнуть и противоположность интересов между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Оно так и произошло. Огромная помощь нашему крестьянству со стороны социалистического города, со стороны нашего рабочего класса, оказанная в деле ликвидации помещиков и кулачества, укрепила почву для союза рабочего класса и крестьянства, а систематическое снабжение крестьянства и его колхозов первоклассными тракторами и другими машинами превратило союз рабочего класса и крестьянства в дружбу между ними. Конечно, рабочие и колхозное крестьянство составляют все же два класса, отличающиеся друг от друга по своему положению. Но это различие ни в какой мере не ослабляет их дружбу. Наоборот, их интересы лежат на одной общей линии, на линии укрепления социалистического строя и победы коммунизма. Неудивительно поэтому, что от былого недоверия, а тем более ненависти деревни к городу не осталось и следа.

Все это означает, что почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством уже ликвидирована нынешним нашим социалистическим строем.

Это, конечно, не значит, что уничтожение противоположности между городом и деревней должно повести к «гибели больших городов» (см. «Анти-Дюринг» Энгельса). Большие города не только не погибнут, но появятся еще новые большие города, как центры наибольшего роста культуры, как центры не только большой

индустрии, но и переработки сельскохозяйственных продуктов и мощного развития всех отраслей пищевой промышленности. Это обстоятельство облегчит культурный расцвет страны и приведет к выравниванию условий быта в городе и деревне.

Аналогичное положение имеем мы с проблемой уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Эта проблема также является известной проблемой, давно поставленной Марксом и Энгельсом. Экономической основой противоположности между умственным и физическим трудом является эксплуатация людей физического труда со стороны представителей умственного труда. Всем известен разрыв, существовавший при капитализме между людьми физического труда предприятий и руководящим персоналом. Известно, что на базе этого разрыва развивалось враждебное отношение рабочих к директору, к мастеру, к инженеру и другим представителям технического персонала, как к их врагам. Понятно, что с уничтожением капитализма и системы эксплуатации должна была исчезнуть и противоположность интересов между физическим и умственным трудом. И она действительно исчезла при нашем современном социалистическом строе. Теперь люди физического труда и руководящий персонал являются не врагами, а товарищами-друзьями, членами единого производственного коллектива, кровно заинтересованными в преуспевании и улучшении производства. От былой вражды между ними не осталось и следа.

Совершенно другой характер имеет проблема исчезновения различий между городом (промышленностью) и деревней (сельским хозяйством), между физическим и умственным трудом. Эта проблема не ставилась классиками марксизма. Это — новая проблема, поставленная практикой нашего социалистического строительства.

Не является ли эта проблема надуманной, имеет ли она для нас какое-либо практическое или теоретическое значение? Нет, эту проблему нельзя считать надуманной. Наоборот, она является для нас в высшей степени серьезной проблемой.

Если взять, например, различие между сельским хозяйством и промышленностью, то оно сводится у нас не только к тому, что условия труда в сельском хозяйстве отличаются от условий труда в промышленности, но прежде всего и главным образом к тому, что в промышленности мы имеем общенародную собственность на средства производства и продукцию производства, тогда как в сельском хозяйстве имеем не общенародную, а групповую, колхозную собственность. Уже говорилось, что это обстоятельство ведет к сохранению товарного обращения, что только с исчезновением этого различия между промышленностью и сельским хозяйством может исчезнуть товарное производство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Следовательно, нельзя отрицать, что исчезновение этого существенного различия между сельским хозяйством и промышленностью должно иметь для нас первостепенное значение.

То же самое нужно сказать о проблеме уничтожения существенного различия между трудом умственным и трудом физическим. Эта проблема имеет для нас также первостепенное значение. До начала разворота массового соцсоревнования рост промышленности шел у нас со скрипом, а многие товарищи ставили даже вопрос о замедлении темпов развития промышленности. Объясняется это главным образом тем, что культурно-технический уровень рабочих был слишком низок и далеко отставал от уровня технического персонала. Дело, однако, изменилось коренным образом после того, как соцсоревнование приняло у нас массовый характер. Именно после этого промышленность пошла вперед ускоренным темпом. Почему соцсоревнование приняло массовый характер? Потому что среди рабочих нашлись целые группы товарищей, которые не только освоили технический минимум, но пошли дальше, стали в уровень с техническим персоналом, стали поправлять техников и инженеров, ломать существующие нормы, как устаревшие, вводить новые, более современные нормы и т.п. Что было бы, если бы не отдельные группы рабочих, а большинство рабочих подняли свой культурно-

технический уровень до уровня инженерно-технического персонала? Наша промышленность была бы поднята на высоту, недостижимую для промышленности других стран. Следовательно, нельзя отрицать, что уничтожение существенного различия между умственным и физическим трудом путем поднятия культурно-технического уровня рабочих до уровня технического персонала не может не иметь для нас первостепенное значение.

Некоторые товарищи утверждают, что со временем исчезнет не только существенное различие между промышленностью и сельским хозяйством, между физическим и умственным трудом, но исчезнет также всякое различие между ними. Это неверно. Уничтожение существенного различия между промышленностью и сельским хозяйством не может привести к уничтожению всякого различия между ними. Какое-то различие, хотя и несущественное, безусловно останется ввиду различий в условиях работы в промышленности и в сельском хозяйстве. Даже в промышленности, если иметь в виду различные ее отрасли, условия работы не везде одинаковы: условия работы, например шахтеров, отличаются от условий работы рабочих механизированной обувной фабрики, условия работы рудокопов отличаются от условий работы машиностроительных рабочих. Если это верно, то тем более должно сохраниться известное различие между промышленностью и сельским хозяйством.

То же самое надо сказать насчет различия между трудом умственным и трудом физическим. Существенное различие между ними в смысле разрыва в культурно-техническом уровне безусловно исчезнет. Но какое-то различие, хотя и несущественное, все же сохранится, хотя бы потому, что условия работы руководящего состава предприятий не одинаковы с условиями работы рабочих.

Товарищи, утверждающие обратное, опираются, должно быть, на известную формулировку в некоторых моих выступлениях, где говорится об уничтожении различия между промышленностью и сельским хозяйст-

вом, между умственным и физическим трудом, без оговорок о том, что речь идет об уничтожении существенного, а не всякого различия. Товарищи так именно и поняли мою формулировку, предположив, что она означает уничтожение всякого различия. Но это значит, что формулировка была неточная, неудовлетворительная. Ее нужно откинуть и заменить другой формулировкой, говорящей об уничтожении существенных различий и сохранении несущественных различий между промышленностью и сельским хозяйством, между умственным и физическим трудом.

5. Вопрос о распаде единого мирового рынка и углублении кризиса мировой капиталистической системы

Наиболее важным экономическим результатом Второй мировой войны и ее хозяйственных последствий нужно считать распад единого всеохватывающего мирового рынка. Это обстоятельство определило дальнейшее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы.

Вторая мировая война сама была порождена этим кризисом. Каждая из двух капиталистических коалиций, вцепившихся друг в друга во время войны, рассчитывала разбить противника и добиться мирового господства. В этом они искали выход из кризиса. Соединенные Штаты Америки рассчитывали вывести из строя наиболее опасных своих конкурентов, Германию и Японию, захватить зарубежные рынки, мировые ресурсы сырья и добиться мирового господства.

Однако война не оправдала этих надежд. Правда, Германия и Япония были выведены из строя, как конкуренты трех главных капиталистических стран: США, Англии, Франции. Но наряду с этим от капиталистической системы отпали Китай и другие народно-демократические страны Европы, образовав вместе с Советским Союзом единый и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма. Экономическим результатом существования двух противоположных лагерей явилось то, что единый всеохватываю-

щий мировой рынок распался, в результате чего мы имеем теперь два параллельных мировых рынка, тоже противостоящих друг другу.

Следует отметить, что США и Англия с Францией сами содействовали, конечно, помимо своей воли, образованию и укреплению нового параллельного мирового рынка. Они подвергли экономической блокаде СССР, Китай и европейские народно-демократические страны, не вошедшие в систему «плана Маршалла», думая этим удушить их. На деле же получилось не удушение, а укрепление нового мирового рынка.

Все же основное в этом деле состоит, конечно, не в экономической блокаде, а в том, что за период после войны эти страны экономически сомкнулись и наладили экономическое сотрудничество и взаимопомощь. Опыт этого сотрудничества показывает, что ни одна капиталистическая страна не могла бы оказать такой действительной и технически квалифицированной помощи народно-демократическим странам, какую оказывает им Советский Союз. Дело не только в том, что помощь эта является максимально дешевой и технически первой-классной. Дело прежде всего в том, что в основе этого сотрудничества лежит искреннее желание помочь друг другу и добиться общего экономического подъема. В результате мы имеем высокие темпы развития промышленности в этих странах. Можно с уверенностью сказать, что при таких темпах развития промышленности скоро дело дойдет до того, что эти страны не только не будут нуждаться в завозе товаров из капиталистических стран, но сами почувствуют необходимость отпускать на сторону избыточные товары своего производства.

Но из этого следует, что сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, что условия мирового рынка сбыта для этих стран будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться. В этом, собственно, и состоит углубление общего кризиса мировой капиталистической системы в связи с распадом мирового рынка.

Это чувствуют сами капиталисты, ибо трудно не почувствовать потерю таких рынков, как СССР, Китай. Они стараются прекратить эти трудности «планом Маршалла», войной в Корее, гонкой вооружений, милитаризацией промышленности. Но это очень похоже на то, что утопающие хватаются за соломинку.

В связи с этим положением перед экономистами встали два вопроса:

а) Можно ли утверждать, что известный тезис Сталина об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма, высказанный до Второй мировой войны, — все еще остается в силе?

б) Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года о том, что, несмотря на загнивание капитализма «в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде», — все еще остается в силе?

Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со Второй мировой войной, оба тезиса нужно считать утратившими силу.

6. Вопрос о неизбежности войн между капиталистическими странами

Некоторые товарищи утверждают, что в силу развития новых международных условий после Второй мировой войны, войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными. Они считают, что противоречия между лагерем социализма и лагерем капитализма сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами, что Соединенные Штаты Америки достаточно подчинили себе другие капиталистические страны для того, чтобы не дать им воевать между собой и ослаблять друг друга, что передовые люди капитализма достаточно научены опытом двух мировых войн, нанеших серьезный ущерб всему капиталистическому миру, чтобы позволить себе вновь втянуть капиталистические страны в войну между собой, — что ввиду всего этого войны между капиталистическими странами перестали быть неизбежными.

Эти товарищи ошибаются. Они видят внешние явления, мелькающие на поверхности, но не видят тех глубинных сил, которые, хотя и действуют пока незаметно, но все же будут определять ход событий.

Внешне все будто бы обстоит «благополучно»: Соединенные Штаты Америки посадили на паек Западную Европу, Японию и другие капиталистические страны; Германия (Западная), Англия, Франция, Италия, Япония, попавшие в лапы США, послушно выполняют веления США. Но было бы неправильно думать, что это «благополучие» может сохраниться «на веки вечные», что эти страны будут без конца терпеть господство и гнет Соединенных Штатов Америки, что они не попытаются вырваться из американской неволи и стать на путь самостоятельного развития.

Возьмем прежде всего Англию и Францию. Несомненно, что эти страны являются империалистическими. Несомненно, что дешевое сырье и обеспеченные рынки сбыта имеют для них первостепенное значение. Можно ли предполагать, что они будут без конца терпеть нынешнее положение, когда американцы под шумок «помощи» по линии «плана Маршалла» внедряются в экономику Англии и Франции, стараясь превратить ее в придаток экономики Соединенных Штатов Америки, когда американский капитал захватывает сырье и рынки сбыта в англо-французских колониях и готовит таким образом катастрофу для высоких прибылей англо-французских капиталистов? Не вернее ли будет сказать, что капиталистическая Англия, а вслед за ней и капиталистическая Франция в конце концов будут вынуждены вырваться из объятий США и пойти на конфликт с ними для того, чтобы обеспечить себе самостоятельное положение и, конечно, высокие прибыли?

Перейдем к главным побежденным странам, к Германии (Западной), Японии. Эти страны влачат теперь жалкое существование под сапогом американского империализма. Их промышленность и сельское хозяйство, их торговля, их внешняя и внутренняя политика, весь их быт скованы американским «режимом» оккупации. А ведь эти страны вчера еще были великими империа-

листическими державами, потрясавшими основы господства Англии, США, Франции в Европе, в Азии. Думать, что эти страны не попытаются вновь подняться на ноги, сломить «режим» США и вырваться на путь самостоятельного развития — значит верить в чудеса.

Говорят, что противоречия между капитализмом и социализмом сильнее, чем противоречия между капиталистическими странами. Теоретически это, конечно, верно. Это верно не только теперь, в настоящее время, — это было верно также перед Второй мировой войной. И это более или менее понимали руководители капиталистических стран. И все же Вторая мировая война началась не с войны с СССР, а с войны между капиталистическими странами. Почему? Потому, во-первых, что война с СССР, как страной социализма, опаснее для капитализма, чем война между капиталистическими странами, ибо, если война между капиталистическими странами ставит вопрос только о преобладании таких-то капиталистических стран над другими капиталистическими странами, то война с СССР обязательно должна поставить вопрос о существовании самого капитализма. Потому, во-вторых, что капиталисты, хотя и шумят в целях «пропаганды» об агрессивности Советского Союза, сами не верят в его агрессивность, так как они учитывают мирную политику Советского Союза и знают, что Советский Союз сам не нападет на капиталистические страны.

После Первой мировой войны тоже считали, что Германия окончательно выведена из строя, так же как некоторые товарищи думают теперь, что Япония и Германия окончательно выведены из строя. Тогда тоже говорили и шумели в прессе о том, что Соединенные Штаты Америки посадили Европу на паяк, что Германия не может больше встать на ноги, что отныне войны между капиталистическими странами не должно быть. Однако, несмотря на это, Германия поднялась и стала на ноги как великая держава через каких-либо 15—20 лет после своего поражения, вырвавшись из неволи и став на путь самостоятельного развития. При этом характерно, что не кто иной, как Англия и Соединенные

Штаты Америки, помогли Германии подняться экономически и поднять ее военно-экономический потенциал. Конечно, США и Англия, помогая Германии подняться экономически, имели при этом в виду направить поднимающуюся Германию против Советского Союза, использовать ее против страны социализма. Однако Германия направила свои силы в первую очередь против англо-франко-американского блока. И когда гитлеровская Германия объявила войну Советскому Союзу, то англо-франко-американский блок не только не присоединился к гитлеровской Германии, а, наоборот, был вынужден вступить в коалицию с СССР против гитлеровской Германии.

Следовательно, борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма.

Спрашивается, какая имеется гарантия, что Германия и Япония не поднимутся вновь на ноги, что они не попытаются вырваться из американской неволи и жить своей самостоятельной жизнью? Я думаю, что таких гарантий нет.

Но из этого следует, что неизбежность войн между капиталистическими странами остается в силе.

Говорят, что тезис Ленина о том, что империализм неизбежно порождает войны, нужно считать устаревшим, поскольку выросли в настоящее время мощные народные силы, выступающие в защиту мира, против новой мировой войны. Это неверно.

Современное движение за мир имеет своей целью поднять народные массы на борьбу за сохранение мира, за предотвращение новой мировой войны. Следовательно, оно не преследует цели свержения капитализма и установления социализма, — оно ограничивается демократическими целями борьбы за сохранение мира. В этом отношении современное движение за сохранение мира отличается от движения в период Первой мировой войны за превращение войны империалистической в гражданскую войну, так как это последнее движение шло дальше и преследовало социалистические цели.

Возможно, что при известном стечении обстоятельств борьба за мир разовьется кое-где в борьбу за социализм, но это будет уже не современное движение за мир, а движение за свержение капитализма.

Вероятнее всего, что современное движение за мир, как движение за сохранение мира, в случае успеха приведет к предотвращению данной войны, к временной ее отсрочке, к временному сохранению данного мира, к отставке воинствующего правительства и замене его другим правительством, готовым временно сохранить мир. Это, конечно, хорошо. Даже очень хорошо. Но этого все же недостаточно для того, чтобы уничтожить неизбежность войн вообще между капиталистическими странами. Недостаточно, так как при всех этих успехах движения в защиту мира империализм все же сохраняется, остается в силе, — следовательно, остается в силе также неизбежность войн.

Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм.

7. Вопрос об основных экономических законах современного капитализма и социализма

Как известно, вопрос об основных экономических законах капитализма и социализма несколько раз выдвигался на дискуссии. Высказывались различные мнения на этот счет вплоть до самых фантастических. Правда, большинство участников дискуссии слабо реагировали на это дело, и никакого решения на этот счет не было намечено. Однако никто из участников дискуссии не отрицал существования таких законов.

Существует ли основной экономический закон капитализма? Да, существует. Что это за закон, в чем состоят его характерные черты? Основной экономический закон капитализма — это такой закон, который определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития капиталистического производства, а все главные стороны и все главные процессы этого развития, — следовательно, определяет существо капиталистического производства, его сущность.

Не является ли закон стоимости основным экономическим законом капитализма? Нет. Закон стоимости есть прежде всего закон товарного производства. Он существовал до капитализма и продолжает существовать, как и товарное производство, после свержения капитализма, например в нашей стране, правда с ограниченной сферой действия. Конечно, закон стоимости, имеющий широкую сферу действия в условиях капитализма, играет большую роль в деле развития капиталистического производства, но он не только не определяет существования капиталистического производства и основ капиталистической прибыли, но даже не ставит таких проблем. Поэтому он не может быть основным экономическим законом современного капитализма.

По тем же соображениям не может быть основным экономическим законом капитализма закон конкуренции и анархии производства или закон неравномерного развития капитализма в различных странах.

Говорят, что закон средней нормы прибыли является основным экономическим законом современного капитализма. Это неверно. Современный капитализм, монополистический капитализм, не может удовлетворяться средней прибылью, которая к тому же имеет тенденцию к снижению ввиду повышения органического состава капитала. Современный монополистический капитализм требует не средней прибыли, а максимума прибыли, необходимого для того, чтобы осуществлять более или менее регулярно расширенное воспроизводство.

Более всего подходит к понятию основного экономического закона капитализма закон прибавочной стоимости, закон рождения и возрастания капиталистической прибыли. Он действительно предопределяет основные черты капиталистического производства. Но закон прибавочной стоимости является слишком общим законом, не затрагивающим проблемы высшей нормы прибыли, обеспечение которой является условием развития монополистического капитализма. Чтобы восполнить этот пробел, нужно конкретизировать закон прибавочной стоимости и развить его дальше при-

менительно к условиям монополистического капитализма, учтя при этом, что монополистический капитализм требует не всякой прибыли, а именно максимальной прибыли. Это и будет основной экономический закон современного капитализма.

Главные черты и требования основного экономического закона современного капитализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей.

Говорят, что среднюю прибыль все же можно было бы считать вполне достаточной для капиталистического развития в современных условиях. Это неверно. Средняя прибыль есть низший предел рентабельности, ниже которого капиталистическое производство становится невозможным. Но было бы смешно думать, что воротилы современного монополистического капитализма, захватывая колонии, порабощая народы и затеывая войны, стараются обеспечить себе всего лишь среднюю прибыль. Нет, не средняя прибыль и не сверхприбыль, представляющая, как правило, всего лишь некоторое превышение над средней прибылью, а именно максимальная прибыль является двигателем монополистического капитализма. Именно необходимость получения максимальных прибылей толкает монополистический капитализм на такие рискованные шаги, как закабаление и систематическое ограбление колоний и других отсталых стран, превращение ряда независимых стран в зависимые страны, организация новых войн, являющихся для воротил современного капитализма лучшим «бизнесом» для извлечения максимальных прибылей, наконец, попытки завоевания мирового экономического господства.

Значение основного экономического закона капитализма состоит, между прочим, в том, что он, опреде-

ляя все важнейшие явления в области развития капиталистического способа производства, его подъемы и кризисы, его победы и поражения, его достоинства и недостатки — весь процесс его противоречивого развития, — дает возможность понять и объяснить их.

Вот один из многочисленных «поразительных» примеров.

Всем известны факты из истории и практики капитализма, демонстрирующие бурное развитие техники при капитализме, когда капиталисты выступают как знаменосцы передовой техники, как революционеры в области развития техники производства. Но известны также факты другого рода, демонстрирующие приостановку развития техники при капитализме, когда капиталисты выступают как реакционеры в области развития новой техники и переходят нередко на ручной труд.

Чем объяснить это вопиющее противоречие? Его можно объяснить лишь основным экономическим законом современного капитализма, то есть необходимостью получения максимальных прибылей. Капитализм стоит за новую технику, когда она сулит ему наибольшие прибыли. Капитализм стоит против новой техники и за переход на ручной труд, когда новая техника не сулит больше наибольших прибылей.

Так обстоит дело с основным экономическим законом современного капитализма.

Существует ли основной экономический закон социализма? Да, существует. В чем состоят существенные черты и требования этого закона? Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Следовательно: вместо обеспечения максимальных прибылей — обеспечение максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества; вместо развития производства с перерывами от

подъема к кризису и от кризиса к подъему — непрерывный рост производства; вместо периодических перерывов в развитии техники, сопровождающихся разрушением производительных сил общества, — непрерывное совершенствование производства на базе высшей техники.

Говорят, что основным экономическим законом социализма является закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Это неверно. Планомерное развитие народного хозяйства, а значит, и планирование народного хозяйства, являющееся более или менее верным отражением этого закона, сами по себе ничего не могут дать, если неизвестно, во имя какой задачи совершается плановое развитие народного хозяйства, или если задача неясна. Закон планомерного развития народного хозяйства может дать должный эффект лишь в том случае, если имеется задача, во имя осуществления которой совершается плановое развитие народного хозяйства. Эту задачу не может дать сам закон планомерного развития народного хозяйства. Ее тем более не может дать планирование народного хозяйства. Эта задача содержится в основном экономическом законе социализма в виде его требований, изложенных выше. Поэтому действия закона планомерного развития народного хозяйства могут получить полный простор лишь в том случае, если они опираются на основной экономический закон социализма.

Что касается планирования народного хозяйства, то оно может добиться положительных результатов лишь при соблюдении двух условий: а) если оно правильно отражает требования закона планомерного развития народного хозяйства, б) если оно соотносится во всем с требованиями основного экономического закона социализма.

8. Другие вопросы

1) Вопрос о внеэкономическом принуждении при феодализме.

Конечно, внеэкономическое принуждение играло

роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю.

2) Вопрос о личной собственности колхозного двора.

Неправильно было бы сказать в проекте учебника, что «каждый колхозный двор имеет в личном пользовании корову, мелкий скот и птицу». На самом деле, как известно, корова, мелкий скот, птица и т.д. находятся не в личном пользовании, а в личной собственности колхозного двора. Выражение «в личном пользовании» взято, по-видимому, из Примерного Устава сельскохозяйственной артели. Но в Примерном Уставе сельскохозяйственной артели допущена ошибка. В Конституции СССР, которая разрабатывалась более тщательно, сказано другое, а именно:

«Каждый колхозный двор... имеет в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь».

Это, конечно, правильно.

Следовало бы, кроме того, поподробнее сказать, что каждый колхозник имеет в личной собственности от одной до столько-то коров, смотря по местным условиям, столько-то овец, коз, свиней (тоже от — до, смотря по местным условиям) и неограниченное количество домашней птицы (уток, гусей, кур, индюшек).

Эти подробности имеют большое значение для наших зарубежных товарищей, которые хотят знать точно, что же, собственно, осталось у колхозного двора в его личной собственности, после того как осуществлена у нас коллективизация сельского хозяйства.

3) Вопрос о стоимости арендной платы крестьян помещикам, а также о стоимости расходов на покупку земли.

В проекте учебника сказано, что в результате национализации земли «крестьянство освободилось от арендных платежей помещикам в сумме около 500 миллионов рублей ежегодно» (надо сказать «золотом»). Эту цифру следовало бы уточнить, так как она учитывает, как мне

кажется, арендную плату не во всей России, а только в большинстве губерний России. Надо при этом иметь в виду, что в ряде окраин России арендная плата уплачивалась натурой, что, видимо, не учтено авторами проекта учебника. Кроме того, нужно иметь в виду, что крестьянство освободилось не только от арендной платы, но и от ежегодных расходов на покупку земли. Учтено ли это в проекте учебника? Мне кажется, что не учтено, а следовало бы учесть.

4) Вопрос о сращивании монополий с государственным аппаратом.

Выражение «сращивание» не подходит. Это выражение поверхностно и описательно отмечает сближение монополий и государства, но не раскрывает экономического смысла этого сближения. Дело в том, что в процессе этого сближения происходит не просто сращивание, а подчинение государственного аппарата монополиям. Поэтому следовало бы выкинуть слово «сращивание» и заменить его словами «подчинение государственного аппарата монополиям».

5) Вопрос о применении машин в СССР. В проекте учебника сказано, что «в СССР машины применяются во всех случаях, когда они сберегают труд обществу». Это совсем не то, что следовало бы сказать. Во-первых, машины в СССР всегда сберегают труд обществу, ввиду чего мы не знаем случаев, когда бы они в условиях СССР не сберегали труд обществу. Во-вторых, машины не только сберегают труд, но они вместе с тем облегчают труд работников, ввиду чего в наших условиях, в отличие от условий капитализма, рабочие с большой охотой используют машины в процессе труда.

Поэтому следовало бы сказать, что нигде так охотно не применяются машины, как в СССР, ибо машины сберегают труд обществу и облегчают труд рабочих, и, так как в СССР нет безработицы, рабочие с большой охотой используют машины в народном хозяйстве.

6) Вопрос о материальном положении рабочего класса в капиталистических странах.

Когда говорят о материальном положении рабочего класса, обычно имеют в виду занятых в производстве

рабочих и не принимают в расчет материальное положение так называемой резервной армии безработных. Правильно ли такое отношение к вопросу о материальном положении рабочего класса? Я думаю, что неправильно. Если существует резервная армия безработных, членам которой нечем жить, кроме как продажей своей рабочей силы, то безработные не могут не входить в состав рабочего класса, но, если они входят в состав рабочего класса, их нищенское положение не может не влиять на материальное положение рабочих, занятых в производстве. Я думаю поэтому, что при характеристике материального положения рабочего класса в капиталистических странах следовало бы принять в расчет также положение резервной армии безработных рабочих.

7) Вопрос о национальном доходе. Я думаю, что следовало бы безусловно включить в проект учебника новую главу о национальном доходе.

8) Вопрос о специальной главе в учебнике о Ленине и Сталине, как о создателях политической экономии социализма.

Я думаю, что главу «Марксистское учение о социализме, создание В. И. Лениным и И. В. Сталиным политической экономии социализма» следует исключить из учебника. Она совершенно не нужна в учебнике, так как ничего нового не дает и лишь бледно повторяет то, что более подробно сказано в предыдущих главах учебника.

Что касается остальных вопросов, у меня нет каких-либо замечаний к «предложениям» товарищей Островитянова, Леонтьева, Шепилова, Гатовского и других.

9. Международное значение марксистского учебника политической экономии

Я думаю, что товарищи не учитывают всего значения марксистского учебника политической экономии. Учебник нужен не только для нашей советской молодежи. Он особенно нужен для коммунистов всех стран и для людей, сочувствующих коммунистам. Наши зарубежные товарищи хотят знать, каким образом мы вы-

рвались из капиталистической неволи, каким образом преобразовали мы экономику страны в духе социализма, как мы добились дружбы с крестьянством, как мы добились того, что наша недавно еще нищая и слабая страна превратилась в страну богатую, могущественную, что из себя представляют колхозы, почему мы, несмотря на обобществление средств производства, не уничтожаем товарного производства, денег, торговли и т.д. Они хотят знать все это и многое другое не для простого любопытства, а для того, чтобы учиться у нас и использовать наш опыт для своей страны. Поэтому появление хорошего марксистского учебника политической экономии имеет не только внутривнутриполитическое, но и большое международное значение.

Нужен, следовательно, учебник, который мог бы служить настольной книгой революционной молодежи не только внутри страны, но и за рубежом. Он не должен быть слишком объемистым, так как слишком объемистый учебник не может быть настольной книгой и его трудно будет освоить — одолеть. Но он должен содержать все основное, касающееся как экономики нашей страны, так и экономики капитализма и колониальной системы.

Некоторые товарищи предлагали во время дискуссии включить в учебник целый ряд новых глав, истории — по истории, политики — по политике, философии — по философии, экономисты — по экономике. Но это привело бы к тому, что учебник разросся бы до необъятных размеров. Этого, конечно, нельзя допустить. Учебник использует исторический метод для иллюстрации проблем политической экономии, но это еще не значит, что мы должны превратить учебник политической экономии в историю экономических отношений.

Нам нужен учебник в 500, максимум в 600 страниц, — не больше. Это будет настольная книга по марксистской политической экономии, — хороший подарок молодым коммунистам всех стран.

Впрочем, ввиду недостаточного уровня марксистского развития большинства компартий зарубежных стран, такой учебник мог бы принести большую пользу также и немолодым кадровым коммунистам этих стран.

10. Пути улучшения проекта учебника политической экономии

Некоторые товарищи во время дискуссии слишком усердно «разносили» проект учебника, ругали его авторов за ошибки и упущения, утверждали, что проект не удался. Это несправедливо. Конечно, ошибки и упущения имеются в учебнике — они почти всегда бывают в большом деле. Но как бы там ни было, подавляющее большинство участников дискуссии все же признало, что проект учебника может служить основой будущего учебника и нуждается лишь в некоторых поправках и дополнениях. Действительно, стоит только сравнить проект учебника с имеющимися в обращении учебниками политической экономии, чтобы прийти к выводу, что проект учебника стоит на целую голову выше существующих учебников. В этом большая заслуга авторов проекта учебника.

Я думаю, что для улучшения проекта учебника следовало бы назначить немногочисленную комиссию со включением туда не только авторов учебника и не только сторонников большинства участников дискуссии, но и противников большинства, ярых критиков проекта учебника.

Хорошо было бы включить в комиссию также опытного статистика для проверки цифр и внесения в проект новых статистических материалов, а также опытного юриста для проверки точности формулировок.

Членов комиссии следовало бы освободить временно от всякой другой работы, обеспечив их полностью в материальном отношении, с тем, чтобы они могли целиком отдаться работе над учебником.

Кроме того, следовало бы назначить редакционную комиссию, скажем, из трех человек для окончательной редакции учебника. Это необходимо также для того, чтобы добиться единства стиля, которого нет, к сожалению, в проекте учебника.

Срок представления готового учебника в ЦК — 1 год.

И. Сталин

1 февраля 1952 г.

ОТВЕТ т-щу НОТКИНУ АЛЕКСАНДРУ ИЛЬИЧУ

Товарищ Ноткин!

Я не торопился с ответом, так как поставленные Вами вопросы не считаю срочными. Тем более что есть другие вопросы, имеющие срочный характер, которые, естественно, отвлекают внимание в сторону от Вашего письма.

По пункту первому.

В «Замечаниях» имеется известное положение о том, что общество не бессильно перед лицом законов науки, что люди могут, познав экономические законы, использовать их в интересах общества. Вы утверждаете, что это положение не может быть распространено на другие формации общества, что оно может иметь силу лишь при социализме и коммунизме, что стихийный характер экономических процессов, например при капитализме, не дает обществу возможности использовать экономические законы в интересах общества.

Это неверно. В эпоху буржуазной революции, например во Франции, буржуазия использовала против феодализма известный закон об обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил, низвергла феодальные производственные отношения, создала новые, буржуазные производственные отношения и привела эти производственные отношения в соответствие с характером производительных сил, выросших в недрах феодального строя. Буржуазия сделала это не в силу особых своих способностей, а потому, что она кровно была заинтересована в этом. Феодалы сопротивлялись этому делу не в силу своей тупости, а потому, что они кровно были заинтересованы помешать осуществлению этого закона.

То же самое надо сказать о социалистической революции в нашей стране. Рабочий класс использовал закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, ниспроверг буржуазные производственные отношения, создал новые, социалистические производственные отношения и привел их в соответствие с характером произво-

дительных сил. Он мог это сделать не в силу особых своих способностей, а потому, что он кровно был заинтересован в этом деле. Буржуазия, которая из передовой силы на заре буржуазной революции успела уже превратиться в контрреволюционную силу, всячески сопротивлялась проведению этого закона в жизнь — сопротивлялась не в силу своей неорганизованности и не потому, что стихийный характер экономических процессов толкал ее на сопротивление, а главным образом потому, что она была кровно заинтересована против проведения этого закона в жизнь. Следовательно:

1. Использование экономических процессов, экономических законов в интересах общества происходит в той или иной мере не только при социализме и коммунизме, но и при других формациях.

2. Использование экономических законов всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплеку, причем знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому делу.

Разница в этом деле между пролетариатом, с одной стороны, и другими классами, когда-либо совершившими на протяжении истории перевороты в производственных отношениях, с другой стороны, состоит в том, что классовые интересы пролетариата сливаются с интересами подавляющего большинства общества, ибо революция пролетариата означает не уничтожение той или иной формы эксплуатации, а уничтожение всякой эксплуатации, тогда как революции других классов, уничтожая лишь ту или иную форму эксплуатации, ограничивались рамками их узкоклассовых интересов, находящихся в противоречии с интересами большинства общества.

В «Замечаниях» говорится о классовой подоплеке дела использования экономических законов в интересах общества. Там сказано, что «в отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, за-

девающего интересы отживающих сил общества, встречают сильнейшее сопротивление со стороны этих сил». Однако Вы не обратили на это внимания.

По пункту второму.

Вы утверждаете, что полное соответствие производственных отношений характеру производительных сил может быть достигнуто лишь при социализме и коммунизме, а при других формациях может быть осуществлено лишь неполное соответствие.

Это неверно. В эпоху после буржуазной революции, когда буржуазия разрушила феодальные производственные отношения и установила буржуазные производственные отношения, безусловно были периоды, когда буржуазные производственные отношения полностью соответствовали характеру производительных сил. В противном случае капитализм не мог бы развиваться с такой быстротой, с какой он развивался после буржуазной революции.

Далее, нельзя понимать в абсолютном смысле слова «полное соответствие». Их нельзя понимать так, что будто бы при социализме не существует никакого отставания производственных отношений от роста производительных сил. Производительные силы являются наиболее подвижными и революционными силами производства. Они, бесспорно, идут впереди производственных отношений и при социализме. Производственные отношения спустя лишь некоторое время преобразуются применительно к характеру производительных сил.

Как же в таком случае следует понимать слова «полное соответствие»? Их следует понимать так, что при социализме дело обычно не доходит до конфликта между производственными отношениями и производительными силами, что общество имеет возможность своевременно привести в соответствие отстающие производственные отношения с характером производительных сил. Социалистическое общество имеет возможность сделать это, потому что оно не имеет в своем составе отживающих классов, могущих организовать сопротивление. Конечно, и при социализме будут отстающие инертные силы, не понимающие необходи-

мости изменения в производственных отношениях, но их, конечно, нетрудно будет преодолеть, не доводя дело до конфликта.

По пункту третьему.

Из Ваших рассуждений вытекает, что средства производства, и прежде всего орудия производства, производимые нашими национализированными предприятиями, Вы рассматриваете как товар.

Можно ли рассматривать средства производства при нашем социалистическом строе, как товар? По-моему, никак нельзя.

Товар есть такой продукт производства, который продается любому покупателю, причем при продаже товара товаровладелец теряет право собственности на него, а покупатель становится собственником товара, который может перепродать, заложить, сгноить его. Подходят ли средства производства под такое определение? Ясно, что не подходят. Во-первых, средства производства «продаются» не всякому покупателю, они не «продаются» даже колхозам, они только распределяются государством среди своих предприятий. Во-вторых, владелец средств производства — государство при передаче их тому или иному предприятию ни в какой мере не теряет права собственности на средства производства, а наоборот, полностью сохраняет его. В-третьих, директора предприятий, получившие от государства средства производства, не только не становятся их собственниками, а наоборот, утверждаются, как уполномоченные Советского государства по использованию средств производства, согласно планам, преподанным государством.

Как видно, средства производства при нашем строе никак нельзя подвести под категорию товаров.

Почему же в таком случае говорят о стоимости средств производства, об их себестоимости, об их цене и т.п.?

По двум причинам.

Во-первых, это необходимо для калькуляции, для расчетов, для определения доходности и убыточности

предприятий, для проверки и контроля предприятий. Но это всего лишь формальная сторона дела.

Во-вторых, это необходимо для того, чтобы в интересах внешней торговли осуществлять дело продажи средств производства иностранным государствам. Здесь, в области внешней торговли, но только в этой области, наши средства производства действительно являются товарами и они действительно продаются (без кавычек).

Выходит, таким образом, что в области внешнеторгового оборота средства производства, производимые нашими предприятиями, сохраняют свойства товаров как по существу, так и формально, тогда как в области экономического оборота внутри страны средства производства теряют свойства товаров, перестают быть товарами и выходят за пределы сферы действия закона стоимости, сохраняя лишь внешнюю оболочку товаров (калькуляция и пр.).

Чем объяснить это своеобразие?

Дело в том, что в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя ее для развития нового. Так обстоит дело не только с товарами, но и с деньгами в нашем экономическом обороте, так же как и с банками, которые, теряя свои старые функции и приобретая новые, сохраняют старую форму, используемую социалистическим строем.

Если подойти к делу с точки зрения формальной, с точки зрения процессов, происходящих на поверхности явлений, можно прийти к неправильному выводу о том, что категории капитализма сохраняют будто бы силу в нашей экономике. Если же подойти к делу с марксистским анализом, делающим строгое различие между содержанием экономического процесса и его формой, между глубинными процессами развития и поверхност-

ными явлениями, то можно прийти к единственно правильному выводу о том, что от старых категорий капитализма сохранилась у нас главным образом форма, внешний облик, по существу же, они изменились у нас коренным образом применительно к потребностям развития социалистического народного хозяйства.

По пункту четвертому.

Вы утверждаете, что закон стоимости оказывает регулирующее воздействие на цены «средств производства», изготовляемых в сельском хозяйстве и сдаваемых государству по заготовительным ценам. Вы имеете при этом в виду такие «средства производства», как сырье, например хлопок. Вы могли бы добавить к этому также лен, шерсть и прочее сельскохозяйственное сырье.

Следует прежде всего отметить, что в данном случае сельское хозяйство производит не «средства производства», а одно из средств производства — сырье. Нельзя играть словами «средства производства». Когда марксисты говорят о производстве средств производства, они имеют в виду прежде всего производство орудий производства, — то, что Маркс называет «механическими средствами труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства», составляющей «характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства». Ставить на одну доску часть средств производства (сырье) и средства производства, в том числе орудия производства, — значит грешить против марксизма, ибо марксизм исходит из определяющей роли орудий производства в сравнении со всеми другими средствами производства. Всякому известно, что сырье само по себе не может производить орудий производства, хотя некоторые виды сырья и необходимы, как материал для производства орудий производства, тогда как никакое сырье не может быть произведено без орудий производства.

Далее. Является ли воздействие закона стоимости на цену сырья, производимого в сельском хозяйстве, регулирующим воздействием, как это утверждаете Вы, товарищ Ноткин? Оно было бы регулирующим, если бы у нас существовала «свободная» игра цен на сельскохо-

зяйственное сырье, если бы у нас действовал закон конкуренции и анархии производства, если бы у нас не было планового хозяйства, если бы производство сырья не регулировалось планом. Но так как все эти «если» отсутствуют в системе нашего народного хозяйства, то воздействие закона стоимости на цену сельскохозяйственного сырья никак не может быть регулирующим. Во-первых, цены у нас на сельскохозяйственное сырье твердые, установленные планом, а не «свободные». Во-вторых, размеры производства сельскохозяйственного сырья определяются не стихией и не какими-либо случайными элементами, а планом. В-третьих, орудия производства, необходимые для производства сельскохозяйственного сырья, сосредоточены не в руках отдельных лиц, или групп лиц, а в руках государства. Что же остается после этого от регулирующей роли закона стоимости? Выходит, что сам закон стоимости регулируется указанными выше фактами, свойственными социалистическому производству.

Следовательно, нельзя отрицать того, что закон стоимости воздействует на образование цен сельскохозяйственного сырья, что он является одним из факторов этого дела. Но тем более нельзя отрицать и того, что это воздействие не является и не может быть регулирующим.

По пункту пятому.

Говоря о рентабельности социалистического народного хозяйства, я возражал в своих «Замечаниях» некоторым товарищам, которые утверждают, что поскольку наше плановое народное хозяйство не дает большого предпочтения рентабельным предприятиям и допускает существование наряду с этими предприятиями также и нерентабельных предприятий, — оно убивает будто бы самый принцип рентабельности в хозяйстве. В «Замечаниях» сказано, что рентабельность с точки зрения отдельных предприятий и отраслей производства не идет ни в какое сравнение с той высшей рентабельностью, которую дает нам социалистическое производство, избавляя нас от кризисов перепроизводства и обеспечивая нам непрерывный рост производства.

Но было бы неправильно делать из этого вывод, что рентабельность отдельных предприятий и отраслей производства не имеет особой ценности и не заслуживает того, чтобы обратить на нее серьезное внимание. Это, конечно, неверно. Рентабельность отдельных предприятий и отраслей производства имеет громадное значение с точки зрения развития нашего производства. Она должна быть учитываема как при планировании строительства, так и при планировании производства. Это — азбука нашей хозяйственной деятельности на нынешнем этапе развития.

По пункту шестому.

Неясно, как нужно понимать Ваши слова, касающиеся капитализма: «расширенное производство в сильно деформированном виде». Нужно сказать, что таких производств, да еще расширенных, не бывает на свете.

Очевидно, что после того, как мировой рынок раскололся и сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам стала сокращаться, циклический характер развития капитализма — рост и сокращение производства — должен все же сохраниться. Однако рост производства в этих странах будет происходить на суженной базе, ибо объем производства в этих странах будет сокращаться.

По пункту седьмому.

Общий кризис мировой капиталистической системы начался в период Первой мировой войны, особенно в результате отпадения Советского Союза от капиталистической системы. Это был первый этап общего кризиса. В период Второй мировой войны развернулся второй этап общего кризиса, особенно после отпадения от капиталистической системы народно-демократических стран в Европе и в Азии. Первый кризис в период Первой мировой войны и второй кризис в период Второй мировой войны нужно рассматривать не как отдельные, оторванные друг от друга самостоятельные кризисы, а как этапы развития общего кризиса мировой капиталистической системы.

Является ли общий кризис мирового капитализма только политическим или только экономическим кризисом? Ни то, ни другое. Он является общим, т.е. все-сторонним кризисом мировой системы капитализма, охватывающим как экономику, так и политику. При этом понятно, что в основе его лежит все более усиливающееся разложение мировой экономической системы капитализма, с одной стороны, и растущая экономическая мощь отпавших от капитализма стран — СССР, Китая и других народно-демократических стран, с другой стороны.

И. Сталин

21 апреля 1952 г.

ОБ ОШИБКАХ т. ЯРОШЕНКО Л. Л.

Членам Политбюро ЦК ВКП(б) недавно было разослано товарищем Ярошенко письмо от 20 марта сего года по ряду экономических вопросов, обсуждавшихся на известной ноябрьской дискуссии. В письме имеется жалоба его автора на то, что в основных обобщающих документах по дискуссии, так же как и в «Замечаниях» товарища Сталина, «не нашла никакого отражения точка зрения» т. Ярошенко. В записке имеется, кроме того, предложение т. Ярошенко о том, чтобы разрешить ему составить «Политическую экономию социализма» в течение одного года или полутора лет, дав ему для этого двух помощников.

Я думаю, что придется рассмотреть по существу как жалобу т. Ярошенко, так и его предложение.

Начнем с жалобы.

Итак, в чем состоит «точка зрения» т. Ярошенко, которая не получила никакого отражения в названных выше документах.

I

ГЛАВНАЯ ОШИБКА т. ЯРОШЕНКО

Если охарактеризовать точку зрения т. Ярошенко в

двух словах, то следует сказать, что она является немарксистской, — следовательно, глубоко ошибочной.

Главная ошибка т. Ярошенко состоит в том, что он отходит от марксизма в вопросе о роли производительных сил и производственных отношений в развитии общества, чрезмерно преувеличивает роль производительных сил, также чрезмерно преуменьшает роль производственных отношений и кончает дело тем, что объявляет производственные отношения при социализме частью производительных сил.

Тов. Ярошенко согласен признать некоторую роль за производственными отношениями в условиях «антагонистических классовых противоречий», поскольку здесь производственные отношения «противоречат развитию производительных сил». Но эту роль он ограничивает отрицательной ролью, ролью фактора, тормозящего развитие производительных сил, сдерживающего их развитие. Других функций, каких-либо положительных функций производственных отношений т. Ярошенко не видит.

Что касается социалистического строя, где уже нет «антагонистических классовых противоречий» и где производственные отношения «больше не противоречат развитию производительных сил», — то т. Ярошенко считает, что здесь какая бы то ни было самостоятельная роль производственных отношений исчезает, производственные отношения перестают быть серьезным фактором развития и они поглощаются производительными силами, как часть целым. При социализме «производственные отношения людей, — говорит т. Ярошенко, — входят в организацию производительных сил, как средство, как момент этой организации» (см. письмо т. Ярошенко в Политбюро ЦК).

Какова же в таком случае главная задача политической экономии социализма? Тов. Ярошенко отвечает:

«Главная проблема политической экономии социализма поэтому не в том, чтобы изучать производственные отношения людей социалистического общества, а в том, чтобы разрабатывать и развивать научную теорию организации производительных сил в общественном

производстве, теорию планирования развития народного хозяйства» (см. речь т. Ярошенко на Пленуме дискуссии).

Этим, собственно, и объясняется, что т. Ярошенко не интересуется такими экономическими вопросами социалистического строя, как наличие различных форм собственности в нашей экономике, товарное обращение, закон стоимости и проч., считая их второстепенными вопросами, вызывающими лишь схоластические споры. Он прямо заявляет, что в его политической экономии социализма «споры о роли той или другой категории политической экономии социализма — стоимость, товар, деньги, кредит и др., — принимающие зачастую у нас схоластический характер, заменяются здравыми рассуждениями о рациональной организации производительных сил в общественном производстве, научном обосновании такой организации» (см. речь т. Ярошенко на Секции Пленума дискуссии).

Следовательно, политическая экономия без экономических проблем.

Тов. Ярошенко думает, что достаточно наладить «рациональную организацию производительных сил», чтобы переход от социализма к коммунизму произошел без особых трудностей. Он считает, что этого вполне достаточно для перехода к коммунизму. Он прямо заявляет, что «при социализме основная борьба за построение коммунистического общества сводится к борьбе за правильную организацию производительных сил в общественном производстве» (см. речь на Пленуме дискуссии). Тов. Ярошенко торжественно провозглашает, что «коммунизм — это высшая научная организация производительных сил в общественном производстве».

Выходит, сказывается, что существо коммунистического строя исчерпывается «рациональной организацией производительных сил».

Из всего этого т. Ярошенко делает вывод, что не может быть единой политической экономии для всех общественных формаций, что должны быть две политические экономии: одна — для досоциалистических общественных формаций, предметом которой является

изучение производственных отношений людей, другая — для социалистического строя, предметом которой должно являться не изучение производственных, т.е. экономических, отношений, а изучение вопросов рациональной организации производительных сил.

Такова точка зрения т. Ярошенко.

Что можно сказать об этой точке зрения?

Неверно, во-первых, что роль производственных отношений в истории общества ограничивается ролью тормоза, сковывающего развитие производительных сил. Когда марксисты говорят о тормозящей роли производственных отношений, то они имеют в виду не всякие производственные отношения, а только старые производственные отношения, которые уже не соответствуют росту производительных сил и, следовательно, тормозят их развитие. Но, кроме старых производственных отношений, существуют, как известно, новые производственные отношения, заменяющие собой старые. Можно ли сказать, что роль новых производственных отношений сводится к роли тормоза производительных сил? Нет, нельзя. Наоборот, новые производственные отношения являются той главной и решающей силой, которая, собственно, и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах.

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашей советской промышленности в течение пятилеток. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили старые, капиталистические производственные отношения в октябре 1917 года новыми, социалистическими производственными отношениями. Без этого переворота в производственных, экономических отношениях нашей страны производительные силы прозябали бы у нас так же, как они прозябают теперь в капиталистических странах.

Никто не может отрицать колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20—25 лет. Но это развитие не имело бы

роли производственных, экономических отношений при социализме, причем вместо полнокровного общественного производства у него получается односторонняя и тощая технология производства — что-то вроде бухаринской «общественно-организационной техники».

Маркс говорит:

«В общественном производстве своей жизни (то есть в производстве материальных благ, необходимых для жизни людей. — *И. Ст.*) люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (см. предисловие «К критике политической экономии»).

Это значит, что каждая общественная формация, в том числе и социалистическое общество, имеет свой экономический базис, состоящий из совокупности производственных отношений людей. Встает вопрос, как обстоит дело у т. Ярошенко с экономическим базисом социалистического строя? Как известно, т. Ярошенко уже ликвидировал производственные отношения при социализме, как более или менее самостоятельную область, включив то малое, что осталось от них, в состав организации производительных сил. Спрашивается, имеет ли социалистический строй свой собственный экономический базис? Очевидно, что, поскольку производственные отношения исчезли при социализме, как более или менее самостоятельная сила, социалистический строй остается без своего экономического базиса.

Следовательно, социалистический строй без своего экономического базиса. Получается довольно веселая история...

Возможен ли вообще общественный строй без своего экономического базиса? Тов. Ярошенко, очевидно,

считает, что возможен. Ну а марксизм считает, что таких общественных строев не бывает на свете.

Неверно, наконец, что коммунизм есть рациональная организация производительных сил, что рациональная организация производительных сил исчерпывает существо коммунистического строя, что стоит рационально организовать производительные силы, чтобы перейти к коммунизму без особых трудностей. В нашей литературе имеется другое определение, другая формула коммунизма, а именно ленинская формула: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Тов-щу Ярошенко, очевидно, не нравится ленинская формула, и он заменяет ее своей собственной самодельной формулой:

«Коммунизм — это высшая научная организация производительных сил в общественном производстве».

Во-первых, никому не известно, что из себя представляет эта, рекламируемая т-щем Ярошенко «высшая научная» или «рациональная» организация производительных сил, каково ее конкретное содержание? Тов. Ярошенко десятки раз повторяет эту мифическую формулу в своих речах на Пленуме, секциях дискуссии, в своем письме на имя членов Политбюро но он нигде ни единым словом не пытается разъяснить, как, собственно, следует понимать «рациональную организацию» производительных сил, которая якобы исчерпывает собой сущность коммунистического строя.

Во-вторых, если уж сделать выбор между двумя формулами, то следует отбросить не ленинскую формулу, являющуюся единственно правильной, а так называемую формулу т. Ярошенко, явно надуманную и немарксистскую, взятую из богдановского арсенала — «Всеобщей организационной науки».

Тов. Ярошенко думает, что стоит добиться рациональной организации производительных сил, чтобы получить изобилие продуктов и перейти к коммунизму, перейти от формулы: «каждому по труду» к формуле: «каждому по потребностям». Это большое заблуждение, изобличающее полное непонимание законов экономического развития социализма. Тов. Ярошенко слишком

просто, по-детски просто представляет условия перехода от социализма к коммунизму. Тов. Ярошенко не понимает, что нельзя добиться ни изобилия продуктов, могущего покрыть все потребности общества, ни перехода к формуле «каждому по потребностям», оставляя в силе такие экономические факторы, как колхозно-групповая собственность, товарное обращение и т.п. Тов. Ярошенко не понимает, что раньше, чем перейти к формуле «каждому по потребностям», нужно пройти ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества, в течение которых труд из средства только лишь поддержания жизни будет превращен в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества.

Для того чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия.

1. Необходимо, во-первых, прочно обеспечить не мифическую «рациональную организацию» производительных сил, а непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. Преимущественный рост производства средств производства необходим не только потому, что оно должно обеспечить оборудованием как свои собственные предприятия, так и предприятия всех остальных отраслей народного хозяйства, но и потому, что без него вообще невозможно осуществить расширенное воспроизводство.

2. Необходимо, во-вторых, путем постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение тоже путем постепенных переходов заменить системой продуктообмена, чтобы центральная власть или другой какой-либо общественно-экономический центр мог охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества.

Тов. Ярошенко ошибается, утверждая, что при со-

циализме нет никакого противоречия между производственными отношениями и производительными силами общества. Конечно, наши нынешние производственные отношения переживают тот период, когда они, вполне соответствуя росту производительных сил, двигают их вперед семимильными шагами. Но было бы неправильно успокаиваться на этом и думать, что не существует никаких противоречий между нашими производительными силами и производственными отношениями. Противоречия безусловно есть и будут, поскольку развитие производственных отношений отстает и будет отставать от развития производительных сил. При правильной политике руководящих органов эти противоречия не могут превратиться в противоположность, и дело здесь не может дойти до конфликта между производственными отношениями и производительными силами общества. Другое дело, если мы будем проводить неправильную политику, вроде той, которую рекомендует т. Ярошенко. В этом случае конфликт будет неизбежен, и наши производственные отношения могут превратиться в серьезнейший тормоз дальнейшего развития производительных сил.

Поэтому задача руководящих органов состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и вовремя принять меры к их преодолению путем приспособления производственных отношений к росту производительных сил. Это касается прежде всего таких экономических явлений, как групповая — колхозная собственность, товарное обращение. Конечно, в настоящее время эти явления с успехом используются нами для развития социалистического хозяйства и они приносят нашему обществу несомненную пользу. Несомненно, что они будут приносить пользу и в ближайшем будущем. Но было бы непростительной слепотой не видеть, что эти явления вместе с тем уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием. Не может быть сомнений, что чем дальше, тем больше

будут тормозить эти явления дальнейший рост производительных сил нашей страны. Следовательно, задача состоит в том, чтобы ликвидировать эти противоречия путем постепенного превращения колхозной собственности в общенародную собственность и введения продуктообмена — тоже в порядке постепенности — вместо товарного обращения.

3. Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии.

Что требуется для этого?

Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления.

Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму.

Только после выполнения всех этих предваритель-

ных условий, взятых вместе, можно будет надеяться, что труд будет превращен в глазах членов общества из обузы «в первую жизненную потребность» (Маркс), что «труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (Энгельс), что общественная собственность будет расцениваться всеми членами общества как незыблемая и неприкосновенная основа существования общества.

Только после выполнения всех этих предварительных условий, взятых вместе, можно будет перейти от социалистической формулы — «от каждого по способностям, каждому по труду» к коммунистической формуле — «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Это будет коренной переход от одной экономики, от экономики социализма — к другой, высшей экономике, к экономике коммунизма.

Как видно, дело с переходом от социализма к коммунизму обстоит не так просто, как это воображает т. Ярошенко.

Пытаться свести все это сложное и многообразное дело, требующее серьезнейших экономических изменений, к «рациональной организации производительных сил», как это делает т. Ярошенко, — значит подменить марксизм богдановщиной.

II

ДРУГИЕ ОШИБКИ тов. ЯРОШЕНКО

1. Из своей неправильной точки зрения т. Ярошенко делает неправильные выводы о характере и предмете политической экономии.

Тов. Ярошенко отрицает необходимость единой политической экономии для всех общественных формаций, исходя из того, что каждая общественная формация имеет свои специфические экономические законы. Но он совершенно не прав, и он расходится здесь с такими марксистами, как Энгельс, Ленин.

Энгельс говорит, что политическая экономия есть «наука об условиях и формах, при которых происходят

производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, всякий раз происходит распределение продуктов» («Анти-Дюринг»). Следовательно, политическая экономия изучает законы экономического развития не одной какой-либо общественной формации, а различных общественных формаций.

С этим, как известно, вполне согласен Ленин, который в своих критических замечаниях по поводу книжки Бухарина «Экономика переходного периода» сказал, что Бухарин не прав, ограничивая сферу действия политической экономии товарным, и прежде всего капиталистическим, производством, заметив при этом, что Бухарин делает здесь «шаг назад против Энгельса».

С этим вполне согласуется определение политической экономии, данное в проекте учебника политической экономии, где сказано, что политическая экономия есть наука, изучающая «законы общественного производства и распределения материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества».

Оно и понятно. Различные общественные формации в своем экономическом развитии подчиняются не только своим специфическим экономическим законам, но и тем экономическим законам, которые общи для всех формаций, например таким законам, как закон о единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций. Стало быть, общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами.

Энгельс был совершенно прав, когда он говорил:

«Чтобы всесторонне провести эту критику буржуазной политической экономии, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению

формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах» («Анти-Дюринг»).

Очевидно, что здесь, в этом вопросе, т. Ярошенко перекликается с Бухариным.

Далее. Тов. Ярошенко утверждает, что в его «Политической экономии социализма» «категории политической экономии — стоимость, товар, деньги, кредит и др. — заменяются здравыми рассуждениями о рациональной организации производительных сил в общественном производстве», что, следовательно, предметом этой политической экономии являются не производственные отношения социализма, а «разработка и развитие научной теории организации производительных сил, теории планирования народного хозяйства и т.п.», что производственные отношения при социализме теряют свое самостоятельное значение и поглощаются производительными силами, как их составная часть.

Нужно сказать, что такой несусветной тарабарщины не разводил еще у нас ни один свихнувшийся «марксист». Ведь, что значит политическая экономия социализма без экономических, производственных проблем? Разве бывает на свете такая политическая экономия? Что значит заменить в политической экономии социализма экономические проблемы проблемами организации производительных сил? Это значит ликвидировать политическую экономию социализма. Тов. Ярошенко так именно и поступает — он ликвидирует политическую экономию социализма. Здесь он полностью смыкается с Бухариным. Бухарин говорил, что с уничтожением капитализма должна уничтожиться политическая экономия. Тов. Ярошенко этого не говорит, но он это делает, ликвидируя политическую экономию социализма. Правда, при этом он делает вид, что не вполне согласен с Бухариным, но это — хитрость, притом хитрость копеечная. На самом деле он делает то, что проповедовал Бухарин и против чего выступал Ленин. Тов. Ярошенко плетется по стопам Бухарина.

Дальше. Тов. Ярошенко проблемы политической экономии социализма сводит к проблемам рациональ-

ной организации производительных сил, к проблемам планирования народного хозяйства и т.п. Но он глубоко заблуждается. Проблемы рациональной организации производительных сил, планирования народного хозяйства и т.п. являются не предметом политической экономии, а предметом хозяйственной политики руководящих органов. Это две различные области, которые нельзя смешивать. Тов. Ярошенко спутал эти две различные вещи и попал впросак. Политическая экономия изучает законы развития производственных отношений людей. Хозяйственная политика делает из этого практические выводы, конкретизирует их и строит на этом свою повседневную работу. Загружать политическую экономию вопросами хозяйственной политики — значит загубить ее, как науку.

Предметом политической экономии являются производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен своей деятельностью»; в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов. Все это вместе составляет предмет политической экономии.

В этом определении отсутствует слово «обмен», фигурирующее в определении Энгельса. Оно отсутствует потому, что «обмен» понимается многими обычно, как обмен товаров, свойственный не всем, а лишь некоторым общественным формациям, что вызывает иногда недоразумение, хотя Энгельс под словом «обмен» понимал не только товарный обмен. Однако, как видно, то, что Энгельс понимал под словом «обмен», нашло свое место в упомянутом определении, как его составная часть. Следовательно, по своему содержанию это определение предмета политической экономии полностью совпадает с определением Энгельса.

2. Когда говорят об основном экономическом законе той или иной общественной формации, обычно исходят из того, что последняя не может иметь несколько основных экономических законов, что она может иметь

лишь один какой-либо основной экономический закон, именно как основной закон. В противном случае мы имели бы несколько основных экономических законов для каждой общественной формации, что противоречит самому понятию об основном законе. Однако т. Ярошенко с этим не согласен. Он считает, что можно иметь не один, а несколько основных экономических законов социализма. Это невероятно, но это факт. В своей речи на Пленуме дискуссии он говорит:

«Величины и соотношения материальных фондов общественного производства и воспроизводства определяются наличием и перспективой роста рабочей силы, вовлекаемой в общественное производство. Это есть основной экономический закон социалистического общества, обуславливающий структуру социалистического общественного производства и воспроизводства».

Это первый основной экономический закон социализма.

В той же речи т. Ярошенко заявляет:

«Соотношения между I и II подразделениями обуславливаются в социалистическом обществе потребностью производства средств производства в размерах, необходимых для вовлечения в общественное производство всего работоспособного населения. Это основной экономический закон социализма и в то же время это требование нашей Конституции, вытекающее из права на труд советских людей».

Это, так сказать, второй основной экономический закон социализма.

Наконец, в своем письме на имя членов Политбюро т. Ярошенко заявляет:

«Исходя из этого существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно сформулировать, мне кажется, примерно следующим образом: непрерывно растущее и совершенствующееся производство материальных и культурных условий жизни общества».

Это уже третий основной экономический закон социализма.

Все ли эти законы являются основными экономи-

ческими законами социализма или только один из них, а если только один из них, то какой именно, — на эти вопросы т. Ярошенко не дает ответа в своем последнем письме на имя членов Политбюро. Формулируя основной экономический закон социализма в своем письме на имя членов Политбюро он, надо полагать, «забыл», что в своей речи на Пленуме дискуссии три месяца назад он уже сформулировал два других основных экономических закона социализма, видимо, полагая, что на эту более чем сомнительную комбинацию не обратят внимания. Но, как видно, его расчеты не оправдались.

Допустим, что первых двух основных экономических законов социализма, сформулированных тов-щем Ярошенко, не существует больше, что основным экономическим законом социализма т. Ярошенко отныне считает третью его формулировку, изложенную в письме на имя членов Политбюро. Обратимся к письму т. Ярошенко.

Тов. Ярошенко говорит в этом письме, что он не согласен с определением основного экономического закона социализма, данным в «Замечаниях» т. Сталина. Он говорит:

«Главным в этом определении является «обеспечение максимального удовлетворения... потребностей всего общества». Производство показано здесь как средство для достижения этой главной цели — удовлетворения потребностей. Такое определение дает основание полагать, что сформулированный Вами основной экономический закон социализма исходит не из примата производства, а из примата потребления».

Очевидно, что т. Ярошенко совершенно не понял существа проблемы и не видит того, что разговоры о примате потребления или производства совершенно не имеют отношения к делу. Когда говорят о примате тех или иных общественных процессов перед другими процессами, то исходят обычно из того, что оба эти процесса являются более или менее однородными. Можно и нужно говорить о примате производства средств производства перед производством средств потребления, так как и в том и в другом случае мы имеем дело с производ-

ством, следовательно, они более или менее однородны. Но нельзя говорить, неправильно было бы говорить о примате потребления перед производством или производства перед потреблением, так как производство и потребление представляют две совершенно различные области, правда, связанные друг с другом, но все же различные области. Тов. Ярошенко, очевидно, не понимает, что речь идет здесь не о примате потребления или производства, а о том, какую цель ставит общество перед общественным производством, какой задаче подчиняет оно общественное производство, скажем, при социализме. Поэтому совершенно не относятся к делу также разговоры т. Ярошенко о том, что «основу жизни социалистического общества, как и всякого другого общества, составляет производство». Тов. Ярошенко забывает, что люди производят не для производства, а для удовлетворения своих потребностей. Он забывает, что производство, оторванное от удовлетворения потребностей общества, хиреет и гибнет.

Можно ли вообще говорить о цели капиталистического или социалистического производства, о задачах, которым подчинено капиталистическое или социалистическое производство? Я думаю, что можно и должно.

Маркс говорит:

«Непосредственной целью капиталистического производства является производство не товаров, а прибавочной стоимости, или прибыли в ее развитой форме; не продукта, а прибавочного продукта. С этой точки зрения самый труд производителен лишь постольку, поскольку он создает прибыль или прибавочный продукт для капитала. Поскольку рабочий этого не создает, его труд непроизводителен. Масса примененного производительного труда, следовательно, представляет для капитала интерес лишь постольку, поскольку благодаря ей — или соответственно ей — растет количество прибавочного труда; лишь постольку необходимо то, что мы назвали необходимым рабочим временем. Поскольку труд не дает этого результата, он является излишним и должен быть прекращен.

Цель капиталистического производства всегда со-

стоит в создании максимума прибавочной стоимости или максимума прибавочного продукта с минимумом авансированного капитала; поскольку этот результат не достигается чрезмерным трудом рабочих, возникает тенденция капитала, состоящая в стремлении произвести данный продукт с возможно меньшей затратой — в стремлении к сбережению рабочей силы и издержек...

Сами рабочие представляются при таком понимании тем, чем они действительно являются в капиталистическом производстве, — только средствами производства, а не самоцелью и не целью производства». (См. «Теории прибавочной стоимости», том II, часть 2).

Эти слова Маркса замечательны не только в том отношении, что они коротко и точно определяют цель капиталистического производства, но и в том отношении, что они намечают ту основную цель, ту главную задачу, которая должна быть поставлена перед социалистическим производством.

Следовательно, цель капиталистического производства — извлечение прибылей. Что касается потребления, оно нужно капитализму лишь постольку, поскольку оно обеспечивает задачу извлечения прибылей. Вне этого вопрос о потреблении теряет для капитализма смысл. Человек с его потребностями исчезает из поля зрения.

Какова же цель социалистического производства, какова та главная задача, выполнению которой должно быть подчинено общественное производство при социализме?

Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его материальных и культурных потребностей. Цель социалистического производства, как говорится в «Замечаниях» т. Сталина: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества».

Тов. Ярошенко думает, что он имеет дело с «приматом» потребления перед производством. Это, конечно, недомыслие. На самом деле мы имеем здесь дело не с приматом потребления, а с подчинением социалисти-

ческого производства основной его цели обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Следовательно, обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества — это цель социалистического производства; непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники — это средство для достижения цели.

Таков основной экономический закон социализма. Желая сохранить так называемый «примат» производства перед потреблением, т. Ярошенко утверждает, что «основной экономический закон социализма» состоит «в непрерывном росте и совершенствовании производства материальных и культурных условий общества». Это совершенно неверно. Тов. Ярошенко грубо извращает и портит формулу, изложенную в «Замечаниях» т. Сталина. У него производство из средства превращается в цель, а обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей общества исключается. Получается рост производства для роста производства, производство, как самоцель, а человек с его потребностями исчезает из поля зрения тов-ща Ярошенко.

Поэтому неудивительно, что вместе с исчезновением человека, как цели социалистического производства, исчезают в «концепции» тов-ща Ярошенко последние остатки марксизма.

Таким образом, у т. Ярошенко получился не «примат» производства перед потреблением, а что-то вроде «примата» буржуазной идеологии перед идеологией марксистской.

3. Особо стоит вопрос о Марксовой теории воспроизводства. Тов. Ярошенко утверждает, что Марксова теория воспроизводства является теорией только лишь капиталистического воспроизводства, что она не содержит чего-либо такого, что могло бы иметь силу для дру-

гих общественных формаций, в том числе для социалистической общественной формации. Он говорит:

«Перенесение схемы воспроизводства Маркса, разработанной им для капиталистического хозяйства, на социалистическое общественное производство является продуктом догматического понимания учения Маркса и противоречит сущности его учения» (см. речь т. Ярошенко на Пленуме дискуссии).

Он утверждает далее, что «Схема воспроизводства Маркса не соответствует экономическим законам социалистического общества и не может служить основой для изучения социалистического воспроизводства» (см. там же).

Касаясь Марксовой теории простого воспроизводства, где устанавливается определенное соотношение между производством средств производства (I подразделение) и производством средств потребления (II подразделение), т. Ярошенко говорит:

«Соотношение между первым и вторым подразделениями не обуславливается в социалистическом обществе формулой Маркса $V + M$ первого подразделения и C второго подразделения. В условиях социализма указанная взаимосвязь в развитии между первым и вторым подразделениями не должна иметь места» (см. там же).

Он утверждает, что «Разработанная Марксом теория о соотношениях I и II подразделений неприемлема в наших социалистических условиях, так как в основе теории Маркса лежит капиталистическое хозяйство с его законами» (см. письмо т. Ярошенко на имя членов Политбюро).

Так разносит т. Ярошенко Марксову теорию воспроизводства.

Конечно, Марксова теория воспроизводства, выработанная в результате изучения законов капиталистического производства, отражает специфику капиталистического производства и, естественно, облечена в форму товарно-капиталистических стоимостных отношений. Иначе и не могло быть. Но видеть в Марксовой теории воспроизводства только эту форму и не замечать ее основы, не замечать ее основного содержания, имею-

щего силу не только для капиталистической общественной формации, — значит ничего не понять в этой теории. Если бы т. Ярошенко понимал что-либо в этом деле, то он понял бы и ту очевидную истину, что Марксовы схемы воспроизводства отнюдь не исчерпываются отражением специфики капиталистического производства, что они содержат вместе с тем целый ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций, в том числе и особенно для социалистической общественной формации. Такие основные положения Марксовой теории воспроизводства, как положение о разделении общественного производства на производство средств производства и производство средств потребления; положение о преимущественном росте производства средств производства при расширенном воспроизводстве; положение о соотношении между I и II подразделениями; положение о прибавочном продукте, как единственном источнике накопления; положение об образовании и назначении общественных фондов; положение о накоплении, как единственном источнике расширенного воспроизводства, — все эти основные положения Марксовой теории воспроизводства являются теми самыми положениями, которые имеют силу не только для капиталистической формации и без применения которых не может обойтись ни одно социалистическое общество при планировании народного хозяйства. Характерно, что сам т. Ярошенко, так высокомерно фыркающий на Марксовы «схемы воспроизводства», вынужден сплошь и рядом прибегать к помощи этих «схем» при обсуждении вопросов социалистического воспроизводства. А как смотрели на это дело Ленин, Маркс?

Всем известны критические замечания Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». В этих замечаниях Ленин, как известно, признал, что Марксова формула соотношения между I и II подразделениями, против которой ополчается т. Ярошенко, остается в силе как для социализма, так и для «чистого коммунизма», т.е. для второй фазы коммунизма.

Что касается Маркса, то он, как известно, не любил

отвлекаться в сторону от изучения законов капиталистического производства и не занимался в своем «Капитале» вопросом о применимости его схем воспроизводства к социализму. Однако в 20-й главе II тома «Капитала» в рубрике «Постоянный капитал подразделения I», где он трактует об обмене продуктов I подразделения внутри этого подразделения, Маркс как бы мимоходом замечает, что обмен продуктов в этом подразделении протекал бы при социализме с таким же постоянством, как при капиталистическом производстве. Маркс говорит:

«Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что продукты подразделения I в целях воспроизводства с не меньшим постоянством распределялись бы как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно осталась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив, другая переходила бы в другие места производства, и таким образом между различными местами производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположных направлениях» (см. Маркс «Капитал», т. II, изд. 8-е, стр. 307).

Следовательно, Маркс вовсе не считал, что его теория воспроизводства имеет силу только лишь для капиталистического производства, хотя он и занимался исследованием законов капиталистического производства. Наоборот, он, как видно, исходил из того, что его теория воспроизводства может иметь силу и для социалистического производства.

Следует отметить, что Маркс в «Критике Готской программы» при анализе экономики социализма и переходного периода к коммунизму исходит из основных положений своей теории воспроизводства, считая их, очевидно, обязательными для коммунистического строя.

Следует также отметить, что Энгельс в своем «Анти-Дюринге», критикуя «социалитарную систему» Дюринга и характеризуя экономику социалистического строя, также исходит из основных положений теории воспроизводства Маркса, считая их обязательными для коммунистического строя.

Таковы факты.

Выходит, что и здесь, в вопросе о воспроизводстве, т. Ярошенко, несмотря на его развязный тон в отношении «схем» Маркса, оказался вновь на мели.

4. Свое письмо на имя членов Политбюро т. Ярошенко кончает предложением — поручить ему составить «Политическую экономию социализма». Он пишет:

«Исходя из изложенного мною на пленарном заседании секции и в настоящем письме определения предмета науки политической экономии социализма, используя марксистский диалектический метод, я могу в течение года, не более полутора лет, при помощи двух человек разработать теоретические решения основных вопросов политической экономии социализма; изложить марксистскую, ленинско-сталинскую теорию политической экономии социализма, теорию, которая превратит эту науку в действенное орудие борьбы народа за коммунизм».

Нельзя не признать, что т. Ярошенко не страдает скромностью. Более того, пользуясь стилем некоторых литераторов, можно сказать: «даже совсем наоборот».

Выше уже говорилось, что т. Ярошенко смешивает политическую экономию социализма с хозяйственной политикой руководящих органов. То, что он считает предметом политической экономии социализма — рациональная организация производительных сил, планирование народного хозяйства, образование общественных фондов и т.д., — является не предметом политической экономии социализма, а предметом хозяйственной политики руководящих органов.

Я уже не говорю о том, что серьезные ошибки, допущенные т. Ярошенко, и его немарксистская «точка зрения» не располагают к тому, чтобы дать т. Ярошенко такое поручение.

Выводы:

1) Жалоба т. Ярошенко на руководителей дискуссии лишена смысла, так как руководители дискуссии, будучи марксистами, не могли отразить в своих обобщаю-

щих документах немарксистскую «точку зрения» т. Ярошенко;

2) просьбу т. Ярошенко поручить ему написать политическую экономию социализма нельзя считать серьезной хотя бы потому, что от нее разит хлестаковщиной.

И. Сталин

22 мая 1952 г.

ОТВЕТ ТОВАРИЩАМ САНИНОЙ А. В. И ВЕНЖЕРУ В. Г.

Я получил ваши письма. Как видно, авторы этих писем глубоко и серьезно изучают проблемы экономики нашей страны. В письмах имеется немало правильных формулировок и интересных соображений. Однако наряду с этим там имеются и некоторые серьезные теоретические ошибки. В настоящем ответе я думаю остановиться на этих именно ошибках.

1. Вопрос о характере экономических законов социализма

Тт. Санина и Венжер утверждают, что «только благодаря сознательному действию советских людей, занятых материальным производством, и возникают экономические законы социализма». Это положение совершенно неправильно.

Существуют ли закономерности экономического развития объективно, вне нас, независимо от воли и сознания людей? Марксизм отвечает на этот вопрос положительно. Марксизм считает, что законы политической экономии социализма являются отражением в головах людей объективных закономерностей, существующих вне нас. Но формула тт. Саниной и Венжера отвечает на этот вопрос отрицательно. Это значит, что эти товарищи становятся на точку зрения неправильной теории, утверждающей, что законы экономического развития при социализме «создаются», «преобразуются» руководящими органами общества. Иначе говоря, они рвут с

марксизмом и становятся на путь субъективного идеализма.

Конечно, люди могут открыть эти объективные закономерности, познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества. Но они не могут ни «создавать» их, ни «преобразовать».

Допустим, что мы стали на минутку на точку зрения неправильной теории, отрицающей существование объективных закономерностей в экономической жизни при социализме и провозглашающей возможность «создания» экономических законов, «преобразования» экономических законов. К чему это привело бы? Это привело бы к тому, что мы попали бы в царство хаоса и случайностей, мы очутились бы в рабской зависимости от этих случайностей, мы лишили бы себя возможности не то что понять, а просто разобраться в этом хаосе случайностей.

Это привело бы к тому, что мы ликвидировали бы политическую экономию как науку, ибо наука не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения этих закономерностей. Ликвидировав же науку, мы лишили бы себя возможности предвидеть ход событий в экономической жизни страны, то есть мы лишили бы себя возможности наладить хотя бы самое элементарное экономическое руководство.

В конечном счете мы оказались бы во власти произвола «экономических» авантюристов, готовых «уничтожить» законы экономического развития и «создать» новые законы без понимания и учета объективных закономерностей.

Всем известна классическая формулировка марксистской позиции по этому вопросу, данная Энгельсом в его «Анти-Дюринге»:

«Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, изучили их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с помощью их достигать наших целей. Это в особенности относится к современным могу-

чим производительным силам. Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер, — а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники, — до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами, как это подробно показано выше. Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг. Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в молниях грозы и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человеку. Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-плановым регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена. Тогда капиталистический способ присвоения, при котором продукт поработает сперва производителя, а затем и присвоителя, будет заменен новым способом присвоения продуктов, основанным на самой природе современных средств производства: с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению».

2. Вопрос о мерах повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности

Какие мероприятия необходимы для того, чтобы поднять колхозную собственность, которая является, конечно, не общенародной собственностью, до уровня общенародной («национальной») собственности?

Некоторые товарищи думают, что необходимо просто национализировать колхозную собственность, объявив ее общенародной собственностью по примеру то-

го, как это было сделано в свое время с капиталистической собственностью. Это предложение совершенно неправильно и безусловно неприемлемо. Колхозная собственность есть социалистическая собственность, и мы никак не можем обращаться с ней, как с капиталистической собственностью. Из того что колхозная собственность является не общенародной собственностью, ни в коем случае не следует, что колхозная собственность не является социалистической собственностью.

Эти товарищи полагают, что передача собственности отдельных лиц и групп в собственность государства является единственной или во всяком случае лучшей формой национализации. Это неверно. На самом деле передача в собственность государства является не единственной и даже не лучшей формой национализации, а первоначальной формой национализации, как правильно говорит об этом Энгельс в «Анти-Дюринге». Безусловно, что пока существует государство, передача в собственность государства является наиболее понятной первоначальной формой национализации. Но государство будет существовать не на веки вечные. С расширением сферы действия социализма в большинстве стран мира государство будет отмирать, и, конечно, в связи с этим отпадет вопрос о передаче имущества отдельных лиц и групп в собственность государству. Государство отомрет, а общество останется. Следовательно, в качестве преемника общенародной собственности будет выступать уже не государство, которое отомрет, а само общество в лице его центрального, руководящего экономического органа.

Что же в таком случае нужно предпринять, чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности?

В качестве основного мероприятия для такого повышения колхозной собственности тт. Санина и Венжер предлагают: продать в собственность колхозам основные орудия производства, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях, разгрузить таким образом государство от капитальных вложений в сельское хозяйство и добиться того, чтобы сами колхозы несли на себе от-

ветственность за поддержание и развитие машинно-тракторных станций. Они говорят:

«Было бы неправильно полагать, что колхозные вложения должны будут главным образом направляться на нужды культуры колхозной деревни, а на нужды сельскохозяйственного производства по-прежнему основную массу вложений должно будет производить государство. А не верней ли будет освободить государство от этого бремени, ввиду полной способности колхозов принять это бремя всецело на себя? У государства найдется немало дел для вложения своих средств в целях создания в стране изобилия предметов потребления».

Для обоснования этого предложения авторы предложения выдвигают несколько доводов.

Во-первых. Ссылаясь на слова Сталина о том, что средства производства не продаются даже колхозам, авторы предложения подвергают сомнению это положение Сталина, заявляя, что государство все же продает средства производства колхозам, такие средства производства, как мелкий инвентарь, вроде кос и серпов, мелких двигателей и т.д. Они считают, что если государство продает колхозам эти средства производства, то оно могло бы продать им и все другие средства производства, вроде машин МТС.

Этот довод несостоятелен. Конечно, государство продает колхозам мелкий инвентарь, как это полагается по Уставу сельскохозяйственной артели и по Конституции. Но можно ли ставить на одну доску мелкий инвентарь и такие основные средства производства в сельском хозяйстве, как машины МТС, или, скажем, земля, которая тоже ведь является одним из основных средств производства в сельском хозяйстве. Ясно, что нельзя. Нельзя, так как мелкий инвентарь ни в какой степени не решает судьбу колхозного производства, тогда как такие средства производства, как машины МТС и земля, всецело решают судьбу сельского хозяйства в наших современных условиях.

Нетрудно понять, что когда Сталин говорил о том, что средства производства не продаются колхозам, он имел в виду не мелкий инвентарь, а основные средства

сельскохозяйственного производства: машины МТС, землю. Авторы играют словами «средства производства» и смешивают две различные вещи, не замечая, что они попадают впросак.

Во-вторых. Т.т. Санина и Венжер ссылаются далее на то, что в период начала массового колхозного движения — в конце 1929 и в начале 1930 годов — ЦК ВКП(б) сам стоял за то, чтобы передать в собственность колхозам машинно-тракторные станции, требуя от колхозов погасить стоимость машинно-тракторных станций в течение трех лет. Они считают, что хотя тогда это дело и провалилось «ввиду бедности» колхозов, но теперь, когда колхозы стали богатыми, можно было бы вернуться к этой политике — продаже колхозам МТС.

Этот довод также несостоятелен. В ЦК ВКП(б) действительно было принято решение о продаже МТС колхозам в начале 1930 года. Решение это было принято по предложению группы ударников-колхозников в виде опыта, в виде пробы, с тем, чтобы в ближайшее время вернуться к этому вопросу и вновь его рассмотреть. Однако первая же проверка показала нецелесообразность этого решения, а через несколько месяцев, а именно в конце 1930 года, решение было отменено.

Дальнейший рост колхозного движения и развитие колхозного строительства окончательно убедили как колхозников, так и руководящих работников, что сосредоточение основных орудий сельскохозяйственного производства в руках государства, в руках машинно-тракторных станций является единственным средством обеспечения высоких темпов роста колхозного производства.

Мы все радуемся колоссальному росту сельскохозяйственного производства нашей страны, росту зернового производства, производства хлопка, льна, свеклы и т.д. Где источник этого роста? Источник этого роста в современной технике, в многочисленных современных машинах, обслуживающих все эти отрасли производства. Дело тут не только в технике вообще, а в том, что техника не может стоять на одном месте, она должна все время совершенствоваться, что старая техника должна выводиться из строя и заменяться новой, а

новая — новейшей. Без этого немыслим поступательный ход нашего социалистического земледелия, немыслимы ни большие урожаи, ни изобилие сельскохозяйственных продуктов. Но что значит вывести из строя сотни тысяч колесных тракторов и заменить их гусеничными, заменить десятки тысяч устаревших комбайнов новыми, создать новые машины, скажем, для технических культур? Это значит нести миллиардные расходы, которые могут окупиться лишь через 6—8 лет. Могут ли поднять эти расходы наши колхозы, если даже они являются миллионерами? Нет, не могут, так как они не в состоянии принять на себя миллиардные расходы, которые могут окупиться лишь через 6—8 лет. Эти расходы может взять на себя только государство, ибо оно, и только оно в состоянии принять на себя убытки от вывода из строя старых машин и замены их новыми, ибо оно, и только оно в состоянии терпеть эти убытки в течение 6—8 лет с тем, чтобы по истечении этого срока возместить произведенные расходы.

Что значит после всего этого требовать продажи МТС в собственность колхозам? Это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства.

Отсюда вывод: предлагая продажу МТС в собственность колхозам, тт. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории.

Допустим на минутку, что мы приняли предложение тт. Саниной и Венжера и стали продавать в собственность колхозам основные орудия производства, машинно-тракторные станции. Что из этого получилось бы?

Из этого получилось бы, во-первых, что колхозы стали бы собственниками основных орудий производства, т.е. они попали бы в исключительное положение, какого не имеет в нашей стране ни одно предприятие, ибо, как известно, даже национализированные предприятия не являются у нас собственниками орудий производства. Чем можно обосновать это исключительное положение колхозов, какими соображениями прогресса, продвижения вперед? Можно ли сказать, что

такое положение способствовало бы повышению колхозной собственности до уровня общенародной собственности, что оно ускорило бы переход нашего общества от социализма к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что такое положение могло бы лишь отдалить колхозную собственность от общенародной собственности и привело бы не к приближению к коммунизму, а наоборот, к удалению от него?

Из этого получилось бы, во-вторых, расширение сферы действия товарного обращения, ибо колоссальное количество орудий сельскохозяйственного производства попало бы в орбиту товарного обращения. Как думают тт. Санина и Венжер, может ли способствовать расширение сферы товарного обращения нашему продвижению к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что оно может лишь затормозить наше продвижение к коммунизму?

Основная ошибка тт. Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализму к коммунизму. Они, видимо, думают, что можно и при товарном обращении перейти от социализма к коммунизму, что товарное обращение не может помешать этому делу. Это глубокое заблуждение, возникшее на базе непонимания марксизма.

Критикуя «хозяйственную коммуну» Дюринга, действующую в условиях товарного обращения, Энгельс в своем «Анти-Дюринге» убедительно доказал, что наличие товарного обращения неминуемо должно привести так называемые «хозяйственные коммуны» Дюринга к возрождению капитализма. Тт. Санина и Венжер, видимо, не согласны с этим. Тем хуже для них. Ну а мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения о том, что переход от социализма к коммунизму и коммунистический принцип распределения продуктов по потребностям исключают всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимость.

Так обстоит дело с предложением и доводами тт. Саниной и Венжера.

Что же в конце концов следует предпринять, чтобы повысить колхозную собственность до уровня общенародной собственности?

Колхоз есть предприятие необычное. Колхоз работает на земле и обрабатывает землю, которая давно уже является не колхозной, а общенародной собственностью. Следовательно, колхоз не является собственником обрабатываемой им земли.

Далее. Колхоз работает при помощи основных орудий производства, представляющих не колхозную, а общенародную собственность. Следовательно, колхоз не является собственником основных орудий производства.

Дальше. Колхоз — предприятие кооперативное, он пользуется трудом своих членов и распределяет доходы среди членов по трудодням, причем у колхоза есть свои семена, которые ежегодно возобновляются и идут в производство.

Спрашивается: чем же, собственно, владеет колхоз, где та колхозная собственность, которой он может распоряжаться вполне свободно, по собственному усмотрению? Такой собственностью является продукция колхоза, продукция колхозного производства: зерно, мясо, масло, овощи, хлопок, свекла, лен и т.д., не считая построек и личного хозяйства колхозников на усадьбе. Дело в том, что значительная часть этой продукции, излишки колхозного производства поступают на рынок и включаются таким образом в систему товарного обращения. Это именно обстоятельство и мешает сейчас поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности. Поэтому именно с этого конца и нужно развернуть работу по повышению колхозной собственности до уровня общенародной.

Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть.

У нас нет еще развитой системы продуктообмена, но есть зачатки продуктообмена в виде «отоваривания» сельскохозяйственных продуктов. Как известно, про-

дукция хлопководческих, льноводческих, свекловичных и других колхозов уже давно «отоваривается», правда, «отоваривается» не полностью, частично, но все же «отоваривается». Заметим мимоходом, что слово «отоваривание» неудачное слово, его следовало бы заменить продуктообменом. Задача состоит в том, чтобы эти зачатки продуктообмена организовать во всех отраслях сельского хозяйства и развить их в широкую систему продуктообмена с тем, чтобы колхозы получали за свою продукцию не только деньги, а главным образом необходимые изделия. Такая система потребует громадного увеличения продукции, отпускаемой городом деревне, поэтому ее придется вводить без особой торопливости, по мере накопления городских изделий. Но вводить ее нужно неуклонно, без колебаний, шаг за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу действия продуктообмена.

Такая система, сокращая сферу действия товарного обращения, облегчит переход от социализма к коммунизму. Кроме того, она даст возможность включить основную собственность колхозов, продукцию колхозного производства в общую систему общенародного планирования.

Это и будет реальным и решающим средством для повышения колхозной собственности до уровня общенародной собственности при наших современных условиях.

Выгодна ли такая система для колхозного крестьянства? Безусловно выгодна. Выгодна, так как колхозное крестьянство будет получать от государства гораздо больше продукции и по более дешевым ценам, чем при товарном обращении. Всем известно, что колхозы, имеющие с правительством договора о продуктообмене («отоваривание»), получают несравненно больше выгод, чем колхозы, не имеющие таких договоров. Если систему продуктообмена распространить на все колхозы в стране, то эти выгоды станут достоянием всего нашего колхозного крестьянства.

И. Сталин

28 сентября 1952 г.

НАПУТСТВИЕ ИДУЩИМ ВСЛЕД

Речь на XIX съезде партии

14 октября 1952 года

Товарищи!

Разрешите выразить благодарность от имени нашего съезда всем братским партиям и группам, представители которых почтили наш съезд своим присутствием или которые прислали съезду приветственные обращения, — за дружеские приветствия, за пожелания успехов, за доверие.

Для нас особенно ценно это доверие, которое означает готовность поддержать нашу партию в ее борьбе за светлое будущее народов, в ее борьбе против войны, в ее борьбе за сохранение мира.

Было бы ошибочно думать, что наша партия, ставшая могущественной силой, не нуждается больше в поддержке. Это неверно. Наша партия и наша страна всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и в поддержке братских народов за рубежом.

Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира. Когда английские рабочие в 1918—1919 годах во время вооруженного нападения английской буржуазии на Советский Союз организовали борьбу против войны под лозунгом «Руки прочь от России!», то это была поддержка, поддержка прежде всего борьбы своего народа за мир, а потом и поддержка Советского Союза. Когда товарищ Торез или товарищ Тольятти заявляют, что их народы не будут воевать против народов Советского Союза, то это есть поддержка, прежде всего поддержка рабочих и крестьян Франции и

Италии, борющихся за мир, а потом и поддержка миролюбивых стремлений Советского Союза. Эта особенность взаимной поддержки объясняется тем, что интересы нашей партии не только не противоречат, а наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов. Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от дела мира во всем мире.

Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение, в их борьбе за сохранение мира. Как известно, она именно так и поступает. После взятия власти нашей партией в 1917 году и после того, как партия предприняла реальные меры по ликвидации капиталистического и помещичьего гнета, представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи «Ударной бригады» облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период Второй мировой войны, когда Советский Союз, разгромив немецкую и японскую фашистскую тиранию, избавил народы Европы и Азии от угрозы фашистского рабства.

Конечно, очень трудно было выполнять эту почетную роль, пока «Ударная бригада» была одна-единственная и пока приходилось ей выполнять эту передовую роль почти в одиночестве. Но это было. Теперь — совсем другое дело. Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран, — теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее.

Особого внимания заслуживают те коммунистические, демократические и рабоче-крестьянские партии, которые еще не пришли к власти или которые продолжают работать под пятой буржуазных драконовских законов. Им, конечно, труднее работать. Однако им не столь трудно работать, как было трудно нам, русским коммунистам, в период царизма, когда малейшее дви-

жение вперед объявлялось тягчайшим преступлением. Однако русские коммунисты выстояли, не испугались трудностей и добились победы. То же самое будет с этими партиями.

Почему все же не столь трудно будет работать этим партиям в сравнении с русскими коммунистами царского периода?

Потому, во-первых, что они имеют перед глазами такие примеры борьбы и успехов, какие имеются в Советском Союзе и народно-демократических странах. Следовательно, они могут учиться на ошибках и успехах этих стран и тем облегчить свою работу.

Потому, во-вторых, что сама буржуазия — главный враг освободительного движения — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя. Понятно, что это обстоятельство должно также облегчить работу революционных и демократических партий.

Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности» — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше никому его поднимать.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выбро-

шено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять.

Так обстоит дело в настоящее время.

Понятно, что все эти обстоятельства должны облегчить работу коммунистических и демократических партий, не пришедших еще к власти.

Следовательно, есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала.

Да здравствуют наши братские партии!

Пусть живут и здравствуют руководители братских партий!

Да здравствует мир между народами! Долой поджигателей войны!

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ

1. По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 года. Заголовок автора.

Этот документ практически неизвестен нынешним 20—40-летним. Его автором является человек, на чью долю выпали безмерные тяготы революционного подполья и гражданской войны; государственная ответственность и личная неустроенность; неумеренные восторги и отчаянные проклятия; огромные заслуги и безвинные жертвы; обожание миллионов и полное одиночество.

Теперь трудно сказать, был бы столь прочен морально-политический потенциал Победы, если бы заснеженным утром 7 ноября 1941 года он не взошел, как обычно, на трибуну ленинского Мавзолея.

Враг уже стоял у стен Москвы. Кремль просматривался фашистами в бинокль. Между тем на Красной площади проводился традиционный парад Красной Армии. Может ли какой-нибудь ципко-бутенко выместить это из памяти народной?

Сталин, как и любой крупный политический деятель, естественно, подлежит суду истории. Но великое преступление перед людьми совершает тот, кто, движимый эмоциями, пытается выставить Сталина из нее и, более того, судить его отдельно. Сталин ненавидим и облыгаем отнюдь не потому, что делающие сие будто бы являются выдающимися светочами прогресса и гуманности. Скорее совсем наоборот: среди них немало оборотней и циников. Дело обстоит куда прозаичнее. Сталин, как никто после Ленина, сумел противостоять давлению внутреннего и международного капитала. Он явил уникальный пример пролетарской стойкости, чего ему не могут простить разнокалиберные и разноликие мещане и буржуа. Это отчетливо видно на опыте уже завершившейся обманной «перестройки». Ее «архитекторы» действовали по Ленину и Сталину «с точностью до наоборот». Именно для этого им по-

надобилось бешеное охаивание руководителей Октябрьской революции, строительства социализма и антифашистской борьбы.

Судите сами:

— *завет Ленина* — «держат высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии»; *действия «перестройщиков»* — дискредитировать всех членов КПСС (а это не менее 15 миллионов граждан), независимо от их поведения и заслуг;

— *завет Ленина* — «хранить единство нашей партии, как зеницу ока»; *действия «перестройщиков»* — провоцирование раскола, легко раскрываемые «ликвидаторство» и «отзовизм», вытеснение с политической сцены и запрет КПСС;

— *завет Ленина* — «хранить и укреплять диктатуру пролетариата»; *действия «перестройщиков»* — борьба против Советов трудящихся, антиконституционный произвол, моральный и физический террор, установление диктатуры криминально-компрадорской буржуазии;

— *завет Ленина* — «укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян»; *действия «перестройщиков»* — разрыв связей между индустриальным и аграрным секторами экономики, противопоставление города деревне, деревни — городу;

— *завет Ленина* — «укреплять и расширять Союз Республик»; *действия «перестройщиков»* — искусственное провоцирование межнациональной розни, поощрение буржуазно-националистических элементов, раздробление Советского Союза в угоду интересам местных мафий, Соединенных Штатов Америки и других империалистических держав;

— *завет Ленина* — «укреплять и расширять союз трудящихся всего мира»; *действия «перестройщиков»* — предательство по отношению к братским партиям и государствам, ликвидация мирового социалистического содружества, подрыв международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пролетарской и антиимпериалистической солидарности.

Понятно, что все это не прикрыть и не оправдать без припоминания Сталину всех его подлинных и мнимых грехов, без оголтелой клеветы, лицемерных требований бесконечного покаяния.

Ошибка, которая с 1956 года вновь и вновь тупо повторялась коммунистами и активно использовалась их противниками, состояла в том, что они не вышли из примитивной логики культа личности, только заменив плюс (обожествление Сталина) на минус (проклятие). Тем самым были нарушены

принципы объективной диалектики, совершен отрыв от реальной, всегда противоречивой жизни. Толкование истории стало, по сути, монополией вольных или невольных носителей антинародных интересов, которые постарались отравить память общества, опуская все, что свидетельствует о благотворности для России послеоктябрьского развития, и размазывая мрачные стороны прошлого, фальсифицируя его под углом зрения беспардонного антикоммунизма.

Если еще в 1987—1989 годах многим могло казаться, что официальные идеологи КПСС А. Яковлев, В. Медведев и их приспешники то ли вырубают лес советской истории, чтобы выпятить на фоне пней мощный ствол «великого реформатора» М. Горбачева, то ли мстят за какие-то прошлые обиды, то сейчас совершенно очевидно следующее: вся антисталинская кампания, перебивавшая кости людей, которые ушли из жизни десятки лет тому назад, и отвлекавшая внимание масс от пагубной политики сегодняшних правителей, была направлена на то, чтобы в один прекрасный день поставить лишенный ориентиров и авторитетов советский народ перед фактом уже совершившейся замены общественного строя.

Удался ли этот фокус реакции? Ее идеологам хотелось бы верить, что да. Но мы твердо знаем, что «еще не вечер». Сколько-нибудь устойчивых, жизнеспособных форм буржуазного социально-экономического уклада реакция создать не могла и не смогла. Тот кишечнополостный спекулятивный капитализм, что растет, как на дрожжах, одновременно все сильнее отталкивает большинство общества своей жадностью и жалкостью, грабительством и развращенностью. Есть ли у него перспектива безудержного роста? Нет. Естественным противовесом тут выступает стремительное абсолютное падение производства и абсолютное обнищание трудового населения.

«Метеоры» перепродаж не вдруг, а лишь во втором-третьем поколении превращаются в солидный предпринимательский класс, способный организовать производство жизненных благ. Ждать этой метаморфозы 30—50 лет общество, уже начинающее вымирать, не станет. Оно решительно прервет — и для этого уже собираются силы — «роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный, — по словам Ф. Достоевского, — русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни... Особенно характерно то, — утверждал писатель, — что обратный толчок, толчок восстановления и само-

спасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва, порыва отрицания и саморазрушения. То есть то бывает на счету как бы мелкого малодушия; тогда как в восстановление свое русский человек уходит с самым огромным и серьезным усилием; а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе» (Достоевский Ф. Искания и размышления. М., 1983. С. 234).

Такое вытрезвление уже началось. Определить заранее его темпы невозможно. Но мы в состоянии их ускорить, в том числе публикацией тех документов, которые десятки лет не вытаскиваются на свет и остаются погребенными под гигантскими отвалами очернительской писанины. Одним из самых ярких среди них является только что прочитанная вами «Клятва Сталина».

А. Авторханов, который цитируется в предисловии, указывает на трудности в создании политико-психологического портрета Сталина потому, что не может взять (или же не делает этого сознательно) соответствующий его личности *социальный* масштаб и решать задачу, исходя из определенного массового, *народно-пролетарского* интереса. Вместо этого применяются (или подсовываются) семейные, узкобытовые, мелкогрупповые и т.п. критерии и подчас делается попытка вынести исторический приговор. Ни с научной, ни с этической точек зрения, чем особенно часто козыряют антисталинисты, такой взгляд не выдерживает строгой критики, да и является либо фарисейским, либо глубоко отсталым. Послушаем по этому поводу Гегеля.

«Великие люди желали доставить удовлетворение себе, а не другим, — утверждает философ. — Те благонамеренные планы и советы, которые им могли бы дать другие, явились бы, скорее, ограниченными и ложными, потому что именно великие люди и являлись теми, которые всего лучше понимали суть дела и от которых затем все усваивали себе это их понимание и одобряли его или по крайней мере примирялись с ним. Ведь далее подвинувшийся в своем развитии дух является внутренней, но бессознательной душой всех индивидуумов, которая становится у них сознательной благодаря великим людям. Другие идут за этими духовными руководителями именно потому, что чувствуют непреодолимую силу их собственного внутреннего духа, который противостоит им. Далее, если мы бросим взгляд на судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа, оказывается, что

эта судьба не была счастлива. Они появлялись не для спокойного наслаждения, вся их жизнь являлась тяжелым трудом, вся их натура выражалась в их страсти. Когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров Св. Елены. То злорадное утешение, что жизнь исторических людей нельзя назвать счастливой, что так называемое счастье возможно лишь в частной жизни, которая может протекать при весьма различных внешних обстоятельствах, — это утешение могут находить в истории те, кто в этом нуждаются. А нуждаются в этом завистливые люди, которых раздражает великое, выдающееся, которые стремятся умалить его и выставить напоказ его слабые стороны. Таким образом, и в новейшее время много раз доказывалось, что государи вообще не бывают счастливы на троне, а поэтому доказывающие это мирятся с тем, что царствуют не они, а государи. Впрочем, свободный человек не бывает завистливым, а охотно признает великое и возвышенное и радуется, что оно есть.

Итак, этих исторических людей следует рассматривать по отношению к тем общим моментам, которые составляют интерес, а таким образом и страсти индивидуумов. Они являются великими людьми именно потому, что они хотели и осуществляли великое и притом не воображаемое и мнимое, а справедливое и необходимое. Этот способ рассмотрения исключает и так называемое психологическое рассмотрение, которое, всего лучше служа зависти, старается выяснять внутренние мотивы всех поступков и придать им субъективный характер, так что выходит, как будто лица, совершавшие их, делали все под влиянием какой-нибудь мелкой или сильной страсти, под влиянием какого-нибудь сильного желания и что, будучи подвержены этим страстям и желаниям, они не были моральными людьми. Александр Македонский завоевал часть Греции, а затем и Азии, следовательно, он отличался *страстью* к завоеваниям. Он действовал, побуждаемый любовью к славе, жадной к завоеваниям; а доказательством этого служит то, что он совершил такие дела, которые прославили его. Какой школьный учитель не доказывал, что Александр Великий и Юлий Цезарь руководились страстями и поэтому были безнравственными людьми? Отсюда прямо вытекает, что он, школьный учитель, лучше их, потому что у него нет таких страстей, и он подтверждает это тем, что он не завоевывает Азии, не побеждает Дария и Пора, но, конечно, сам хорошо живет и дает жить другим. Затем эти психологи берутся

преимущественно еще и за рассмотрение тех особенностей великих исторических деятелей, которые свойственны им как частным лицам. Человек должен есть и пить, у него есть друзья и знакомые, он испытывает разные ощущения и минутные волнения. Известна поговорка, что для камердинера не существует героя; я добавил, — а Гёте повторил это через десять лет, — но не потому, что последний не герой, а потому что первый — камердинер. Камердинер снимает с героя сапоги, укладывает его в постель, знает, что он любит пить шампанское и т.д. Плохо приходится в историографии историческим личностям, обслуживаемым такими психологическими камердинерами; они низводятся этими камердинерами до такого же нравственного уровня, на котором стоят подобные тонкие знатоки людей, или, скорее, несколькими ступеньками ниже этого уровня. Терсит у Гомера, осуждающий царей, является бессмертной фигурой всех эпох. Правда, он не всегда получает побои, т.е. удары крепкой палкой, как это было в гомеровскую эпоху, но его мучат зависть и упрямство; его гложет неумирающий червь печали по поводу того, что его превосходные намерения и порицания все-таки остаются безрезультатными. Можно злорадствовать также и по поводу судьбы терситизма.

Всемирно-исторической личности не свойственна трезвость, выражающаяся в желании того и другого; она не принимает многого в расчет, но всецело отдается одной цели. Случается также, что такие личности обнаруживают легкомысленное отношение к другим великим и даже священным интересам, и, конечно, подобное поведение подлежит моральному осуждению. Но такая великая личность бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути.

Итак, частный интерес страсти неразрывно связан с обнаружением всеобщего, потому что всеобщее является результатом частных и определенных интересов и их отрицания. Частные интересы вступают в борьбу между собой, и некоторые из них оказываются совершенно несостоятельными. Не всеобщая идея противопоставляется чему-либо и борется с чем-либо; не она подвергается опасности; она остается недостижимой и невредимой на заднем плане. Можно назвать хитростью разума то, что она заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. Ибо речь идет о явлении, часть которого ничтожна, а часть положительна. Частное в большинстве случаев слишком

мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов» (Гегель. Соч. Т. VIII. М. — Л., 1935. С. 30—32).

Упаси нас боже, от современных «психологических камердинеров», то бишь лакеев, которые под личиной «гуманности», как правило, прячут совершенно безжалостное отношение к человеку труда и которым следует позволять судить об истории (вспомним совет Пушкина) «не свыше сапога!».

2. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. Предисловие к книге «На путях к Октябрю». 17 декабря 1924 года. Заголовок автора.

Эта работа нравилась мне со студенческих лет. Привлекали ее ясность, обстоятельность и объективность. Поэтому в 1979 году, когда приближалось 100-летие со дня рождения Сталина, именно ее я предложил перепечатать в «Коммунисте». Тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии М. Зимянин (требовалось его согласие) ответил мне, по сути, немотивированным отказом.

Хотя со времени написания «Октябрьской революции...» прошло семь десятилетий, в ней практически нечего пересматривать. Правда, могут сказать, что-де Л. Троцкий с его неверием в возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране в свете «перестройки» и рыночных «реформ» все же оказался прав, а Ленин и Сталин, несмотря на длительность социалистического эксперимента в СССР и ряде других государств, не правы. Однако это был бы вывод с позиций пассивного фатализма, слепой покорности судьбе, а не активного сознательного революционного действия.

Вся «правота» Л. Троцкого в данном случае держится на том, что централизованный механизм управления государством и идеологического воздействия, предназначенный для достраивания и совершенствования социалистической общественной системы, вследствие предательства в головном звене был направлен на ее расстраивание и саморазрушение. В 1985 году, в начале «судьбоносного» пути М. Горбачева, вовсе не существовало какой-либо предопределенности реставрации капиталистических порядков. Да, в стране накопилось немало острейших проблем, требовавших своего разрешения, ощущалась социальная напряженность, имелись значительные трудности. Но все это предполагало капитальный ремонт существующего строя, а не его ликвидацию, продолжение революции, а не контрреволюцию, к тому же не поднимающуюся

снизу, из толщи народных масс, а организуемую и навязываемую сверху при поддержке *внешних* империалистических сил. Несколькими годами раньше уже был разработан проект перестройки (назовем его андроповским), предполагавший подъем социализма на новую ступень, но от него решительно отказались и предпочли ее прозападный вариант. Такое не только Л. Троцкому, но и А. Керенскому не могло присниться...

Весьма поучительны положения статьи о том, что у большевистской партии после Февраля не было да и не могло быть готовой политической армии социалистической революции, что ее приходилось упорно собирать, просвещать и выковывать в упорной борьбе против буржуазных влияний и мелкобуржуазных иллюзий, против стратегии и тактики соглашательства. Статью особенно полезно читать и штудировать мелкотравчатым, мегафонным «вождям» левого толка, которые, едва собрав митинг в несколько тысяч человек и придя в восторг от собственного успеха, тут же начинают «игру в захват власти», разбрасывают направо и налево ничем не подкрепляемые угрозы и обещания, толкают людей на неоправданные жертвы, строят свою популярность на фразе, а не на деле. Таким деятелям, как и всяким другим, следует время от времени определять меру своего реального влияния, проводить смотр своих структурированных, организованных, идейно спевшихся и целеустремленных сил, проверять правильность и действенность выдвигаемых политических лозунгов. Великим уроком, сформулированным в «Октябрьской революции...», служит положение о том, что «для победы революции... требуется... чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности этих лозунгов». Иначе ни о каком продвижении вперед не может быть и речи.

Сейчас, после горького поражения КПСС, после шестилетки горбачевщины и трехлетки ельцинизма многие левые лидеры винят в происходящем не только структуры криминально-компрадорского капитала и коррумпированную бюрократию, но и рабочий класс, во всеуслышание говорят, что они «разочаровались» в народе. Однако никто из этих лидеров не может похвастать постоянным «хождением в народ», которым занималось не одно поколение российских революционеров, и с чистым сердцем заявить, что их тактика является «наукой не только о руководстве партией, но и о руководстве миллионными массами трудящихся». Современное коммунистическое движение в России страдает по меньшей мере двумя основными недугами. С одной стороны, претенденты

на лидерство в нем почему-то старательно консервируют свою недоученность, не спешат перетряхивать свой капзэсэсовский, по сути хрущевско-брежневский, идейный багаж и пополнять его. С другой стороны, существует недопонимание закономерностей формирования народного опыта, без учета которых политические лозунги не в состоянии обрести действенную силу. В этом отношении у Сталина есть чему поучиться, и таким учителем грех пренебрегать.

3. Диалектика партийной жизни. Из доклада на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии» 7 декабря 1926 года. Заголовок составителя.

Важнейшей причиной поражения КПСС является то, что она десятилетиями не анализировала и не разрешала противоречия внутрипартийного развития, более того, не признавала и скрывала их. Был пущен в оборот миф, будто замазывание противоречий в партии ведет начало от Сталина и, дескать, он погубил все дело. Однако надо быть совершенным простаком, чтобы поверить этому на слово. Классическим периодом игнорирования противоречий, глушения даже разговоров о них является брежневское 18-летие, на протяжении которого эту задачу выполнял в основном М. Суслов. Но с позицией Сталина эта практика имеет очень мало общего.

Работа аппарата ЦК КПСС и нижестоящих партийных комитетов в 60—80-х годах строилась на принципах «абы тихо» и «не высываться». Их сотрудники специально настраивались на уход от прямых ответов на вопросы трудящихся, и это мало-помалу незаметно расширяло полосу отчуждения между партией и народом. В принципе, при надлежащем волевом подходе, который на короткий период проявил Ю. Андропов, этот недостаток был преодолим, но КПСС уже была заражена другими болезнями, для лечения которых требовались помимо воли высокая культура и умение ориентироваться в системе внутренних и международных классовых сил, способность влиять на их структуру и расстановку.

В центральном аппарате партии уже в 60-х годах ощущалось противостояние двух кланов — тяготевшего к социал-демократии, евро- и американо-реформистского и традиционно советского, в котором было намешано многое — от ностальгии по «порядку» сталинской поры до дерзости творческого ленинизма. К сожалению, это противостояние, сказывавшееся в особенности на решении вопроса о приоритете внутренней и внешней политики, теоретическом обобщении прой-

денного пути и выработке реалистических перспектив, не было разрешено конструктивным образом. Многие зависело от личности «вождя», а поскольку таковая, как правило, оказывалась посредственной, то от тех, кому он «дал ухо», то есть к чьим советам прислушивался. Вот почему без видимых обществу конфликтов и столкновений ЦК КПСС при М. Горбачеве стал проводником курса, прямо противоположного провозглашавшемуся. А. Ципко выложил правду-матку, признав правоту французских журналистов, писавших «в начале перестройки о том, что очагом контрреволюции в СССР является штаб коммунизма, ЦК КПСС...» (Яковлев А. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 4). Никто не опроверг это парадоксальное заявление, ибо ЦК КПСС и в самом деле был ареной столкновения противоположных социально-классовых группировок, отражавшего состояние приглушенной классовой борьбы в обществе.

Разумеется, я далек от утверждения, что «Сталин ни в чем не виноват», и не собираюсь оберегать его от критики. Но я считаю правомерной не буржуазную критику справа, а пролетарскую критику слева, которой в общем-то ходу не давали.

Со времен Ленина многие противоречия в партии снимались методом открытых массовых чисток. Это порой означало огромную убыль членского состава, но зато резко повышало качество парторганизаций. Чистки проводились «на миру», в беспартийной аудитории и тем самым служили формой обратной связи с массами трудящихся, проверки и контроля ими каждого коммуниста. Очевидно, в ходе этих кампаний далеко не всегда соблюдался политес, допускались грубости, деформировались судьбы, но иного, более действенного механизма самоочищения партия, рассчитывающая на доверие человека труда, не имела и иметь не могла. Сталин повинен в том, что этот по определению демократический институт он (естественно, не единолично) совместил, а потом и подменил чистками административно-карательного свойства. Результаты такой подмены не могли вскоре не ужаснуть его самого. «Нельзя сказать, — заявил он на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 года о подобных мероприятиях 30-х годов, — что чистка была проведена без серьезных ошибок. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить. — И тут же сделал неожиданный вывод, который на много лет вперед стал директивой. — Несомненно, что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки» (Сталин И. Вопросы

ленинизма. М., 1939. С. 594). Так появился один из основных агрегатов застоя.

Согласно тому же докладу, ВКП(б) к началу 40-х годов составляла 1,6 миллиона человек. За четыре без малого года вскоре начавшейся Великой Отечественной войны на полях сражений полегло около 3 миллионов коммунистов. Партия, можно сказать, погибла дважды, но выстояла, обеспечив основные морально-политические и идейно-организационные условия победы. Боевая обстановка беспощадно «чистила» партийные ряды. В военное время, да, пожалуй, и в период восстановления разрушенного войной народного хозяйства чистки и в самом деле не представлялись необходимыми. А в условиях стабильного мира?.. Вопрос этот так и не был решен удовлетворительно, хотя с точки зрения жизнестойкости ВКП(б) и имел первостепенное значение.

XIX съезд партии, собравшийся через целых 13 лет после XVIII (с 1917 года партсъезды — от VI до XIV — собирались ежегодно, XV—XVIII — с промежутками в 3—5 лет), принял еще одно неожиданное решение. Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза. «Двойное наименование нашей партии «коммунистическая» — «большевистская», — говорилось в забытой многими резолюции съезда от 13 октября 1952 года, — исторически образовалось в результате борьбы с меньшевиками и имело своей целью отгородиться от меньшевизма. Поскольку, однако, меньшевистская партия в СССР давно уже сошла со сцены, двойное наименование партии потеряло смысл, тем более что «коммунистическая» выражает наиболее точно марксистское содержание задач партии, тогда как понятие «большевистская» выражает лишь давно уже потерявший значение исторический факт о том, что на II съезде в 1903 году ленинцы получили большинство голосов, почему и были названы «большевиками», оппортунистическая же часть осталась в меньшинстве и получила название «меньшевиков» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1954. С. 578).

Не ставя под вопрос целесообразность перемены названия партии — она, по-видимому, действительно созрела, — считаю необходимым отметить ошибочность ее мотивации. Во-первых, неверно было объявлять потерявшим значение исторический факт раскола РСДРП сперва на две фракции (1903—1912 годы), а потом и на две партии — большевиков и меньшевиков. Ни у кого, включая самого Сталина, не было

гарантии окончательной и бесповоротной коммунистичности партии, что показали события уже следующего, 1953 года, когда после его кончины в верхах произошла схватка за власть, имевшая ряд этапов: кратковременное доминирование блока Берия—Маленков; скорая изоляция и устранение Берии всей послесталинской верхушкой; устранение сторонников продолжения сталинского курса оппортунистической группировкой Хрущева в 1957 году. Во-вторых, меньшевизм или нечто ему подобное как идейное течение никогда не прекращал свое существование в КПСС.

Выше я уже писал об оттенках в поведении работников аппарата ЦК 60-х годов. Это было своего рода отражением не только внешнего, «заграничного» влияния, но и процессов, протекавших в стране. Если хрущевизм можно было, с определенными оговорками, назвать «кулацкой реакцией на диктатуру пролетариата», то есть отрывкой из далеко неоднозначного прошлого такого явления, как бухаринщина, то тут речь идет о том, что совершалось вокруг нас. Я имею в виду наложение на естественный для социализма процесс стирания существенных различий между трудящимися классами, между людьми физического и умственного труда, между городом и деревней другого, нездорового процесса возвратного эксплуататорского классовообразования, предопределяемого попустительством в отношении стихийно растущей теневой экономики, коррумпированностью, а значит, и обуржуазиванием части управленческого аппарата. И хотя, к примеру, «шестидесятники», сами собой прославленные как голуби — вестники либерализации и позорно предавшие народ в угоду торжествующему горбизму-ельцинизму, будь то Е. Евтушенко или В. Загладин, Г. Шахназаров или Б. Окуджава, Л. Абалкин или И. Фролов, Г. Арбатов или Р. Ростропович, возмутятся и завопят, что это не про них говорится, следует категорически заявить: «Очень даже про вас. Вы сами этого хотели и десятилетиями этого добивались. Рыночной демагогией вы отравили мозг миллионов сограждан. Ваш коллега, бумажный генерал Д. Волкогонов, планировал расстрел из танков Дома Советов, а песенки Окуджавы, транслировавшиеся 3—4 октября 1993 года по радио, дурманили слушателей, заглушая разрывы снарядов и вопли погибающих...»

«Можно и нужно идти на всякие соглашения с инакомыслящими внутри партии по вопросам текущей политики, по вопросам чисто практического характера, — считал Сталин. — Но если вопросы эти связаны с принципиальными

разногласиями, то никакое соглашение, никакая «средняя» линия не может спасти дело. Нет и не может быть «средней» линии в вопросах принципиального характера. Либо одни, либо другие принципы должны быть положены в основу работы партии. «Средняя» линия по вопросам принципиальным есть «линия» засорения голов, «линия» затушевывания разногласий, «линия» идейной смерти партии». Разве не жертвой такой именно «линии», навязанной ей в брежневское время, жертвой движения почти всегда от компромисса к компромиссу явилась КПСС?

«Практика социал-демократии состоит в том, — говорит Сталин в 1926 году, — чтобы превращать свои конференции и съезды в пустой маскарад парадного благополучия, старательно скрывая и замазывая внутренние разногласия. Но из этого ничего, кроме засорения голов и идейного обнищания партии, не может получиться. В этом одна из причин падения западноевропейской социал-демократии, когда-то революционной, а ныне реформистской». Какая узнаваемая картина! Видимо, потому и продолжали не любить Сталина в брежневские времена, что он, подобно зеркалу, отражал чье-то оскотинившееся лицо.

«Но мы так не можем жить и развиваться, товарищи, — подчеркивал этот беспощадный человек. — Политика «средней» принципиальной линии не есть наша политика. Политика «средней» принципиальной линии есть политика увядающих и перерождающихся партий. Такая политика не может не вести к превращению партии в пустой бюрократический аппарат, вращающийся на холостом ходу и оторванный от рабочих масс. Этот путь не есть наш путь».

Именно длительное движение «не нашим путем» привело самую могучую в истории человечества общественную организацию к краху.

Применяя никем не опровергнутый и неопровержимый классовый подход, от которого старательно открещиваются нынешние национал-меньшевики, Сталин раскрывает социальные источники разногласий внутри партии как растущего живого организма. Этот анализ прекрасно срабатывает в наши дни. Он указывает два обстоятельства: а) «давление буржуазии и буржуазной идеологии на пролетариат и его партию в условиях борьбы классов»; б) «разнородность рабочего класса, наличие разных слоев внутри рабочего класса», а если иметь в виду современность, то в целом трудящихся. С помощью этого методологического ключа не так уж сложно понять

появление, скажем, правотроцкистского уклона в РКРП 1992 года или же национал-горбизма в КПРФ 1993—1994 годов. Всякий, кто хочет честно разобраться в происходящем, а главное — заботиться об идейно-нравственном здоровье своей организации, найдет в размышлениях Сталина о противоречиях внутрипартийного развития верное руководство для мысли и действия и не пожалеет, если станет применять его в своей работе.

4. Стратегия социалистической индустрии. Из речи на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ 29 марта 1927 года. Заголовок составителя.

До сих пор объективные аналитики воспринимают как чудо высокие темпы нашего промышленного развития 20—50-х годов. Сколько бы ни витийствовали всякие злобные скептики вроде О. Лациса о цифрах выполнения пятилетних планов того периода, они не могут не признать могучего рывка страны по линии научно-технического прогресса, который обеспечивался энтузиазмом рабочего класса, всех трудящихся.

Нынче много болтают по поводу внеэкономического принуждения, драконовского режима, всеобщего ГУЛАГа с его неоплаченным трудом и т.п. Но никто и не собирается рисовать индустриализацию как сплошную розовую идиллию. В то же время надо знать: никакие администраторские меры и никакая колючая проволока не заставили бы людей превратить свою Родину в страну передовой науки и техники, обеспечить единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны и победить. Для этого нужна была, во-первых, великая, воодушевляющая большинство общества цель и мечта; во-вторых, в целом правильная экономическая политика. Оба эти условия были налицо.

В предлагаемом фрагменте Сталин с присущей ему ясностью обосновывает ведущую линию нашей индустрии. Эта линия очень понятно для каждого характеризуется двоякого рода снижением:

- а) себестоимости промышленной продукции;
- б) отпускных цен на промышленные товары.

И поныне эти компоненты могли бы быть в числе решающих составляющих экономического роста, но от них под разными предлогами отказались. Человек лучше трудился, если его поощряли за экономию сырья и финансов, за бережное отношение к оборудованию, за экономию времени. В снижении цен он видел пронизывающую все заботу о своем благосостоянии, сквозь эту призму ощущал себя хозяином страны.

Нет спора, требовались также иные, все время обновляемые экономические, организационные, социальные, нравственные рычаги и стимулы, но не внедрение капиталистического принципа прибыли в качестве главного показателя эффективности производства, как было сделано в 1965 году. «Демократы», начиная с Г. Попова, исписали горы бумаги, понося так называемую командно-административную систему. Но они занимались демагогией, ибо критиковали уже другую практику, которая все больше приобретала несоциалистический характер. Чтобы это понять, надо читать Сталина, который способен ответить не только на многие вопросы прошлого, но и высветить кое-что из настоящего и будущего.

5. О личном моменте и о «завещании» Ленина. Из речи на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 года. Заголовок составителя.

Горбачевско-яковлевская «перестроечная» пропаганда, имея в качестве сверхзадачи реставрацию капитализма, не один год нагло клеветала на большевиков и большевизм, на ленинскую партию и Советскую власть, но больше всего — на Сталина. Последнего поносили не только за недостатки и просчеты, которые у него действительно имелись, но и выдумывали о нем то, чего не было, да и не могло быть. Одним из таких мифов явилось утверждение, что Сталин будто бы «скрыл» от партии «завещание» Ленина и потому сумел обманном путем удержаться на посту Генерального секретаря ЦК РКП(б). Стыдно было слушать иных седовласых магдалин мужского пола вроде С. Дзарасова, которые занимались этим бессовестным враньем.

Впервые не в меру ретивые «критики»-хрущевисты вытащили в массовую печать вопрос о «завещании» Ленина и обвинении в этой связи Сталина в 1956 году, после XX съезда КПСС. Уже в то время я немало удивлялся распространяемой лжи. Ведь письма Ленина, в которых он высказывался о личных качествах шести политических деятелей (Н. Бухарина, Г. Зиновьева, Л. Каменева, Г. Пятакова, И. Сталина, Л. Троцкого), никогда не принадлежали к неизвестным или «тайным» страницам нашей истории. Я не только слышал о них в детстве от своего отца, но еще и читал в студенческие годы у самого... Сталина.

В печати теперь достаточно расписано, как знакомились с указанными документами и что решили делегаты XIII съезда партии (1924 год). В 1927 году эти документы были помещены в бюллетене № 30 XV съезда ВКП(б). Уже в силу обстоя-

тельств и особенностей политической борьбы 20-х годов Сталин и не мог и не хотел тут что-то «скрывать». Доверительный, внутрипартийный характер обсуждения определялся коллективным мнением ЦК и съездов. Первая известная мне публикация речи, откуда взят включенный в эту книгу отрывок и где сам Сталин излагает суть дела, была в «Правде» 2 ноября 1927 года, вторая — в сборнике «Сталин И. Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг.». (М. — Л., 1928. С. 719—744), третья — в 10-м томе его Сочинений (с. 172—205), вышедшем при жизни автора, в 1949 году. Если кто-то в свое время — от 20-х до 50-х годов — их не читал, то это не означает, что кто-то другой что-то скрывает. *Невежество не есть аргумент.* Сейчас, когда реакция постаралась внедрить троцкистскую оценку деятельности и личности Сталина фактически в качестве окончательной, выход этого отрывка в свет должен заставить серьезно задуматься многих.

Характерно, что Л. Троцкий, которого Ленин уличил в небольшевизме, опровергал версию «сокрытия», хотя его невозможно заподозрить в защите Сталина. «Грубость Сталина в тот момент была только по сторонникам Троцкого, — отмечает С. Дмитриевский, один из лучших знатоков перипетий фракционной борьбы в ВКП(б). — Но именно Троцкому было невыгодно давать бой на почве завещания Ленина. Даже в том случае, если б он мог тогда свалить Сталина, он сам не мог сразу стать властителем страны. Нужна была более глубокая игра» (Дмитриевский С. Сталин. Стокгольм, 1931. С. 227).

6. О недостатках в партии. Из Политического отчета ЦК ВКП(б) XV съезду партии 3 декабря 1927 года. Заголовок автора.

Продолжая, по сути, разговор на тему «Диалектика партийной жизни», Сталин обращает внимание на три недостатка в партии:

а) отказ от критики и самокритики. Семейственность в решении важнейших вопросов нашего строительства, взаимопрощение ошибок и огрехов в работе;

б) перенесение в партию метода администрирования и замена им метода убеждения, «опасность превращения наших партийных организаций, являющихся организациями самостоятельными, — в пустые канцелярские учреждения»;

в) зазнайство, желание «плыть по течению, плавно и спокойно, без перспектив, без заглядывания в будущее, так, чтобы кругом чувствовалось праздничное и торжественное настроение, чтобы каждый день были у нас торжественные заседания, да чтобы везде были аплодисменты, и чтобы каждый

из нас попадал по очереди в почетные члены всяких президиумов».

Будто провидя на 50—60 лет вперед, Сталин говорил о товарищах, которые сперва «обкладываются плесенью», затем «становятся серенькими», потом «их засасывает тина обывательщины», и, наконец, «они превращаются в заурядных обывателей. Это и есть, — указывал он, — путь действительного перерождения». Совсем не случайно на таком, типично брежневском фоне середины 80-х годов М. Горбачев с его бойкой разговорчивостью показался многим образцом динамизма и светочем мудрости. «Данко XX века» без всякой иронии называл его кто-то летом 1987 года на дискуссии в МГУ...

КПСС постигла та беда, о которой предупреждал еще Ленин. Вынужденный выступить на вечере в честь своего 50-летия 23 апреля 1920 года, он пустил по рукам карикатуру на юбилей народника Н. Михайловского «с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств». Ленин напомнил слова К. Каутского о том, что «как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той самой бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собой новую, счастливую весну для народов».

«Эти слова, — заявил Ленин, — наводят меня на мысль, что наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение, — именно в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное. Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться. В самом деле, те ожидания от русской революции, которые я привел... эти ожидания непомерно велики. Блестящие успехи и блестящие победы, которые до сих пор мы имели, — ведь они обставлены были условиями, при которых главные трудности еще не могли быть нами решены. Они обставлены были условиями, когда на нас лежали задачи военные, задачи борьбы самой глубокой, самой живой с помещичьей и царской, генеральской реакцией; таким образом, задачи, составляющие сущность социалистического переворота, отодвигались от нас задачами

организации борьбы с повседневным будничным проявлением мелкобуржуазной стихии, раздробленности, распыленности, т.е. всего, что тащит назад к капитализму. И в смысле экономическом, и в смысле политическом те задачи были от нас отодвинуты; мы к ним не имели возможности приступить надлежащим образом. Поэтому та опасность, на которую нас наводят приведенные слова, должна быть сугубо учтена всеми большевиками порознь и большевиками, как целой политической партией. Мы должны понять, что... нам предстоит громадная работа и потребуются приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор.

Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии» (Полн. собр. соч. Т. 40. С. 325, 326—327).

Помню, как мы бились, пытаюсь включить в Тезисы ЦК, посвященные 100-летию со дня рождения Ленина, это и еще одно его положение. Ответ партначальства бывал один: «Не следует перегружать документ подробностями». В результате после ряда заходов наше молодое упорство было удовлетворено наполовину. Предостережение против зазнайства все же осталось в тексте (см.: К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1969. С. 25), но не прошло следующее высказывание: надо, чтобы «беспартийные рабочие на деле увидели, что члены господствующей коммунистической партии несут на себе обязанности и коммунисты допускают новых членов в партию не для того, чтобы они пользовались выгодами, связанными с положением правительственной партии, а для того, чтобы они показывали пример действительно коммунистического труда...» (Полн. собр. соч. Т. 39. С. 380). Партийная бюрократия очень чутко реагировала на любой намек на свои привилегии и давала решительный отпор. Хрущевско-брежневская, а не сталинская школа кадров привела КПСС к моральному банкротству, и спасти ее мог только решительный поворот к превращению КПСС из партии аппарата, в которую она превратилась в 50—70-х годах, в партию масс.

7. О самокритике. Из доклада на активе Московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 года. Заголовок автора.

В этом фрагменте Сталин развивает свой взгляд на сюжеты, уже освещавшиеся в материалах № 3, 5, 6. В таком ракурсе они в партийных документах с тех пор не излагались.

Сталин настаивает на лозунге самокритики как лежащем

«в самой основе большевистской партии», «в основе режима диктатуры пролетариата».

Замечательно здесь то, что Сталин, указывая на такой плюс для партии, как полная победа над оппозицией на XV съезде ВКП(б), обращает внимание и на связанный с ним минус — на «опасность почить на лаврах, предаться покою и закрыть глаза на недостатки нашей работы». Он буквально прогнозирует обстановку 70-х — начала 80-х годов, говоря о возможности воцарения в партии «чувства самодовольства, чувства самовлюбленности», что означало бы «поставить крест над нашим движением вперед».

Свежо смотрится также постановка вопроса о вождях, тревога по поводу их отрыва от масс, нарушения между теми и другими, как бы теперь сказали, обратной связи. «...Что может быть хорошего в том, — спрашивает Сталин, — что руководящие верхи зазнаются и начнут смотреть на массы сверху вниз? Ясно, что ничего, кроме гибели для партии, не может выйти из этого. Ну а мы хотим двигаться вперед и улучшать свою работу, а не губить партию. И именно для того, чтобы двигаться вперед и улучшать отношения между массами и вождями, надо держать все время открытым клапан самокритики, надо дать советским людям возможность «крыть» своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы вожди не зазнавались, а массы не отдалялись от вождей».

Сталин чутко улавливает приемы зажимщиков критики и самокритики, в частности демагогические требования ее правильности «по всем пунктам», ее обоснования «по всем правилам искусства...» Он утверждает, что такое бывает затруднительно для простого рабочего и простого крестьянина. «...Я считаю, — говорит он, — что если критика содержит хотя бы 5—10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно».

Лозунг самокритики Сталин считает целесообразным с точки зрения двух результатов: а) поднятия бдительности рабочего класса; б) поднятия его культурности. Критика культа Сталина, имевшая далеко не однозначные последствия, привела к забвению этих уроков и способствовала гибели КПСС.

В «перестроечной» прессе стало общим местом изображать Сталина властолюбцем, по сути лишенным каких-либо человеческих качеств и некритично относящимся к самому себе. Между тем это не имеет ничего общего с действительностью. Вспоминается такой эпизод. Сталин частенько ругал своего сына Василия, отважного боевого летчика, молодого

генерала, забалованного друзьями и начальниками и позволявшего себе много лишнего. Однажды отец в сердцах спросил его: «Ты думаешь, ты — Сталин? Ты думаешь, я — Сталин?» Потом ткнул пальцем в сторону своего портрета и сказал: «Сталин — он!»

Сталин прекрасно сознавал свою личностную ограниченность и противоречие между нею и созданным ему безграничным авторитетом. Он понимал политическое значение последнего для огромной страны и не был в состоянии (да и вряд ли имел историческое право) выйти за рамки этой альтернативы. По сему поводу его, давно умершего, уже четыре десятилетия поучают разномастные и разнокалиберные «демократы» — от расстриг А. Яковлева и А. Ципко до «ученых» М. Капустина и А. Бутенко. Так и хочется спросить их: что бы вы делали, если бы на вас была возложена такая же ответственность? Этому вопросу, естественно, придется остаться риторическим, ибо никакого плодотворного политического действия эти производители политического шума совершить не могут. А внутренний монолог, который, к примеру, сочиняет за Сталина автор «Детей Арбата» писатель А. Рыбаков, так и останется внутренним монологом самого А. Рыбакова, случайно напялившего на себя шинель Сталина...

8. Предостережение зазнавшейся партии. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 года. Заголовок составителя.

Эта речь содержит политический рецепт против буржуазно-бюрократического перерождения ВКП(б) и ВЛКСМ. С редкой последовательностью Сталин освещает названную тему, вырабатывает арсенал средств и приемов борьбы партии за программные цели, своего рода науку побеждать. Будто написанные для ситуации 19—23 августа 1991 года звучат его слова: «Самая большая партия может быть застигнута врасплох, самая большая партия может погибнуть, если она не учтет уроков истории, если она не будет ковать изо дня в день боевую готовность своего класса. Быть застигнутым врасплох — это опаснейшее дело, товарищи. Быть застигнутым врасплох — это значит стать жертвой неожиданностей, жертвой паники перед врагом. А паника ведет к распаду, к поражению, к гибели».

История военных сражений знает немало случаев, когда командование и его штаб не только утрачивали способность управлять вверенными им войсками, но и теряли всякую связь с армией. Нечто подобное случалось и в политике. Естественно, что результатом всякий раз был разгром. Именно эта

картина наблюдалась в Москве в конце пресловутого августа-91. Так и не собрался намеченный на вторую половину дня 20 августа Пленум ЦК КПСС. Неизвестно, о чем размышлял в это время ЦК КП РСФСР. После наглого предложения М. Горбачева Центральному Комитету самораспуститься ни один его член не протестовал публично. Оставалась единственная уставная возможность противодействовать позорной капитуляции через Центральную контрольно-ревизионную комиссию, но она бесконечно заседала, была недоступна рядовым коммунистам и, видимо, так и не смогла осознать всю свою ответственность. Надо было видеть опустевшие коридоры здания ЦК 20—23 августа, в которых изредка появлялись разбегающиеся в разные стороны задумчивые люди, чтобы представить себе, до какой степени изоляции от народа было доведено партийное руководство после, по сути, уже некоммунистического (достаточно вспомнить одно Программное заявление «К гуманному, демократическому социализму») XXVIII съезда КПСС. Если на призыв Б. Ельцина 19 августа ко всеобщей забастовке не откликнулся ни один трудовой коллектив, то и защищать ЦК КПСС тоже никто не стал. С партией при всей ее многочисленности произошло самое худшее: она утратила ощущение своей социальной базы, а вместе с ним и саму эту базу. Как говорится, если я не за себя, то кто же за меня; если же я только за себя, то зачем я?..

Новоявленные, как правило, говорливые и мелкотравчатые «вожди» коммунистического движения часто жалуются на пассивность и несознательность современного рабочего класса, но почему-то редко оборачивают эту критику на самих себя. Что вы сделали для преодоления этой пассивности и несознательности? Соединяете ли вы научный социализм с рабочим движением на деле (а другого долга у вас нет)? Умеете ли вы это делать или же видите свою миссию только в том, чтобы «фигурять» в верхах? Все эти вопросы так или иначе зреют в рабочей среде, которая, действительно, отчасти дезориентирована «демократами» и вместе с тем проникнута здоровым недоверием ко всякого рода политическим болтунам. Рабочий класс не придет «готовенький» поддерживать коммунистов, так же как коммунисты не обретут надлежащих условий, не поварившись сперва, не обтесавшись в рабочем классе. Вот почему первая задача, поставленная Сталиным в далеком 1928 году, — *«поднимать боевую готовность рабочего класса против его классовых врагов»* — выглядит как рожденная в наши дни. Вот почему без последовательного решения

этой задачи движение может быть сколь угодно благомыслящим и доброжелательным, но не коммунистическим.

По-новому жестко Сталин ставит другую задачу — организовывать критику и массовый контроль снизу, вытравлять язву бюрократизма. Он озабочен фактами доведения «монополии партии... до абсурда», заглушения голоса низов, уничтожения внутрипартийной демократии. «Возьмем последний факт беспринципной групповой борьбы внутри комсомола вокруг лиц, борьбы, отравляющей атмосферу в комсомоле. Чем объяснить, — спрашивает он, — что «косаревцев» и «соболевцев» в комсомоле сколько угодно, а марксистов приходится искать со свечой в руках?» Не то ли наблюдается с «анпиловцами» и «зюгановцами» в наши дни?

Исключительное значение имеет сформулированная Сталиным *третья задача*: «Молодежь должна овладеть наукой».

«Охотников строить и руководить строительством у нас хоть отбавляй как в области сельского хозяйства, так и в области промышленности, — говорит Сталин. — А людей, умеющих строить и руководить, у нас до безобразия мало. И наоборот, невежества у нас в этой области тьма-тьмушая. Более того, у нас есть люди, которые готовы воспевать нашу некультурность. Если ты неграмотен или пишешь неправильно и кибишься своей отсталостью, — ты рабочий «от станка», тебе почет и уважение. Если ты вылез из некультурности, научился грамоте, овладел наукой, — ты чужой, «оторвался» от масс, перестал быть рабочим.

Я думаю, — подчеркивает Сталин, — что мы не двинемся вперед ни на шаг, пока не вытравим этого варварства и дикости, этого варварского отношения к науке и людям культурным. Рабочий класс не может стать настоящим хозяином страны, если он не сумеет выбраться из некультурности, если он не сумеет создать своей собственной интеллигенции, если не овладеет наукой и не сумеет управлять хозяйством на основе науки».

При всей внешней простоте этого отрывка ему присущ ряд тонких нюансов. Так, он бьет по рукам тех, кто все еще отлучает рабочих от высокой культуры, консервирует и возвеличивает необразованность, одновременно противопоставляя рабочему классу тех выходцев из него и других слоев трудящихся, которые пополняют ряды инженеров, конструкторов, ученых и тоже занимаются производительным трудом, но трудом преимущественно не физическим, а умственным. Невозможно при таких взглядах продолжать говорить об авангардной

роли рабочего класса в условиях научно-технической революции, о сохранении и укреплении этой роли в дальнейшем. С большим основанием Сталин указывает на необходимость для рабочего класса, если тот намерен «стать настоящим хозяином страны», создать «свою собственную интеллигенцию», то есть не вообще интеллигенцию и не просто трудовую интеллигенцию, а, как он говорил потом на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, интеллигенцию рабочего класса, и притом не в качестве некоей отделенной от него социальной группы, а в качестве его (рабочего класса) «новой прослойки...» (см.: Вопросы ленинизма. С. 341—342). Надо ли доказывать, что, будь этот подход основательно проработан, усвоен и укоренен в рядах КПСС, вряд ли было бы возможно отдалить от нее рабочий класс?

9. Две системы хозяйства. Из политического отчета ЦК ВКП(б) XVI съезду партии 27 июня 1930 года. Заголовок составителя.

Наш современник, начитавшийся всякого рода очернительских писаний о советской действительности, пресыщенный лживыми рассказами о «погубленной» злыми большевиками якобы процветавшей николаевской России, с понятным предубеждением прочтет этот текст. Имея в виду сознательно организованное горбистами-ельцинистами расчленение СССР и обнищание 9/10 населения России, он обвинит в этом сталинские времена. Но ничего более коварного и лживого не знала история. Сталинская практика, несомненно, была не полна и имела свои серьезные недостатки, однако она тут вовсе ни при чем.

На рубеже 20—30-х годов мировое капиталистическое хозяйство потряс тяжелейший экономический кризис. Американцы до сих пор вспоминают кошмар постигшей экономику США «Великой депрессии». Одновременно в Советском Союзе наблюдался неуклонный подъем. В 1930 году промышленность по валовой продукции превысила уровень 1913 года в 1,9 раза, по производству средств производства — в 2,3 раза. Не случайной была установка на завершение заданий первой пятилетки ведущими отраслями индустрии за 3—4 года. Аналогичные успехи были достигнуты в годы послевоенного восстановления. Несмотря на то, что в результате фашистского нашествия страна потеряла одну треть всего национального богатства, советская промышленность вышла на основные параметры последнего предвоенного, 1940 года уже в 1950 году.

Восстановление разрушенного войной народного хозяйства и становление единого народно-хозяйственного комплекса Союза ССР, очевидно, должны были привести к некоторому снижению темпов роста, порождавшихся травмированным, лихорадочным состоянием экономики. Этот факт следовало трезво изучить, серьезно оценить и учитывать в хозяйственной практике. На это после смерти Сталина оказались не способны некоторые руководящие деятели, привыкшие к умственному иждивенчеству и увидевшие в данном явлении чуть ли не признак упадка социализма. Именно поэтому в хрущевское «великое десятилетие» начались судорожные метания и бесконечные реорганизации. Причем, как нарочно, поиск осуществлялся отнюдь не в том направлении, которое соответствует собственной природе социализма.

Так, явно недостаточно принимались в расчет отмеченные Сталиным 4-я и 6-я особенности советской системы хозяйства:

— «распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне»;

— «систематическое улучшение материального положения трудящихся и непрерывный рост их потребностей (покупательной способности), будучи постоянно растущим источником расширения производства, гарантирует трудящихся от кризисов перепроизводства, роста безработицы и нищеты»;

— «рабочий класс и трудовое крестьянство являются хозяевами страны, работающими не на капиталистов, а на свой трудовой народ».

В принципе, у любой экономики могут быть всего две целевых ориентации:

— либо она работает непосредственно на потребности членов общества, естественно, учитывая и экономя затраты производства, стремясь к своей безубыточности, а лучше и прибыльности; это экономика социалистическая;

— либо она работает непосредственно на прибыль собственника средств производства, будь то индивидуальный или коллективный капиталист, используя для своего оправдания общественные и личные потребности. Это экономика капиталистическая или же перерождающаяся в таковую.

Сталин стоял на первой, в основе своей правильной пози-

ции. На вторую позицию, неправильную и гибельную, начала ссовывать советскую экономику брежневско-косыгинская реформа 1965 года.

Внедрение прибыли в качестве основного показателя эффективности социалистического производства привело к государственно-капиталистическим тенденциям в общенародном секторе в целом, к росту группового эгоизма отраслей и трудовых коллективов. Показатель, чужеродный социалистическому обществу, показатель, стимулирующий накачивание стоимостных (рублевых) объемов производства вне обязательной жесткой связи с увеличением количества и повышением качества натурального продукта, хотели того или не хотели горе-реформаторы, стал осуществлять свою разрушительную роль. Совершенно была забыта идущая еще от первых политико-экономических опытов Энгельса (а они предшествовали политико-экономическим занятиям Маркса) установка на изучение живых человеческих потребностей как базу научного планирования нормального общественного производства. Время от времени шумливо возвращаясь к идеям «завещания» Ленина, тысячи раз цитировали его критические замечания в адрес Сталина, но так и не раскрыли всемирно-исторический смысл его предложения о придании законодательных функций Госплану. Словом, губили социализм на корню, сопровождая это ритуальными клятвами в «верности» и опираясь на советы постоянно переодевавшихся и перекрашивавшихся «академиков».

Тем временем в стране, как на дрожжах, поднималось еще два скрытных и чрезвычайно опасных противника социализма, все больше переплетавшихся между собой: а) теневая экономика, то есть подпольный, как правило криминальный, частный капитал; б) коррумпированный слой партгосбюрократии. Им, получившим поддержку монополий Запада, принадлежит «историческая» заслуга удушения советской системы.

Пусть не говорят, что все это было непредсказуемо и мы ни о чем не догадывались. Утверждать подобное — значит просто-напросто лгать.

Вот пример. В октябре 1976 года мне пришлось сидеть на Пленуме ЦК КПСС рядом с председателем Верховного суда СССР Л. Смирновым. В перерыве мы решили отправиться в буфет. «Оставить, что ли, здесь папку?» — спросил Лев Николаевич. «Да можно. Зал вроде бы хорошо охраняется, — ответил я и тут же спросил: — А что в папке-то?» — «Два смертных приговора... Это за особенно крупные махинации, связанные

с внешней торговлей, и знаете, — продолжал Смирнов, немного задумавшись, — некоторые западные фирмы обратились к нам с предложением возместить нанесенный ущерб при условии снижения меры наказания...» Папку, конечно, взяли с собой, а я вспомнил ленинские слова: капитал — сила международная... До начала «перестройки» оставалось почти десять лет.

Потчужая нас сплошь апологетикой Запада, яковлевские средства массовой информации стараются уверить население в том, что капитализм изжил-де свои пороки и создал общество поголовного благосостояния. Однако, во-первых, речь в таких случаях идет лишь о небольшой группе стран Европы, Азии и Северной Америки, представляющей одну седьмую-восьмую населения Земли и нещадно эксплуатирующей весь остальной (включая разваленный СССР) мир. Существенная особенность этих стран состоит в том, что в послевоенный период они обеспечили достаток своих трудящихся, создали иллюзию отсутствия у них эксплуатации, как бы перекачав основной классовый антагонизм — между капиталом и трудом — в сферу международных отношений. Тем не менее этот антагонизм сохранился, хотя и сильно изменил свою направленность и форму. Так что не надо спешить считать то или иное положение марксизма-ленинизма устаревшим, а социализм — уничтоженным. Наступает новая эпоха, которая, если человечество не будет втянуто в самоубийственный конфликт, окончательно докажет их торжество.

10. Я и так достаточно награжден. Письмо тов. И. Н. Бажанову 16 февраля 1933 года. Заголовок составителя.

Документ интересен как выражение личной неприязнательности Сталина. Он отказывается от ордена, который дарит ему адресат письма. «...У меня уже есть два ордена. Это больше чем нужно, — уверяю Вас», — пишет Сталин. Достаточно сопоставить это заявление со звездоманием Н. Хрущева, Л. Брежнева, Н. Чаушеску, И. Тито, чтобы почувствовать, насколько мы продвинулись вперед в сторону буржуазного тщеславия...

11. Социализм и равенство. Из Отчетного доклада о работе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии 26 января 1934 года. Заголовок составителя.

В этом тексте освещается четыре основных доселе актуальных вопроса:

а) о построении бесклассового социалистического общества;

б) о сельскохозяйственной артели и сельскохозяйственной коммуне;

в) об уравниловке и равенстве;

г) о зажиточности и бедноте.

Первый вопрос. Ценно то, что Сталин рассматривает процесс преодоления классовых различий в связи с целенаправленным устранением экономической, социальной, политической и нравственной базы эксплуатации человека человеком, в связи с тем, что и бывшие эксплуататоры растворяются в массе трудящихся. Бесклассовое общество на первых порах мыслится как социалистическое, то есть в рамках первой фразы коммунизма, как необходимое звено непрерывного естественно-исторического процесса. От этой, единственно реалистической точки зрения впоследствии заметно отошли обществоведы, которые, особенно под влиянием утопической хрущевской Программы КПСС (1961 год), стали доказывать, что классы прекратят свое существование только при коммунизме. Тем самым была нарушена вся логика марксистско-ленинского предвидения. Коммунистическое общество в своей второй фазе мыслилось Марксом, Энгельсом, Лениным как уже бесклассовое. Между тем консервирование различий между классами, откладывание их сближения и слияния до этой фазы делало невозможным самый переход к ней, ибо вызывало в нем ступор, исключало одно из ключевых условий его осуществления. В 60—70-х годах я в своих публикациях пытался разрубить этот затянутый «академиками» узел, но поддержки не получил.

Вышло так, что с легкой руки Н. Хрущева имело место продолжение «немалой путаницы в головах и нездоровых настроений среди одной части партии», о которых говорил еще Сталин. «Тезис о нашем продвижении к бесклассовому обществу, данный, как лозунг, — указывалось на XVII съезде, — они поняли, как стихийный процесс. И они прикидывали: ежели бесклассовое общество, то значит — можно ослабить классовую борьбу. Можно ослабить диктатуру пролетариата и вообще покончить с государством, которое все равно должно отмереть в ближайшее время».

Теоретические воззрения наших «академиков» после XXII съезда КПСС представляли собой нелепое соединение несовместимостей. С одной стороны, они приветствовали «отмене» ни с того ни с сего государства диктатуры рабочего класса и провозглашение «общенародного государства» с неясным для многих классовым содержанием (а без такового государ-

ства просто нет). С другой стороны, они рьяно защищали деление общества на классы рабочих и крестьян, объявляли чуть ли не особой классовой категорией интеллигенцию и всячески давили любое «инакомыслие» в этом вопросе. В результате эволюция и государства и классовых отношений приобретала неосознанно стихийный характер с непредсказуемым исходом, уходила из-под контроля общественности, а попытки во всем этом разобраться сопровождались окриком и экзекуцией в печати. Лишь в 1981 году, когда удалось провести в Отчетный доклад ЦК КПСС XXVI съезду партии тезис о том, что стирание классовых различий может произойти еще на этапе развитого социализма, стала, пусть и в несовершенном виде, восстанавливаться истина. Но приживалось это положение со скрипом, и я уже тогда понимал, почему так происходит.

Дело в том, что «самотек», о котором здесь идет речь, был выгоден определенным элементам, которые захватывали все более значительные позиции в обществе, партии, государстве. Эти элементы были заинтересованы скрывать новые процессы классовообразования и поэтому не хотели, чтобы к классовым отношениям привлекалось пристальное общественное внимание. Так, теневой бизнес, прежде всего связанный со сферой услуг и торговли, «ковал» уже не в первом поколении свои спекулянтские кадры. Эти кадры охотно вступали в унию с номенклатурными кругами всех уровней, а это означало, что идет обратный процесс формирования и кристаллизации теперь уже новой буржуазии.

Когда после решения XXVI съезда КПСС о подготовке новой редакции Программы партии (то есть устранения из нее хрущевских «перелетов» и модернизации ряда основных положений в реалистическом ключе) начался поиск ее концептуального лейтмотива, я предложил сделать своего рода эмблемой документа построение бесклассового социалистического общества. Идея была доложена в мае 1984 года Политбюро и Программной комиссии и получила одобрение. Ее поддержал тогдашний правящий «триумvirат» К. Черненко, А. Громыко, Д. Устинов. (В этом направлении думали и такие разные, но несомненно крупные политики, как В. Молотов и Ю. Андропов.) Примечательно, что на этом заседании выступал М. Горбачев, тогда уже исполнявший обязанности второго секретаря ЦК. Речь его на слух показалась мне пустопожней. Я проверил себя, прочитав ее в стенограмме, и только подтвердил свое первое впечатление.

Летом того же года М. Горбачев дважды встречался с Ра-

бочей группой Программной комиссии и высказывался на эту тему. Ему откровенно хотелось отделаться от идеи стирания классовых различий, но сделать такое напрямик он тогда не мог. В социальном разделе Программы этот вопрос как определяющий рассматривался первым. Затем шли задачи в области развития межнациональных отношений, а в заключение — перспективы роста народного благосостояния. М. Горбачев настаивал и настоял на иной конструкции. Последний параграф он в конце концов перетащил в начало, пустив в ход демагогический тезис о «сильной социальной политике». «Может быть, с научно-академической точки зрения ваше построение и верно, — процедил он в итоге нашего спора, — но с политической...» Плодами «сильной социальной политики» россияне так насытились, что теперь вымирают по миллиону в год, таща на своем хребте новообразованный класс удачливых частных собственников. И все это потому, что «путанице во взглядах», «небольшевистским настроениям» было позволено овладеть «большинством нашей партии», вследствие чего она оказалась, по Сталину, «деморализованной и разоруженной».

Второй вопрос. Освещение его Сталиным отличается практичностью и реализмом. Следуя в русле ленинской нэповской логики, он не солидаризируется с забегающими вперед романтиками, которые отдавали предпочтение сельскохозяйственной коммуне, где были обобществлены и производство и быт, а останавливает свой выбор на сельскохозяйственной артели, «при нынешних условиях единственно правильной форме колхозного движения», удачно сочетающей личные интересы колхозников с общественными, облегчающей «тем самым воспитание вчерашних единоличников в духе коллективизма».

Сталин отнюдь не отвергает коммуну как высшую форму коллективного хозяйствования на земле, но считает, что ее время еще не настало. «Нынешняя сельскохозяйственная коммуна, — отмечает он, — возникла на основе мало развитой техники и недостатка продуктов. Этим, собственно, и объясняется, что она практиковала уравниловку и мало считалась с личными, бытовыми интересами своих членов, ввиду чего она вынуждена теперь перейти на положение артели, где разумно сочетаются личные и общественные интересы колхозников. Будущая сельскохозяйственная коммуна вырастет из развитой и зажиточной артели. Будущая сельскохозяйственная коммуна возникнет тогда, когда на полях и в фермах

артели будет обилие зерна, скота, птицы, овощей и всяких других продуктов, когда при артелях заведутся механизированные прачечные, современные кухни-столовые, хлебозаводы и т.д., когда колхозник увидит, что ему выгоднее получать мясо и молоко с фермы, чем заводить свою корову и мелкий скот, когда колхозница увидит, что ей выгоднее обедать в столовой, брать хлеб с хлебозавода и получать стираное белье из общественной прачечной, чем самой заниматься этим делом. Будущая коммуна возникнет на базе более развитой техники и более развитой артели, на базе обилия продуктов. Когда это будет? Конечно, не скоро. Но это будет».

О том, насколько осмотрительно подходил Сталин, вопреки всему тому, что о нем наговорено, к привычкам и хозяйственным нуждам крестьянина, дает представление следующее свидетельство А. Жданова:

«На комиссии II съезда ударников-колхозников... особое значение приобрела дискуссия между товарищем Сталиным и целым рядом председателей колхозов по вопросу о приусадебном хозяйстве колхозников. Целый ряд председателей колхозов ошибочно настаивал на том, чтобы сократить размер приусадебных участков до 0,1, до 0,20, до 0,25 га, воспретить колхозникам иметь в личном пользовании корову, свиноматку и так далее. Против таких предложений и против таких якобы «передовых», а на деле неправильных высказываний решительно выступил товарищ Сталин. Он говорил:

«Если вы хотите укрепить артель, если вы хотите иметь массовое колхозное движение, которое должно охватить миллионы дворов, а не единицы и сотни, если вы этого хотите добиться, — вы при нынешних условиях должны обязательно учесть, кроме общих интересов колхозников, их личные интересы...

Вы нисколько не учитываете личных интересов колхозников, когда вы говорите, чтобы не больше одной десятой части гектара приусадебной земли дать колхознику. Некоторые думают, что корову нельзя давать, другие думают, что свиноматку нельзя давать. И вообще вы хотите зажать колхозника. Это дело не выйдет. Это неправильно» (Жданов А. Уроки политических ошибок Саратовского крайкома. М., 1935. С. 16—17).

Сопоставьте с этими высказываниями то, что вытворял в отношении личного подсобного хозяйства колхозников и работников совхозов Н. Хрущев, и вы увидите подлинную цену, уплаченную советскими людьми за «оттепель». «Было бы преступлением искусственно ускорять процесс перерастания ар-

тели в будущую коммуны, — считал Сталин. — Это спутало бы все карты и облегчило бы дело наших врагов». И он был прав.

Третий вопрос. Сталин решительно размежевывает марксистско-ленинское понимание социального равенства и мелкобуржуазную уравниловку. До сих пор могильщики научного социализма во многом основывают свою «критику» на осознанном смешении того и другого.

«Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди не равны, — писал Ленин, полемизируя с М. Туган-Барановским, — то под равенством разумеют равенство способностей или одинаковость физических сил и способностей людей.

Само собою разумеется, что в этом смысле люди не равны. Ни один разумный человек и ни один специалист не забывает этого. Только к социализму такое равенство не имеет никакого отношения...

Под равенством социал-демократы в области политической разумеют равноправие, а в области экономической... уничтожение классов. Об установлении же человеческого равенства в смысле равенства сил и способностей (телесных и душевных) социалисты и не помышляют...

Уничтожить классы, — конкретизирует Ленин марксистскую точку зрения, — это значит поставить всех граждан в одинаковое отношение к средствам производства всего общества, это значит — все граждане имеют одинаковый доступ к работе на общественных средствах производства, на общественной земле, на общественных фабриках и так далее.

Это разъяснение того, что есть социализм, необходимо было для просвещения ученого либерального профессора г. Тугана, который, может быть, понатужившись, поймет теперь, что равенство сил и способностей людей в социалистическом обществе ждаться нелепо» (Полн. собр. соч. Т. 24. С. 361—364).

Все это означает, что «уравниловка, уравнивание, нивелировка потребностей и личного быта членов общества... не имеют ничего общего с марксизмом, ленинизмом». Более того, дело обстоит совсем наоборот. Марксизм в конечном итоге добивается всестороннего, гармоничного развития личности каждого, а на социалистической ступени коммунистического общества именно на различиях в потребностях и способностях индивидов строит систему стимулирования труда. При последовательном осуществлении принципа распределения по труду социальное равенство утверждается в двух

«ипостасях» — в виде политического равноправия и в виде экономического равенства по трудовому вкладу в общенародное достояние. И тут возникает реальное противоречие, естественное и нормальное при социализме: если политическое равноправие обеспечивается независимо от каких-либо индивидуальных особенностей гражданина Конституцией и прочими законами, то экономическое равенство через трудовой вклад индивида поневоле реализуется как неравенство в количестве и качестве труда, его результатах, квалификации, искусности, талантливости и т.д., а значит, и в вознаграждении за труд, и в потреблении.

Отметая буржуазные пошлости насчет того, будто бы «по плану марксистов все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда, в одном и том же количестве», Сталин вслед за Лениным поясняет, что «под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов», и расшифровывает эту формулу как:

а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации»;

б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства;

в) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду (социалистическое общество);

г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям (коммунистическое общество).

Иной детализации проблемы социального равенства марксизм-ленинизм не дает и приписывание ему казарменных представлений о социализме отвергает.

Четвертый вопрос. Известному буржуазному лозунгу «обогащайтесь», выдвинутому в свое время И. Бухариным и недавно вытасканный на свет «перестройщиками», Сталин противопоставляет социалистический лозунг «сделать всех колхозников (рабочих) зажиточными». Он разоблачает эксплуататорски-индивидуалистическую направленность первого и раскрывает труженически-коллективистский смысл второго. Попутно Сталин показывает ошибочность того взгляда, что коммунисты должны всегда опираться на бедноту, что социализм-де должен закреплять и сохранять ее в качестве своей социальной базы. Зачем было тогда совершать революцию? «Было бы глупо думать, — говорит Сталин, — что социализм

может быть построен на базе нищеты и лишений, на базе сокращения личных потребностей и снижения уровня жизни людей до уровня жизни бедноты, которая к тому же сама не хочет больше оставаться беднотой и прет вверх к зажиточной жизни. Кому нужен такой, с позволения сказать, социализм? Это был бы не социализм, а карикатура на социализм».

В наши дни упорно проводится в жизнь циничный принцип «Богатый гражданин — богатое государство», действенный, да и то без гарантий, всего лишь для 10—12 процентов россиян. Но почему-то редко кто вспоминает, что бедный, а тем более выброшенный за грань нищеты гражданин — это и нищее государство. Что делать? Этот вопрос, как и в начале века, с беспощадной остротой встал перед россиянами, но решения его вне социалистической перспективы не найти.

12. Постигнуть дух социализма. Беседа с английским писателем Г. -Д. Уэллсом 23 июля 1934 года. Заголовок составителя.

Этот по-своему яркий документ показывает, что от высокомерного сомнения, выраженного знаменитым фантастом после беседы с «кремлевским мечтателем» в 1920 году («Россия во мгле»), не осталось и следа. Уэллс приехал из США, переживших глубокий кризис, с верой в новый, социалистический мир, строить который начали мы. «Ленин в свое время сказал, — замечает писатель, — что надо «учиться торговать», учиться этому у капиталистов. Ныне капиталисты должны учиться у вас постигнуть дух социализма. Мне кажется, — подчеркивает Уэллс, — что в Соединенных Штатах речь идет о глубокой реорганизации, о создании планового, то есть социалистического хозяйства. Вы и Рузвельт отправляетесь от двух разных точек зрения. Но не имеется ли идейной связи, идейного родства между Вашингтоном и Москвой?»

Вопрос, как говорится, поставлен на попа. Как отвечает на него Сталин?

Он не спешит делать столь далеко идущие выводы. По его мнению, «субъективно... американцы, может быть, и думают, что перестраивают общество, но объективно нынешняя база общества сохраняется у них». У них другая цель, чем у нас. «Они стремятся свести к минимуму ту разруху, тот ущерб, которые причиняются существующей экономической системой. У нас же... на месте разрушенной старой экономической базы создана совершенно другая, новая экономическая база». Они в лучшем случае могут добиваться ограничения отдельных отрицательных сторон данного общественного строя, отдель-

ных его эксцессов. Наша забота состоит в том, чтобы их не было вообще.

Сталин скептически отзывается и о перспективах планового хозяйства при капитализме. Он считает, что капитализм не способен ни уничтожить безработицу, ни подчинить производство потребностям народных масс. «Никогда, — говорит он, — Вы не заставите капиталиста наносить самому себе ущерб и согласиться на меньшую норму прибыли, во имя удовлетворения народных нужд. Не освободившись от капиталистов, не разделившись с принципом частной собственности на средства производства, Вы не создадите планового хозяйства».

Уэллс отчасти соглашается со Сталиным, но продолжает гнуть свое. Он выступает чуть ли не первым голубем получившей в 60-х годах широкое хождение концепции «конвергенции» двух систем. По его словам, «вместо того чтобы подчеркивать антагонизм между двумя мирами, надо было бы в современной обстановке стремиться установить общность языка между всеми конструктивными силами».

Сталин по-прежнему не уступчив, но и гибок. Он высоко оценивает выдающиеся личные качества Рузвельта и теоретически не исключает возможности продвижения к «социализму в англосаксонском толковании этого слова». Его прогноз, что бы ни лепетали ярые антисталинцы, остается и поныне верен для так называемого цивилизованного мира. При сохранении в нем того же типа собственности и буржуазного государства Сталин допускает «некоторое обуздание наиболее необузданных отдельных представителей капиталистического профита, некоторое усиление регулирующего начала в народном хозяйстве».

Сильной стороной аргументации Уэллса, который продолжает настаивать на своей точке зрения, является обрисовка зреющих в недрах развитого капитализма объективных, технико-технологических и организационно-технических предпосылок социализма. Но Сталин с этим и не спорит. Он даже допускает возможность, хотя и считает это маловероятным, приблизиться к осуществлению замыслов Рузвельта через несколько поколений. Однако житейски, практически, политически Уэллс выглядит утопистом, что и показали минувшие после этой встречи 60 лет. Сталин не агрессивен, но все время находится в наступательной позиции.

Внимательный читатель найдет в данном материале важные, отнюдь не устаревшие суждения о положении личности

при социализме и роли интеллигенции в политике и производстве, о классовом делении общества и политической власти, об отношении коммунистов к насилию, о революции и реформе.

В заключение, как бы подводя итог двум своим посещениям Советской России, Уэллс говорит, что еще не может оценить то, что сделано в стране. «Но я видел уже счастливые лица здоровых людей, и я знаю, что у Вас делается нечто очень значительное. Контраст по сравнению с 1920 годом, — мысленно обращаясь к своему разговору с Лениным, резюмирует Уэллс, — поразительный».

«Можно было бы сделать еще больше, если бы мы, большевики, были поумнее», — отвечает Сталин.

13. О недостатках партийной работы и о мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года. Заключительное слово 5 марта 1937 года. Заголовок автора.

И доклад, и заключительное слово представляют собой единый, хотя и не лишенный внутренних противоречий, документ. Именно в нем, по утверждению Н. Хрущева, «была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин» (Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. Л., 1989. С. 63).

С момента выступления Н. Хрущева со своим знаменитым докладом «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС (25 февраля 1956 года) прошло 38 лет, но никто за это время не удосужился проверить правдивость его слов. Увы, якобы цитируемого места, не один год кочевавшего из речи в речь, из статьи в статью, в сталинском тексте просто нет.

А что есть?

В докладе и заключительном слове звучит крайняя обеспокоенность внутренним положением в партии и стране, фактами террора, вредительства и диверсий в народном хозяйстве, причем оратор называет несколько их причин:

- политическую беспечность кадров;
- влияние капиталистического окружения;
- перерождение современного троцкизма за 7—8 лет антипартийной борьбы из политического течения в рабочем

движении в «беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, банду заклятых врагов рабочего класса, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств»;

— теневые стороны хозяйственных успехов, то, что «порождает настроения беспечности и самодовольства, создает атмосферу парадных торжеств и взаимных приветствий, убивающих чувство меры и притупляющих политическое чутье, размагничивает людей и толкает их на то, чтобы почтить на лаврах».

Формулируя в этой связи очередные задачи и указывая на актуальность поворота «в сторону больших политических вопросов международного и внутреннего характера», Сталин заявил:

«Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным».

Это — не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, — подчеркнул Сталин, — что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки.

Так учит нас история. Так учит нас ленинизм. Необходимо помнить все это и быть начеку».

Эта длинная цитата понадобилась здесь по двум причинам:

— во-первых, вывода о том, «что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна все более и более обостряться» (интерпретация Н. Хрущева), она не содержит. Хрущевисты, а за ними горбисты сделали этот «вывод» сперва «лозунгом», затем «концепцией», потом «пресловутой теорией», с помощью которых чернили весь посленинский период советской истории, изображали его как сплошной ГУЛАГ, добивались всеобщего «покаяния», подготавливая тем самым идейно-психологические условия контрреволюции;

— во-вторых, события 1985—1993 годов блестяще ее подтвердили.

Заметьте: Сталин говорит не об обострении классовой борьбы в обществе, постепенно становящемся бесклассовым, а о неверности мнения насчет ее будто бы затухания. Это не просто разные акценты, но и разное концептуальное осмысление действительности.

Становится ли классовый противник по мере наших побед все более осторожным, а значит, более коварным и изощренным? Несомненно. Опыта «перестройки» и «постперестройки» для такого заключения более чем достаточно.

По Сталину, наше продвижение вперед, все новые наши успехи озлобляют отнюдь не какие-то там классы, — таких в стране уже не было и не могло быть, — а «остатки эксплуататорских классов», причем происходит не обострение классовой борьбы в целом, а эти остатки идут «на более острые формы борьбы», пускают в ход «последние средства обреченных». На первый взгляд, это вроде бы нюансы. Но нюансы такого свойства, что поневоле складывается мнение о *фальсификации* Н. Хрущевым высказываний Сталина.

Излюбленным приемом Н. Хрущева и его последователей было противопоставление Сталина как эдакого прыгучего саблезубого тигра Ленину, изображавшемуся могучим, но беззубым и рыхлым львом. Однако нет ничего дальше от правды. Более того, во многих случаях Ленин намного решительнее и категоричнее Сталина. Это касается вопроса о продолжении классовой борьбы при режиме пролетарской диктатуры. «Уничтожение классов, — подчеркивал Ленин в статье «Привет венгерским рабочим», — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая после свержения власти капитала, после установления диктатуры пролетариата не исчезает

(как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» (Полн. собр. соч. Т. 38. С. 386—387). Кто мне скажет, что это не так?

Сталин указывает на прямую связь антисоветских элементов внутри страны с зарубежной реакцией. Теперь, после расстрела Дома Советов в Москве и разгона Советов по всей России, после инспекторских поездок эмиссаров США, начиная с президента Б. Клинтона, заявление это выглядит как наивный трюизм. Поэтому сам собой рождается далеко не легкий вопрос: знал ли, понимал ли Н. Хрущев, что он опровергал?

Что выступлениями Сталина в марте 1937 года давалась политическая санкция на репрессии, ни у кого не вызывает сомнений. Но мотивами, как правило, не интересуются, поскольку в сознание общества крепко вбито обывательское представление, что Сталин — это заведомый «злодей». Однако все больше людей у нас и за рубежом понимают, что подобного рода клише рассчитано на доверчивых простаков.

Нелепо отождествлять Сталина-человека с его гранитной меркуровской статуей. В 30-х годах он часто терял близких людей и не мог об этом не задумываться. Только политические пошляки и циники могут заявлять, что он сам сживал их со света.

8 ноября 1932 года кончает с собой жена Сталина Н. Аллилуева. Ему, по-видимому, есть в чем упрекнуть себя, но есть основания подозревать в чем-то и окружающих. У него даже возникает — по меньшей мере в третий раз — мысль об отставке, но Политбюро высказывается против.

1 декабря 1934 года гремит простреливший всю советскую историю револьвер в Смольном. Убит С. Киров — ближайшая опора Сталина в Политбюро, его друг и брат, один из талантливых большевистских организаторов и пропагандистов, творцов его культа.

25 января 1935 года внезапно умирает В. Куйбышев, верный ленинец, председатель Госплана.

18 июня 1936 года не стало М. Горького — великого народного писателя XX века, связующего звена советской культуры с русской классической литературой, с передовой культурой Европы и всего мира.

18 февраля 1937 года при по-разному толкуемых обстоятельствах кончает с собой центральная фигура индустриализации страны, ближайший друг Сталина Г. Орджоникидзе.

Среди этих людей только Горькому было 68 лет. Все ос-

тальные уходят из жизни еще молодыми, в расцвете сил и талантов, оставляя поводы для всякого рода домыслов о причинах.

Еще большую тревогу вызывает у Сталина судьба развернувшегося гигантского строительства. Теперь партии, Советской власти есть что терять, и все время сверлит мозг одна простая мысль: чтобы возвести здание, нужны тысячи умов и рук и годы, а чтобы его разрушить, нужны всего одна злая воля и одна секунда. Сталин выступает против мнимо утешительных слов, что «нас, большевиков, много, а вредителей мало... Чтобы построить Днепрострой, надо пустить в ход десятки тысяч рабочих, — аргументирует он. — А чтобы его взорвать, для этого требуется, может быть, несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни». Разве не доказывает то же самое «эпохальное ничтожество» М. Горбачев, вознесенное на самую вершину нашей управленческой пирамиды, при выработанной постыдной традиции абсолютного доверия и абсолютного послушания, разве не доказали деструктивные силы, что они в наши дни способны на чудеса? Разве атомный взрыв в Чернобыле не был исходным звеном в цепной реакции разрушения социализма?

В докладе и заключительном слове Сталина обращают на себя внимание две черты — малое число конкретных имен и фактов и крайнее ожесточение. Оно выражено, в частности, в требовании «разъяснить нашим партийным товарищам... что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома». Тут намешано очень многое: и общая обеспокоенность положением дел на разных участках социалистического созидания, и убежденность в том, что *«ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года»* (Свет и тени... С. 62), и собственная усталость и раздражение.

С этой разгромной нотой Сталин несколько неожиданно сочетает предупреждение против крайностей. Он возражает

тем голосам на Пленуме, которые требовали «бить и выкорчевывать не только действительных троцкистов, но и тех, которые когда-то колебались в сторону троцкизма, а потом, давно уже, отошли от троцкизма, не только тех, которые действительно являются троцкистскими агентами вредительства, но и тех, которые имели когда-то случай пройти по улице, по которой когда-то проходил той или иной троцкист... Нельзя стричь всех под одну гребенку».

Сталин занимает как бы резервную позицию, предвидя возможные негативные стороны начинаемой кампании. Это особенно заметно, когда после категорических оценок политических противников и определения крутых мер по отношению к ним он освещает «вопрос о формальном и бездушно-бюрократическом отношении некоторых наших партийных товарищей к судьбе отдельных членов партии, к вопросу об исключении из партии членов партии или к вопросу о восстановлении исключенных в правах членов партии». Он называет «глубоко антипартийными» людьми таких руководителей, которые либо хвалят членов партии «огулом, без меры, либо избивают их также огулом и без меры, исключают из партии тысячами и десятками тысяч. Такие руководители вообще стараются мыслить десятками тысяч, не заботясь о «единицах», об отдельных членах партии, об их судьбе». А это означает, что уже на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме Сталин проговаривает также методологию последующих антирепрессивных мер.

И последнее, на что следует обратить внимание, — это подтверждение роли критики и самокритики в новом обществе. Открытое признание ошибок и их исправление Сталин объявляет источником силы и авторитета партии в глазах трудящихся масс, мощи Советского государства. «А это главное, — подчеркивает он. — Были бы с нами рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, а все остальное приложится». Сталин сравнивает партию с героем греческого мифа могучим Антеем — сыном богини земли Геи, который был непобедим, когда мог время от времени прикасаться к матери-земле, черпая у нее силы. Геркулес разгадал этот секрет Антея и задушил его, подняв в воздух. Пока коммунисты «держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми». И наоборот, они оказываются бессильными, когда стихийно или по чьему-то умыслу отрываются от этой своей основы. Наглядное тому подтверждение — период с марта 1985 по август 1991 года.

14. Провокация во всесоюзном масштабе. Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков. Постановление Пленума ЦК ВКП(б). Январь 1938 года. Заголовок составителя.

В конце лета 1937 года, в самый разгар ежовщины и вызванной ею эпидемии доноительства, чувствуя нарастающую день от дня напряженность, Жданов, тогда один из секретарей ЦК ВКП(б), часто встречавшийся со Сталиным на людях, долго искал встречи с ним наедине. Когда это наконец получилось, Жданов напрямик сказал Сталину, что, на его взгляд, «творится провокация во всесоюзном масштабе». Так думал и сам Сталин. Вскоре Н. Ежов был отставлен и в стране начался новый, во многом благотворный поворот. Ни один из хрущевистов и горбистов, представляющих последовательные волны контрреволюционного процесса в Советском Союзе, не вспоминал о решениях январского (1938 года) Пленума ЦК ВКП(б), который потребовал разоблачить карьеристов-коммунистов (а Н. Хрущев был из их числа), старающихся *«отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии... застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии»*. Январский Пленум был после XX съезда похоронен под терриконами всевозможных домыслов потому, что это позволяло продолжать размалевывать дьявольский портрет Сталина, одновременно выгораживая и прикрывая подлинных провокаторов и виновников крайностей террора, сыгравшего двойную — и очистительно-профилактическую, и вредительно-разрушительную — роль.

Учитывая, что отечественные публикации о масштабах репрессий сильно попорчены хрущевско-горбачевской конъюнктурщиной и страдают субъективизмом, приведу выдержку из книги французов А. Адлера, М. Декайо, Ф. Козна, Л. Робеля и К. Фриу «СССР и мы», выпущенной в 1978 году в Париже и Москве:

«Сразу же оговоримся, что ни одна из приводимых нами цифр не является строго доказанной. Они были выведены на основании сведений о пропускной способности больших московских, ленинградских и т.д. тюрем, как известно, никогда в 1937 году не пустовавших. С другой стороны, мы знаем, что демографические изменения, происшедшие в резуль-

тате репрессий, были достаточно велики для того, чтобы не публиковать итогов переписи населения в 1939 году.

Единственным интересным среди ряда статистических данных является число членов коммунистической партии: оно упало с 2817 тыс. человек (включая кандидатов партии) на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году (ознаменовавшем победу линии Кирова) до 1586 тыс. человек на XVIII съезде в 1939 году, среди которых было 400 тыс. вновь принятых членов. Если учесть, что часть рядовых коммунистов была вычищена из партии по причинам неполитического порядка (прогулы, пьянство и т.п.) и что число арестов не превысило примерно 70—75% исключенных из партии, то получится огромная, но подтверждаемая размахом бедствия на уровне руководящих кадров цифра — 850 тыс. арестов.

К тому же некоторые подсчеты позволяют сделать вывод, что соотношение между числом коммунистов и беспартийных среди заключенных составляло примерно 1 к 5 (то есть 20% заключенных были ранее коммунистами при 1% членов партии по отношению к общей численности населения).

Отсюда вытекает, что общее количество арестованных в тот или иной момент людей достигло 4 млн человек.

Основываясь на этом выводе, западные авторы явно весьма преувеличивают процент смертных случаев среди заключенных. И здесь опять внезапные перемены в умонастроениях репрессивного аппарата позволяют говорить больше о постоянном контроле, чем о сознательном истреблении: многих людей сажают в тот или иной момент в тюрьму в качестве меры устрашения, что отнюдь не дает права говорить об их физическом уничтожении. С другой стороны, когда дело идет об ответственных политических деятелях, их подвергают значительно более серьезной каре в силу той опасности, какую они собой представляют; к тому же само собой разумеется, что в этот период уважение к человеческой жизни упало во всех отношениях (о чем, в частности, свидетельствуют нередкие расправы над женами, взрослыми детьми и родителями главных обвиняемых или существование настоящих массовых расправ).

Итак, можно считать, что в период 1935—1939 годов было умерщвлено примерно 400—500 тыс. человек, значительную долю которых составили коммунисты; однако были здесь и многочисленные уголовники (спекулянты и т.п.), расстрелянные в особенно тяжелые моменты в назидание другим.

И наконец, остаются люди, осужденные на исправитель-

ные работы в различных местах заключения, сильно отличавшихся друг от друга суровостью режима. Поскольку и здесь мы не располагаем советскими данными, я (А. Адлер. — *Сост.*) придерживаюсь самых умеренных цифр, учитывающих известную «градацию» мер пресечения, подтверждаемую многочисленными свидетельствами и недооцениваемую западными специалистами по вполне очевидным причинам. Таким образом, получается, что к концу периода, в 1953 году, в заключении содержалось примерно 7 млн человек (включая сюда уголовных преступников). Их статус очень различен — от людей, принудительно осваивающих необжитые районы Сибири, до людей, обреченных на постепенное истребление (например, на Колыме). Эта цифра 7 млн человек, возросшая по сравнению с 1939 годом, объясняется массовой депортацией национальных меньшинств (прибалтов, немцев, украинцев, крымских татар, некоторых кавказских народностей и калмыков), обвиненных в сотрудничестве с нацистской Германией. Как правило, эти категории населения были не приговорены к какому-то уголовному наказанию в собственном смысле слова, а осуждены на окончательное переселение из родных мест, что отнюдь не делает эту меру менее противозаконной. Равным образом, после освобождения страны бывшие военнопленные подвергались в большинстве своем бесчисленным проверкам и третиrowались как люди второго сорта, недостойные доверия; такая же участь постигла и население городов, оккупированных нацистами.

Поэтому трудно установить единую норму смертности для всех этих категорий (в частности, большое число уголовников, кажется, сумело выжить благодаря эксплуатации ими политических заключенных и назначению их на низшие административно-технические должности в лагерях). Кроме того, процент смертности менялся в зависимости от общей экономической ситуации, и в годы войны при почти полном истощении продовольственных ресурсов, которые шли на нужды фронта, очевидно, наблюдался соответствующий рост этого процента в национальных масштабах. Было бы, несомненно, чересчур смелым приводить здесь точные цифры — выводы нужно делать исходя из определенных данных: если считать, что до 1953 года в местах заключения содержалось в среднем 4 млн человек и что средняя норма «естественной» смертности достигала 8% в год (я вывожу эту цифру на основании соответствующих данных о смертности французских военнопленных в Германии, следовательно, скорее занижаю данные о

заключении в местах типа Колымы — Воркуты), то в итоге получится цифра (тоже — скорее заниженная) в 6 млн умерших. Таким образом, минимальное общее число советских людей, погибших в результате обеих волн репрессий 30-х годов, составит $6 + 4 = 10$ млн человек.

Безусловно, каждая человеческая жизнь одинаково ценна — и жизнь какого-нибудь кулака или подвизающегося на черном рынке спекулянта, и жизнь крестьянина-бедняка, равно как и поэта или генерала. И все же необходимо сказать, что эти кровавые расправы повлекли за собой для СССР еще более серьезные последствия, чем можно было бы судить по голым цифрам, если подумать о масштабах того опустошения, которое они произвели в высших руководящих кадрах, в рядах ученых, в военных кругах и среди деятелей культуры и Искусства.

Говоря так, я, само собой разумеется, не имею намерения правдивать «чистые» репрессии, которые обрушились бы только на анонимных крестьян и рабочих, единственное, чего я хочу, — это дать читателю представление о всей глубине ущерба, нанесенного интеллектуальной, научной, военной и экономической жизни страны.

Поэтому невозможно объяснить невероятную победу этого общества, захлебывавшегося в потоках крови своих лучших сыновей, над смертоносной гитлеровской машиной, не сказав не только о необычайной внутренней динамичности социализма, но и о героической жизнеспособности народов Советского Союза. За несколько лет вырастает новое поколение советских кадров, которое приходит на смену своим старшим товарищам и ведет СССР к одержанной им в 1945 году победе; чрезвычайно продуктивная военная промышленность позволяет вооруженным силам противостоять вражескому натиску, в немецких тылах возникает грандиозное, в значительной степени стихийное партизанское движение.

Для того чтобы составить себе правильное суждение о действительно необычной истории этой страны, необходимо полностью осмыслить противоречие между теми массовыми репрессиями, о которых было здесь рассказано, и массовой поддержкой, оказанной советским народом не столько Сталину, сколько обществу, глубоко эгалитарному по характеру и достаточно богатому успехами и обещаниями новых успехов, чтобы каждый его гражданин считал целесообразным защищать его ценой собственной жизни» (с. 55—58).

В июле 1991 года днепростроевец Эдуард Данилович

Ояперв прислал мне свою «Альтернативную записку в связи с реабилитацией Бухарина и др.». В авторском предисловии к ней говорилось:

«... Адамович и Поликарпов уже заявляли неоднократно в печати о том, что «Сталин» только с 1935 по 1940 год уничтожил 18 миллионов человек. Р. Медведев «уточнил», что за годы так называемого сталинизма репрессировано 38—40 миллионов, Антонов-Овсеенко довел эту цифру до 60 миллионов, кто-то из «демократов» — до 80 и даже до 104 миллионов.

Кто авторы этой клеветы? Детки и внучата бывших репрессированных (не свидетели, а именно родственники), которые в противовес общепринятым юридическим нормам сегодня «свидетельствуют» со всех амвонов средств массовой пропаганды. Откровенная злоба их против советского строя, то есть власти рабочих и крестьян, лишь подтвердила, что их родители и прародители действительно были врагами народа.

Когда-то министр пропаганды фашистской Германии Геббельс поучал: «Чем чудовищней ложь, тем более вероятно, что в нее поверят» или «Семь раз стоит повторить, что ты дурак, как появляется сомнение, что это не так».

Поэтому когда советские люди не очень верили в огромные цифры репрессий, вырыгиваемые нашей желтой прессой, планку их размеров стали поднимать и... цель достигнута — Сталин в умах многих и многих стал личностью демонической. Тут же расписывались в самых невероятных красках ужасы «сталинских застенков», постоянные страхи, которые сопровождали жизнь каждого советского гражданина и прочие усиливающие «аргументы».

Чем опровергаются приведенные выше данные?

1. Хотя бы тем, что не может быть, чтобы все они соответствовали истине. В лучшем случае только один из них может оказаться правым, остальные — соврали. Возникает вопрос — зачем?

2. Если даже поверить (на время) в поликарповские 18 миллионов, то и в этом случае вырисовывается явный абсурд или заведомая ложь — могла ли горстка «сталинских палачей» (выполняя и прочие обязанности в условиях тюремной или лагерной тишины) выбить столько же народа, сколько гитлеровская армия это сделала за такой же срок с 1941 по 1945 год, когда денно и нощно бомбила, стреляла из всех видов современного оружия, давила танками, расстреливала и вешала, истязала и оставляла миллионы наших граждан без еды, меди-

каментов и даже без воды? Осмеливаюсь предположить — сомнительно!

3. Вот некоторые цифры для размышления. До войны у нас было 194 миллиона жителей, из которых около 100 миллионов женщин, остальные — мужчины. Но из общего числа мужчин (94—95 миллионов) 32—35% составляли молодые люди до 18-летнего возраста и 12—15% — старше 60 лет, которые не воевали и их не сажали в тюрьмы или лагеря и тем более не расстреливали, а это в целом до 47%, или 44 миллиона человек.

Поэтому если от 94 миллионов мужчин вычесть 44 миллиона, указанных выше, 22 миллиона погибших в войну и 18 миллионов, «расстрелянных Сталиным», то остается только 10 миллионов мужчин, годных к воспроизводству населения. Но, учитывая его быстрый послевоенный рост, приходится лишь предположить, что Сталин «организовал искусственное оплодотворение имеющихся женщин». Абсурд? Да. Но ведь именно это подсовывают нам «прорабы перестройки».

4. Если даже предположить, что Сталин уничтожил лишь просто миллионы, как утверждают некоторые, более добросовестные историки, — а это, как минимум, 2 миллиона, — то и в этом случае следует считать, что каждый сотый был расстрелян (2 миллиона из округленно 200 проживающих в СССР перед войной). Тоже абсурд, но ведь оглашались и более тяжелые цифры репрессий.

Все это сказано лишь для того, чтобы все мы поверили в официальное сообщение «Аргументов и фактов», опубликованное в № 5 за 1990 год, из которого видно, что за период с 1921 по 1954 год (за 34 года. — *Сост.*) репрессировано по политическим мотивам 3 777 380 и приговорено к высшей мере наказания 642 980 человек.

Эти данные умышленно скрывались от общественности аж до сего года (1990. — *Сост.*), когда подавляющая масса наших людей оказалась уже под влиянием дезинформации и откровенной лжи.

(Для сведения — в прошлом году (1989. — *Сост.*) в США в тюрьмах находилось 940 тысяч заключенных, а у нас (на пике «перестройки»! — *Сост.*) — до 1,5—2 миллионов).

К тому же в те далекие годы (1930-е. — *Сост.*) наш юридический корпус имел 2—4—6 классов образования, что затрудняло грамотное расследование и судебное рассмотрение. А получить более грамотные кадры тогда у нас неоткуда было, и

вероятность ошибок была большой. И связано было не с именем Сталина!

Жуткая диалектика 30-х годов состоит в том, что в событиях того периода переплелись гуманно-патриотическая целесообразность и чудовищные преступления. «Сталин чувствовал приближение войны, — признает его ретивый очернитель, классик «терситизма» Д. Волкогонов. — Он не мог избавиться от ощущения, что смотрит на внешний мир глазами Троцкого. «Вождь»... боялся признаться в этом самому себе. Стоило ему прочесть что-либо, написанное Троцким, как он чувствовал, что тот «каркает беду» не зря. Вот в... «Преданной революции» Троцкий пишет: «Можем ли мы ожидать, что Советский Союз выйдет из приближающейся великой войны без поражения? На этот откровенно поставленный вопрос мы ответим так же откровенно: если война останется только войной, поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном смысле империализм несравненно сильнее...» Это звучало как приговор не только социализму, но и ему, Сталину. Но недаром он сталинской: так просто не уступит. Уже сейчас, до войны, нужно убрать всех потенциальных пособников фашизму! Ведь если Гитлер придет с мечом, то посадит здесь кого-нибудь из «недобитков», размышлял Сталин. Мы будем готовиться к будущей войне, а возможную «пятую колонну» уберем сейчас. У Гитлера не будет здесь опоры... Такой ход мыслей Сталина возможен. Тем более что Молотов, по свидетельству Ф. Чуева, незадолго до своей смерти подтвердил, что накануне войны Сталин проводил курс на максимальное ослабление социальной базы возможных квислингов и лавалей» (Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И. Сталина. В 2-х книгах. Книга 1, часть 2. М., 1989. С. 219). Вспоминая собственную беседу с Молотовым в декабре 1977 года, я могу это только подтвердить.

При всем своем антисталинском и антисоветском усердии, при довольно умелой тенденциозной обработке соответствующего материала (чувствуется опытная рука автора доперестроечной монографии «Психологическая война». М., 1983) Д. Волкогонов не мог повторить пример тех, кого разоблачил Э. Ояперв. Так, согласно приводимой им справке председателя Военной коллегии Верховного суда СССР В. Ульриха, ставший жупелом «37-й» выглядит следующим образом. За время с 1 октября 1936 по 30 сентября 1938 года, то есть в течение двух лет, этой коллегией и выездными сес-

сиями было осуждено к расстрелу 30 314 человек и к тюремному заключению — 5643. Разумеется, это еще не все. Д. Волкогонов ссылается также на работу обычных судов (см. там же. С. 246). Но ошеломительные мифические миллионы из приводимых данных не складываются.

Впрочем, указанные места — очень редкий пример хоть какой-то «объективности» генерала-профессора-палача (Д. Волкогонов принял деятельное участие в разработке карательной акции, вылившейся в расстрел танковыми орудиями Дома Советов 4 октября 1993 года). В своем обширном труде о Сталине он касается мер по пресечению террора лишь вскользь. «При всей непреклонности в достижении поставленных целей, — пишет генерал, — Сталин иногда проявлял колебания, когда до него вдруг «доходил» масштаб репрессий. Именно этим можно объяснить обсуждение на январском (1938 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) вопроса об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии. Этот вопрос был поднят по инициативе «вождя». Слушая доклад Маленкова, выступления Багирова, Постышева, Косиора, Игнатьева, Зимины, Кагановича, Угарова, Косарева, Сталин не мог не поражаться размаху репрессий, беззакония и настоящего погрома кадров» (там же. С. 247—248). И все. Никакого объяснения причин и мотивов схлестнувшихся тенденций, кроме злой воли тирана, у Д. Волкогонова, по сути, нет.

15. Вред нашему общему делу. Письмо в Детиздат 16 февраля 1938 года. Заголовок составителя.

Документ недвусмысленно выражает отрицательное отношение Сталина к культу личностей и показывает, что его «критики» не выдумали ничего нового. Свои антисталинские аргументы они заимствовали у Сталина.

16. «Дела» против невинных людей. Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия. Постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б). Ноябрь 1938 года. Заголовок составителя.

Документ публикуется впервые. Он проливает свет на закулисную сторону, «кухню» репрессивного процесса, показывает сложное переплетение мотивов и интересов.

Хрестоматийно известно три формы классовой борьбы — экономическая, политическая и идеологическая. Но уже меньше людей перечислит пять новых форм классовой борьбы пролетариата при его диктатуре: 1) подавление сопротивления эксплуататоров; 2) гражданская война; 3) «нейтрализация» мелкой буржуазии; 4) «использование» буржуазии;

5) воспитание новой дисциплины (см.: Ленин В. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 262—264). Эти формы зафиксированы Лениным в 1919 году, причем последующее советское развитие сопровождалось появлением новых. К сожалению, ни политики, ни обществоведы не сделали соответствующих обобщений.

Так, уже драматические коллизии 1936—1938 годов явили такие реальности, которые не укладываются в рубрики прежних представлений, и только знаменитый горбачевский «процесс» раскрыл многим глаза. Сработал знаменитый афоризм Маркса: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 12. С. 731). Этот афоризм означает, что по данному реальному организму можно с большим или меньшим приближением произвести реконструкцию прошлых ступеней его развития, но вот сконструировать будущую ступень — весьма непросто. Из второй половины 30-х годов было рискованно прогнозировать на 50 лет вперед. Однако из 80-х много легче понять творившееся в 30-х.

О чем идет речь?

Несомненным фактом политической жизни нашей страны десятилетие назад явилось энергичное проникновение ревизионистских, прозападных, антикоммунистических элементов в мозговые структуры, прежде всего в ЦК КПСС и Академию наук СССР. При этом заболевании, которым оказались зараженными сами «врачи», советская система не могла не рухнуть. Это и была новейшая, самая эффективная форма классовой борьбы капитала против труда. Но у этой формы есть предшественница. Я имею в виду проникновение в правоохранительные органы (ЧК-ОГПУ-НКВД) 20—30-х годов прямых врагов Советской власти, дискредитировавших ее своей грязной «работой» и мстивших честным коммунистам именем их высших авторитетов. Распространение этой формы классовой борьбы повсеместно многое объясняет в ходе массовых репрессий. Оно же торит каналы для другой, упомянутой ранее формы, призванной, по замыслу реакции, свести на нет революционный процесс.

Показательно в этой связи признание Н. Хрущева:

«Используя установку Сталина о том, что, чем ближе к социализму, тем больше будет и врагов (мы теперь знаем, что это чистая фальсификация. — *Сост.*), используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, про-

вокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз» (Свет и тени... С. 64—65). Кем был он сам — «provokatorom» или же «бессовестным карьеристом», Н. Хрущев не сказал. Я ставлю этот не деликатный вопрос потому, что время кое-что сохранило потомкам. Вот записка Н. Хрущева из Киева, относящаяся к описываемому периоду: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Украина ежемесячно посылает 17—18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более 2—3 тысяч. Прошу Вас принять срочные меры. Любящий Вас Н. Хрущев» (Воля. 1993. № 11 Искра. 1993. № 4. С. 6). Кому не ясно, что Сталин пал жертвой «любви» и «объективности» «нашего Никиты Сергеевича», который, будучи фигурой много мельче, старался выгородить себя?..

17. Перехваливать наш строй не стоит. Беседа об учебнике «Политическая экономия» 29 января 1941 года (запись). Заголовков составителя.

Один из «самиздатовских» шедевров начала 50-х годов, ходивший в машинописных вариантах по рукам, в том числе в университетских общежитиях.

Документ интересен тем, что характеризует состояние и уровень марксистско-ленинской теоретической мысли рубежа 30—40-х годов. В нем рассматривается ряд вопросов, и многие актуальных для науки и практики.

1. Определение политической экономии. Сталин в отличие от авторов учебника предлагает сформулировать его по Марксу, Энгельсу, Ленину. «...Политическая экономия, — говорит он, — есть наука о развитии общественно-производственных, т.е. экономических, отношений людей. Она выясняет законы, управляющие производством и распределением необходимых предметов как личного, так и производственного потребления... В политической экономии идет речь о формах собственности, об отношениях собственности, ибо в производственно-экономические отношения входят прежде всего отношения собственности». По сути, тот же подход, только с некоторой детализацией. Сталин воспроизведет через 11 лет в «Экономических проблемах социализма в СССР» (см.: Об ошибках т. Ярошенко Л. Д.).

Сталинское определение политической экономии имело долгую жизнь и хорошо работало в ходе социалистических, народно-демократических и национально-освободительных революций 40—70-х годов. Однако по мере развертывания научно-технической революции в послевоенный период оно стало давать сбои. Проявила себя закономерность, схваченная еще в Марксовой концепции формального и реального *подчинения труда капиталу* и в продолжающей ее ленинской концепции формального и реального («на деле») *обобществления* труда и производства. В конце концов стало очевидным, что фактор общественной собственности не может быть единственным и всерешающим при переходе от капитализма к социализму и что упрочение последнего требует приобретения или же наращивания совершенно определенных общественно-коллективистских свойств не одной только собственностью, но и ее технико-технологическим и организационно-техническим базисом. Задержка с решением этой задачи чревата возвращением досоциалистических порядков.

Видимо, было бы несправедливо делать ответственным за эту недоработку одного Сталина — в стране трудился большой отряд обществоведов, до сих пор блуждающих в трех снах, — но доля его вины, и немалая, тут имеется. Он был начитанным, самостоятельно мыслящим марксистом и должен был учесть хотя бы то, что писал о производственных отношениях Энгельс.

«Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющим базисом истории общества, — указывается в письме В. Воргиусу 25 января 1874 года, — мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит вся *техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена, затем способ распределения продуктов и тем самым после разложения родового строя также и разделение на классы, отношения господства и подчинения, государство, политику, право и т.д. В понятие экономических отношений включается далее и *географическая* основа, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие из прошлого остатки прежних ступеней экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря *vis inertia* (силе инерции. — *Сост.*), а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей степени наука зависит от состояния и потребностей техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торричелли и т.д.) была вызвана к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы науки сваливаются с неба» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 174).

Существенное несовпадение между этим и сталинским пониманием экономических отношений совершенно очевидно. Создается впечатление, что перед нами воззрения двух разных научных школ. Это очень занимало еще студентов 50-х годов, в ответ на вопросы которых профессора только разводили руками.

Главное различие этих подходов состоит во включении или же невключении в экономические отношения техники производства и транспорта, в выдвижении на первый план либо техники, либо собственности. Однако непримиримого противостояния между Энгельсом и Сталиным в этом вопросе нет. Стоит ввести в рассмотрение производственных отношений пространственно-временные параметры, как мы убедимся, что Энгельс прав с точки зрения общеисторического процесса, Сталин выражает истину своей эпохи, и все искусство обществоведа-диалектика и политика состоит в том, чтобы с надлежащим чувством меры совместить оба эти угла зрения. Несколько упрощая мысль, скажем так: надо знать, когда технику производства делают экономические отношения, и надо знать, когда экономические отношения делает техника производства. Возможно, Сталин не вытягивал эту проблему теоретически, но обладал незаурядной интуицией. Все его преемники (за исключением, может быть, Ю. Андропова) не имели ни теоретических знаний, ни интуиции.

2. Закон стоимости при социализме. Сталин высказывается за его признание, спорит с экономистами. Проявлениями этого закона в советском хозяйстве он считает оплату по труду разной квалификации, наличие таких категорий, как цена, себестоимость. «Вот когда мы станем распределять по потребностям, а не по труду, тогда будет преодолен закон стоимости. Сейчас же мы еще вертимся, находимся в пределах закона

стоимости. Мы хотим выйти из этого закона, преодолеть его, но еще не вышли, не преодолели».

В качестве примера Сталин приводит наличие двух цен и двух рынков, «нашего» и «ненашего», между которыми идет борьба, выходящая из-под контроля государства.

По пути здесь высказывается распределенческая концепция закона стоимости, без учета его глубинной связи с состоянием производительных сил. Сталин обходит тот факт, что стоимость как мера расходования общественно необходимого рабочего времени на изготовление данного продукта, за пределы которой общество может выйти только с риском разориться (независимо от ее конкретно-исторической модификации), присуща производству всегда. В этом смысле ни о каком «выходе» за пределы закона стоимости, его «преодолении» не может быть и речи. Другое дело — товарно-капиталистическая форма этого закона, которую должна была шаг за шагом сбрасывать социалистическая экономика.

Говоря о преходящем характере закона стоимости в указанной форме, Сталин должен был отметить сохраняющиеся пока основания его существования. Это а) многоукладность технико-технологического базиса производства, невыровненность его оснащённости современными средствами труда, технологического уровня различных его отраслей, звеньев и участков; это б) собственническая многоукладность экономики, с необходимостью предопределяющая экономическое противопоставление друг другу монопольных хозяев различных материальных и духовных благ, а значит, и обмен продуктами в товарно-денежной форме. Преодоление этих факторов, а не появляющееся неизвестно откуда распределение по потребностям, которое само зависит от данных предпосылок, и даст искомый результат. Общество отнюдь не перестанет считаться с затратами, с тем, что надо производить не меньше, чем потреблять (и в этом смысле сохраняется закон стоимости), — оно ликвидирует возможность присваивать незаработанное, паразитарно наживаться на формах собственности и обмена.

Оставляя пока в стороне теоретические сюжеты, надо пару слов сказать о практике. В довоенное время партийные и советские органы чутко реагировали на разницу цен на «нашем» и «ненашем» рынке. Помню с детства: мой отец, работавший в системе потребительской кооперации, не раз рассказывал о завозе в ее ларьки и магазины дешевых ходовых, пользующихся повседневным спросом товаров, будь то поми-

дору или ягоды, караси или мед, маринованные огурцы или моченые яблоки, обувь или мануфактура. Предметом его гордости служило вызываемое тем самым снижение базарных цен, а значит, и выигрыш для малоимущего большинства покупателей-трудящихся. Это была в целом правильная политика, отказ от которой способствовал отрыву КПСС от трудящихся масс.

3. Плановое хозяйство. Сталин говорит о невозможности при капитализме планировать производство «во всенародном масштабе, потому что хозяйства там разъединены». В то же время он признает, что «там возможно планирование, иногда и очень неплохое, хорошее планирование внутри отдельных предприятий, трестов, картелей, синдикатов и т.д.».

Что касается Страны Советов, то «у нас плановое хозяйство — такая же неизбежность, как потребление людьми хлеба. Вытекает это из того, что все предприятия у нас объединены государством».

«Хорошо бы определить задачи планирующего центра», — подчеркивает Сталин. Первой, самой общей среди них он считает необходимость «обеспечить самостоятельность народного хозяйства страны. ...Надо все иметь в своих руках, не стать придатком капиталистического хозяйства». Есть отчего сердиться на Сталина господам капиталистам!

Вторая задача, по Сталину, — «это строить развитие промышленности, хозяйства в интересах победы социализма, строительства социализма. Задача планирования — закрыть все клапаны для возникновения капитализма». Ради такой направленности, с его точки зрения, можно иногда жертвовать принципом рентабельности предприятий. Именно эта задача, задача предотвращения капиталистических тенденций и воспроизводства социалистических производственных отношений не решалась нашим планированием много лет.

«Третья задача планирующего центра, по Сталину, — не допустить диспропорции в народном хозяйстве».

К сожалению, в беседе прямо не сказано об ориентации социалистического производства на общественные и личные потребности в их реалистическом сопряжении с производственными возможностями и ресурсами общества. Эта проблема так и не была с должной серьезностью поставлена за весь советский период истории, что и позволило ее прикрыть рыночной, по сути, капитализаторской демагогией. Между тем еще молодой Энгельс, ссылавшийся на авторитет старых английских социалистов, а также Фурье выдвигал и решение, ко-

торое должен принять каждый коммунист. Размышляя о причинах торговых кризисов, периодически поражающих буржуазное общество, он отмечал: «Если бы производители как таковые знали, сколько нужно потребителям, если бы они организовали производство, распределили его между собой, то колебания конкуренции и ее тяготение к кризису были бы невозможны. Начните производить сознательно, как люди, а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности, и вы избавитесь от всех этих искусственных и несостоятельных противоположностей... Истина конкуренции, — резюмировал Энгельс, — состоит в отношении потребительной силы к производительной силе. В строе, достойном человечества, не будет конкуренции, кроме этой. Общество должно будет рассчитать, что можно произвести при помощи находящихся в его распоряжении средств и сообразно с отношением этой производительной силы к массе потребителей определить, насколько следует повысить или сократить производство, насколько следует допустить или ограничить роскошь» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 561—562).

«Демократы» привыкли пугать обывателя бюрократической тенью Госплана, «военным коммунизмом» и прочими «буками», совершенно не вникая в конкретно-историческое происхождение и содержание этих институтов и явлений и преследуя единственную цель — вызвать психологическое отторжение всего, что связано с социалистическим строем. С особым наслаждением они потешаются над планированием из центра всего «до последнего гвоздя», которое сами выдумали и которого никогда не было. Тем самым отбрасывается то рациональное и необходимое, что связано с научным регулированием хозяйственной жизни всего общества. Его уверенное, стабильное функционирование и развитие ныне вообще невозможно без того, что, например, А. Сергеев называет стратегическим эшелонem планирования. Речь идет не о мелочной опеке, не о вписывании в единый народно-хозяйственный план десятков миллионов узлов и деталей, а об укрупненном дирижерском контроле тех блоков экономики, от которых зависит благосостояние народа в целом. Их, по нашему представлению, семь:

- отрасли, обеспечивающие научно-технический прогресс во всем народном хозяйстве;
- топливно-энергетический комплекс;
- добывающая индустрия;
- сельское хозяйство;

- транспорт и связь;
- оборонная промышленность;
- торгово-сервисная инфраструктура, обеспечивающая снабжение населения всеми необходимыми товарами и услугами.

Ими и должен заниматься «планирующий центр», если взглянуть на задачу, поставленную Сталиным в начале 40-х годов, с позиций 90-х.

4. Дифференцированная оплата труда при социализме. «Здесь Энгельс запутал наших людей», — так начинается в записи пассаж, посвященный этой теме. В той записи, которую я читал в начале 50-х годов и которую не сумел потом найти, говорилось еще категоричнее (цитирую по памяти): «Энгельс ни черта не понимал в производстве, сам запутался и нас запутал». Это заявление Сталина, который, по слухам, «не жаловал» Энгельса, в адрес последнего, практика-фабриканта, звучит странно, хотя, с другой стороны, некоторое основание для него все же есть.

Разумеется, Энгельс не был сторонником грубо-уравнительного распределения при новом строе. В «Анти-Дюринге» он показывает несостоятельность утверждения объекта своей критики о том, что «всякое рабочее время, без исключения и принципиально, — следовательно, без необходимости выводить сначала какую-либо среднюю, — совершенно равноценно». Энгельс отлично понимает различие между простым и сложным, квалифицированным и неквалифицированным трудом, но все же дает повод для упрека. «Как же в целом разрешается важный вопрос о более высокой оплате сложного труда? — читаем в главе VI. — В обществе частных производителей расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам и достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы: искусный раб продается по более высокой цене, искусный наемный рабочий получает более высокую заработную плату. В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т.е. большие стоимости, созданные сложным трудом. Сам работник — вот что вызвало замечание Сталина, — не вправе претендовать на добавочную оплату. Из этого, между прочим, следует еще тот практический вывод, что излюбленный лозунг о праве рабочего на «полный трудовой доход» тоже иной раз не так уж неуязвим» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 207).

В защиту Энгельса можно сказать, что он понимает вопрос тоньше, чем Сталин. Его осторожная формулировка «не вправе претендовать» отнюдь не означает отказа. Тем самым фиксируется, скорее, морально-юридическая, чем экономическая сторона дела. Но прав и Сталин. Как практик он должен быть уверен, что при социализме все — и квалифицированные и неквалифицированные люди — еще долго не должны «получать по-среднему». Энгельс смотрит далеко вперед, не задерживаясь на промежуточных ступенях, Сталин так поступить не может.

18. К вам обращаюсь я, друзья мои! Выступление по радио 3 июля 1941 года. Заголовок составителя.

Первый выход к народу на 14-й день Великой Отечественной войны.

Гигантская литература, посвященная этому периоду, изобилует домыслами о якобы испытанном Сталиным шоке, о его прострации и даже панике после 22 июня. Однако на Сталина это не похоже, а содержание речи свидетельствует, что с начала боевых действий он был всецело поглощен огромной, многоплановой организаторской работой. Во всяком случае, подобные документы без деловой проработки конкретных вопросов лишь по наитию не рождаются.

О том, что Сталин, вопреки всевозможным спекуляциям на сей счет, был внутренне подготовлен к самому драматическому повороту событий, свидетельствует как обилие донесений о подготовке Гитлером удара по Советскому Союзу (см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 198—223), так и следующий эпизод. «5 мая на совещании в Кремле один бравый командир заявил, что наш бронепоезд стоит на запасном пути. Сталин тотчас охладил его:

— Какая чушь! Какой запасный путь, когда враг стоит у границ Советского Союза!» (Рыбин А. Рядом со Сталиным. Записки телохранителя. М., 1992. С. 21).

Как известно, в первый день войны по радио выступил Молотов. *Где Сталин, что с ним, чем занят?* — эти вопросы не переставали занимать всех простых людей даже в дальней «глубинке».

Сталин не стремился прослыть искусным оратором. Он редко прибегал к красоте стиля, но «брал» слушателя неопровержимой логикой, ясностью и краткостью суждений, прямым включением сказанного в практику.

Речь Сталина 3 июля запала в сознание и память современников не только потому, что была первой в тот страшный

период, когда Красная Армия терпела поражения, а враг наступал, но и потому, что взяла за душу каждого. «Выходит, не бросил нас, смирил гордыню, стал с народом вровень... Братья и сестры! Надо же такое сказать!..» — это были типичные рассуждения в рабоче-крестьянской среде. Два обычных слова, родных и теплых, соединенных нехитрым союзом «и» и произнесенных вовремя, произвели, без преувеличения, эффект *молнии, поразившей сердца*. Они положили начало тому общерусскому, общесоветскому, всенациональному единению, без которого не было бы победы. Они заставили забыть былые, еще недавние обиды многих раскулаченных и репрессированных, бывших монархистов и белогвардейцев, дворян и буржуа, так или иначе ушибленных революцией. Я уже не говорю о «красной» части советского общества, составлявшей абсолютное большинство. Если в 1931 году применительно к гражданской войне Сталин оценивался обиженным на Ленина Г. Соломоном как «неумный, но напористый и лично, по отзывам всех знающих его, до самозабвения решительный и отважный человек» (Вблизи вождя: свет и тени. Ленин и его семья. М., 1991. С. 5), то Вторая мировая война раскрыла его своеобразный, лишенный желаний нравиться, емкий и мужественный интеллект. Г. Соломон, видимо, так и не смог понять, что именно подобный интеллект, обширный и сдержанный, и нужен нашей громадной стране.

При всей своей внешней простоте речь 3 июля очень богата содержанием. Ее темы:

- положение на фронте;
- опровержение мифа о непобедимости немецко-фашистских войск;
- показ причин наших поражений;
- объяснение целесообразности пакта о ненападении с Германией, заключенного в 1939 году, для нас и невыгодности его нарушения для противника;
- требования к гражданам, диктуемые военной обстановкой;
- идеология Отечественной освободительной войны: «Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины... Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинить интересам фронта и задачам организации разгрома врага»;

- прямые инструкции по направлениям работы;
- раскрытие международного значения нашей теперешней борьбы и грядущей победы;
- утверждение о том, что мы не одиноки, ссылаясь на наших потенциальных союзников;
- сообщение о создании Государственного Комитета Обороны, «в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве».

Только в одном оратор допустил, как казалось, промах. Он заявил о призыве ГКО ко всему народу «сплотиться вокруг партии Ленина—Сталина...» Это место речи особенно горячо обсуждалось и оспаривалось. Конечно, без ведущей роли Коммунистической партии не мыслилась оборона страны, а формула «партия Ленина—Сталина» считалась каноном предвоенной официальной пропаганды. Не это смущало людей, а то, что в столь ответственный момент ее вдруг произнес сам Сталин. Насколько помнится, ни до, ни после того он ничего подобного себе не позволял. Сталин был не из тех руководителей, которым нечто может вписать какой-нибудь «ответственный» (на деле полу- или безответственный) консультант. Поэтому появление этих слов в его обращении к народу не случайность. С психологической точки зрения оно не от желания возвыситься над другими, примазавшись к святому имени, а от внутреннего ощущения недостаточности только своего личного авторитета и, может быть, чувства одиночества, не от бездумной силы, а от осмысленной самокритики. Она посещает и кажущихся сильными, которым, однако, нужна дополнительная внутренняя и внешняя опора.

19. На вас смотрит весь мир. Речь на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года. Заголовок составителя.

Самый тяжелый момент войны, когда наряду с никогда не умиравшей уверенностью в победе высшей точки достигло безверие, казалось бы, оправданное и с оперативно-тактической, и с морально-психологической точек зрения. Сталин на трибуне ленинского Мавзолея в это ветреное заснеженное утро на слуху у миллионов (фильм с его речью пройдет по экранам позднее) переламинает этот зыбкий баланс. Он кует уверенность и изгоняет сомнение.

Мне рассказали легенду, а, возможно, и быль, что съемка и запись сталинской речи в то утро не получились по техническим причинам. И Сталин произнес эту речь во второй раз перед оцепленной пустой Красной площадью. Такое значение он придавал идейно-нравственному фактору в борьбе.

Начало этой речи напоминает начало предыдущей: констатация все еще трудного для нас положения на фронте и вместе с тем скромная похвала стойкости наших войск.

Однако бывало и хуже, говорит Сталин, и напоминает 1918 год, когда три четверти страны оказались в руках интервентов. На первый взгляд это неубедительная аналогия, но она играет здесь всего лишь вспомогательную роль. Сталин показывает нашу возросшую мощь и выводит свою основную идею: «Дух великого Ленина вдохновляет нас теперь на Отечественную войну так же, как и 23 года назад».

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентки. Не так страшен черт, как его малюют».

Сталин указывает на предкатастрофическое положение в стане противника. Его прогноз: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений».

Мне было тогда 11 лет, и я хорошо помню размышления окружающих по поводу сроков, как казалось, окончания войны. Так сколько же понадобится времени и жертв, почему такая тягостная неопределенность? И зачем тут этот уменьшительно-извинительный «годик»? А война длится, унося каждый день десятки тысяч жизней, и ей не видно конца. Особенно неверным и обидным представился этот прогноз летом 1942 года, когда «немец пер» на восток, окружая и перемалывая массы советских войск, уже поглотив Украину, хватая Россию за ее горло — Волгу и карабкаясь на Эльбрус. 12 августа 1942 года и я, 12-летний, с матерью и бабушкой оказался в немецкой оккупации. Нас освободили в ночь на Новый, 1943 год, и только потом, после завершения Сталинградской эпопеи, мы поняли, насколько Сталин был прав. Всего «годик» разделял 7 ноября 1941 и 19 ноября 1942 года — великий поворотный день артиллерийской подготовки перед знаменитым наступлением на Донском фронте, наступлением, которое, в сущности, не кончалось до самого Берлина.

Сталин в предельно лаконичной форме сочетает патристический мотив с интернационалистским. «Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, — говорит он бойцам, уходящим на подмосковные позиции. — Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. — И заключительный аккорд, вобравший в себя всю духоподъемную мощь побе-

ды: — Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

К памяти о Ленине в этой речи Сталин припадает в третий раз.

И финал:

«Под знаменем Ленина, вперед к победе!»

20. Ни шагу назад! Приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 227 23 июля 1942 года. Заголовок составителя.

Сталин жестко высказывает отступающей армии все, что он о ней думает, высказывает всем — равно и без изъятия, — бойцам и генералам, комиссарам и командирам. Он не превышает своей власти, обращаясь к армии по мандату доверия страдающего народа. «Население страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, — с горечью отмечает Сталин, — начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинали Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток».

Сталин доносит до сознания каждого воина беспощадную правду о наших гигантских потерях в людях, хлебе, металле и топливе. Неумным индивидам, которые «утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток», он указывает на резкое сокращение и ограниченность наших ресурсов, на ту элементарную и вместе с тем полную гуманистического смысла истину, что «территория Советского Союза — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети... У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба, — указывает Верховный Главнокомандующий. — Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину».

И вывод: «... Пора кончать отступление».

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

На первый взгляд может показаться, что это вопль отчаяния, на который бегущая, деморализованная армия уже не обратит внимания. Поди — останови!.. В действительности за приказом № 227 как огромная стратегическая, военно-политическая интуиция, так и строгий, почти математический, расчет. Если 7 ноября 1941 года Сталин заявил, «что мы мо-

жем и должны победить немецких захватчиков», то теперь наступает момент осуществления этой возможности и выполнения этого долга. Урочный «годик» кончается. Сталин знает, что отлаженная по-военному промышленность не только снабжает Красную Армию всем необходимым, но и уже обеспечивает ей перевес по всем видам вооружений и боевой техники (пока что кроме авиации). Он знает также положение в стане и в тылу противника. Материальная база успеха в основном создана. Она вот-вот сулит отдачу. И центр тяжести переносится на субъективный фактор. Главковерх ухватывается за основное звено в цепи событий, устраивает армии встряску, приводя ее в чувство.

«Наша Родина переживает тяжелые дни, — гласит приказ. — Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу».

Сталин берет быка за рога: чего нам не хватает? И бьет не в бровь, а в глаз: не хватает порядка и дисциплины в подразделениях, частях, соединениях.

Основное внимание Сталин уделяет повышению требовательности к командному составу всех степеней, суровому спросу с тех, кому доверена судьба рядовых бойцов. «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции, — говорится в приказе. — Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу».

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины».

Приказ № 227, несмотря на то, что в 1942 году его знала вся армия, долго не был известен широкой общественности. Он опубликован только в начале 90-х годов и вызвал немало

самых разноречивых, подчас взаимоисключающих откликов. «Документ сыграл свою роль в укреплении морального духа и воинской дисциплины, — признает академик А. Самсонов. — Может быть, его категоричный и жесткий тон был и необходим». В то же время историк не удержался от упреков и даже поучений. «...Особая суровость приказа № 227 состояла в том, что он исключал возможность учета конкретных ситуаций, в том числе когда войска попадали в безвыходное положение, и только отход мог их спасти. Ведь суть этого грозного документа такова: любое отступление без особого распоряжения вышестоящего командования категорически запрещалось. За невыполнение — расстрел. Хотя в маневренной войне сдача позиций, как известно, может быть тактическим ходом» (За Родину, за Сталина! 1991. № 2. С. 2).

При всем уважении к А. Самсонову, фронтовику и ученому, я, однако, не думаю, что Сталин хуже его понимал или же вообще игнорировал диалектику маневренной войны. Приказ отдавался им в определенный конкретно-исторический момент, учитывал неповторимое состояние войск середины лета 1942 года и преследовал совершенно определенную, стратегически поворотную цель. Это, если угодно, был акт «шоковой терапии», обоснованный и оправданный как уже накопленным более чем годовым опытом боевых операций, так и последующим ходом событий на советско-германском фронте.

С особым рвением смаковали этот «драконовский» документ «демократы», придиравшиеся к двум положениям. Во-первых, приказ объявлял командиров и политработников, самочинно отводящих войска с занимаемых позиций, «предателями Родины». Во-вторых, в нем предлагалось учесть (о ужас!) опыт противника, «поучиться... у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов, и одержали потом над ними победу», — сформировать штрафные батальоны для «провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» и заградительные отряды «в непосредственном тылу неустойчивых дивизий» для наказания на месте трусов и паникеров.

Я понимаю чувства многих людей. Давно отошедшие от фронтовой обстановки или же вообще не нюхавшие пороха, они часто с неприязнью и нервным ознобом воспринимают подобные реальности войны. Но никто не способен ответить на вопрос, а могло ли быть иначе, или, вернее, возможен ли был без этих «невежливых» мер Сталинград. Можно произнести много осуждающих и душещипательных речей, выказать

свой демократизм и альтруизм, но все это будут, так сказать, «излияния мимо»... Не следует забывать специфику жанра. В руках у нас не исторический трактат, а боевой приказ, не остывшая головешка, а пылающий факел.

Вспомним монолог Пимена из «Бориса Годунова»:

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходит до меня,
А прочее погибло невозвратно...

Не пытаемся ли мы, тщась выглядеть умнее своих предшественников, охватить сетью, сотканной в безопасной тине застоя и «перестройки», живой огненный океан Отечественной войны?

И вот еще о чем хотелось бы сказать. «Перестроечная» демагогия, направленная на очернение советской действительности, внушала нам, что после Октября вообще не было гласности. Прямое опровержение тому — приказ № 227. Он кончается словами: «Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах». Приказ доводил неприкрытую правду о положении дел в армии и на фронте до каждого рядового бойца, посвящал его в «тайная тайных» Верховного Главнокомандования, не щадил военачальников — больших, средних и малых, сбивал всех воюющих в единый коллектив, способный сообща решить любую боевую задачу.

21. Советская способность к сопротивлению. Ответы на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс. Заголовок составителя.

Очень характерный для Сталина документ. Примечательна краткость ответа на первый вопрос, более чем скромная оценка помощи союзников — в ответе на второй и «изюминка» интервью — в ответе на третий.

С тем, в общем-то незавидным положением, которое создалось для нас в результате беспрецедентного наступления немецко-фашистских войск летом 1942 года, очевидно контрастирует заявление о «советской способности к сопротивлению немецким разбойникам...» Кто знал и чувствовал Сталина, тот, конечно, догадывался, что за этим что-то есть — новые планы, накапливаемые резервы и др., в то время как

внешне такой уверенный ответ мог восприниматься как всего лишь пропагандистская бравада.

Однако смысл ответа не может пониматься столь плоско. Ответ, так сказать, «глубоко эшелонирован», и дело тут вот в чем. Во-первых, в нем угадывается скрытно наращенная советская мощь, которая вскоре себя проявит. Во-вторых, Сталин говорит не только о противостоянии прямому противнику — фашистской Германии, но и о потенциальных притязаниях, после того как с фашистской Германией будет покончено, «какой-либо другой агрессивной державы обеспечить себе мировое господство». Еще осенью 1942 года Сталин намекает на резко отрицательное отношение Советского Союза к расчетам на установление диктата США над миром после войны и на нашу готовность воспрепятствовать их осуществлению, как и гитлеровской агрессии.

22. Поворот к победе. Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского и Ленинградского фронтов 25 января 1943 года. Заголовок составителя.

Для меня этот приказ особенно дорог тем, что в нем упоминается об освобождении города Элиста, где довелось 4 месяца 19 дней (12.08.42—01.01.43) пробыть в немецкой оккупации, в полном неведении о положении дел на фронте.

Если в августе-сентябре 1942 года рядовые немецкие солдаты еще бодро уверяли местное население в том, что германской армией взяты Сталинград, Астрахань, а также чуть ли не Баку и Москва, то к ноябрю в их разговорах все чаще стали звучать упадочно-ностальгические ноты. Приближалась зима, а немецкая армия оставалась в летнем обмундировании, быстро вшивела и опускалась. От рядовых же немцев стало известно о начале наступления Красной Армии, точнее — об ударе, нанесенном нашими в ноябре в районе Халхутты. Достоверно мы обо всем узнали только из листовок (на немецком языке), которые сбрасывал над Элистой советский У-2.

До сих пор храню одну из этих листовок, полученную из рук Анны Федотовны Сауро, верного друга нашей семьи, человека романтической судьбы (ее, 16-летнюю цыганку, увез из табора красный конник, и она прошла с ним всю гражданскую), жены и матери двух павших воинов, добрейшей, святой женщины...

Ниже следует перевод:

«Читать и хранить!

Солдаты и офицеры 16-й немецкой моторизованной дивизии!

Читайте правду!

Немецкая армия терпит поражения на всех фронтах. Генерал Роммель разгромлен, остатки его армии обращены в паническое бегство. Войска 8-й английской армии уже взяли Тобрук, Бардию и Бенгази. В Северной Африке американские войска заняли Оран, Алжир, Касабланку, Бон и ряд других городов и портов Средиземноморья.

На Восточном фронте Красная Армия перешла в наступление. В районе Нальчика немецкие войска потеряли в последние дни более 5000 убитыми и еще больше ранеными и пленными. Красная Армия захватила много военных трофеев.

В ходе успешного *наступления Красной Армии в районе Сталинграда* полностью уничтожены 6 немецких пехотных и одна танковая дивизии. Большие потери понесли 7 пехотных, 2 танковых и 2 моторизованных дивизии.

Юго-западнее Клетской взято в плен 3 окруженных немецких дивизии с 3 генералами и их штабами.

С 19 по 25 ноября *немцы потеряли 35 000 только убитыми. Наши войска взяли в плен 51 000 солдат и офицеров.* В это же время мы захватили следующие трофеи: 1300 орудий различного калибра, 431 поврежденный и неповрежденный танк, 5648 автомашин, 88 поврежденных и неповрежденных самолетов, свыше 5000 лошадей, более 3 миллионов снарядов, 20 миллионов патронов и 52 склада с амуницией, вооружением и продовольствием.

Красная Армия продвинулась вперед на 150 километров.

Заняты города Калач, Чернышковская, Перелазовский, Суровикино, Абгонерово и сотни других населенных пунктов. Наступление Красной Армии продолжается.

Ваша дивизия под мощными ударами Красной Армии также терпит поражения. Только в районе Халхутты ей пришлось оставить на поле боя более 2000 убитых и раненых.

Ваше командование не щадит Вашу жизнь и толкает Вас в пропасть. Ради чуждых Вам интересов немецкого империализма Вы проливаете Вашу кровь. Ваши страдания бесцельны, Ваши жертвы напрасны.

Никакая сила в мире не может предотвратить поражение Гитлера и его разбойничьей банды.

Если Вы хотите спасти Вашу жизнь и вернуться к Вашим семьям, кончайте с авантюристом Гитлером и его разбойничьей войной! Переходите в плен к русским! Русский плен есть надежное средство сохранить Вашу жизнь.

«Красная Армия берет в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь».

(Из Приказа № 55 Народного комиссара обороны СССР И. Сталина)

Приказ Сталина строго исполняется каждым красноармейцем.

Пропуск

Немецкие солдаты! Всем, кто сдается в плен Красной Армии, обеспечена жизнь, хорошее обращение и возвращение на родину после войны. (Пропуск напечатан параллельно на двух языках — немецком и русском. — *Сост.*)

Эта листовка действительна как пропуск для неограниченного числа солдат и офицеров при переходе в плен Красной Армии.

Можно перейти также без пропуска. Надо только поднять вверх руки и крикнуть «Я сдаюсь!» — после этого никто не будет в Вас стрелять.

(«Я сдаюсь!» означает: «Ich ergebe mich!»)

Сдавайтесь! Спасайте Вашу жизнь!»

Неописуема та радость, которую мы испытали, с грехом пополам разобрав этот текст. В наше голодное и холодное повседневье вернулся высокий смысл. Родилось даже суеверие: неужели это правда? — как бы не спугнуть!..

Замечательно то, что эти потрясающие «последние известия» предназначались не нам, а нашему противнику. Они прямо предупреждали его о неизбежном поражении и предлагали гуманный выход. Волшебное действие этой листовки состояло в том, что мы, русские, прочитав ее и еще находясь в плену, уже чувствовали себя победителями. Такова была до времени скрытая «советская способность к сопротивлению», наконец-то проявившая себя в действии.

23. Одно слово — Сталинград! Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Донского фронта 2 февраля 1943 года. Заголовок составителя.

Сталинград я помню с семи лет. Летом 1940 года наша семья чуть не осталась там жить. В конце апреля 1942 года я матерью был в гостях у сталинградских друзей, которые, как чем-то пугающе-несуразном, рассказывали о первом налете вражеской авиации. А в августе 1943 года, уже после великой битвы мы несколько суток провели рядом с разбитым сталинградским вокзалом, ночуя среди кочевой людской массы, у самого железнодорожного полотна.

Царила сухая южная жара. Близ станции кипела жизнь. Плотники срочно достраивали временный деревянный вок-

зал. Шла бойкая торговля щекастыми местными помидорами и холодной водой. Несмолкаемым гомоном полнился огромный пестрый бивак тех, кого на железной дороге сухо именуют пассажирами, в котором была представлена вся воюющая Россия. А Сталинград (или, вернее, его руины) стоял печально пуст.

Привокзальная площадь имела фантастический вид. Казалось, чья-то мощная рука насыпала ее сверху до краев остатками всяческой техники. От этого несуразного скопления металлолома в центр уводила тщательно выметенная и совершенно безлюдная улица Гоголя. Слева разорением белел особнячок музея обороны Царицына. По обе стороны улицы рваными скалами возвышались куски знакомых зданий, и весь этот хаос окутывала давящая тишина. Все выглядело бы, как театральная декорация, если бы не доносимый время от времени ветровыми полосами смертный дух из-под кирпичных осыпей. До самой площади Павших Борцов я не встретил ни души. Но был не один. По самой середине мостовой впереди меня не спеша, по-хозяйски двигалась большая крыса...

На площади вокруг еще довоенного обелиска, поставленного над братской могилой героев гражданской войны и иссеченного осколками Отечественной, я увидел много его свежих фанерных повторений с красными звездами. Война не пощадила ни картинную галерею, ни театр — уцелел только один изуродованный, но все еще грозный лев.

На обратном пути я подошел к универмагу. На стене был прикреплен рукотворный плакатик, на котором указывалось, что здесь пленен Паулюс. Оглянувшись и убедившись, что рядом никого нет, я даже спустился в подвал, но, не найдя в нем ничего, кроме темноты и бесприютности, поспешил вернуться на свет.

Может быть, именно тогда меня в первый раз посетило то своеобразное чувство, которое возникает в местах особого сгущения и накала человеческих страстей, когда они уже решились и ушли отсюда. Будь то жилые комнаты Помпеи или камень на римском форуме, где лежало еще теплое тело Цезаря, Монплешир в Петергофе или трибуна ленинского Мавзолея — на всем этом остается печать вечности и невозвратности, торжества и скорби, — свойство подлинной истории. С тех пор я не был в Сталинграде и не знаю, попаду ли в него вообще. И не потому что не хочу увидеть выросший на месте известного мне города новый и незнакомый, а потому, что боюсь увидеть Сталинград, позабывший или, хуже того, предавший себя.

...Зимой 1943 года в нашей жалкой землянке часто останавливались на ночлег красноармейцы. Их бывало много. Сидя и лежа прямо на глиняном полу, они мало говорили о войне, но больше — об оставленной ими, такой желанной мирной жизни. За скупые знаки внимания, за один лишь намек на заботу и домашний уют они щедро платили тем, что имели, — банкой консервов или брикетом гречневой каши, сказкой или добрым словом. Помню молодого бойца, который предложил матери: «Хозяйка, давай я тебе спою». И действительно спел «Лизавету» из фильма «Александр Пархоменко». Приехал ли он к своей Лизавете, фотографию которой тут же показал, «на горячем боевом коне», бог весть, — война со всеми ее превратностями продолжалась еще два года. Но от этого парня я тогда же услышал о типично солдатском восприятии Сталина. Тут не требовалось много слов. Русский душой поймет это сразу. С оглядкой и приязнью звали теперь его в армии «батя»...

24. Великий день. Обращение к народу 9 мая 1945 года. Заголовков составителя.

Помню свое необъяснимое пробуждение часа в четыре утра (было еще темно), когда по радио неповторимый Ю. Левитан начал читать акт о капитуляции немецкой армии. Отец и его гостивший у нас товарищ уже не спали.

Сталин выступал по радио вечером. На мой слух, эта речь прозвучала скромно и буднично, в каком-то необъяснимом несоответствии с долгожданной победой.

В охватившей всех радости люди позволили себе на момент отвлечься от мыслей о наваливающихся со всех сторон уже других заботах — Сталину же отрешиться от них было нельзя.

Буквально на следующий день поползли слухи о неизбежном нашем вмешательстве в войну с Японией. Несмотря на беспримерную, накапливавшуюся с каждым днем физическую и психологическую усталость, требовавшую длительной разрядки, народ воспринял эту весть без надсады, как продолжение знакомой работы.

...Ласковый майский день. Солнце в молочном тумане. Еще не обсохли обочины дороги, и едва показались листочки. Навстречу мне по мосткам идет несколько навеселе солдатик с парой лычек на погонах и парой медалей «За боевые заслуги». Фронтовик как фронтовик, сломавший большую войну, но не собирающийся на покой. «Надо было побить Германию — побили, — рассуждает он сам с собой. — Теперь вроде надо Японию. Побьем и Японию...» И никаких сомнений.

Русский человек — неодолимая сила, если его как следует раскачать и дать почувствовать указанное направление движения своим.

Говорят, что Сталин, вся советская пропаганда в ходе войны перестроились с коммунистического на патриотический лад, и даже выводят отсюда некое противопоставление. Это и так и не так. Разумеется, обращение к героическим деяниям предков, особенно к ратным подвигам славян и россиян, заняло огромное место во всей идеологической работе, проводившейся ВКП(б) на фронте и в тылу. Однако преувеличивать этот факт не следует. Ни отказов, ни взаимоисключений, ни аналогичных «перестроек» Сталин не допускал. Патриотическая, отечественная, русская идея им всегда органично сочеталась с идеей освободительно-интернационалистской. В итоговом обращении к народу 9 мая Сталин говорит как о жертвах, лишениях и страданиях в тылу и на фронте, отданных «на алтарь Отечества», так и об успешном завершении вековой борьбы славянских народов «за свое существование и свою независимость...» «Отныне над Европой, — подчеркивает он, — будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами».

Напомнив о намерении Гитлера расчленить Советский Союз и уничтожить Россию, «чтобы она больше никогда не смогла подняться» (кстати, буквально совпадающем с делами Горбачева—Яковлева—Шеварднадзе—Ельцина, Рейгана—Буша—Клинтона), Сталин выражает великодушные благородного победителя. «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию». В этом заявлении нет ни грана злорадства в отношении побежденного противника. Напротив, в нем сквозит милосердное желание помочь оступившемуся и потерпевшему народу встать наряду с другими.

О Сталине как полководце много написано. Его то безудержно восхваляли, то беспардонно оклеветывали. Неблагодарную роль застрельщика в последнем взял на себя Н. Хрущев, во время войны член военных советов ряда фронтов, после XX съезда КПСС превращенный рептильными историками в главного организатора разгрома гитлеровского фашизма. Подобно крыловской Лягушке, ему очень хотелось сравняться с Волком, но результат получился фактически тот же самый.

Для иллюстрации привожу выдержки из текстов Н. Хрущева, Г. Жукова (Маршал Советского Союза, командующий рядом фронтов, начальник Генерального штаба, заместитель

Верховного Главнокомандующего), А. Василевского (Маршал Советского Союза, командующий рядом фронтов, начальник Генерального штаба), С. Тимошенко (Маршал Советского Союза, командующий фронтом), С. Штеменко (генерал-полковник, во время войны офицер-оператор, заместитель начальника, начальник Оперативного управления Генерального штаба), В. Анфилова (доктор исторических наук, профессор), чтобы читатель сам пришел к объективным выводам.

Н. Хрущев. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года. В кн. «Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время». С. 79—80:

Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями.

Мы доложили об этом Сталину, заявив, что обстановка требует изменить план действий, чтобы не дать врагу уничтожить крупные группировки наших войск.

Вопреки здравому смыслу Сталин отклонил наше предложение и приказал продолжать выполнять операцию по окружению Харькова, хотя к этому времени над нашими многочисленными военными группировками уже нависла вполне реальная угроза окружения и уничтожения.

Я звоню Василевскому и умоляю его:

— Возьмите, — говорю, — карту, Александр Михайлович (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка. — А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта. Так вот я и говорю т. Василевскому: — Покажите на карте обстановку, ведь нельзя при этих условиях продолжать намеченную ранее операцию. Для пользы дела надо изменить старое решение.

Василевский мне на это ответил, что Сталин рассмотрел уже этот вопрос и что он, Василевский, больше не пойдет Сталину докладывать, так как тот не хочет слушать никаких его доводов по этой операции.

После разговора с Василевским я позвонил Сталину на дачу. Но Сталин не подошел к телефону, а взял трубку Маленков. Я говорю тов. Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично переговорить с тов. Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично заяв-

ляю, что хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас на фронте. Но Сталин не считал нужным взять трубку, а еще раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов.

«Выслушав» таким образом нашу просьбу, Сталин сказал: — Оставить все по-прежнему!

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам военный «гений» Сталина, вот чего он нам стоил.

Жуков Г. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 292—293, 386—387:

У Ставки никакого другого аппарата управления, кроме Генерального штаба, не было. Приказы и распоряжения Верховного Главнокомандования, как правило, шли через Генеральный штаб. Разрабатывались они и принимались обычно в Кремле, в рабочем кабинете И. В. Сталина.

Это была просторная, довольно светлая комната. Обшитые мореным дубом стены, длинный, покрытый зеленым сукном стол. Слева и справа на стенах портреты Маркса, Энгельса, Ленина. Во время войны появились портреты Суворова и Кутузова. Жесткая мебель, никаких лишних предметов. Огромный глобус помещался в соседней комнате, рядом с ним — стол, на стенах — карты мира.

В глубине кабинета, у стены рабочий стол И. В. Сталина, всегда заваленный документами, бумагами, картами. Здесь стояли телефоны ВЧ и внутрикремлевские, лежала стопка отточенных цветных карандашей. И. В. Сталин обычно делал свои пометки синим карандашом, писал быстро, размашисто, но довольно разборчиво.

...Как-то во время разговора по телефону о Крымском фронте и юго-западном направлении Верховный сказал:

— Вот видите, к чему приводит оборона. ...Мы должны крепко наказать Козлова, Мехлиса и Кулика за их беспечность, чтобы другим nepовадно было ротозейничать. Тимошенко скоро начнет наступление. Как вы, не изменили своего мнения о способе действий на юге?

— Нет. Считаю, что на юге надо встретить противника ударами авиации и мощным огнем, нанести ему поражение упорной обороной, а затем перейти в наступление.

12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление в направлении на Харьков, нанося два удара: один из района Волчанска, другой — из Барвенковского выступа.

Обеспечение операции на участке Лозовая—Барвенково—Славянск возлагалось на Южный фронт. Однако командование юго-западного направления не учло угрозу со стороны Краматорска. Там заканчивала сосредоточение крупная наступательная группировка немецких войск.

Перейдя в наступление с Барвенковского выступа, войска Юго-Западного фронта прорвали оборону противника и через двое суток продвинулись на всех участках на 25—50 километров. Однако операция дальнейшего развития не получила.

Утром 17 мая 11 дивизий из состава армейской группы «Клейст» перешли в наступление из района Славянск—Краматорск против 9-й и 57-й армий Южного фронта. Прорвав оборону, враг за двое суток продвинулся до 50 километров и вышел во фланг войскам левого крыла Юго-Западного фронта в районе Петровского.

В середине мая я присутствовал при разговоре И. В. Сталина с командующим фронтом и хорошо запомнил, что И. В. Сталин высказал серьезное опасение в отношении краматорской группировки противника.

Вечером того же дня у Верховного состоялся разговор на эту тему с членом Военного совета фронта Н. С. Хрущевым, который высказал те же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы преувеличена и нет основания прекращать операцию.

К вечеру 18 мая осложнившаяся обстановка начала серьезно беспокоить исполняющего обязанности начальника Генерального штаба А. М. Василевского, и он тут же доложил Верховному о необходимости прекратить наступление наших войск и повернуть основные силы барвенковской группировки против краматорской группы противника.

Верховный, ссылаясь на доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, отклонил соображения А. М. Василевского. Существующая версия о тревожных докладах Военного совета Южного и Юго-Западного фронтов Верховному Главнокомандующему не соответствует действительности. Я это утверждаю потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного.

19 мая Военный совет Юго-Западного фронта в связи с резко осложнившейся обстановкой начал принимать меры к отражению ударов противника, но уже было поздно.

23 мая 6-я, 57-я армии, часть сил 9-й армии и оперативная группа генерала Л. В. Бобкина оказались полностью окруженными. Многим частям удалось вырваться из окружения, но

некоторые не смогли это сделать и, не желая сдаваться, дрались до последней капли крови.

В этих сражениях погиб заместитель командующего фронтом генерал Федор Яковлевич Костенко — герой гражданской и Отечественной войн, бывший командир 19-го Манычского полка 4-й Донской казачьей дивизии. Там же пали смертью храбрых командующий 57-й армией генерал К. П. Подлас и командующий опергруппой генерал Л. В. Бобкин, вместе с которыми я учился на курсах усовершенствования высшего командного состава. Они были прекрасные командиры и верные сыны нашей партии и Родины.

Анализируя причины неудачи Харьковской операции, нетрудно понять, что основная причина поражения войск юго-западного направления кроется в недооценке серьезной опасности, которую таило в себе юго-западное стратегическое направление, где не были сосредоточены необходимые резервы Ставки.

Если бы на оперативных тыловых рубежах юго-западного направления стояло несколько резервных армий Ставки, тогда бы не случилось катастрофы с войсками юго-западного направления летом 1942 года.

Василевский А. Дело всей жизни. М., 1975. С. 212—215, 550—551:

Военная обстановка на южном крыле советско-германского фронта изменилась в пользу врага после овладения им Крымом.

Не радовало Ставку и Генштаб положение и в районе Барвенково. Фашисты вновь захватили здесь инициативу в свои руки и добились крайне выгодных условий для дальнейшего осуществления своих замыслов.

В конце марта, как я уже упоминал, Ставка рассматривала предложение командования юго-западного направления о проведении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов крупной наступательной операции с целью разгрома группировки противника на южном крыле советско-германского фронта с последующим выходом наших войск на линию Гомель — Киев — Черкассы — Первомайск — Николаев. Командование направления просило у Ставки дополнительно значительных сил и средств. Тогда же Генштаб доложил Верховному Главнокомандующему, что не согласен с этим предложением. И. В. Сталин одобрил наше решение, но в то же время дал С. К. Тимошенко согласие на разработку частной, более узкой, чем тот намечал, операции с целью разгрома

харьковской группировки врага наличными силами и средствами юго-западного направления.

Этот переработанный план 10 апреля был направлен в Ставку. Он предусматривал ударами из района Волчанска и с Барвенковского плацдарма по сходящимся направлениям разгромить здесь группировку врага, овладеть Харьковом и создать предпосылки для освобождения Донбасса. Б. М. Шапошников, учитывая рискованность наступления из оперативного мешка, каким являлся Барвенковский выступ для войск Юго-Западного фронта, предназначавшихся для этой операции, внес предложение воздержаться от ее проведения. Однако командование направления продолжало настаивать на своем предложении и завершило Сталина в полном успехе операции. Он дал разрешение на ее проведение и приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться.

28 апреля командование Юго-Западного направления издало директиву по предстоящей операции; за ней последовали директивы командующим армиями. Рассматривался ли дополнительно в Ставке вопрос об этой операции в период ее подготовки, сказать не могу, так как во второй половине апреля по заданию Ставки... я находился на Северо-Западном фронте.

12 мая, то есть в разгар неудачных для нас событий в Крыму, войска Юго-Западного фронта, упредив противника, перешли в наступление. Сначала оно развивалось успешно, и это дало Верховному Главнокомандующему повод бросить Генштабу резкий упрек в том, что по нашему настоянию он чуть было не отменил столь удачно развивающуюся операцию. Но уже 17 мая ударная группировка противника в составе 11 дивизий армейской группы генерал-полковника Клейста перешла в контрнаступление из района Славянск, Краматорск и, прорвав фронт обороны 9-й армии, начала серьезно угрожать 57-й армии Южного фронта. Как выяснилось, командование и штаб юго-западного направления, планируя операцию, не приняли необходимых мер для обеспечения своей ударной группировки со стороны Славянска.

Получив первые сообщения из штаба направления о тревожных событиях, я вечером 17 мая связался по телефону с начальником штаба 57-й армии, моим давним сослуживцем генерал-майором А. Ф. Анисовым, чтобы выяснить истинное положение вещей. Поняв, что обстановка там критическая, я тут же доложил об этом И. В. Сталину. Мотивируя тем, что вблизи не имеется резервов Ставки, которыми можно было

бы немедленно помочь Южному фронту, я внес предложение прекратить наступление Юго-Западного фронта с тем, чтобы часть сил из его ударной группировки бросить на пресечение вражеской угрозы со стороны Краматорска. Верховный Главнокомандующий решил переговорить сначала с главкомом юго-западного направления маршалом Тимошенко. Точное содержание телефонных переговоров И. В. Сталина с С. К. Тимошенко мне неизвестно. Только через некоторое время меня вызвали в Ставку, где я снова изложил свои опасения за Южный фронт и повторил предложение прекратить наступление. В ответ мне было заявлено, что мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а потому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление...

С утра 18 мая обстановка для наших войск на Барвенковском выступе продолжала резко ухудшаться, о чем я прежде всего доложил Верховному. Часов в 18 или 19 того же дня мне позвонил член военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущев. Он кратко проинформировал меня об обстановке на Барвенковском выступе, сообщил, что И. В. Сталин отклонил их предложения о немедленном прекращении наступления, и попросил меня еще раз доложить Верховному об этой их просьбе. Я ответил, что уже не однажды пытался убедить Верховного в этом и что, ссылаясь как раз на противоположные донесения военного совета юго-западного направления, Сталин отклонил мои предложения. Поэтому я порекомендовал Н. С. Хрущеву, как члену Политбюро ЦК, обратиться непосредственно к Верховному. Вскоре Хрущев сообщил мне, что разговор с Верховным через Г. М. Маленкова состоялся, что тот подтвердил распоряжение о продолжении наступления.

19 мая ударная группировка противника, действовавшая на Барвенковском выступе, вышла в тыл советским войскам, и только тогда Тимошенко отдал, наконец, приказ прекратить дальнейшее наступление на Харьков и использовать основные силы нашей ударной группировки для ликвидации прорыва и восстановления положения в полосе 9-й армии. Верховный утвердил это решение. Но, к сожалению, состоялось оно слишком поздно: три армии Южного и Юго-Западного фронтов понесли тяжелые потери. Погибли в неравном бою командарм-57 генерал-лейтенант К. П. Подлас, начальник штаба генерал-майор А. Ф. Анисов, член военного совета бригадный комиссар А. И. Попенко, командарм-6 генерал-лейтенант А. М. Городнянский, член военного совета бригадный

комиссар А. И. Власов, командующий армейской группой генерал-майор Л. В. Бобкин и заместитель командующего Юго-Западным фронтом Ф. Я. Костенко. Из окружения сумела выйти лишь меньшая часть нашей ударной группировки во главе с членом военного совета этого фронта дивизионным комиссаром К. А. Гуровым и начальником штаба 6-й армии А. Г. Батюней. В середине июня Юго-Западный фронт был вынужден еще дважды отступать и отойти за реку Оскол. В результате этих неудач и обстановка, и соотношение сил на юге резко изменились в пользу противника. Изменились, как видим, именно там, где немцы наметили свое летнее наступление. Это обеспечило им успех прорыва к Сталинграду и на Кавказ.

Я пишу все это не для того, чтобы в какой-то степени оправдать руководство Генштаба. Вина ложится и на его руководителей, так как они не оказали помощи юго-западному направлению. Пусть нас отстранили от участия в ней. Но и это не снимало с нас ответственности: мы могли организовать хотя бы отвлекающие удары на соседних направлениях, своевременно подать фронту резервы и средства, находившиеся в распоряжении советского командования...

В ряде книг приведено немало интересных сведений о жизни Сталина. Но в некоторых из них, к сожалению, содержатся не совсем точные данные. Ради истины останавлиюсь и на них.

Приходилось читать, что Сталин не был в первые месяцы войны во время налетов фашистской авиации на Москву в особняке на улице Кирова и станции метро «Кировская». Это, конечно, неверно. Сталин многократно бывал и на улице Кирова, и на станции метро «Кировская», где для членов Политбюро ЦК ВКП(б) была оборудована специальная комната.

Не совсем точно показано также рабочее место Сталина. Пишут, что Сталин работал за письменным столом. За время войны, а я бывал у него в это время часто, да и после войны ни разу не видел, чтобы он что-то за этим столом писал. Документы и бумаги действительно лежали на этом столе. Но читал ли он документы, писал ли — он всегда сидел за длинным концом стола заседаний. Отработает документы, берет и относит на письменный стол, а оттуда берет новую пачку бумаг.

Полностью согласен с Г. К. Жуковым по поводу злополучного глобуса. Его в рабочем кабинете И. В. Сталина не было, он находился в его комнате отдыха, а туда мало кто приглашался. У Сталина всегда имелись подготовленные Геншта-

бом рабочие карты по всем направлениям и театрам войны, в каких была необходимость...

И. В. Сталин прочно вошел в военную историю. Его несомненная заслуга в том, что под его непосредственным руководством как Верховного Главнокомандующего Советские Вооруженные Силы выстояли в оборонительных кампаниях и блестяще провели все наступательные операции. Но он, насколько я мог его наблюдать, никогда не говорил о своих заслугах. Во всяком случае, мне этого не приходилось слышать. Звание Героя Советского Союза и Генералиссимуса ему было присвоено по письменному представлению в Политбюро ЦК партии командующих фронтами. И наград у него имелось меньше, чем у командующих фронтами и армиями. О просчетах же, допущенных в ходе войны, он сказал народу честно и прямо в своем выступлении на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года...

С. Тимошенко. Мемуарное свидетельство ответственного работника ЦК КПСС Г. Шумейко (Из летописи Старой площади. Избранные записки (рукопись). С. 285—286).

Уже после войны Семену Константиновичу (Тимошенко. — *Сост.*) мной был задан весьма неприятный вопрос по поводу военного поражения наших войск под Харьковом в 1942 году. Поводом послужил наш доверительный разговор, затрагивавший тему этой трагедии. Так, будучи на Западном фронте в составе 7-го гвардейского корпуса (33-я армия) секретарем партийной комиссии 128-й стрелковой бригады, я сам лично нередко подбирал сбрасываемые немецкими самолетами листовки, содержащие текст обращения командующего Юго-Западным фронтом С. К. Тимошенко и члена Военного Совета фронта Н. С. Хрущева, выпущенного ими в канун майского наступления наших войск на Харьков. (Называлось оно, кажется, так: «За освобождение Украины».) Был уже июль 1942-го, и фашистское командование сыпало издевательски на наши головы скопированный и размноженный этот документ — свидетельство трагического провала харьковской наступательной операции.

Маршала С. К. Тимошенко я спросил: выпускалось ли такое воззвание или то изобретение неприятельских пропагандистов? Он подтвердил, что такой документ выпускали они вместе с Н. С. Хрущевым. Далее состоялся уже затяжной разговор, содержание которого я резюмирую, чтобы показать, что правда и что неправда в публикуемых мемуарах Н. С. Хрущева.

Тимошенко: политически необходимо было отвоевать

именно в этот период хотя бы небольшую территорию Украины. Особенно важно было вернуть вторую ее столицу — Харьков. Хрущев был настойчив. Он буквально уговорил наш Генштаб, а через него и Сталина провести эту операцию. Его инициатива преследовала цель сорвать планы украинских фашистов, готовивших торг с Гитлером по поводу формирования националистических органов власти на Украине. Мы Харьков освободили без больших трудностей. Но если бы мы и приостановили свое наступление, заняв город, военного поражения в районе Харькова нам было бы не избежать. Соотношение на юге сил между советскими войсками и группировкой немцев, стоявшей в районе Лозовая—Барвенково, было тогда именно таким. И вообще оборона Харькова на его ближних подступах была делом нереальным. Так вот, сказал Семен Константинович, политическая целесообразность не стыковалась с реальной военной ситуацией. Отсюда трагедия! На том этот мой разговор с маршалом и закончился. Он явно не хотел его углублять: опытный военачальник видел бесперспективность стратегической операции, но не смог или не захотел пойти против Хрущева, Генерального штаба и Сталина.

Штеменко С. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. С. 51—52, 116—117:

Пока шли бои на Керченском полуострове, армии Юго-Западного фронта перешли в наступление под Харьковом. Генштаб с большим опасением следил за развитием этой операции, предпринятой по инициативе фронтового командования. Ставка предупреждала фронт, что не может обеспечить операцию дополнительными войсками, боеприпасами, горючим, поскольку в то время готовых резервов и достаточных материальных средств в запасе не имелось. Но Военный совет Юго-Западного фронта и без того ручался за успех.

Развитие событий пошло здесь, однако, в непредвиденном направлении. Когда наши войска уже двинулись вперед, противник сам начал активные действия, бросил в сражение сильные танковые группировки и нанес поражение трем армиям Юго-Западного фронта.

Положение фронта становилось все более и более трудным и наконец стало чрезвычайно тяжелым. На просьбы Военного совета о помощи Верховный Главнокомандующий вынужден был ответить:

«...У Ставки нет готовых к бою новых дивизий... Наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что, кроме вашего фронта, есть еще у нас другие фронты... Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять

войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране. Учтите все это, если вы хотите когда-либо победить врага».

Ситуация, сложившаяся на Юго-Западном фронте, усугублялась тем, что ослабленный боями Южный фронт не был теперь в состоянии удержать оставшуюся в наших руках часть Донбасса, а Брянский не мог преградить путь врагу на Воронеж и к Волге. Вырисовывалась перспектива обхода Южного фронта на Нижнем Дону при одновременном наступлении немцев через Донбасс. А там было рукой подать и до Кавказа...

К сожалению, действительность превзошла самые худшие предположения...

Доклады Генерального штаба в Ставке имели свой строгий порядок. После вызова по телефону мы садились в автомашину и по пустынной Москве отправлялись в Кремль или на «Ближнюю» — кунцевскую дачу Сталина. В Кремль въезжали всегда через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР по Ивановской площади, сворачивали в так называемый «уголок», где находились квартира и рабочий кабинет И. В. Сталина. Через кабинет Поскребышева входили в небольшое помещение начальника личной охраны Верховного Главнокомандующего и, наконец, попадали к нему самому.

В левой части кабинета со сводчатым потолком и обшитыми светлым дубом стенами стоял длинный прямоугольный стол. На нем мы развешивали карты и по ним докладывали за каждый фронт в отдельности, начиная с того, где в данный момент происходили главные события. Никакими предварительными записями не пользовались. Обстановку знали на память, и она была отражена на карте.

За торцом стола, в углу, стоял большой глобус. Должен заметить, однако, что за сотни раз посещения этого кабинета мне никогда не довелось видеть, чтобы им пользовались при рассмотрении оперативных вопросов. Разговоры о руководстве действиями фронтов по глобусу совершенно беспочвенны.

Анфилов В. «Каждый мнит себя стратегом...». О досужих вымыслах и исторических фактах. Российская газета. 1994. 23 фев. С. 7:

Сознательно и по незнанию путая события войны, сам Хрущев (речь идет о его мемуарах. — *Сост.*) в то же время проявляет поразительную шепетильность к мемуарам военачальников. Особенно возмутили его воспоминания К. С. Москаленко, в которых Кирилл Семенович упомянул два эпизода, с которыми связано имя Хрущева.

«В Военном совете Юго-Западного фронта, когда рассматривался план действий войск весной и летом 1942 г., — писал он, — Тимошенко и Хрущев считали, что наши войска на юге в состоянии разрушить противостоящую группировку врага, освободить Харьков и этим создать условия для изгнания захватчиков из Донбасса... Н. С. Хрущев заявил, что Верховный главнокомандующий И. В. Сталин сам поставил перед войсками фронта эту задачу и что уже одно это (??!) является гарантией успеха».

Понятно, что Хрущева взбесила его (К. Москаленко. — *Сост.*) ссылка на мемуары Жукова, где говорится, что ни Тимошенко, ни Хрущев не вскрыли своевременно опасности со стороны противника, что привело к харьковской трагедии в мае 1942 года. Хрущев называет книгу Москаленко гадкой, а самого маршала — приспособленцем, беспринципным человеком.

К сожалению, это лишь один из множества примеров подтасовки фактов в угоду подчеркивания своей особой роли...

Автор мемуаров немало места отводит своим оценкам известных военачальников. Но сама манера этих воспоминаний несет настолько «кухонный» характер, что, право, не хочется занимать внимание читателя разбором этих рассуждений, в которых Хрущев направо и налево раздает нелестные оценки всем, кто в годы войны командовал войсками.

25. За здоровье русского народа! Тост на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. Заголовок составителя.

Ни один русский, ни один славянин, ни один советский человек (а русскими во время войны называли себя представители всех наций и народностей Союза ССР) не мог остаться равнодушным при чтении этого исторического документа. Отмеченные в нем «ясный ум, стойкий характер и терпение» были как раз теми чертами народного духа, которые позволили нам превозмочь все испытания.

Однако речь сильна не столько этой констатацией, сколько второй, политически знаменательной частью. Сталин прямо указывает на ошибки Советского правительства и «моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах...» Он винится перед народом и признает его право прогнать это правительство и заменить другим, которое обеспечило бы мир и покой. «Но русский народ не пошел на это...» Несмотря ни на что, он оказал Советскому правительству доверие, и оно «оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом». В ре-

чи звучит почти лирическая нота признательности народу за великую поддержку, а сам этот текст, хотя он и очень короток, является маленьким шедевром обратной связи с массами, умения сказать миллионам именно то, что надо сказать в данную минуту.

26. За здоровье скромных людей! Тост на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы 25 июня 1945 года. Заголовок составителя.

Это — знаменитая речь о «винтиках», которую много толковали и перетолковывали «перестроечные» «демократы». Те, кто прочел ее внимательно, прекрасно понимают, насколько перевиралась основная мысль. Суть этой мысли состоит не в умалении, унижении или нивелировании рядового работника, как силились доказать горбисты, а напротив, в утверждении его уникальности, в его возвеличении. Не случайно ударное окончание тоста. Сталин предлагает выпить «за здоровье этих людей, наших уважаемых товарищей».

О лживости интерпретации этой речи, приписывания Сталину концепции «винтиков» и т.п. говорит уже то, что он имеет в виду кадры, «которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела». Часто это беззаветные тихие работники, неброско, но добросовестно выполняющие порученное им дело. Именно на них со своего основания держалась партия, и тот образ, который применил Сталин, появился далеко не в первый раз.

Нелишне отметить, что еще 90 лет назад о партийных «колесиках» и «винтиках» заговорил меньшевик П. Аксельрод (см.: Троцкий Л. К истории русской революции. М., 1990. С. 71), и большевики не усмотрели в этом ничего для себя страшного.

«Владимир Ильич употребил одно сравнение, очень близкое и понятное рабочим, — писала Н. Крупская в 1933 году. — Он говорил: партия — это большая машина, большой механизм, а каждый член партии — это винтик, колесико в этой машине. Это сравнение казалось очень понятным рабочим. Есть такая книжка Свирского, воспоминания рабочего, которая прекрасно иллюстрирует это сравнение Владимира Ильича. Это страничка из истории одного завода в дореволюционное время, где описывается, как рабочие построили паровоз. И вот директор завода созвал гостей, чтобы осмотреть, как этот паровоз пойдет, а рабочие взяли и вынули один винтик. И вот собрались гости, рабочие стоят, опустили глаза, но смех у них в глазах мелькает. Ну, погудел, погудел паровоз — и ни

с места. Директор из себя выходит, а паровоз гудит и с места не двигается. От маленького винтика зависит работоспособность всей машины. Каждый член партии должен понимать, что от того, как он работает, зависит то, как вся партия работает, должен понимать, что его работа связана органически с работой всех членов партии, всей партии в целом» (Крупская Н. Избранные произведения. М., 1988. С. 328—329).

27. Мы победили. Обращение к народу 2 сентября 1945 года. Заголовок составителя.

Сталин подводит окончательную черту под Второй мировой войной.

Ликвидировано два очага мирового фашизма и мировой агрессии на западе и на востоке. «Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всем мире, уже завоеваны».

Сталин дает подробную мотивацию наших действий на Дальнем Востоке. Дело не только в интересах союзников СССР — Китая, США, Англии, но и в том, что «у нас есть еще свой особый счет к Японии».

Сталин напоминает три момента из истории XX века:

1. Нападение японцев на русскую эскадру в районе Порт-Артура, поражение России в войне с Японией 1904—1905 годов, захват Японией Курильских островов и Южного Сахалина.

2. Четырехлетнюю интервенцию Японии против Советской России (1918—1922) и временную оккупацию ею нашего Дальнего Востока.

3. Нападение Японии в 1938 году на нашу страну в районе озера Хасан и в 1939 году на братскую Монголию в районе Халхин-Гола.

Сталин констатирует, что в последних двух случаях японская агрессия была успешно отражена Красной Армией. «Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны, — подчеркивает он, — оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, — и в словах Сталина ощущается вздох облегчения и удовлетворенность достигнутым, — что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского

Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

Сталин не говорит: «...японской и всякой иной агрессии», — но это подразумевается само собой. Только теперь «каждый из нас может сказать: мы победили, — резюмирует он. — Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира».

При сопоставлении обращений Сталина к народу 9 мая и 2 сентября обращают на себя внимание сдержанность, скромность первого и более подробная проработка второго. Это означает, что по достижении победы над Германией Сталин рассматривает ее уже под другим углом зрения, не столько как стратегический, сколько как тактический успех в рамках новой, более масштабной, как бы сказали теперь, «глобальной» стратегии и устремляется мыслью к будущему, на этот раз к тихоокеанскому театру военных действий. В этом одна из особенностей его политического мышления, которой он учился, несомненно, у Ленина. Правы были древние римляне: орел не ловит мух. Люди такого уровня самосознания не только не позволяют себе погрязнуть в мелкой повседневности, но и не подвержены мелочному самодовольству, самоуспокоению в связи с достигнутым.

Рассказывают, что во время блистательной трехнедельной дальневосточной кампании наши войска, занимая один за другим острова Курильской гряды, по инерции высадились на Хоккайдо. Когда, сориентировавшись на местности, об этом доложили Сталину, он помолчал в трубку и сказал одно слово: «Возвращайтесь». Орел не ловит мух...

Хотя бы каплю этого чувства ответственности нынешним правителям России, которые не умеют думать ни по мерке ее просторов, ни по размаху ее исторических дел!..

28. Экономические проблемы социализма в СССР. 1 февраля — 29 сентября 1952 года. Заголовок автора.

Читатель без труда установит прямую преемственную связь этой работы и непосредственно предвоенной беседы с экономистами по поводу проекта учебника «Политическая экономия».

Перечитывая сейчас «Экономические проблемы...», несмотря на то, что они около 40 лет подвергались ожесточенным нападкам политиков и обществоведов, естественно при-

ходишь к выводу, что это, возможно, лучшее в политико-экономической литературе о коммунистической формации за последние полвека. Автор четко и без всяких выкрутасов излагает свои мысли, знает, чего хочет и куда вести страну, никогда не теряет чувства ответственности и потому внушает доверие.

Все это, однако, не означает, что «Экономические проблемы...» вовсе лишены недостатков. Самый существенный из них я обнаружил еще в ноябре 1952 года и пытался исправить в ряде работ, прежде всего в первой своей крупной публикации «К вопросу о диалектике товара при социализме» (М., 1961).

Дело в том, что Сталин проявил непоследовательность при рассмотрении действия закона стоимости в социалистическом народном хозяйстве. По его мнению, продукт здесь обладает двойственной природой: средства производства создаются как предмет прямого производительного потребления и применяются, не выходя из общенародной собственности (выступают в качестве потребительных стоимостей как бы без стоимости); предметы личного потребления производятся как товары (потребительная стоимость плюс стоимость) и подвержены всем перипетиям купли-продажи.

Сталин не провел качественной разницы между предметами потребления, оседающими в общенародном секторе экономики, возмещающими рабочую силу работников государственных предприятий и организаций, с одной стороны, и предметами потребления, оказавшимися в межсобственническом обороте — на рынке, продаваемыми колхозам и колхозникам, разным гражданам, за рубеж, — с другой. В первом случае возмещение рабочей силы, переставшей быть товаром, а потому и не могущей возмещаться со стороны государства товарами, возмещение, осуществлявшееся через организационную форму государственной торговли, выступало как всего лишь товарно-денежная форма распределения по труду. Во втором случае речь шла о действительной торговле между самостоятельными собственниками во всех ее «ипостасях». До сих пор, к примеру, Т. Хабарова поддерживает сталинскую трактовку (средства производства — нетовары; предметы потребления — товары) как якобы совершенную предпосылку «двухосновной» системы ценообразования. Однако это заблуждение, от которого надо как можно быстрее избавиться. Оно отразило в себе объективную двойственность социалистического базиса 50-х годов (две формы собственности — общенародная и групповая) и внесло совершенно излишнюю,

мнимую двойственность в трактовку экономических отношений внутри общенародного сектора.

Допущенное таким образом смазывание содержательных различий внутрисекторных и межсекторных связей в обобществленном народном хозяйстве позволило «рыночникам», изучавшим вместо «Капитала» Маркса «Экономику» П. Самуэльсона и совершенно распоясавшимся в годы «перестройки», используя эту щель, нагло игнорировать и вытравлять специфику коллективистских производственных отношений во имя утверждения на их месте слегка маскируемых формул капиталистического хозяйствования, разглагольствовать о рынке «вообще», в то время как социализм допускает всего лишь «рынок» потребительских благ и услуг, но не рынок капиталов и рабочей силы. На этом примере наглядно видно, что на первый взгляд маленькая неточность или уступка в методологии со временем может вырасти в гигантский просчет всемирно-исторического масштаба, способный поставить под вопрос существование целой общественной системы.

Понимал ли это Сталин? Несомненно! Бывший член Президиума ЦК КПСС Дмитрий Иванович Чесноков, которого Сталин считал одной из перспективных молодых партийных сил и которого Н. Хрущев поспешил «задвинуть» в провинцию уже в марте 1953 года, рассказывал мне о звонке Иосифа Виссарионовича за день-два до кончины. «Вы должны в ближайшее время, — сказал Сталин Чеснокову, — заняться вопросами дальнейшего развития теории. Мы можем что-то напутать в хозяйстве. Но так или иначе мы выправим положение. Если мы напутаем в теории, то загубим все дело. Без теории нам смерть, смерть, смерть!..» — с нажимом закончил Сталин и положил трубку.

К сожалению, несмотря на ряд верных замечаний о роли общественных и личных потребностей при социализме (см. в особенности: Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года. Вопрос об основных экономических законах современного капитализма и социализма; Об ошибках т. Ярошенко Л. Д.; Другие ошибки тов. Ярошенко. 3). Сталин четко не поставил вопрос о месте закона стоимости при определении соотношения между затратами и результатами производства. Он был близок к тому, чтобы определить критерий эффективности социалистической экономики как отношение произведенной полезности к израсходованным ресурсам. Но, не имея соответствующих методик, не решил проблему. Поставленная еще Лениным в 1921 году в виде задания выработать число-показатель «для

оценки состояния всего нашего народного хозяйства» (Полн. собр. соч. Т. 53. С. 122—123, а также: Т. 44. С. 114), она саботировалась академическими кругами с редким упорством. Надежда, возникшая было в связи с заявлением Ю. Андропова о том, что «главный критерий, по которому» министерства и ведомства «должны оценивать свою работу, — это степень удовлетворения отраслью постоянно растущих общественных потребностей» (Андропов Ю. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 215), так и не была подкреплена практикой, а со вхождением в «перестройку» вовсе была убита.

Большим просчетом Сталина был сделанный под влиянием послевоенных успехов Советского Союза и подъема международного рабочего и национально-освободительного движения вывод, «что сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, что условия мирового рынка для этих стран будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться». Верно, конечно, что в известный период после распада в конце 40-х годов прежде единого капиталистического рынка на два — капиталистический и социалистический — события шли по этой схеме. Но мировой капитал не дремал и, оказавшись перед угрозой скорой гибели, усиленно изыскивал средства своей подпитки. Всячески изворачиваясь, он нашел два таких средства, очень не похожих на те, какими ему доводилось пробавляться до сих пор. Первое: он смело пошел на перехват в свой арыйк достижений научно-технической революции, на переход к эксплуатации преимущественно квалифицированной (интеллектуальной) рабочей силы прежде всего в метрополиях. Второе: он провел ловкое маневрирование в регионах национально-освободительных революций, отпустив в свободное плавание ряд слаборазвитых колониальных стран, которые после временного упоения полученной политической независимостью по большей части, и в не менее зависимом положении, возвратились в орбиту империалистических интересов. Сталин мог оказаться прав при условии поступательного развития Советского Союза и других социалистических стран, наследования там руководства деятелями не ниже его по марксистско-ленинской подготовке. Но история судила иначе, причем часть вины падает и на него.

Теперь очевидно, что коммунисты не использовали свой исторический шанс и подаренное им историей время для обеспечения себе прочного перевеса сил. Создав в «третьем», бывшем колониальном мире резерв своего экстенсивного

роста, рынок сбыта и сырьевую базу, капитализм вывернулся на несколько десятилетий из уготованного для него исторического капкана, а сейчас перешел в мощное контрнаступление, присоединяя к этим резерву, рынку и базе расчлененный предателями Советский Союз. Очевидно, Сталин не ответствен за недалекость и переход на сторону противника своих последующих преемников. Но и он мог бы быть прозорливее, особенно в отношении пущенных в оборот товарно-денежно-стоимостных категорий и оценки роли научно-технического прогресса с точки зрения зрелости и жизнестойкости социалистического общества.

Сталин сделал ошибку, «отменив» свой тезис «об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма, высказанный до Второй мировой войны», и тезис Ленина 1916 года о том, что, несмотря на свое загнивание, «в целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет...» (Полн. собр. соч. Т. 27. С. 422). Капитализм 50—60-х годов сумел стабилизировать свои рынки за счет практики неэквивалентного обмена с поставленными в положение вечно догоняющих развивающимися странами. Проявлял он и необычную в прежние времена способность к быстрому росту, добиваясь бытового обуржуазивания трудящегося населения и отсасывая свое основное противоречие «труд — капитал» в сферу межгосударственных отношений со странами «третьего мира».

В споре с Л. Ярошенко, предлагавшим поставить в центр политической экономии не производственные отношения, а разработку и развитие научной теории организации производительных сил, теории планирования народного хозяйства и др., Сталин вновь уточнил свое понимание предмета этой науки. «Предметом политической экономии являются, — по его словам, — производственные, экономические отношения людей. Сюда относятся: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающие из этого положения различных социальных групп в производстве и их взаимоотношения, или, как говорит Маркс: «взаимный обмен деятельностью»; в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов».

Как видим, Сталин развил здесь свою точку зрения 1941 года, но сомкнуться с Энгельсом не смог или не захотел. Кстати, Л. Ярошенко, судя по его последующим поступкам и высказываниям, так и не понял, в чем он прав и в чем не прав, в чем прав и в чем не прав его верховный оппонент. Оба они держались за одну и ту же материю, но видели и толковали ее

каждый по-своему однобоко. Отталкиваясь от состояния и уровня производительных сил, они должны были, по всей логике марксизма, выстроить иерархию: а) технико-технологические отношения (сфера непосредственного труда); б) организационно-технические отношения (сфера координации и субординации в производственном процессе, управления производством); в) производственно-экономические отношения (в широком смысле сфера распределения произведенных материальных и духовных благ). Как следует из изложенного, Л. Ярошенко абсолютизировал сферу «б». Сталин большее значение придавал сфере «в», хотя и не упускал полностью и сферу «б» (взаимный обмен деятельностью). Но ни один из них не представлял производственные отношения в их необходимой полноте, что свидетельствовало об отнюдь не обидной и не уничижительной исторической ограниченности (очевидно, неодинаковой) обоих.

«Проблемы рациональной организации производительных сил, планирования народного хозяйства и т.п. являются не предметом политической экономии, а предметом хозяйственной политики руководящих органов, — писал Сталин. — Это две различные области, которых нельзя смешивать. Тов. Ярошенко спутал эти различные вещи и попал впросак. Политическая экономия изучает законы развития производственных отношений людей. Хозяйственная политика делает из этого практические выводы, конкретизирует их и строит на этом свою повседневную работу. Загружать политическую экономию вопросами хозяйственной политики — значит загубить ее, как науку».

На первый взгляд кажется, что в этом рассуждении действует знаменитая сталинская логика. Однако, присмотревшись, видишь, что как раз с логикой тут слабовато. Сталин фактически выводит хозяйственную политику из поля зрения науки, создавая формальную возможность для первой выродиться в произвол хозяйственника, для второй — выродиться в имитацию бурной деятельности «академиков». К чему это способно привести, показала «перестройка».

Таковы, по-моему, наиболее спорные моменты «Экономических проблем...», в то время как в целом работа, без сомнения, сохраняет всю свою ценность. Не случайно многие ее неосновательные критики уже покинули марксистский лагерь. Об одном оппоненте Сталина, Л. Ярошенко, я уже писал. Но были и другие, в том числе А. Санина и В. Венжер. Они прославились своим оригинальным предложением о

передаче техники МТС колхозам, которое в 1958 году было реализовано по настоянию Н. Хрущева.

Сталин выступал в 1952 году против этого предложения. Он резонно указывал на колоссальные расходы по производству и обновлению сельскохозяйственных машин, которые окупаются лишь за 6—8 лет и которые в состоянии взять на себя только государство. «Что значит после всего этого требовать продажи МТС в собственность колхозам? — спрашивал Сталин. — Это значит вогнать в большие убытки и разорить колхозы, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства». Сталин указывал, что исключительное положение колхозов в качестве собственников основных орудий производства, каковыми не являлись в стране даже национализированные предприятия, «могло бы лишь отдалить колхозную собственность от общенародной собственности и привело бы не к приближению к коммунизму, а наоборот, к удалению от него», что в этом же направлении действовало бы и связанное с указанной мерой расширение за счет средств производства, выносимых на рынок, сферы товарного обращения. И хотя уже в начале «перестройки» «Московские новости» дали об А. Венжере победный репортаж (№ 40. 04.10.87. С. 9), прав оказался все же Сталин.

Люди старшего поколения наверняка помнят, что после великих ристаний на самых разнообразных поприщах, среди которых любимым было все же аграрно-кукурузное, Н. Хрущев вдруг оборотился в несколько неожиданную сторону — показал «кузькину мать» литераторам и людям искусства. Ходил даже анекдот. Встречаются колхозник с художником. «Как живешь?» — спрашивает колхозник. «Хорошо живу», — отвечает художник. «Ну да, — с завистью говорит колхозник, — в искусстве-то он разбирается...»

В конце 80-х — начале 90-х годов черниченко-стреляная публицистика буквально исходила стенаниями по поводу разорения Сталиным крепкого хозяина, якобы уничтожения коллективизацией целого класса тружеников-земледельцев, кормивших страну. Пока еще, слава богу, этот класс публицистику читает мало, а крепко держится за проклятые пахари по асфальту, все еще кормящие народ колхозы и совхозы. Не будь их, до чего бы довела Россию рекомендуемая этими демагогами фермеризация страны?

Между тем почему-то в тени остается главный дезорганизатор социалистического сельского хозяйства — «наш Никита Сергеевич». Не преувеличиваю ли я? Что имею в виду?

Беру только то, что, так сказать, валяется на поверхности,

то, что доступно без предварительного глубокого исследования.

Н. Хрущевым по советскому аграрному сектору, только начавшему подниматься после страшной военной травмы, было нанесено по меньшей мере три мощных удара:

1. Упомянутая уже реализация идеи А. Саниной и В. Венжера о продаже колхозам техники МТС. Это быстро привело к разукомплектации набиравших силу сельских индустриальных центров, к отливу из села квалифицированных рабочих и инженеров и к резкому ухудшению хранения и ухода за машинами и оборудованием, к накапливанию вместо них зачастую всего лишь ржавого металлолома. Н. Хрущев, при всех его благих намерениях, добился, во-первых, относительного деобобществления средств производства в сельском хозяйстве, чувствительно оторвав его от общенародной промышленности, во-вторых, вызвал стремительную деградацию его производительных сил. Беда состоит в том, что и в послехрущевское время эту ошибку не стали исправлять, довольствуясь ссылками на причины наших неудач времен Очакова и покоренья Крыма...

2. Погром травопольной системы земледелия, разработанной академиком В. Вильямсом и выручавшей наших аграриев в самые трудные времена, некомпетентное вторжение в применявшуюся десятилетиями технологию аграрного производства без тщательной проработки эффективной альтернативы.

3. Гонение на личные подсобные хозяйства, отрицательно повлиявшее как на благосостояние колхозников и работников совхозов, так и на выращивание их молодой смены.

«Ответ А. Саниной и В. Венжеру оказался последней прижизненной публикацией Сталина, что придает ей особую окраску», — писал в «Московских новостях» Д. Гай. Но не в смысле широты «орбиты Венжера» (там же), которую пытался изобразить автор, а в смысле отличия социально-экономической дальновидности от самодовольной близорукости. В большинстве случаев на стороне Сталина первая, уделом его критиков остается вторая.

29. Напутствие идущим вслед. Речь на XIX съезде КПСС 14 октября 1952 года. Заголовок составителя.

В обществе всегда существовал и, вероятно, сохранится исключительный интерес к последнему слову ушедших из жизни выдающихся деятелей. Не случайны многочисленные поиски их завещаний, домыслы по этому поводу и порою продолжительные и ожесточенные споры вокруг них. Достаточно напомнить об истории «завещания» Ленина, чтобы представить себе, как это может происходить.

Мне ничего не известно по поводу завещания Сталина. Во-первых, если хотя бы немного прочувствовать его характер, вряд ли что-либо подобное могло существовать. Во-вторых, все, что считал необходимым, он высказал. Именно этим примечательно его выступление на XIX съезде.

Фактически вся эта речь обращена к зарубежным гостям — представителям международного коммунистического и рабочего движения. Она начинается с благодарности за прибытие на съезд и неизмеримо более широко за поддержку партии советских коммунистов, которой выпала честь с октября 1917 года выступать в качестве «Ударной бригады» мирового революционного процесса.

«Конечно, очень трудно было выполнять эту почетную роль, пока «Ударная бригада» была одна-единственная и пока приходилось ей выполнять эту передовую роль почти в одиночестве, — говорит Сталин. — Но это было. Теперь — совсем другое дело. Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран, — теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее».

Понятно, почему тем коммунистическим, демократическим и рабоче-крестьянским партиям, которые еще не пришли к власти, труднее работать, чем нынешним советским коммунистам. Однако вместе с тем им легче работать, чем русским коммунистам при царизме. Во-первых, они могут опереться на опыт Советского Союза и народно-демократических стран, «могут учиться на ошибках и успехах этих стран и тем облегчить свою работу». Во-вторых, «сама буржуазия, — главный враг освободительного движения, — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связь с народом и тем ослабила себя».

Буржуазия выбросила за борт знамя буржуазно-демократических свобод. Кроме коммунистов и сторонников народной демократии, его некому больше поднять.

Буржуазия, пресмыкаясь перед долларом, отказалась и от «национального принципа». Она выбросила за борт знамя национальной независимости и национального суверенитета. Его могут и должны поднять коммунисты и народно-демократические силы.

Вот почему «есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала».

Что же касается отечественных коммунистов, то прежде всего к ним обращены слова Сталина, сказанные в марте 1953 года Чеснокову: «Без теории нам смерть, смерть, смерть!..»

СТАЛИН И ЛЕНИН

Следующие ниже журналистские заметки я посвящаю 120-летию со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили) (21.12.1879—05.03.1953). Отнюдь не претендуя на сколько-нибудь полное систематическое исследование, предлагаю вместе со мной пройти по реальным вехам событий и документам. Может быть, со временем кто-нибудь напишет об этом книгу. Хочу надеяться, что то, что здесь изложено, поможет ее автору избежать фальши.

Два выдающихся имени, поставленных в необычном порядке: Сталин — первым, Ленин — вторым, — уже предвещают выдвижение новой проблемы.

Сталин не просто провидел, а точно знал, что его будут противопоставлять Ленину. Он неоднократно испытывал это еще при жизни Учителя, особенно благодаря стараниям Л. Д. Троцкого. Он чуть не был похоронен политически в 1923—1924 годах той сутолокой, которую у постели больного вождя затеяли, всякий по-своему, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и Н. К. Крупская. Он и сам владел своего рода тактическим оружием и нередко пускал его в ход. Он ни капельки не верил в нерушимость расхожей пропагандистской «двоицы», ставшей для масс чуть ли не одним словом: «Ленин-и-Сталин», — и всячески доказывал, что является во всей своей деятельности не более, чем «верным учеником»... «То Ленин, а то я», — дважды скажет он в беседе с группой партийных идеологов 28 декабря 1945 года (Правда. 16—17.03.99. С. 3), пресекая попытки поставить себя над Учителем, отчетливо расставляя акценты и указывая на свое место в отечественной и советской истории.

1. Высокое имя Учителя

В авторском предисловии к первому тому своих Сочинений (а шел уже послепобедный, 1946 год) Сталин в первую голову считает должным объясниться по поводу того, в чем он невольно расходился с Лениным. С одной стороны, он указывает, что тексты первого, а отчасти и второго томов относятся к 1901—1907 годам, «когда выработка идеологии и политики ленинизма не была еще закончена», с другой — просит читателя «рассматривать их как произведения молодого марксиста, еще не оформившегося в законченного марксиста-ленинца».

В связи с этим Сталин обращает внимание на два стратегических вопроса, по которым он вначале занимал отличающиеся от ленинских позиции. Первый — это вопрос об аграрной программе партии, о трех вариантах решения земельного вопроса, вокруг которых вращались споры в начале века: а) раздел в собственность крестьян помещичьих земель, б) их муниципализация, в) национализация. Сталин тогда придерживался первой точки зрения — Ленин стоял уже на третьей. Разница подходов коренилась в пока что неодинаковом масштабе мышления одного и другого. Сталин, как и многие другие марксисты, предполагал, что «после победы буржуазно-демократической революции государство в России будет не социалистическим, а буржуазным, а наличие большого национализированного земельного фонда в руках буржуазного государства непомерно усилит буржуазию в ущерб интересам пролетариата». Ленин предвидел, что исторический промежуток между буржуазно-демократическим переворотом и началом социалистических преобразований не будет длительным: «мы стоим за непрерывную революцию», утверждал он, «мы не остановимся на полпути», — цитирует Сталин. «Но мы, практики, — самокритично заметит он в 1946 году, — не вникали в это дело и не понимали его великого значения ввиду нашей недостаточной теоретической подготовленности, а также ввиду свойственной практикам беззаботности насчет теоретических во-

просов. Как известно, Ленин почему-то не развернул тогда и не использовал на съезде (IV, 1906 год. — Р. К.) для обоснования национализации аргументы от теории перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую. Не потому ли он не использовал их, что считал вопрос еще не назревшим и не рассчитывал на готовность большинства практиков-большевиков на съезде понять и воспринять теорию перерастания буржуазной революции в социалистическую?» (Соч. Т. 1. С. XI—XIV. В дальнейшем ссылки на Полн. собр. соч. Ленина и Соч. Сталина составляют из буквы «Л» или «С», номера тома и страницы).

Второй вопрос Сталин упоминает в связи со своей работой «Анархизм или социализм?» (1906—1907). «В этой работе, — говорил он на встрече 28.12.45, — есть одно неправильное, устарелое положение. Раньше революционные социал-демократы обуславливали возможность социалистической революции наличием большинства пролетариата в стране. Потом мы это условие выкинули. Это надо было оговорить, что я и сделал» (Правда. 16—17.03.99. С. 3). В предисловии Сталин ссылается на «открытый Лениным закон неравномерности экономического и политического развития различных стран» в эпоху империализма, на то, что теперь «социалистическая революция победит не обязательно в тех странах, где капитализм более всего развит, а прежде всего в тех странах, где фронт капитализма слаб, где легче прорвать пролетариату этот фронт и где имеется в наличии хотя бы средний уровень развития капитализма» (С 1. XIV, XV). Полагаю, что Сталин не без умысла делает эти свои замечания. Как бы подводя итог жизни, — а Собрание сочинений уже само по себе к этому обязывает, — он дает понять, что неуклонно придерживался принципиально ленинских позиций и что разночтения, которые все же имели место, носили временный и неглубокий характер, объясняются подвижностью теории, необходимостью догонять развивающуюся революционную мысль, пионером которой выступал Ленин, и т.п. Для Сталина Ленин был отправным пунк-

том деятельности, критерием важнейших оценок и основной жизненной опорой. Никакого материала для иных серьезных мнений на сей счет у кого бы то ни было не имеется.

Сталин стал большевиком-ленинцем задолго до первой встречи с Владимиром Ильичом. «Я находился тогда в Сибири в ссылке, — вспоминал Сталин в январе 1924 года. — Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо *он один* (курсив мой. — Р. К.) понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии» (Сб. 52—53). Сталин списался с Лениным при посредстве своего товарища М. Давиташвили. «Человек, стоящий на нашей позиции, — писал он последнему (1904), — должен говорить голосом твердым и непреклонным. В этом отношении Ленин — настоящий горный орел» (С1. 56). Нет-нет, это не был обычный кавказский комплимент «пламенного колхидца» (Ленин), это было отражение глубокого понимания сути дела. Ленин воевал тогда с «хвостистской» концепцией рабочего движения, с недооценкой соединения передовой теории, современных знаний со стихийной активностью масс, роли просвещенного сознания в историческом процессе (чем грешил даже Г. В. Плеханов), и Сталин встал на его сторону. Нелепы утверждения, что он сперва находился в рядах меньшевиков. Можно понять автора жандармской справки 1903 года, согласно которой Сталин («Сосо» или «Коба») «работал в социал-демократической партийной организации сначала меньшевиком, а потом большевиком, как пропагандист и руководитель первого района (железнодорожного)», — он невежествен. Можно понять Троцкого, который, цитируя этот документ, заключает: «Из справки вытекает, что Сталин начал свою работу меньшевиком» (Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С. 181), — он пристрастен.

Но нельзя понять современного образованного журналиста, который, повторяя эти байки, умалчивает, что в 1902 году, до II съезда РСДРП еще не было ни меньшевиков, ни большевиков.

Вполне понятно, что отдаленное, молодое, романтическое восприятие блестящего, всесторонне образованного мыслителя провинциальным (надо к тому же знать тогдашний Кавказ!), низовым подпольщиком-боевиком не могло не претерпеть существенных изменений. В ходе личного общения, неизбежных притом шероховатостей и т.п. оно не могло не опроститься, обывотиться, а если иметь в виду то, что претерпел Сталин в связи с ленинскими диктовками с 23 декабря 1922 до 5 марта 1923 года, где прямо сказано о возможном разрыве отношений, то и вовсе быть отравленным. Но именно этого-то и не произошло. Известна фраза Сталина: «Это не Ленин говорит — это болезнь его говорит». И вот что характерно. Сталин мастерски отделил проявления брэнной телесности, суежного повседневно, коим оказался подвержен измученный недугом Ленин, от работы великого ленинского духа, остался его неколебимым приверженцем и выдержал вызов судьбы. Как не хватает этой способности нынешней нашей интеллигенции, которая, будучи порой задета по мелочам и гоняясь за жалкими мотыльками реванша и успеха, бывает готова втоптать в грязь бесценное и лучшее, втоптывает в грязь и себя!..

Характерный момент. 16—18 января 1924 года проходит XIII конференция РКП(б). В партии, пользуясь отсутствием Ленина и жонглируя лозунгом внутрипартийной демократии, активничает троцкистская оппозиция. ЦК дает ей отпор, говоря, «что одно дело — демократия, а другое дело — подсиживание партии, одно дело — демократия, а другое дело — использование шумихи о демократии против большинства партии». Очевидно, этот ажиотаж подогревается как невозможностью вмешательства со стороны Ильича (он умрет через несколько дней), так и слухами о его «завещании». «Оппозиция взяла себе за правило превозносить тов. Лени-

на гениальнейшим из гениальных людей, — заявит в заключительном слове Сталин. — Боюсь, что похвала эта неискренняя, и тут тоже кроется стратегическая хитрость: хотят шумом о гениальности тов. Ленина прикрыть свой отход от Ленина и подчеркнуть одновременно слабость его учеников. Конечно, нам ли, ученикам тов. Ленина, не понимать, что тов. Ленин гениальнейший из гениальных и что такие рождаются только столетиями... Разве есть у кого-либо сомнение, что Ильич в сравнении со своими учениками выглядит Голиафом? Если речь идет о вожде партии, не о газетном вожде с кучей приветствий, а о настоящем вожде, то вождь у нас один — тов. Ленин. Именно поэтому говорилось у нас не раз, что при настоящих условиях временного отсутствия тов. Ленина — нужно держать курс на коллегия» (Сб. 34, 36). Вопреки бытующим рассказам о якобы самоуправстве, произволе и т.п. Сталина замечу: даже в тех и особенно в тех случаях, когда он был автором основной идеи и когда решение исходило будто бы от него одного лично, Сталин советовался с «коллекцией» всегда. Правда, советы, ему подаваемые, могли быть разного качества. Могли быть и рекомендации, которые заведомо потрафляли подсмотренным вкусам и настроениям вождя. Но это уже, согласитесь, другой вопрос. Он неизменно возникает в связи с поведением людей «во власти» и, естественно, решается в зависимости от нравственного уровня власти имущих. Разумеется, пока существует сама эта власть...

Сильнейшим политическим оппонентом (и если угодно — соперником) Сталина и при жизни Ленина и потом был Троцкий. В «Письме к съезду» он аттестуется Лениным как «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК» (Л45. 345), но в дальнейшем срывается и, увы, не подтверждает эту характеристику. Вот что он пишет, в частности, о Сталине:

«Поверхностные психологи изображают Сталина как уравновешенное существо, в своем роде целостное дитя природы. На самом деле он весь состоит из противоречий. Главное из них: несоответствие честолюбивой

воли и ресурсов ума и таланта. Что характеризовало Ленина — это гармония духовных сил: теоретическая мысль, практическая проницательность, сила воли, выдержка — все было связано в нем в одно активное целое. Он без усилий мобилизовал в один момент разные стороны своего духа. Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воли Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь десятью-двенадцатью процентами, если принять Ленина за единицу измерения. В свою очередь, в области интеллекта у Сталина новая диспропорция: «чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости за счет способности обобщения и творческого воображения» (Троцкий Л. Д. К истории русской революции, М., 1990. С. 403).

Оставим в покое пресловутых «поверхностных психологов», каковыми могли быть разве что подхалимы и простоватые пропагандисты. Посмотрим на поведение Сталина и Троцкого непосредственно после ухода из жизни Ленина. Оно глубоко содержательно и символично для всего последующего периода. 26 января 1924 года Сталин выступает на II Всесоюзном съезде Советов со своей знаменитой клятвой Учителю «держатъ высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии»; «хранить единство нашей партии, как зеницу ока»; «хранить и укреплять диктатуру пролетариата»; «укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян»; «укреплять и расширять Союз Республик»; «укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот»; «укреплять и расширять союз трудящихся всего мира...» (Сб. 46—51). Троцкий, которого скорбная весть застала на Тифлисском вокзале (18 января, имея полную информацию о состоянии Ленина от лечащего врача Ф. А. Гетье, он, тем не менее, выехал для лечения своей экземы в Сухуми), не бросается в Москву, а ограничивается (так и хочется сказать: отделяется) отсылкой по телеграфу двухстраничной (хотя и яркой) статьи «Об умершем».

В ближайшие недели и месяцы оба — и Сталин и Троцкий, первый — в громаде дел, второй — на отдыхе — занимаются теоретической работой. В итоге на свет являются лекции Сталина «Об основах ленинизма»

и статья Троцкого «Уроки Октября». С одной стороны, перед нами емкий, систематизирующий труд, простым, понятным широчайшим массам языком излагающий суть ленинского учения; лучшее и по сей день, со всеми издержками своего времени, обобщение новаторского вклада Владимира Ильича в теорию и практику революционно-освободительного движения. То, по чему еще можно учиться и можно учить. С другой стороны, мы имеем интеллигентское эссе, посвященное событиям 1917 года, с рядом субъективистских оценок, с выпячиванием собственной роли в Октябрьском перевороте. С прозрачными намеками на «оппортунизм» всех других членов ЦК. С превознесением ««тихого» восстания столичного гарнизона к середине октября, с того момента, как батальоны по приказу Военно-революционного комитета (читай: Троцкого. — Р. К.) отказались выступить из города и не вышли», «восстания», по отношению к которому «восстание 25 октября имело только дополнительный (?) характер» (К истории... С. 278, 279).

Впоследствии в своей автобиографии Троцкий напишет, что после Февраля он, находясь далеко от Ленина и независимо от него, «давал ту же перспективу, ту же стратегическую линию, что Ленин» (Моя жизнь. Т. 2. М., 1990. С. 50). Мог ли он, повествуя о себе в Петрограде без Ленина, вынужденного скрываться, упустить случай возвысить себя? «Идол престижа, — писал позднее Троцкий о Сталине, — есть самое прожорливое из всех чудовищ!» (К истории... С. 350). Однако стоит только сопоставить «Об основах ленинизма» и «Уроки Октября», чтобы убедиться: жертвой этого чудовища стал прежде всего сам Троцкий. Сталин проявил (воспользуемся словами его критика) как «чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости (да-да, и ее тоже! — Р. К.)», так и «способность обобщения и творческого воображения». Троцкий проиграл в глазах партии вчистую. Несомненно наблюдательный историк и способный литератор, он попытался выдать себя за «ровню» Ленину, в то время как Сталин отстаивал приоритет и высокое имя Учителя. Это не могло не привести Троцкого к поражению — и интеллектуальному и моральному, лишней раз показав, какой дорогой ценой

подчас оборачивается необдуманное искусственное принижение способностей оппонента. Между тем Сталин и после Победы, то есть своего всемирно-исторического триумфа, в конце собственной жизни не переставал повторять: «То Ленин, а то я»...

Проигрыш Троцкого был не только интеллектуальным и моральным, но и интеллектуально-политическим. Даже сторонники удивлялись его пассивности в Сухуми, бесплодному ожиданию (как это случилось в 1812 году на Поклонной горе с Наполеоном) механической замены вождя на вождя. «Неужели Троцкий верит, что его с почестями доставят обратно, чтобы усадить в ленинское кресло?» — с тревогой спрашивали себя умные троцкисты (См.: Muller A. Die Sonne, die nicht aufging. Schuld und Schicksal Leo Trotzki. Stuttgart, 1959. S. 273). А тем временем ЦК, Сталин выдвинул и альтернативу «идолу престижа» — концепцию «коллективного Ленина» и «ленинский призыв» в партию. РКП(б) и ее свежее 200-тысячное рабочее пополнение были заново идейно вооружены работой Сталина «Об основах ленинизма», в сравнении с которой «Уроки Октября» смотрелись как плод пусть и грамотного, но по своему смыслу местечково-лидерского литераторства. Троцкий утверждал, что его переборол «аппарат». Да, это орудие в руках Сталина имелось, но и Троцкий тоже ведь находился не в дальнем уезде, а во главе Реввоенсовета Республики, то есть Красной Армии. Увы, этот деятель, которого Сталин как-то в сердцах назовет «патриархом бюрократов», был побежден также собственной заносчивой недалекостью, верхушечным типом мышления и слабым знанием строя чувств и мыслей (менталитета) русского народа. В последнем и Ленину и Сталину, при всех различиях их умственного и эмоционального склада, никак нельзя отказать.

2. Ученик не был рабом

Существовала «глубоко ошибочная позиция», которую Сталин, по его признанию, «разделял... с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля (1917 года. — Р. К.), присоеди-

нившись к тезисам Ленина». Как легко догадаться, речь идет о первых пробных шагах большевистского ЦК непосредственно вслед за Февральской революцией. «Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы, — указывал Сталин. — Партия (ее большинство) шла к этой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов» (Сб. 29, 333). Ленина на родине еще не было — Сталин возвратился из туруханской ссылки 12 (25) марта, так что для него, как и для многих других партийцев, этот период «половинчатой политики» длился в пределах одного месяца. Срок в общем-то ничтожный. Зато сколько злорадных страниц посвятил этому Троцкий!

В дальнейшем Сталин неизменно идет в фарватере ленинского курса, выступая ближайшим помощником Владимира Ильича и даже оказывая ему бытовые услуги. 3 апреля Сталин в числе встречающих Ленина на станции Белоостров; с 7 июля Ленин скрывается в комнате Сталина у Аллилуевых; 11-го Сталин провожает Ленина в Разлив; на VI съезде партии (26 июля — 3 августа 1917 года, Ленин пока в подполье) Сталин выступает с двумя докладами ЦК — отчетным и о политическом положении. Именно он («серое пятно», «осторожный кунктатор» и т.п. в глазах Троцкого) дает отпор попытке троцкиста Е. А. Преображенского определить направление будущей государственности «к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму». — «Я против такой поправки, — скажет Сталин. — Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» (СЗ. 186—187). Вон уже когда Сталин «заработал» еще один эпитет Троцкого: «философ социализма в отдельной стране» (Моя жизнь. Т. 2. С. 54)! Лю-

бопытный штрих: молоденькая жена Сталина, Н. С. Аллилуева, работает «секретаршей» в Управлении делами Совнаркома; во время чистки партии 1921 года ее исключают за пассивность и только благодаря заступничеству Ленина оставляют в рядах РКП(б) (См.: Л51. 82—83, 584). Именно Сталину измученный болезнью Ленин адресует свою последнюю отчаянную просьбу: дать яд — и именно на него изливает свое накопившееся раздражение...

Пользуясь некоторой свободой журналистского выбора, замечу, что в первые годы Советской власти волевым эпицентром событий, связанных главным образом с развязанной державами Антанты военной интервенцией и гражданской войной, был личностный «треугольник»: Ленин — Троцкий — Сталин. Последний, занимая посты наркома по делам национальностей и наркома госконтроля — Рабоче-крестьянской инспекции, выполнял задания ЦК по организации продовольственного дела Республики и комиссарские обязанности на ряде фронтов. При этом даже поверхностному наблюдателю очевидна вовлеченность Сталина в противоречия и бурные столкновения двоякого рода. Во-первых, это споры по поводу организации принципиально новой, Рабоче-крестьянской Красной Армии, формирования и воспитания ее кадрового состава, особенно командного. Во-вторых, это большая или меньшая сориентированность на победу в национально-российских масштабах или же на перенесение действий и за пределы страны. Противостояние Троцкого и Сталина доводится тут до открытого антагонизма, но Ленин, направляя сильные стороны обоих на пользу общего дела, умело блокирует негативные проявления их характеров железной рукой.

Из письма Сталина Ленину от 3 октября 1918 года следует, что кадровая политика и приказы Троцкого вызывают конфликты в среде фронтовиков, представляют собой специфическую право-левацкую смесь. С одной стороны, Троцкий явно держит сторону выходцев из старого офицерства в противовес новым революционным командирам из рабочих и крестьян, с другой —

предъявляет драконовские дисциплинарные требования. «...Вся эта троцкистская дисциплина, — отмечает Сталин, — состоит на деле в том, чтобы виднейшие деятели фронта созерцали заднюю военных специалистов из лагеря «беспартийных» контрреволюционеров и не мешали бы этим последним губить фронт (это у Троцкого называется невмешательством в оперативные дела)... Я уже не говорю о том, что Троцкий, вчера только вступивший в партию, старается учить меня партийной дисциплине, забыв, очевидно, что партийная дисциплина выражается не в формальных приказах, но, прежде всего, в классовых интересах пролетариата». С этим сталинским письмом, по сути, перекликается категорический протест членов ЦК И. Т. Смилги и М. М. Лашевича «против крайне легкомысленного отношения т. Троцкого к таким вещам, как расстрел. Он, узнав, что в каком-то полку перебежало несколько офицеров, требует расстрела комиссаров полка и дивизии» (Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996. С. 52, 58).

Троцкий никогда не был и не мог стать полководцем. Он и в самом деле не вмешивался (ибо был совершенно не компетентен) в оперативные дела. На счету этого «вождя и организатора Красной Армии» (так было записано даже в воинском Уставе. См: К истории... С. 34) не значится ни одного выигранного сражения. Однако многих людей довольно продолжительное время буквально околдовывала его сила и власть. В чем она состояла? Во-первых, Троцкий был умелым, вдохновенным, артистичным оратором и плодовитым публицистом, что само по себе уже немало. Во-вторых, он был беспощадным администратором, метавшимся, как наказание божие, на своем знаменитом поезде по всем фронтам. «Поезд, — писал сам Лев Давидович, — связывал фронт и тыл, разрешал на месте неотложные вопросы, просвещал, призывал, снабжал, карал и награждал». И внушал командованию обязанность «ставить солдат между возможной смертью впереди и неизбежной смертью позади» (Моя жизнь. Т. 2. С. 141). До поры до времени, особенно пока командные кадры сколачивались из про-

фессионалов, которые шли в Красную Армию в лучшем случае из патриотических (не просоветских) убеждений, это действовало. Затем на VIII съезде РКП(б) выступила военная оппозиция, которую Троцкий прямо связывал с окружением К. Е. Ворошилова («царицыны») и за которой ему мерещилась фигура Сталина.

Сталин отдавал должное военспецам, но никогда не увлекался ими. Он больше упирал на классовый характер новых вооруженных сил, не упуская из виду профессионализм. «Смелее нужно выдвигать людей из народа. Старые унтер-офицеры отлично справятся с делом. Своим людям масса может доверять больше, чем офицерам», — эта ленинская установка еще апреля 1917 года (Ленин — вождь Октября. Воспоминания ленинградских рабочих. Л., 1956. С. 22) была для Сталина определяющей. Ее отголоски не раз звучат в сталинских текстах периода гражданской войны (См.: С 4, 131, 147, 150).

Сталин не разделял левацко-анархические взгляды многих военных оппозиционеров, защитников «отрядной неразберихи», партизанщины в молодой армии, становящейся регулярной, но отстаивал ее глубоко народную сущность. Здесь ясно сказывалось глубочайшее различие социальных позиций его и Троцкого. Ибо у военной оппозиции была и другая сторона. «Большинство военных делегатов, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — было резко настроено против Троцкого, против его преклонения перед военными специалистами из старой царской армии, часть которых прямо изменяла нам во время гражданской войны, против высокомерного и враждебного отношения Троцкого к старым большевистским кадрам» (История Всесоюзной коммунистической партии (большеви́ков). Краткий курс. М., 1997. С. 224). На деле имелось две линии в военном строительстве — вершущечно-бюрократическая, с бонапартистским заносом, и научно-демократическая. Ее емко отразила резолюция VIII съезда по военному вопросу (См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч.1. М., 1954. С. 430—441). «Я не выступал так враждебно против

«военной оппозиции», как это угодно было, может быть, Троцкому, — заявит Сталин много позднее на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 года, — потому, что я считал, что среди военных оппозиционеров имеются великолепные работники, без которых нельзя обойтись на фронте, но что я безусловно выступал и боролся против военных оппозиционеров — это факт, против которого могут спорить только такие отпетые люди, как Зиновьев и Троцкий» (С10.41, 42).

Отголоском споров на VIII съезде вскоре явилось решение ЦК РКП(б) относительно ставки от 15 июня 1919 года, которое Троцкий попытался опрокинуть, заявляя, что оно «заключает в себе причуды, озорство» и т.п., на что получил твердый отпор. «Т. Троцкий ошибался, — писал Ленин в ЦК 17.06.19: — ни причуды, ни озорства, ни растерянности, ни отчаяния, ни «элементов» сих приятных (Троцким с ужасной иронией бичуемых) качеств здесь нет. А есть то, что Троцкий обошел: большинство Цека пришло к убеждению, что ставка «вертеп», что в ставке неладно, и *в поисках серьезного улучшения, в поисках средств коренного изменения, сделало определенный шаг*. Вот и все» (Л50. 491, 352—353). Нашел ли этот сюжет отражение в трудах наших военных историков?

Насколько сложно было разобраться в накопившихся противоречиях при бешеном темпе событий и неполноте информации, свидетельствует речь Ленина на съезде 21 марта 1919 года (к сожалению, почему-то не включенная в Полное собрание сочинений). «У нас бывали разногласия, ошибки, — признавался он, — никто это не отрицает. Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно, и те документы, которые цитировал тов. Ворошилов... нашу ошибку раскрыли. Моя ошибка раскрылась, а я ведь телеграфировал: будьте осторожны. Я делал ошибку. На то мы все люди» (Ленинский сборник XXXVII. С.136).

Это недоразумение возникло в связи с тем, что в середине августа 1918 года Царицынской ЧК был раскрыт

антисоветский заговор во главе с инженером Алексеевым, за которым стоял посланец Троцкого, полковник Носович, осенью перешедший на сторону белых. «В заговоре, — указывалось в Извещении Военного совета Северокавказского округа от 21.08.18, — принимали участие в качестве руководителей правые, эсеры, некоторые из офицеров и др. У заговорщиков обнаружен целый штаб: отдавались приказы, намечен был план захвата советских правительственных учреждений и складов вооружения, приготовлена была целая кипа красных нашивок для участников заговора, и уже составлены были в ожидании победы ликующие прокламации о свержении власти большевиков. Само восстание назначено было на время смен караула в 2 часа ночи с 17 на 18 августа. Главные заговорщики открыты и переарестованы. Некоторые из них, безусловно виновные, расстреляны. Кроме плана, приказов, у заговорщиков обнаружены свои запасы вооружения, а также зарытые в земле три мешка с деньгами суммой до 9 миллионов» (Документы по истории гражданской войны. Т. 1. М., 1941. С. 247).

«Были разногласия у Сталина со мной, — разъяснял, вспоминая инцидент, Ленин, — Сталин доказал, и никто не станет из этого выводиться, что политика ЦК не проводится в военном ведомстве» (Ленинский сборник XXXVII. С. 136). Весьма примечательно, что эти высказывания Ленина были полностью проигнорированы в составленной «под Хрущева» справке Н. М. Шверника о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году участникам военного заговора, от 26 июня 1964 года (См.: Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 81 и др.). Кстати, цитируя приводимое тремя абзацами раньше заявление Сталина 1927 года о его отношении к военной оппозиции, справка Шверника оставила лишь 25 слов из 56, грубо исказив смысл и произвольно оборвав текст (там же. С. 83). В силу этого ее вообще нельзя считать достоверным документальным источником.

В Собраниях сочинений Ленина и Сталина имеется немало документов, характеризующих тональность и стиль их взаимоотношений. Сталин краток, четок, кон-

кретен, деловит, откровенен, требователен. Его доклады и обращения к Ленину продиктованы знанием обстановки и нужд фронта, порой жестки и критичны. В них нет и тени заискивания и подобострастия. Как и ответы Ленина, они проникнуты чувством абсолютного доверия, взаимной ответственности, понимания взятых на себя обязательств. Сталин позволяет себе теплые слова в адрес «моего дорогого и любимого Ильича» только в моменты удачи и благоприятного перелома на фронте. Ленин обходится, как правило, без сантиментов. Сталин по-молодому гарцует после успешно проведенного штурма мятежных фортов Красная Горка и Серая Лошадь и с суши и, вопреки канонам военно-морской науки, с моря. «Считаю своим долгом заявить, — пишет он Ленину, — что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой» (С4. 261). За эту операцию Сталин награждается орденом Красного Знамени. Решение принимается на том же заседании Политбюро, на котором награждается Троцкий. «Как же ты не понимаешь? — будто бы увещевал недоумевающего М. И. Калинина Н. И. Бухарин. — Это Ильич придумал: Сталин не может жить, если у него нет чего-нибудь, что есть у другого. Он этого не простит» (Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 165). Здесь видится как выпад против Сталина, для Троцкого типичный, так и признание того, что мысль о награждении одновременно обоих деятелей принадлежит Ленину, что они сопоставимы друг с другом.

3. Еще один пример из гражданской войны

В истории России случались совпадения идей, замыслов и поступков, вызывающие восхищение, удивление или же усмешку. Так, вспоминается «великий проект» Павла I, согласованный было с Наполеоном, согласно которому соединенные армии двух держав (генералы Орлов и Массена) должны были за три месяца достичь берегов Инда и похитить «жемчужину британской короны». В марте 1801 года казачий «авангард под командой атамана Денисова уже переправился по льду через

Волгу..., когда весть о смерти Павла неожиданно остановила все» (История XIX века. Т. 2. М., 1938. С. 415). Кто бы мог знать, что этот сумасбродный проект повторится?

Несомненно, большевики брали власть в октябре 1917 года с прямым расчетом на распространение революции по всей Европе. Ноябрьская революция 1918 года в Германии и Венгерская революция 1919 года подкрепили эту надежду на очень непродолжительный период. Ленин тут же сформулировал альтернативу: раз революция на Западе запаздывает, следует, опираясь на собственные силы и возможные научно-технические и организационные заимствования из-за границы, строить образцовую базу мирового социализма в России. Сталин стал вернейшим сторонником и проводником этой линии.

Но не таков был Троцкий. В августе 1919 года он пишет доклад, в котором, ссылаясь на удушение Советской Венгрии и на то, «что большие события на Западе могут нагрянуть не скоро», предлагает ЦК РКП(б) «стать лицом к востоку... Дорога на Индию, — утверждает он, — может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию... Один серьезный военный работник (хорошо бы выяснить кто. — Р. К.) предложил еще несколько месяцев тому назад план создания конного корпуса (30 000—40 000 всадников) с расчетом бросить его на Индию... Подготовка «элементов» азиатской ориентации и, в частности, подготовка военного удара на Индию, на помощь индусской революции, — писал Троцкий, — может носить только предварительный, подготовительный характер». А через полтора месяца уже просил ЦК «предписать Реввоенсовету республики сосредоточить в Туркестане материальные и персональные элементы для возможного с нашей стороны наступления из Туркестана на юг» (Архив Троцкого. Т. 1. М., 1990. С. 181—185).

ЦК не пошел тогда на подобное решение. Четко обозначилось еще одно противоречие — между русско-интернациональной линией Ленина (и Сталина) и ин-

тернационально-космополитической линией Троцкого. Ныне их внешнее сходство сбивает с толку некоторых патриотов, провоцирует их на подчас необдуманные отождествления и оценки. В действительности же здесь угадывается весьма существенное различие между интенсивно конструктивным пониманием мирового революционного процесса и курсом на его экстенсивно-разрушительное распространение искусственным методом подталкивания извне. Правильность, жизненную правоту первой линии доказали как три десятилетия сталинского руководства, факт победы в Великой Отечественной войне и образования мировой социалистической системы, так и морально-политический крах троцкизма, поражение СССР в афганской кампании.

Одна из самых драматических ошибок воззрений и характеров периода гражданской войны произошла летом-осенью 1920 года, во время горестно знаменитой польской операции. Дело началось с нападения панской Польши (апрель), при подстрекательстве и всяческой поддержке Франции, а за нею также Англии и Америки на Советскую Россию, нападения, уже тогда окрещенного как третий поход Антанты. С захвата белополяками ряда белорусских и украинских областей, включая Киев. Говоря о таком факторе военного успеха, как отношение к агрессору местного населения, Сталин отмечал, что «ни один из прилегающих к Польше районов не может быть признан для польских войск благоприятным ни в смысле района удара, ни в смысле дальнейшего развития этого удара...» (С4. 326). Это утверждение, появившееся на страницах «Правды» в конце мая, вскоре оправдалось. 5 июня Конная армия С. М. Буденного нанесла удар в направлении Житомира, после чего польский фронт посыпался. С этого момента Сталин придерживался в отношении западного театра военных действий, скорее, примера М. И. Кутузова, сказавшего в Вильно: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля» (Жилин П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М., 1953. С. 340), — чем намерения продолжать преследовать противника на его террито-

рии. Он настаивал на перенесении центра внимания на потенциально более опасный Крымский фронт, в сторону возможности «взорвать с тыла плоды наших побед над поляками» (С4. 339). Однако возобладала другая точка зрения.

В своей автобиографии Троцкий стремится взвалить ответственность за все последующее на Ленина (а также на Сталина). «Я снова объезжал армии и города, мобилизуя людей и ресурсы, — пишет он с интонацией невинности... — Стало складываться и крепчать настроение в пользу того, чтоб войну, которая началась как оборонительная, превратить в наступательную революционную войну. Принципиально я, разумеется, не мог иметь никаких доводов против этого» (Моя жизнь. Т. 2. С. 190—191). Темпераментный Троцкий с видом смиренной овечки изображает себя жертвой сложившейся психологической обстановки, хотя речь идет, по сути, о намерении придать российской революции — еще до основательного закрепления ее позиций усилиями в мирном хозяйственно-культурном строительстве — всеевропейский размах, подтвердить излюбленную троцкистскую схему, согласно которой «социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете» (К истории... С. 287). Мотивы Троцкого и Ленина и на этот раз совершенно не совпадают. Что для Троцкого было делом абстрактного принципа и подпитки гордыни, для Ленина являлось последней попыткой пробиться, наконец, на смычку с революционной Германией. Сталин тут стоит особняком, находясь в некоем подобии оппозиции. В результате наступательный порыв, по словам Троцкого, «совершенно неслыханный и беспримерный», превращается «в катастрофическое отступление» (Моя жизнь. Т. 2. С. 191).

С самого начала кампании Сталин отнюдь не скрывал своих скептических взглядов. «Ни одна армия в мире не может победить (речь идет, конечно, о длительной и прочной победе) без устойчивого тыла, — пишет он в мае 1920 года. — Тыл для фронта — первое дело,

ибо он, и только он, питает фронт не только всеми видами довольствия, но и людьми — бойцами, настроениями и идеями. Неустойчивый, а еще более враждебный тыл обязательно превращает в неустойчивую и рыхлую массу самую лучшую, самую сплоченную армию... Тыл польских войск в этом отношении, — предостерегает Сталин, — значительно отличается от тыла Колчака и Деникина к большей выгоде для Польши. В отличие от тыла Колчака и Деникина, тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение — «чувство отчизны» — передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польских войск». В самой категорической форме Сталин осуждает «бахвальство и вредное для дела самодовольство» тех, кто «не довольствуются успехами на фронте и кричат о «марше на Варшаву», тех, кто, «не довольствуясь обороной нашей Республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на «красной советской Варшаве». Свое отрицательное отношение к идее «марша на Варшаву» он вновь воспроизводит в интервью «Правде» 11 июля. Тогда же Сталин пишет проект Циркулярного письма ЦК РКП(б) о необходимости пополнить надежными кадрами Крымский фронт (С4. 323, 333, 339, 344—345). Таким образом, тактико-стратегическая оценка Сталиным положения и первоочередных задач на фронтах этого, завершающего в европейской части страны этапа гражданской войны временно не совпадает ни с позицией Ленина, ни, тем более, с позицией Троцкого. Это затем сказывается в его поведении как члена Реввоенсовета Республики и Юго-Западного фронта.

В то время как войска этого фронта, которым командовал А. И. Егоров, были сосредоточены на наступательной операции в районе Львова, Западный фронт, возглавляемый М. Н. Тухачевским (член РВС И. С. Уншлихт) и направляемый Троцким, осуществлял рейд на Варшаву. Сведя на нет впечатляющие победы первых

месяцев лета, он, как известно, потерпел полнейшую неудачу.

Кто виноват в этом провале? Советская историография давала тут разные ответы. Мнение Троцкого нам уже известно. Мнение Сталина и историков его времени емко выражено в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (см.: С. 230—231). Но ближе к истине, пожалуй, малоизвестные документы тех месяцев и лет.

30 августа 1920 года по горячим следам событий Сталин предложил Политбюро ЦК РКП(б) образовать комиссию «по обследованию условий нашего июльско-го наступления и августовского отступления на Западном фронте». В связи с полемикой, развернувшейся на IX партконференции (сентябрь), он был вынужден письменно обратиться в ее президиум. «Заявление т. Троцкого о том, — говорилось в нем, — что я в розовом свете изображал состояние наших фронтов, не соответствует действительности. Я был, кажется, единственный член ЦК, который высмеивал ходячий лозунг о «марше на Варшаву» и открыто в печати предостерегал товарищей от увлечения успехами, от недооценки польских сил. Достаточно прочесть мои статьи в «Правде»».

Сталин возражал также Ленину, который упрекал его в пристрастном отношении к Западному фронту, говоря, «что стратегия не подводила ЦК». Сталин отмечал, что ЦК принял решение «в сторону продолжения наступательной войны», доверившись ошибочной информации командующего и члена РВС фронта. Логика ЦК была абсолютно правильной, но ее исходные посылы оказались недостоверными. «Никто не опроверг, — указывал Сталин, — что ЦК имел телеграмму командования о взятии Варшавы 16-го августа. Дело не в том, что Варшава не была взята 16-го августа, — это дело маленькое, — а дело в том, что Запфронт стоял, оказывается, перед катастрофой ввиду усталости солдат, ввиду неподтянутости тылов, а командование этого не знало, не замечало. Если бы командование предупредило ЦК о действительном состоянии фронта, ЦК, несомненно, отказался бы временно от наступательной войны, как он делает это теперь. То, что Варшава не бы-

ла взята 16-го августа, это, повторяю, дело маленькое, но то, что за этим последовала небывалая катастрофа, взявшая у нас 100 000 пленных и 200 орудий, это уже большая оплошность командования, которую нельзя оставить без внимания. Вот почему я требовал в ЦК назначения комиссии, которая, выяснив причины катастрофы, застраховала бы нас от нового разгрома. Т. Ленин, видимо, щадит командование, — заключал Сталин, — но я думаю, что нужно щадить дело, а не командование» (Большевистское руководство... С. 156, 160—161).

До недавнего времени в числе немногих неопубликованных работ Ленина оставались его выступления на IX партконференции. Тем, кто решал вопрос о составе Полного собрания сочинений, видимо, представлялось удобным выставить Сталина главным виновником случившегося: не дал, дескать, из упрямства Первую конную под Варшаву и тем самым предопределил беду. Агитпроповцы довольно неуклюже оберегали авторитет Ленина, который в свое время взял ответственность на себя и на ЦК.

Выступая на конференции, Троцкий сравнил состояние измотанных красных войск под Варшавой с состоянием «полусомнамбулы». «В прениях тов. Троцкому было указано, — заметил на это Ленин, — что если армия находилась в полусомнамбулическом или, как он потом выразился, полуусталом состоянии, то ведь центральное стратегическое командование не было или по крайней мере не должно было быть полуусталым. И ошибка, несомненно, остается... Если мы не научились после Деникина и Колчака устанавливать эту стену внутренней усталости, если состояние духа на одну треть сомнамбулическое, то мы должны сказать всякому политическому руководителю: благоволиите подтвердить наши директивы и изменить. Мы это делать еще не научились, хотя два раза проделали опыт с Деникиным, Колчаком и Польшей». Ленинский анализ причин неуспеха в основном совпадал со сталинским. «Мы встретили большой национальный подъем мелких буржуазных элементов, которые по мере приближения (красных. — Р. К.) к Варшаве приходили в ужас за свое националь-

ное существование, — говорил Владимир Ильич. — Нам не удалось прощупать действительного настроения пролетарских масс и в батрачестве, и в рядах промышленного пролетариата Польши» (Ленин В. И. Известные документы 1891—1922. М., 1999. С. 389—390, 315—376).

Особо следует отметить, что в самый разгар варшавской драмы Сталин обратился в Политбюро ЦК с запиской о создании боевых резервов Республики. Непосредственно обобщая происходящее, извлекая из него живые уроки, он предлагал принять программу по этому вопросу, в том числе «меры к постановке и усилению» авто-, броне- и авиапромышленности (это в двадцатом-то году!), не утратившие смысла до конца Отечественной войны. Сталин возмущался тем, что Троцкий ответил на его предложения «отпиской», и перечислял конкретные недостатки армейской работы и способы их устранения. «ЦК должен знать и контролировать всю работу органов военного ведомства. Не исключая подготовки боевых резервов и полевых операций, — подчеркивал Сталин, — если он не хочет очутиться перед новой катастрофой» (С4. 349). «Несомненно, — острил Троцкий еще в связи с Брестом, — что главная моя забота: сделать наше поведение в вопросе о мире как можно более понятным мировому пролетариату было для Сталина второстепенным. Его интересовал «мир в одной стране», как впоследствии — «социализм в одной стране». В решающем голосовании он присоединился к Ленину» (Моя жизнь. Т. 2. С. 122). Но Троцкий проглядел самое существенное. Становление новой, трудовой и антиэксплуататорской общественной системы реально начинается не с «мирового пролетариата», который в устах этого «вождя Красной Армии» выглядит всего лишь красным словцом, а как раз с «одной страны». Этой страной в мировой истории явилась наша Родина — Россия. Вот почему Сталин делал все, чтобы органически слить природно присущую ей «всемирную отзывчивость» (Пушкин—Достоевский) с «национальной гордостью великороссов» (Ленин), не мыслил интернационализм без патриотизма. Троцкий предпочел ос-

таться в разреженной атмосфере своих неукорененных холодных абстракций. Он так и не сумел понять, что его, как ему казалось, «серый» оппонент неизмеримо деловитее и зреее, проникновеннее и ярче, диалектичнее и «материалистичнее» «мэтра» и как революционер.

4. Хрущевская «соломинка»

В марте 1943 года Сталин отказал Хрущеву в просьбе за сына Леонида, который, совершив второе тяжкое преступление, подлежал суду военного трибунала. По свидетельству кремлевской охраны, Хрущев в присутствии приближенных тогда заявил: «Ленин в свое время отомстил царской семье за брата, а я отомщу Сталину, пусть мертвому, за сына, покажу, где живет «кузькина мать»» (Докучаев М. С. Москва. Кремль. Охрана. М., 1995. С. 165).

Спустя три года после кончины Сталина ему, пока что лежавшему рядом с Лениным в Мавзолее, как писал по поводу гибели Пушкина Алексей Кольцов, «сняли голову не большой горой, а соломинкой».

По-видимому, для этой цели академику Поспелову П. Н. было поручено подготовить к XX съезду КПСС доклад «О культе личности и его последствиях» (рукопись в архиве имеется). Однако на второй день съезда, 15 февраля 1956 года, Хрущев перепоручил эту работу Д. Т. Шепилову. «Он дал мне полный карт-бланш, — вспоминал Дмитрий Трофимович. — ...При этом никаких особых материалов у меня под рукой не было, только текст Поспелова.... Шепилов писал два с половиной дня. «Рукопись отдал Хрущеву, а сам поехал на съезд. Когда он потом читал доклад, я находил в нем свои целые абзацы. Но текст кто-то перелопатил». Помимо внесения возможных диктовок лично Хрущева (он «сам никогда не писал») Шепилов допускал вмешательство хрущевских помощников Лебедева и Шуйского. Но самое примечательное состоит в том, что при этом были совершенно обойдены законные, уставные коллегиальные органы и нормы выпуска такого рода документов. «До съезда капитального обсуждения доклада не было.

Это точно. Говорили об этом — да, но возможность выйти на съезд с докладом многих просто пугала» (И при-мкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 125, 126). Правду говорил мне в начале 70-х годов Д. И. Чесноков: «Он (Хрущев. — Р. К.) обманул ЦК».

При всем ошеломляющем эффекте от этого шага мало кто предвидел параметры и длительность его па-губных последствий. Возобновляемые волна за волной мазохистские антисталинские кампании (подобных не знала ни одна страна) образовали гигантскую брешь в освещении послеоктябрьской истории, в преемствен-ном развитии марксистско-ленинского учения, в граж-данском самосознании ряда поколений. Отбросив в сторону и топча «завешание» последнего самостоятель-ного марксиста в руководстве КПСС, Сталина, то есть его «Марксизм и вопросы языкознания» (до сих пор не расшифрован глубокий антидогматический смысл этой работы), «Экономические проблемы социализма в СССР» и речь на XIX съезде КПСС, послесталинская партий-ная, государственная, хозяйственная и академическая бюрократия лишила себя современного теоретического компаса. С «матерью Кузьмы» без вины заставили по-знакомиться трудовой народ. Голову сняли не с забаль-замированного тела, а с живой партии и страны. В рост пошли однообразно-пестрые аппаратные безголовцы.

В знаменитом хрущевском докладе было три особо шокирующих момента. Первый: о разрыве Лениным отношений со Сталиным 5 марта 1923 года; второй: о планировании военных операций Отечественной по глобусу; третий: о якобы причастности Сталина к орга-низации убийства С. М. Кирова и репрессиях 30-х годов. «Наш Никита Сергеевич» разделявал Сталина почти по Троцкому...

Прослеживая теперь послеоктябрьские вехи жизни и деятельности Сталина, не только утратившие свой культовый глянец, но и протертые буквально до костей хрущевистами и «демократами», поневоле отмечаешь их некую параллельность в 1917—1924 годах с «одис-сеей» Троцкого. Ленин все время держит Сталина на

роли критического «дублера», в определенном смысле теневой, поручая ему комиссарские, контрольные, ин-спекторские и снабженческие функции и не мешая прямо вмешиваться в военные дела. Он очевидно гасит с помощью Сталина те очаги возмущения, стесывает те углы, которые творит в настроениях прифронтового на-селения специфическая прямолинейно-вихревая мане-ра Троцкого.

Взять для примера хотя бы его отношение к казаче-ству. На сей счет у самого Льва Давидовича достаточно беспощадно категоричных высказываний. Правы писа-тель В. И. Белов и общественвед В. И. Клушин, считая, что целой полосой террористических акций он прово-цировал казаков и крестьян на вооруженные выступле-ния против Советской власти (См.: Клушин В. И. Мало-известное о Троцком. Л., 1997. С. 19). На сей счет гуляла даже своеобразная «теория». «Бесспорно, — писал в июле 1919 года один из ее сторонников, член Донревко-ма И. И. Рейнгольд, — принципиальный наш взгляд на казаков, как на элемент, чуждый коммунизму и совет-ской идее, правилен. Казаков, по крайней мере огром-ную их часть, надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужны огромный такт, величайшая осторожность и всяческое заигрыва-ние с казачеством; ни на минуту нельзя упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воин-ственным народом, у которого каждая станица — во-оруженный лагерь, каждый хутор — крепость» (Боль-шевистское руководство... С. 108). Соглашался ли с этим циничным подходом Сталин? Несомненно нет. Он шел тут привычно за Лениным, с ведома которого в день смерти Я. М. Свердлова (16.03.19) Пленум ЦК РКП(б) отменил его зловещую директиву по рассказа-ванию от 24 января 1919 года. Сталин наблюдал казаков в деле, — они являли собой лучшую часть боесостава Первой конной армии. И в упомянутой записке о созда-нии боевых резервов (25.08.20), в пору известного заси-лья антиказачьих настроений в верхах, предложил «не-медленно приступить к образованию пяти конных бри-гад в 1500 сабель каждая (одну бригаду из терских казаков,

другую — из горцев Кавказа, третью — из уральских казаков, четвертую — из оренбургских казаков, пятую — из сибирских» (С4. 347). Правда, отмена «для казачества всех ранее существовавших ограничений в отношении их службы в рядах Рабоче-крестьянской Красной Армии» (История Советской Конституции (в документах) 1917—1956. М., 1957. С. 703—704) последует только в апреле 1936 года. Но временные ограничения — это не сочетание истребления с заигрыванием...

Находясь ближе к воюющим низам и более многогранно отражая их интересы, Сталин не мог не видеть перекосы в кадровой политике Троцкого с точки зрения не только соотношения в командном составе представителей старого офицерства и рабоче-крестьянских выдвиженцев, но и его национального облика. Член коллегии ВЧК Г. С. Мороз, обращаясь в ЦК РКП(б) по вопросу о связи контрреволюции и антисемитизма, указывал на необходимость «вливать евреев-коммунистов в ряды Красной Армии в качестве прямых солдат. До сего времени евреев-коммунистов в Красной Армии рядовых нет, — писал он. — Объясняется это просто тем, что большинство из них... заняты в советских учреждениях в качестве сотрудников, но в настоящее время вполне возможно было бы заменить их и некоммунистами и неевреями... Как бы мне ни хотелось писать обо всем изложенном («сам я еврей», — отмечал Мороз), но преданность Революции подсказывает мне это сделать» (Большевистское руководство... С. 91). Нарушение интернационалистского подхода со стороны Троцкого в этом вопросе не могло не питать оппозиционность в армейских кругах снизу, налагало свою печать на его отношения со Сталиным и Лениным.

Ленин имел веские причины в своей диктовке 24.12.22 поставить гарантии от раскола партии в зависимости от взаимопонимания между Сталиным и Троцким, отношений «двух выдающихся вождей современного ЦК...» В добавлении к этому письму он продолжает размышлять о Сталине и предлагает переместить его с должности генсека, заменив другим человеком. Каким? Таким, который «отличается от тов. Сталина *только*

одним (курсив мой. — Р. К.) перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» Человека с этим «одним перевесом» в ЦК и в партии ни тогда, ни много позже не нашлось. На мой взгляд, партия от этого, скорее, выиграла, чем проиграла.

В погоне за очернительским материалом и чернящими эпитетами многие толкователи якобы скрытого «завещания» Ленина упускали из виду — умышленно или же от недомыслия, — во-первых, то, что Ленин дает характеристики не одному, а шести ответственным руководителям партии и государства, во-вторых, то, что вокруг головы Сталина уже сгущается неизбежная во всех подобных случаях дворцовая интрига. Да-да, именно она. Причем активное, если не инициативное участие в ней принимает жена Ленина, Н. К. Крупская.

Вследствие недомогания, которое стало сильно тревожить Ленина с конца 1921 года, он не был уверен, что сможет выступить с политическим отчетом ЦК на XI съезде РКП(б). Ленин даже переслал В. М. Молотову, тогда секретарю ЦК, свой план доклада с просьбой назначить — на всякий случай — дополнительного докладчика (Л45. 345, 346, 60—62). Но на этот раз все обошлось благополучно.

Среди прочих делегатов на съезде выступил и Преображенский (в те годы член коллегии наркомфина), высказавший ряд критических замечаний в адрес Ленина и Сталина. «Тов. Ленин делал большую ошибку, — заявил оратор, — когда он занимался из года в год совнаркомовской вермишелью и не мог уделить достаточно времени основной партработе, партийному руководству, не мог давать вовремя ответы, будучи всецело поглощен этой вермишелью и теряя на ней здоровье. Или, товарищи, возьмем, например, т. Сталина, члена Политбюро, который является одновременно наркомом двух наркоматов. Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, в Оргбюро и десятке цекистских комиссий? От такой практики, товарищи,

надо отойти» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—апрель 1922 г. М.? 1936. С. 89).

Сталин был делегатом с совещательным голосом и на съезде не выступал. Ленин защитил его. «Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах, — заметил Владимир Ильич. — А кто не грешен из нас? Кто не брал несколько обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе?» Ведь «людей нет!» В наркомнаце нужен «человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело». В Рабкрине «для того чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах» (Л45.122).

По словам Д. Штурман (Тиктиной), «какое-то время он (Ленин. — Р. К.) относился к Сталину чуть ли не с нежностью... Привязанность Ленина к Сталину, сменявшаяся отчетливой антипатией лишь в конце 1922 года, восходит к 1900 годам...» Антикоммунистка Штурман связывает свое утверждение с тем, что «Сталин руководил знаменитыми «эксами» (или попросту — грабежами), пополнявшими большевистскую партийную кассу» (О вождях российского коммунизма. Кн. 1. Париж—М., 1993. С. 24, 26), и, ничем не доказывая это, «забывает» о куда более важных вещах.

Так, в переписке Ленина 1913 года просматривается его озабоченность влиянием на партийный актив идей махизма и богостроительства, ликвидаторства и национал-сепаратизма (Бунд и др.). «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться серьезно, — пишет он А. М. Горькому. — У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» (большевистский журнал. — Р. К.) большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы. Мы на это наляжем... Той мерзости, что в Австрии (партийный национал-федерализм, несовместимый с пролетарским интернационализмом. — Р. К.), у нас *не будет*. Не пустим! Да и нашего брата, великорусов, здесь побольше. С рабочими не пустим "австрийского духа"».

Пребывание Сталина за границей было недолгим.

В конце декабря 1912 года он выехал к Ленину в Краков, в январе 1913-го, находясь в Вене, написал статью «Марксизм и национальный вопрос», а в середине февраля уже возвратился в Петербург. Ленин был очень озабочен вопросом о публикации сталинской работы. «Трояновский (А. А., член РСДРП с 1907 года, в советское время видный дипломат. — Р. К.) поднимает нечто вроде склоки из-за статьи Кобы для «Просвещения»... — сообщает он Л. Б. Каменеву 25 февраля. — Скажите-де, что дискуссионная, ибо Галина (Розмирович Е. Ф., член РСДРП с 1904 года, сотрудничала в журнале. — Р. К.) — за культурно-национальную автономию!! Конечно, мы абсолютно против. Статья очень хороша. Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи. Возможно, что «обойдется», но... *tenez vous pouraverti* (намотайте это себе на ус! — Р. К.)!» «У нас аресты тяжкие, — пишет Ленин в конце марта. — Коба взят... Коба успел написать большую (для трех номеров «Просвещения») статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов» (Л48. 162, 163, 172—173). То, что выражено в этих строках, называется на нормальном человеческом языке полной идейной солидарностью. Для антикоммунистов же нет глубже причин для привязанности, чем пополнение кассы...

5. Молодой генсек

XI съезд партии был для Ленина последним. На нем Ленин не только отвел упреки в адрес Сталина, но и, учтя критику, сделал другой, весьма значительный шаг. На Пленуме вновь избранного ЦК 3 апреля 1922 года был подтвержден «единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари; председатель же избирается на каждом данном заседании».

Пленум учредил новую должность — Генерального секретаря ЦК РКП(б), координатора деятельности Полит-

бюро, Оргбюро и аппарата ЦК, и утвердил Секретариат ЦК в составе Сталина, Молотова и В. В. Куйбышева. Пленум поручил этому органу «принять за правило, что никакой работы, кроме действительно принципиально руководящей, секретари не должны возлагать на себя лично... Тов. Сталину поручается, — приписал Ленин в протоколе, — немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях. ЦК поручает Оргбюро и Политбюро в 2-недельный срок представить список кандидатов в члены коллегии и замы Рабкрина с тем, чтобы т. Сталин в течение месяца мог быть совершенно освобожден от работы в РКИ...» (Цит. по: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. 1, ч. 1. М., 1989. С. 134). Западные «советологи» и доморощенные «демократы» всячески старались изобразить дело таким образом, что кандидатуру Сталина выдвинул-де Каменев, а Ленин тут вовсе ни при чем. Но как доказать недоказуемое? «В целом выдвижение Сталина на новый пост не было воспринято как нечто неожиданное, — силится принизить самый этот факт Волкогонов. — Большинство руководителей продолжали считать этот пост, по сути, рядовым» (там же. С. 137). Но генерал явно делал из читателей простаков. Новое избрание Сталина было для него, в сущности, высочайшей политической оценкой. Оно, кроме того, означало заботу Ленина о кадровых гарантиях сохранения в будущем совершенно определенного общественно-политического лица партии.

Д. Штурман и подобные ей сочинители объясняют якобы смену «привязанности» Ленина к Сталину (кстати, двадцатилетней) «отчетливой антипатией» спустя всего девять месяцев после XI съезда поведением одного Сталина. Но это простенькая одурачивающая схемка. Моя точка зрения состоит в том, что над порождением у Ленина, к тому же ощущающего подземные толчки коварной болезни, недовольства Сталиным «поработал» — старательно и небескорыстно — целый ряд лиц.

Пристальное, зачастую завистливое внимание кремлевских кругов вызывало уже то, что Сталин зачастил к

Ленину в Горки. Хроникой зафиксированы их беседы 30 мая, 11 и 30 июля, 5, 9, 15, 19, 23 и 30 августа, 12, 19 и 26 сентября, многие записки, обращения в Политбюро и т.д. В правдинских заметках «Тов. Ленин на отдыхе» (15.09.22) за полмесяца до возвращения Владимира Ильича к работе Сталин сравнивает его состояние во время первого июльского свидания: «Свежий и обновленный, но со следами усталости, переутомления», — с теперешним: «На... этот раз Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе — прошел голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищулив глаз...» (С5. 134, 135).

Очевидно, у Ленина за время его вынужденного (хотя и не полного) отрыва от дел с мая по октябрь накопилось немало поводов быть недовольным. Назову из крупных вопросов только два. Сталин не проявил должной бдительности в отношении предложения Зиновьева об ослаблении режима монополии внешней торговли. Ленин особенно яростно схлестнулся тут с Бухариным, доказывая, что уступка на этом участке (как и случилось при горбачевско-ельцинской измене уже в 90-х годах) «сломит нашу туземную промышленность наверняка». Он был удивлен тем, что Сталин занял «центристскую» позицию: «Против «формального запрещения» шагов в сторону ослабления монополии внешней торговли *на данной стадии* не возражаю. Думаю все же, что *ослабление* становится неизбежным» (Л45. 335, 548). Попустительствуя соответствующему ущербному решению ЦК, Сталин совершил грубейший просчет, вынудил Ленина (чего он при ином «раскладе» сил наверняка не сделал бы) апеллировать к его «антиподу» Троцкому. После возобновившихся утром 13 декабря приступов болезни Ленину опять пришлось оставить (на этот раз навсегда) работу. «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно, — не без горечи и внутреннего упрека писал Владимир Ильич Сталину для членов ЦК. — Кончил также соглашение с

Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли (см.: Л54. 325—326. — Р. К.)... Я решительно против оттяжки вопроса... Если из каких бы то ни было предположений (в том числе и из предположений, что желательно участие... мое) возникнет мысль о том, чтобы отложить до следующего пленума, то я бы высказался самым решительным образом против, ибо уверен, что Троцкий защитит мои взгляды не хуже, чем я, это — во-первых; во-вторых, Ваше заявление и Зиновьева и, по слухам, также Каменева подтверждает, что часть членов ЦК изменили уже свое прежнее мнение; третье и самое главное: дальнейшие колебания по этому важнейшему вопросу абсолютно недопустимы и будут срывать всякую работу». В день, которым датировано это письмо, 15 декабря, Сталин счел долгом заявить, что снимает «свои возражения против монополии внешней торговли, письменно сообщенные мною членам Цка месяца два назад». Ленин сумел переубедить большинство ЦК, и рана затянулась, но рубец остался...

Другое разногласие возникло в связи с предстоявшим объединением Союза ССР. Сталин выдвинул было план автономизации, вхождения всех родственных рабоче-крестьянских государств в Российскую Федерацию, — Ленин настоял на образовании Союзной Федерации. «Сталин немного имеет устремление торопиться», — писал он Каменеву. «Демократы» немало спекулировали на том, что Ленин характеризовал как «торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма"» (Л45. 338—339, 589, 211, 357), — патриоты, напротив, ссылаясь на беловежский сговор трех, полагают, что предпочтительней была бы сталинская РСФСР, нежели ленинский Советский Союз. При этом все делают вид, будто между декабрем 1922 и декабрем 1991 года не пролегает целая эпоха. И Ленин выступал «при прочих равных условиях, за централизацию и против мешанского идеала федеративных отношений» (Л26. 109), но считал нэповскую действительность еще не созревшей для соответствующего решения.

Сталин, высказывавшийся вполне в духе Ленина, в

1918 году отмечал, что «увлечение федерализмом не оправдывается историей», и ссылаясь на пример Америки и Швейцарии, которые, проделав определенный исторический опыт, «превратились на деле в унитарные государства... когда вся власть была передана от штатов и кантонов центральному федеральному правительству... В России политическое строительство идет в обратном порядке, — продолжал Сталин. — Здесь принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы с течением времени федерализм уступил место такому же добровольному и братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России. Федерализму в России суждено, как и в Америке и Швейцарии, сыграть переходную роль — к будущему *социалистическому унитаризму*» (С4. 72—73).

Стратегических расхождений в национально-государственном строительстве у Сталина с Лениным не намечалось. Тактические неувязки тоже были устранимы. Но обострение в ситуацию внес конфликт между группой П. Г. Мдивани в КП Грузии и Закавказским крайкомом РКП(б) (Г. К. Орджоникидзе), в котором первая занимала принципиально неверную позицию, а второму не хватало выдержки и гибкости, причем дело дошло (правда, в ответ на оскорбление: А. Б. Кабахидзе, член грузинского ЦК, автор жалобы в ЦКК, обозвал Серго «сталинским ишаком») до рукоприкладства. На больного Ленина, которому факты подавались наверняка в густо наперченном виде и который ожидал большей мудрости и от молодого генсека и от специально назначенной комиссии Ф. Э. Дзержинского, все это произвело гнетущее впечатление. Записки «К вопросу о национальностях и об «автономизации»» четко направлены против «великорусско-националистической кампании», политически ответственными за которую объявляются названные деятели, а выпады против некоего грузина (см.: Л45. 360) явно метят и в Кобу и в Серго.

Возможно, несколько неожиданным, далеко не прежним оказалось и восприятие вернувшегося к своим обязанностям Ильича теми, кто без него «оставался на хозяйстве», «рулил». Ленина обожали и побаивались.

Одни его оберегали, другие, наоборот, опять принялись обвешивать той самой «вермишелью», которой он, проникновенно относясь к любому проявлению жизни, никогда не избегал. Сказывалась и опаска за то, что своей широтой и размахистостью он повредит построенное другими, нарушит хрупкую конструкцию равновесных взаимоотношений в партии, в монтаж которой было вложено столько усилий. Этим объясняется, в частности, замечание, сделанное Сталиным Ленину 13 ноября в связи с его интервью корреспонденту «Обсервер» М. Фарбману 27.10.22. Журналист интересовался реакцией разных течений в партии на отказ Советского правительства заключить договор с английским промышленником Л. Уркாரтом: этот делец до революции владел в России рядом теперь национализированных горных предприятий и предлагал сдать их ему в концессию. Ленин мотивировал это отрицательное решение нежеланием Англии допустить Россию на готовящуюся конференцию по ближневосточному урегулированию в качестве полноправного участника, то есть продолжением империалистической блокады. «Означает ли отказ ратифицировать соглашение с Уркாரтом победу «левых коммунистов»?» — был вопрос. — «...Я могу совершенно определенно утверждать, — ответил Ленин, — что о победе левых коммунистов нет и не может быть речи в данное время... Несправедливый шаг Англии... был настолько неожиданным, вызвал такое возмущение в России и настолько сплотил не только правых коммунистов с левыми, но и гигантскую массу беспартийного русского населения, рабочих и крестьян, что дело не дошло и не могло дойти ни до какого разногласия между левыми и правыми коммунистами. Мотивировка нашего отклонения договора с Уркாரтом выразила непосредственно, можно сказать не только общепартийное, но именно общенародное настроение, т.е. настроение всей рабочей и всей крестьянской массы» (Л45. 242).

Сталин, в чьих руках скапливалась основная внутрипартийная информация, получил после этого интервью из Московской парторганизации и из Российской фракции Коминтерна ряд запросов, не «освящает» ли

оно «существование левого коммунизма (может быть, рабочей оппозиции) как партийно-законного явления». Ссылаясь на «практиков», Сталин подчеркивал, «что теперь, когда левый коммунизм во всех его формах... ликвидирован, опасно и нецелесообразно говорить о левом коммунизме, как о законном явлении, могущем конкурировать с коммунизмом официально-партийным, тем более что на II съезде нами констатировано полное единство нашей партии, а период, следующий за II съездом, говорит о дальнейшем укреплении партии в смысле ее единства и сплоченности. Я думаю, — заключил Сталин, — что если в дипломатическом отношении подчеркивание существования левого коммунизма может быть и полезно, то в отношении партийном это подчеркивание ведет к некоторым отрицательным результатам в ущерб партии в угоду рабочей оппозиции, создает сумбур, неясности. Хорошо было бы в дальнейшем исправить этот недочет» (Большевистское руководство... С. 268).

Учитель и Ученик не выглядят воркующими голубками. «Два сокола ясных» вели не только согласные, душеприятные разговоры. Бывали и уроки фехтования. Не обходилось без пикировок. Ведь все, о чем здесь рассказывается, происходило не в ухоженной классной комнате: школой служила непосредственно революционная практика, налаживаемое в поте лица политическое руководство, полная ветвистых железных парадоксов жизнь.

6. История с извинением

В докладе Хрущева 25 февраля 1956 года Сталин был представлен партии как человек, чуть ли не проклятый Лениным. Ударным моментом докладчик сделал опубликование двух текстов: письма Крупской Каменеву о ссоре со Сталиным (23.12.22) и письма Ленина Сталину (05.03.23) с требованием извиниться и угрозой в противном случае «порвать между нами отношения» (Л54. 330). Хрущев эффектно оборвал на этом освещение страстей вокруг больного вождя, создав четкое впечатление от-

лучения Сталина с 5 марта 1923 года, день в день (прямо мистика какая-то!) за 30 лет до его кончины.

Причины, обстоятельства (предшествующие и последующие) и детали Хрущева не занимали. Сталин был, «по Ленину», умерщвлен морально. Этого добились, по меньшей мере, в большинстве среднего и ряде младших поколений. Сталину предстояло долго и с неимоверным трудом воскресать для истории. Никто не знал о научной несостоятельности и партийно-уставной нелегитимности хрущевского поступка. Если у Шепилова в те 2,5 дня, которые он готовил доклад, никаких других материалов, кроме текста Пospelова, не было, то речь идет о полнейшей безответственности в решении вопросов поистине эпохального значения, о бездумном распоряжении делом и судьбами сотен миллионов людей. Если доклад не рассматривался и не отшлифовывался компетентным руководящим коллективом, то речь идет о самодурстве и преступлении перед партией. Так партийно-оценочные документы даже во времена, которые «демократы» и оппортунисты величают «худшими», не готовились. Если КПСС уже в 50-х годах отдала себя в руки человека, который осчастлививал своих подчиненных резолюцией на документе «Азнакомица», то это свидетельствовало об общем неблагополучии, которое, подобно смогу, висело над партией и страной десятки лет.

Еще в начале XX века в звучащей изумительно современно книге «Что делать?» (1902) Ленин показал, откуда в международной социал-демократии в противовес ее исконно марксистскому, революционному крылу взялось направление с требованием «из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ». Это требование с неизбежностью «сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны и с университетской кафедры, и в массе брошюр и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий система-

тически воспитывалась на этой критике, — констатировал Ленин, — то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера. По своему содержанию этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую» (Лб. 7—8).

Аналогично и Хрущев не выдумывал пороха. Хотя как-то «азнакомица» с марксистскими первоисточниками он, по рассказам окружающих, смог только с середины 60-х годов, оказавшись на покое. Основные «критические» аргументы разнообразные его помощники будут выуживать из обширной троцкистской «сталинианы» и не проявят оригинальности. Хрущев выполнит в истории коммунистического движения роль Пандоры со шкатулкой, содержимое которой ему плохо известно. Его собственное полубессознательное троцкистское прошлое сыграет в деятельности этого невежественного человека незначительную роль. Был такой грех, и Хрущев, действительно, «страдал» за принадлежность к оппозиции в 1922 и 1923 годах, но выступал жертвой не приверженности теории «диктатуры партии» и «перманентной революции», а всего-навсего принадлежности к пестроликому мещанству. Антисталинские мотивы с его легкой руки были внесены в официальную советскую пропаганду из уже *имевшейся* троцкистской литературы. Наши разоблачители-публицисты в лучшем случае занимались ее аранжировкой.

Ленин «отказал от дома» Сталину, а мы, бедные, обретались в неведении. Партийный обыватель вмиг угадал в этом перст судьбы и повел себя соответственно. Началась беспрецедентная (Россия редко отличалась чувством исторической меры) клеветнически-самоедская кампания, тянувшаяся — со своими периодически сгущениями и разрежениями — свыше трех десятилетий и приведшая к краху КПСС.

Внесем в разбираемый процесс необходимую фактическую ясность. Мы знаем, что Ленин при его самочувствии не был уверен, что сумеет доложить полити-

ческие итоги XI съезду. По его окончании Владимир Ильич собирался выехать на Кавказ. «... Мне надо поселиться отдельно. Образ жизни больного, — писал он Орджоникидзе (09.04.22). — Разговора даже втроем я почти не выношу (однажды были Каменев и Сталин у меня: ухудшение.) ...Посещений быть не должно...» (Ленинский сборник XXXVII. С. 359—360). Майский удар, относительное выздоровление к осени и резкое ухудшение состояния в декабре потребовали чрезвычайных мер. Поэтому Пленум ЦК 18.12.22 принял решение возложить на Сталина «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений, так и переписки» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191). Легко представить себе возмущение Сталина, когда он узнал, что вопреки предписанному режиму Крупская спустя несколько дней приняла от Ленина диктовку, — письмо Троцкому 21.12.22 (Л54. 327—328), а не начало «Письма к съезду», как указывалось ранее, — потребовавшую огромного напряжения психики, физических и интеллектуальных усилий. Последующие «доброхоты» пересказывали этот разговор с разными озадачивающими подробностями, драматург М. Ф. Шатров (автор известной застойной «Ленинианы», а ныне преуспевающий «капитан» строительного бизнеса) приписал Сталину площадную брань, но все выглядело, вероятно, проще. Крупская крепко обиделась, когда Сталин напомнил ей о существовании ЦКК, которая призвана пресекать нарушения решений ЦК.

Историки неизбежно грешили против истины, выдумывая идеальных действующих лиц исторического процесса. В описываемой ситуации за Надеждой Константиновной традиционно сохранялась презумпция непорочности. Но вряд ли это справедливо. По свидетельству сестры Ленина, М. И. Ульяновой, Крупская после разговора со Сталиным «была не похожа на себя, рыдала, каталась по полу и пр.» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 198). Нельзя не сочувствовать ей, учитывая ту невероятную нервную напряженность, в которой ей приходилось жить не один месяц. Но, как и во всем,

здесь есть другая сторона. Крупская апеллировала к тем лицам, причем «как более близким товарищам», которым Ленин, продолжив 24 декабря «Письмо к съезду», дал недвусмысленно отрицательную политическую оценку. («Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть, ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому») Апеллировала против Сталина, о котором было сказано, что он, в силу черт своего характера, вряд ли сумеет «достаточно осторожно пользоваться» доверенной ему «необъятной властью» (Л45. 345).

Помимо проявлений истеричности и групповых пристрастий не избежала Надежда Константиновна и «синдрома непогрешимости». На XIV съезде ВКП(б) (18—31.12.25) она примкнула к Ленинградской оппозиции (Зиновьев и др.), но, попытавшись неосторожно учить делегатов правильному пониманию НЭПа, натолкнулась на неожиданно мощный отпор. Не случайно после нее сочла необходимым выступить та же Мария Ильинична. «Товарищи, я взяла слово не потому, что я сестра Ленина и претендую поэтому на лучшее понимание и толкование ленинизма, чем все другие члены партии, — начала она, как бы поправляя невестку. — Я думаю, что такой монополии на лучшее понимание ленинизма родственниками Ленина не существует и не должно существовать» (XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.—Л., 1926. С. 299).

Сталину приписывается фраза, якобы сказанная в адрес Крупской: «Мы еще посмотрим, какая Вы жена Ленина». Автор серьезной публикации на эту тему, Ю. М. Лопухин, считает, что произнесение такой фразы Сталиным «не исключено», между тем драматург Шатров обыграл ее как якобы факт в максимально неприличной подаче, Лопухин усмотрел в данном заявлении Сталина намек «на старую дружбу с И. Ф. Арманд» (Болезнь, смерть и бальзамирование В. И. Ленина, М., 1997. С. 29). Но сказать женщине, что она небезупреч-

ная жена своего мужа, вовсе еще не означает намекать на дружбу с кем бы то ни было.

Эпизод с Крупской нельзя было доводить до Ленина по меньшей мере по трем причинам: Сталин, по существу, был прав; больному могло стать хуже; Надежда Константиновна, согласно ленинской записке 05.03.23, «выразила согласие забыть сказанное...» (Л54. 329—330). Так вроде бы и шло поначалу. Но спустя 2,5 месяца, когда, казалось бы, все «перегорело», некто (верно ли, что проговорила сама Крупская?) информирует Ленина об этой ссоре и не без удовлетворения наблюдает результат. Почему я так пишу? Потому что в политике и в среде политиков личные отношения, симпатии и антипатии практически всегда приобретают всеобщий резонанс; в этой среде всегда учитываются подчас даже мелочные последствия того или иного жеста и момент сообщения, подобного нашему, не выбирается случайно. Удар неплохо рассчитан: Сталин допустил промах, ставя под вопрос монополию внешней торговли; Сталин поторопился с автономизацией и погряз в «грузинском деле» (в обоих случаях, что необычно для Ленина, он ищет поддержки Троцкого); Сталин уже фигурирует в кандидатах на смещение, а тут еще, оказывается, и нагрубил Крупской. Но вот незадача. Ленин вспылил не на шутку, потребовал извинения и... сбавил тон. Причина, по-моему, не в том, что опять обострилась болезнь. Причина, так сказать, «общее». Для Ленина даже в отчаянном положении общественное оставалось выше личного.

Мария Ильинична указывает, что Крупская, услышав о письме Ленина Сталину 5 марта от стенографистки М. А. Володичевой, просила ее не посылать его адресату, но оно — правда, с некоторым промедлением — все же было передано Сталину. Получив письмо 7 марта, Сталин тут же написал ответ. «Ответ Сталина несколько задержался, — вспоминала М. И. Ульянова, — потом решили (должно быть, врачи с Н. К.) не передавать его В. И., так как ему стало хуже, и так В. И. и не узнал его ответа, в котором Сталин извинялся». То, что Ленин

так и не был с ним ознакомлен, лежит всецело на совести Крупской и ее советчиков.

Вот это послание:

«Т. Ленину от Сталина.
Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновной, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрее Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят.

И. Сталин».

(Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 199, 193).

«Ответ Сталина поразителен по прямолинейной циничности», — читаем мы у Лопухина (Болезнь... С. 29). Мне так не кажется.

7. Пример четы Лафаргов

20 ноября 1911 года Ленин выступил от имени РСДРП на похоронах Поля Лафарга, одного из пионеров научного коммунизма, и его жены Лауры, дочери

Маркса. Полю к тому времени исполнилось 69, Лауре — 66 лет. Супруги держались того мнения, что в старости человек становится бесполезным для революционной борьбы, и, считая 70 лет возрастом предельным, покончили с собой. Этот случай произвел глубокое впечатление на многих деятелей рабочего движения, в том числе на Владимира Ильича.

Сохранилась следующая запись секретаря Ленина, Л. А. Фотиевой, относящаяся к концу 1922 года: «22 декабря Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее: «Не забыть принять все меры достать и доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий как меру гуманности и как подражание Лафаргам...» Он прибавил при этом: «Эта записка вне дневника. Ведь Вы понимаете? Понимаете? И я надеюсь, что Вы это исполните». Пропущенную фразу в начале не могла припомнить. В конце — я не разобрала, так как говорил очень тихо. Когда переспросила — не ответил. Велел хранить в абсолютной тайне» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 191).

Мысль иметь при себе яд была для Ленина не нова. Впервые он поделился ею со Сталиным под влиянием временной утраты речи и явлений паралича, 30 мая 1922 года. Тогда же Сталин передал содержание разговора М. И. Ульяновой. Не отказав Ленину в столь деликатной просьбе, Сталин постарался отвести его от ощущения безнадежности положения и — во всяком случае, до марта 1923 года — оказался прав.

С начала октября Ленин вновь с головой ушел в работу. Многим уже казалось, что в строй вернулся прежний Ильич. В этом смысле показательно наблюдение А. М. Назаретяна (в то время заведующий Бюро секретариата ЦК), который писал Орджоникидзе (27.11.22): «Дела идут хорошо. Коба держится здорово твердо... Старик (партийная кличка Ленина. — Р. К.) жив, здоров, иногда немного прихварывает. В общем, ничего. Недавно выступал в Московском Совете (последнее выступление Ленина 20 ноября 1922 года. — Р. К.). Тот, вероятно, читал его речь. Триумф был необычайный. Овации длились более десяти минут. Дело было в Большом

театре» (Большевицкое руководство... С. 269). Но приближалась трагическая развязка — Ленин не забыл свою старую просьбу и ее повторил. Поскольку в партийных кругах было принято скрывать желание его с наступлением немощи отравиться, Хрущев имитировал разрыв Ленина со Сталиным уже после записки 5 марта 1923 года. Так тайна породила ложь. На лжи в страну в конце концов въехала контрреволюция.

В действительности история составляет не из одних броских зигзагов, она состоит в поддержании непрерывных общественных отношений — материи социальной жизни. Не перестаю удивляться тому, как под Хрущева, а потом и под Горбачева подстраивались коллеги-обществоведы. Так, В. А. Куманев и И. С. Куликова в своей в целом интересной книжке на весьма острую тему утверждали, что «после встречи в декабре 1922 г. Сталин ни разу у Ленина не был и не разговаривал с ним». Однако сами же эти авторы, со слов Троцкого, пишут о возобновлении просьбы в конце февраля 1923 года и о соответственном сообщении Сталина на заседании Политбюро. Декабрь и февраль... Был или не был Сталин у Ленина и в феврале? Временная связь в изложении Куманева и Куликовой начинает рваться. «О том, что Сталин информировал Политбюро о личной просьбе к нему Ленина — дать цианистый калий ввиду роковой болезни, — сохранилось письмо генсека высшему руководству партии, сообщают авторы. — Именно этот документ продемонстрировал по телевидению 21 апреля 1994 г. Д. А. Волкогонов, сопроводив передачу пространными комментариями, которые большей частью почти не имели отношения к обнаруженному письму». Хорошо еще, что у Куманева и Куликовой хватило здравого смысла скептически отнестись к обычным заушательским разглагольствованиям генерала. А где показанное им письмо? Какова его датировка? Принималось ли по нему решение? Все эти нормальные вопросы перекрываются более чем странным заключением: «Больше к мысли о добровольном уходе из жизни после декабрьского (в последний раз говорилось о феврале!.. — Р. К.) приступа, судя по всему, Ленин не воз-

вращался, однако не может быть (очень даже может. — Р. К.), чтобы где-то в глубине души у него не появилось чувство недоверия к тому, кто оказался свидетелем (кивок в сторону «плохого» Сталина. — Р. К.) его минутной слабости» (Противостояние: Крупская — Сталин. М., 1994. С. 52, 56—57). Декабрь-февраль-декабрь... С официальным письмом Сталина затемнение. Дебри, да и только!

Могу разочаровать жаждущих: недоверия к Сталину у Ленина не появилось. Подобие прежних, сугубо доверительных отношений между ними (правда, деформированное наступившей немотой Ленина) все же восстановилось. Об этом свидетельствуют и публикуемое извинение Сталина от 7 марта и его трагическая записка членам Политбюро ЦК РКП(б) от 21 марта 1923 года. «Оппозиционное меньшинство ЦК ведет за последнее время систематические нападки на т. Сталина, не останавливаясь даже перед утверждением о якобы разрыве Ленина со Сталиным в последние месяцы жизни В. И.», — писала М. И. Ульянова президиуму Объединенного пленума ЦК и ЦКК 26 июля 1926 года (Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 195). Версию оппозиции 20-х годов спустя 30 лет и воспроизвел Хрущев. Но если прекратить сокрытие фактов и манипулирование документами, она тут же улетучивается.

21 марта 1923 года (не декабрь-22 и не февраль-23) Сталин направил членам Политбюро записку под грифом «Строго секретно». Именно ею помахал с телеэкрана 21.04.94 Волкогонов, именно ей не нашлось места в книге «Противостояние...».

«В субботу, 17/III, — писал генсек, — т. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мною Н. К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает неимоверные страдания», что «дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. два-

ды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной из своего кабинета, где мы вели беседу, и с волнением требовал «согласия Сталина», ввиду чего мы вынуждены были оба раза прервать беседу), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК» (С16. 253).

Записка выполнена на официальном бланке секретаря ЦК РКП(б). В верхней части листа имеются подписи читавших ее Г. Зиновьева, В. Молотова, Н. Бухарина, Л. Каменева, Л. Троцкого, М. Томского. Последний считал необходимым высказать свое мнение: «Читал. Полагаю, что «нерешительность» Ст. — правильна. Следовало бы в строгом составе чл. Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.)».

Документ ценен тем, что рассеивает мглу вокруг истории с мнимым отравлением Ленина Сталиным. Эта «история» всякий раз подается в ключе Троцкого. В своем знаменитом письме редактору «Лайф» «Сверх-Борджиа в Кремле» от 13 октября 1939 года Лев Давидович, освещая сюжет, не считал нужным даже упомянуть о записке Сталина и его отказе выполнить просьбу больного. Троцкий «забыл» и о своей собственной подписи на этом документе, все время делая демагогический жим на то, что «Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу или непосредственно заинтересованного в ее исполнении» (Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 642). К сожалению, Троцкий туманно объясняет мотивы своего отсутствия в Москве в момент кончины Ленина. Зная все о состоянии Ленина от их общего лечащего врача Гетье, он, как мы уже знаем, за три дня до рокового исхода удалился врачевать некую инфекцию на юг. Зачем по-

надобилось это странное «алиби», до сих пор остается загадкой (см.: Muller A. Die Sonne. S. 271 u.s.).

Согласно Мюллеру, Гетье *дважды* посетил Троцкого в последние сутки накануне его отбытия из Москвы. Содержание их бесед с глазу на глаз, естественно, неизвестно. А вот другая, откровенно тенденциозная версия Ф. Д. Волкова. «Орудием для приведения в жизнь своих преступных замыслов, — утверждал он, — Сталин и Ягода (они ли? — Р. К.) избрали одного из лечащих врачей В. И. Ленина Федора Александровича Гетье, в то время занимавшего пост главного врача Боткинской больницы. Гетье был личным врачом семьи В. И. Ленина (и Троцкого. — Р. К.), и Владимир Ильич вполне доверял ему» (Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 66). Возможно, Волков и не ошибается, называя Гетье, но он вряд ли точен в остальном.

Непонятно, почему Троцкий попутно «забыл» Крупскую. Именно она, очевидно, больше всех знавшая о мучениях Ленина, упорно добивалась выполнения «гуманной миссии», которую не взял на себя Сталин. Не наше дело сейчас судить этих людей, бившихся в тисках межличностных и социальных противоречий, но правду о них писать мы обязаны.

Порочно заявление Куманева—Куликовой о том, что «фактически Сталин соглашался на соучастие в самоубийстве Ленина» (Противостояние... С. 55). Оно, как видим, опрокидывается запиской Сталина 21.03.23. Не потому ли авторы лишь упоминают этот важнейший документ, но почти не цитируют его?

С покушения на Ленина 30 августа 1918 года в массе пролетариата, людей труда, народе быстро крепло понимание, кого страна могла потерять по пагубной случайности, по злобному умыслу врага. В период болезни Владимира Ильича массовое ощущение его как сердца и разума революции, нового строя еще более обострилось. Символическое, идейно-нравственное, мобилизующее бытие исторического Ленина отделилось от индивидуально-преходящего существования гражданина Ульянова. «Ага, — скажет «демократ», — появился культ личности»... А вот и нет, возразим мы. Авторитет и

слава, уважение и преклонение, даже возведение в ранг мессии, — если это соразмерно гению и заслугам (а) и если это не подвержено бюрократической канонизации, не превращено в формально обязательный ритуал (б), — естественное явление в восходящем, правильно в главном определившем свою цель обществе. Здесь есть культ творческого человека, что нормально для здорового общежития, но нет культа личности, который обычно связан с подменой действительно личностного достоинства конкретного человека преимуществами занимаемого им поста. Как раз первый из этих феноменов сейчас, когда жизнь смела и разметала много наносного и случайного, связан с именами Ленина и Сталина, хотя споры вокруг них будут еще продолжаться. Сталину тут особенно не повезло. На долю Ленина выпали пять лет отчаянной обороны и неистовой поисковой работы, формирование идейной основы социалистической общественной системы, закладка ее фундамента и первых кирпичей. Сталин персонально отвечал за судьбу Советской государственности тридцать лет. Он возводил ее и вместе с тем становился ее атрибутом. Его величали «хозяин» и одновременно делали пленником. Лишь историческая несостоятельность Хрущева—Брежнева—Горбачева, чье служебное положение служило базой «культа безличности» и чьи усилия напоминали попытки крыловской лягушки вырасти до Вола, позволяют сейчас расставить всех по своим местам. Как, впрочем, и начать (именно начать!) наконец разбираться с тем, что такое культ личности на самом деле.

Ленину не дали умереть, как Лафарг. Никто не задается простейшим вопросом: разве яд был недоступен помимо Сталина, тем более что родной брат Владимира Ильича, Д. И. Ульянов, практиковал как врач? Но нельзя забывать, что Ленин считал себя прежде всего человеком партии. Это было в его натуре. Партии принадлежали и его жизнь и его смерть. Он отчетливо сознавал общественное, мировое значение обеих. В последние месяцы своего земного пути он жил уже как явление массового сознания и широчайшей социальной практики, вне истерзанного свирепым недугом тела. Распо-

ряжение собой в отличие от Поля и Лауры не могло быть его частным делом. Он это прекрасно понимал и связывал решение своей судьбы всецело с волей ЦК.

8. Его сразу не раскусишь

Ошибки Сталина, омрачившие его взаимоотношения с уходящим Учителем, труднообъяснимы психологически. В частности, к проекту автономизации он, судя по всему, уже никогда больше не возвращался, стремясь, напротив, увеличивать число республик — членов Союзной Федерации и находя более гибкие (по сравнению с прямыми мерами перехода от федерализма к унитаризму) формы укрепления общерусского, природно-интернационалистского государствообразующего культурно-исторического начала.

«Центризм» (даже, если угодно, правый уклон) в вопросе о монополии внешней торговли и вовсе не понятен. Обращение Ленина — фактически против Сталина и большинства ЦК — к Троцкому являлось серьезным политическим поражением Сталина. Его поведение в этой ситуации может быть мотивировано только двумя причинами: либо пока что неопытностью генсека (и это маловероятно), либо временным маневрированием, стремлением, теряя Ленина, как-то привязать к себе Зиновьева и Каменева, создавая антитроцкистский блок. Отклонений от ленинской линии в вопросе о монополии у Сталина потом не отмечалось.

Ценные сведения, меткие наблюдения о деятельности Сталина в этот период содержатся в письмах Назаретяна, который под его началом непосредственно занимался реорганизацией аппарата ЦК.

14.06.22: «Доволен ли я работой? И да, и нет. С одной стороны, я прохожу здесь большую школу и в курсе всей мировой и российской жизни, прохожу школу дисциплины, вырабатывается точность в работе, с этой точки зрения я доволен, с другой стороны, эта работа чисто канцелярская, кропотливая, субъективно малоудовлетворительная, черная работа, поглощающая такую уйму времени, что нельзя чихнуть идохнуть, осо-

бенно под твердой рукой Кобы. Ладим ли мы? Ладим. Не могу обижаться. У него можно многому поучиться. Узнав его близко, я проникся к нему необыкновенным уважением. У него характер, которому можно завидовать. Не могу обижаться. Его строгость покрывается вниманием к сотрудникам. Цека приводим в порядок. Аппарат заработал хоть куда, хотя еще сделать нужно многое... Ильич здоров. Он теперь будет под постоянным наблюдением опытных врачей. В работе все-таки ухищряется принимать самое активное участие».

12.07.22: «Ильич совсем поправился. Ему разрешено сегодня заниматься. Не беспокойтесь (письмо адресовано Орджоникидзе. — Р. К.). Сейчас совсем хорошо. Вчера Коба был у него. Ему приходится бдить Ильича и всю матушку Рассею».

19.07.22: «... О здоровье Ильича могу тебе сообщить, что он уже настолько хорошо опять чувствует себя, что каждый день шлет письма Кобе, а последний злится, опасаясь, что он опять переутомит себя. Ну, через месяц-два, видимо, Ильич опять по-старому примется за работу».

Позднее 09.08.22: «Коба меня здорово дрессирует. Прохожу большую, но скучнейшую школу. Пока из меня вырабатывает совершеннейшего канцеляриста и контролера над исполнением решений Полит. Бюро, Орг. Бюро и Секретариата. Отношения как будто недурные. Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь. Но у меня совершенно иной на него взгляд теперь, чем тот, который я имел в Тифлисе. При всей его, если так можно выразиться, разумной дикости нрава, он человек мягкий, имеет сердце и умеет ценить достоинства людей. Ильич имеет в нем безусловно вернейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот Цека РКП. Сейчас работа ЦК значительно видоизменилась. То, что мы застали здесь, — неописуемо скверно... Но все же мне начинает надоедать это «хождение под Сталиным»...» (Большевистское руководство... С. 256—257, 259, 260, 262—263).

На фоне этих и многих других перипетий (один закавказский узел чего стоит!) по-интеллигентски мелко

выглядит тот всплеск амбиций, в который Крупская втянула и без того измотанного и взвинченного Ленина. Похоже, что она не сообщила ему об обычной уставной норме, на которую указал Сталин: нарушаешь решение ЦК — изволь по-партийному отвечать перед Контрольной комиссией. В результате вышли смысловые «ножницы». Принципиально Сталин не мог «взять сказанное назад» относительно ЦКК и принять правило: «сделанное против жены я считаю сделанным и против меня», — это было совершенно не похоже на Ленина, сам Ленин воспитывал его иначе. Поэтому Сталин, выполнив требование формально извиниться, не скрыл и того, что вместе с тем отказывается «понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят». Ученик выходил на горизонты Учителя, в то время как ослабевший организм Учителя уводил его в физическое небытие.

Ныне, после бесчисленных «художеств» антисталинских, а потом и антиленинских кампаний требуется, по сути, заново рассмотреть наследие Сталина в его отношении к ленинизму. Обширная старая (вышедшая до середины 50-х годов) литература декларативна и апологетична, а сменившая ее писанина, как правило, воспроизводит эту «методологию» с точностью до наоборот и, главное, силится как можно дальше оттащить Сталина от Ленина, нарисовать картину всевозможных отклонений, нарушений и отходов первого, сшибить их между собой. Разумеется, вакуум не образуется. Освободившееся место тут же заполняют Троцкий и братья «советологов», которым несть числа.

Раскроем работу Сталина «Об основах ленинизма». С первых же страниц автор берет быка за рога, дает определение предмета. «Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции, — чеканит он. — Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» (Сб. 71). С этими положениями можно спорить, их не запрещено уточнять или же заменять более совершенными, но с ними и можно работать.

А вот что пишет Троцкий: «Ленинизм, как система

революционного действия, предполагает воспитанное размышлением и опытом революционное чутье, которое в области общественной — то же самое, что мышечное ощущение в физическом труде» (К истории... С. 191). Ленинизм — это «внешнее сгущение марксизма для непосредственного революционного действия в эпоху империалистической агонии буржуазного общества» (Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство. Пг, 1922. С. 28) и т.п. Согласитесь, ни спорить, ни работать с этими «сгущениями» златословия просто нельзя. У Троцкого десятки прекрасных, завораживающих страниц о Ленине, его учении, поступках и т.д. Он увлекает своими рассказами о виденном, но у него нечему поучиться. Даже любимую свою и единственную теорию перманентной революции он излагает на редкость назойливо и невнятно. Сталин сух, логичен, порой схематичен, но сразу видно, чего он хочет и куда ведет. Из текстов Троцкого обычно выпирает собственная гордыня, своеобразное «во-что-бы-то-ни-стало-из-кожи-вон-вылезание», позерство в стиле якобинского клуба, автоматически predetermined «избранности». В отличие от беллетристического парения Льва Давидовича Сталин (по Троцкому, «организатор без кругозора») клонит к деловитости и безличности, не подражает даже Ленину, проявляет органическое ощущение ведомой массы и говорит с нею на ее обычном языке.

Общая черта руководителей послеленинского периода советской истории состояла в том, что все они без исключения претендовали на то, что живут, трудятся, управляют «по Ленину». Но никто из них, исключая одного Сталина, не проделывал соответственной работы. Только Сталин превратил имя предшественника в святыню, тогда как Хрущев устроил вокруг памяти Сталина несусветный шабаш, Брежнев придумал для Хрущева псевдоним «волюнтаризм», Горбачев, и вовсе как дикарь, променял социалистическое первородство на звание «лучшего немца года», херши-колу и пиццу-хат. Еще до войны ходила легенда, что Сталин глубокой ночью приходит в Мавзолей и часами просиживает, глядя на светлый профиль Ильича. О чем он думал,

какие принимал решения? Имели ли его преемники такую же потребность в мысленном совете со своим Учителем, в духовной опоре на кого-либо вообще? Не в этой ли тяге к высокому наиболее сокровенный источник успеха деятеля, которого и с восторгом и с содрогающим вспоминает мир? Как-то Кутузов получил от поэтессы А. П. Буниной оду, где чаша весов с кровью воинов перевешивает чашу с Москвой. «...Я «весил Москву не с кровью воинов», — сердито отозвался Михаил Илларионович, — а с целой Россией и с спасением Петербурга и с свободой Европы» (Письма, записки. М., 1989. С. 448). Сталину приходилось производить такое «взвешивание» чуть ли не каждый день.

«Фарисеи буржуазии, — писал Ленин в 1910 году, — любят изречение: *de mortuis aut bene aut nihil* (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна правда и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживают имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть» (Л20. 89). Фарисеи буржуазии к концу века безнадежно измельчали, Пораженные хроническим спидоумием, не будучи в состоянии предложить сколько-нибудь привлекательную, зовущую идею живым, они изменили своему старому правилу и без конца ворошат и перебивают кости мертвых. Мусор продолжает сыпаться на могилу Сталина, но сдувается теперь ветром истории быстрее, чем накапливается. Время правды о нем только еще наступает. Надо сделать все, чтобы этому никто не помешал.

Р. Косолапов

Осень-99

«ТО ЛЕНИН, А ТО Я», ИЛИ СТАЛИН И ЕГО ИДЕОЛОГИ

1. Слово составителя

В мае 1998 года, разбирая бумаги историка В. Д. Мочалова (1902—1970), я обнаружил его собственноручные записи двух совещаний у И. В. Сталина.

Рукописи, пролежавшие без движения в личном архиве ученого более полувека, хорошо сохранились. Часть из них — это беглые заметки автора, сделанные в ходе бесед 28 декабря 1945-го и 23 декабря 1946 года, другая часть — фактически готовые очерки. Судя по многим признакам, Василий Дмитриевич писал их для себя и не думал о публикации. С профессиональной добросовестностью он фиксировал то, что видел и слышал, как потому, что это было необходимо ему для дальнейшей работы, так и потому, что являлось моментом Большой Истории, вторгшейся в его собственную жизнь.

Мне уже приходилось отмечать, что тот феномен, который поныне именуется «культом личности Сталина», не был его личным (или, вернее, прежде всего был не его личным) творением. «Куль» активно лепили — и очень часто вопреки Сталину — многочисленные «ваятели» от аппарата.

Текст бесед, о которых пойдет речь в предлагаемых очерках, в этом смысле особенно показателен. Он вводит нашего современника в плотные слои идеологической атмосферы послевоенного времени. Речь идет о наиболее, пожалуй, чувствительном нерве «культа» — выпуске Собрания сочинений и краткой биографии самого Сталина. Читатель попадает в святая святых пропагандистской мастерской, в ее горнило, и выносит оттуда далеко не однозначное мнение. Сталин, оказы-

вается, воюет с вульгарными аллилуйщиками, воюет непритворно, разбирая многие их фокусы задним числом и явно досадуя, что они вообще имели место.

Теперь, когда опубликована правка Сталина в макете второго издания его краткой биографии, отчетливо видно, как лукавил Н. С. Хрущев, доказывая, «что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны». В качестве примера на дополнительном заседании XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года Хрущев привел «некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина» в его краткую биографию. Хрущев цитирует одно место из книги, где говорится, что в «борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухаринскими и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии... которое отстояло великое знамя Ленина... Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин» (Свет и тени «великого десятилетия». Н. С. Хрущев и его время. Л., 1989. С. 92). У слушателя и читателя складывается естественное впечатление, что, по Сталину, история партии представляет собой некое безлюдное пространство, где действует всего один герой, — театр одного актера. Хрущев добивается этого простым приемом: он ставит многоточие там, где следует перечисление состава партийного ядра в лице Молотова, Калинина, Ворошилова, Куйбышева, Фрунзе, Дзержинского, Кагановича, Орджоникидзе, Кирова, Ярославского, Микояна, Андреева, Шверника, Жданова, Шкирятова и других (см.: Сталин И. В. Соч. Т. 16. С. 75).

Этим же приемом Хрущев пользуется, указывая на то место, где говорится, что Сталин «не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования». «Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа?» — риторически вопрошает «наш Никита Сергеевич» (Свет и тени... С. 93). Это и в самом деле звучит эффектно, если слушатель и читатель не знают, что докладчик оборвал цитату и опустил слова: «В своем интервью немецкому писателю

Людвигу, где он отмечает великую роль гениального Ленина в деле преобразования нашей Родины, Сталин просто заявляет о себе: «Что касается меня, то я только ученик Ленина, и моя цель — быть достойным его учеником»» (Сталин И. В. Соч. Т. 16. С. 75—76). Похвалы за скромность Сталин тут, разумеется, не заслуживает, но и хрущевская «объективность» опускается ниже нуля. Сталин, как всегда, верен себе. Он жестко связывает себя с Лениным, и эта неотторжимость, доводимая до самоотречения и продемонстрированная многократно в весьма разнообразных исторических обстоятельствах, вызывает, скорее, уважение, чем критику.

Сталин был человеком не робкого десятка. Трудно судить о его тернистом жизненном пути в целом, но после Октября на этом пути выделяется по меньшей мере три ситуации, которые даже для Сталина выглядят шоковыми. Первая — это заявление Ленина о возможности разрыва с ним отношений 5 марта 1922 года; вторая — самоубийство жены, Н. С. Аллилуевой, 8 ноября 1932 года; третья — нападение гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. Теперь мы знаем, что первая ситуация зависела не только от него лично, но и вытекала из кремлевской интриги, затеянной вокруг больного Владимира Ильича Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и Л. Д. Троцким при попустительстве Н. К. Крупской и упорном противодействии сестры Ленина М. И. Ульяновой. Сталин мужественно и великодушно принял этот страшный удар. Он мог уже потом в сердцах назвать Крупскую «старой душой», но не позволил себе ни единого выпада против учителя и вождя. Нравственному отношению к своему наставнику и предшественнику у Сталина можно только учиться. Как этого не поймут некоторые нынешние левопатриотические лидеры, мечтающие возродить неповторимую, самобытную Россию, хватаясь за имя Сталина, но вычеркивая вслед за «демократами» из исторической памяти народа вдохновляющий образ такого русского гения, как Ленин?..

Хрущев лгал, утверждая, что «Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина». Искусственно и нелепо выглядела при этом ссылка на то, что «Дворец Советов

как памятник Владимиру Ильичу» (Свет и тени... С. 95—96) так и не был построен. Впоследствии Хрущев нашел символическое «решение» проблемы, устроив на фундаменте Дворца Советов яму с водой. Этим было как бы предопределено восстановление храма Христа Спасителя. Свято место пусто не бывает...

В публикуемых беседах, в репликах Сталина видится серьезная оппозиция официальной идеологической службе. Так, он, скорее всего, неожиданно для начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова и директора Института Маркса-Энгельса-Ленина В. С. Кружкова защитил автора заметок, который в единственном числе протестовал против расширения первых томов Собрания сочинений Сталина за счет приписывания ему анонимных статей из социал-демократической печати на грузинском языке. Мочалов настаивал на глубокой научной экспертизе текстов и стал неудобен директору ИМЭЛа. В то время такое поведение выглядело как непозволительная дерзость и влекло за собой подчас суровые «оргвыводы». Мочалова «ушли» из ИМЭЛа в Академию наук, и Сталин быстро разобрался почему. Взяв сторону Мочалова, он дал отпор подхалимам: «Тут, видать, стремились побольше включить в том, хотели раздуть значение автора. Я в этом не нуждаюсь...». «Представляешь, — рассказывал об этом эпизоде своей жене, Р. П. Конюшей, Мочалов, — Иосиф Виссарионович полностью поддержал мои мотивировки (в докладной записке) об авторстве. Он исключил из состава первых двух томов все работы, которые были мной отнесены к числу не принадлежащих И. В. Сталину». Но такие, как Мочалов, встречались не часто.

По словам той же Конюшей, участников совещания 23 декабря 1946 года, как известно, обсуждавшего вопрос о новой биографии Ленина и втором издании краткой биографии Сталина, последний встретил словами: «Вы что эсеровщиной занимаетесь? Народ, партия — ничто, Сталин — все? Сталин стар. Сталин скоро умрет. Хотите, чтобы народ в панику впал — раз все делал он, то без него конец?» (Сталин И. В. Соч. Т. 16. С. 233—234).

Сталин был раздражен работой ИМЭЛа, особенно его безымянными публикациями, означавшими перестраховку за счет ЦК ВКП(б). «Когда ИМЭЛ издает что-либо без подписи, без фамилий авторов, это хуже воровства. Нигде в мире ничего подобного нет. Почему боятся поставить фамилии авторов? Надо, чтобы люди имели свободу писать...» — эти слова звучат как дыхание «оттепели» и «перестроечный» мотив «гласности». До чего же различно было то, что творилось внутри верхов, и то, что проявлялось вовне!

С одной стороны, Сталин отчетливо видит тенденцию бюрократической формализации, окостенения научно-революционного учения — не случайно он предупреждает об опасности появления у нас «катедер-коммунистов», коммунистов-начетчиков, текстоедов кафедрального толка. *С другой* — он уже находится в плену сложившейся, утверждаемой всей партийно-государственной машиной традиции, которая является условием ее самосохранения и дальнейшего существования. Как неординарная творческая личность Сталин пытается вырваться из этих цепей, которые ковались при его непосредственном участии, но в конечном счете остается пленником тех, для кого эти оковы — комфортное состояние, часть их самих, армии чиновников, не мыслящей себе жизни без внутреннего рабства. Если уж на то пошло, в постсталинские десятилетия реальный социализм погубили не столько сознательные ревизионисты или же «сталинисты», как их изображает «демократическая» печать, сколько «катедер-коммунисты», конформисты и карьеристы всех мастей, интересы которых оказались в естественной гармонии с интересами «теневого» капитала. Лениность мысли и дипломированное невежество сыграли тут выдающуюся роль. Эта тема требует дальнейшего освещения, поскольку названные факторы продолжают давить на социально- и национально-освободительный процесс с неослабевающей силой.

Обернемся в прошлое. На XVI съезде ВКП(б) (июнь-июль 1930 года) впервые отсутствует оппозиция линии ЦК и провозглашается развернутое наступление социализма по всему фронту. На нем еще нет славословия в

адрес Сталина, царит хотя и приподнятое, но в целом деловое настроение. XVII съезд (январь-февраль 1934 года) отмечен большей эмоциональностью и проходит как «съезд победителей». Открывая его, В. М. Молотов называет Сталина «вождем и организатором наших побед», «верным продолжателем ленинского дела». Тогда же на съездовской трибуне появляется «новенький» Хрущев, который сначала вносит предложение о составе президиума, а потом выступает с речью. Именно он в числе первых объявляет Сталина «гениальным» и «великим вождем», говорит о его «гениальном докладе» (XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 6, 145, 147). В 70-х годах Молотов вспоминал, что Сталин однажды увидел его подпись под каким-то групповым приветствием, где Сталина называли «гениальным». Он рассердился и велел это слово вычеркнуть. «Ты как сюда попал?» — спросил Сталин Молотова. «Попал, как полагается». — «Неужели ты тоже плетешься за всеми?» По словам Вячеслава Михайловича, славословие в адрес Сталина «целиком нельзя было прикрыть (то есть прекратить. — Р. К.). Это могло бы иметь в то время отрицательные последствия. Сталину не всегда это нравилось, но в конце концов немножко и понравилось» (Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 242).

Ну а что Хрущев?

В статье, посвященной 60-летию Сталина (1939), будущий ниспровергатель «культы личности» заявит:

«Трудящиеся всего мира будут писать и говорить о нем с любовью и благодарностью.

Враги трудящихся будут писать и говорить о нем со злобной пеной у рта» (Сталин. М., 1940, С. 93). Какая все же беспощадная штука история! Кто бы мог тогда предсказать, что такой пеной будут исходить и те, кто именуют себя коммунистами? Кто бы мог знать, что морально-политическая инерция «ленинцев»-антисталинцев будет неумолимо прижимать их к лагерю антиленинцев и антимарксистов?

Предлагаемые тексты ценны своими достоверными

социально-психологическими наблюдениями. Есть в них немало и спорного. Но радует то, что оттуда является к нам не схема, не группа восковых фигур, а кусок жизни в ее подчас парадоксальных проявлениях. Это будит мысль, стимулирует ее, а значит, и продолжение жизни в интенсивнейшем напряжении.

Очерки подготовлены мною к печати непосредственно с рукописи, без какой-либо редакции. Мое вмешательство состояло только в соединении отдельных фрагментов текста, расшифровке некоторых фраз, восстановлении сокращенных слов и окончательной расстановке знаков препинания. Помогали мне в этой работе дочь В. Д. Мочалова и Р. П. Конюшей — Елена Васильевна Мочалова и Владимир Михайлович Куркин.

Р. Косолапов

Март-99

2. На приеме у товарища Сталина

(В связи с рассмотрением им первого тома Сочинений И. В. Сталина)

28 декабря 1945 года. Беседа продолжалась около 11/2 часа, с 8 часов 05 минут вечера до 9 часов 35 минут.

Присутствовали: тт. Маленков, Поскребышев, Александров, Федосеев, Иовчук, Кружков, Шария, Мочалов, Надточеев.

28 декабря 1945 года в 7 часов вечера с заседания в Институте истории АН меня вызвали в ЦК. По телефону сообщили, что через 30 минут надо быть у тов. Федосеева.

Торопимся. В бюро пропусков — большая очередь. Называем свои фамилии. Просим ускорить дело, так как мой спутник уже знал или догадывался, что вызов нас в ЦК — необычный, а возможно, и к самому «хозяину». Нам предлагают проходить через главный подъезд, без пропуска. Это и меня начинает убеждать, что вызывают, может быть, и, в самом деле, к тов. Сталину. К главному подъезду уже не идем, а бежим. Патруль за-

глядывает в слегка приоткрытый блокнот, лежащий около него на столике. В блокноте я вижу наши фамилии. Быстро проходим. Лихорадочно раздеваемся. Уже через пару минут появляемся в приемной т. Федосеева. В дверях нас встречают стоящие в пальто и шапках гг. Федосеев, Кружков, Шария.

— Где ваши пальто? — обращаются они к нам. — Одевайтесь и быстрее — обратно. Ждем.

Мы сбегает вниз, так же поспешно одеваемся, как и разделись.

— Быстро, — замечает по нашему адресу гардеробщица.

Уже все одетые, не торопясь (вернее, с деланной неторопливостью), поднимаемся по лестнице на пятый этаж. Около кабинета тов. Маленкова (места, мне уже «знакомые» по прошлогодним визитам сюда, — на Оргбюро и т.п.) нас встречает он сам, здоровается со всеми, и все гуськом за ним направляемся к отдельному выходу во внутренний двор. Тут нас догоняет отставший т. Иовчук. Тов. Маленков гостеприимно предлагает всем усаживаться в его вместительную машину.

— Иначе вас с пропусками замучат, — говорит он шутливо.

Все размещаемся. Плотнo усаживаемся. Вот уж действительно, в тесноте, да не в обиде!

В самом деле, машина быстро, почти не замедляя хода, въезжает в Спасские ворота. Патрули знают хорошо тов. Маленкова в лицо (он сидит рядом с шофером) и потому без задержки пропускают его машину. Так же минует остальных патрулей, через внутренние, сравнительно тесные дворы Кремля подъезжает к довольно обычному, несколько старомодному скромному подъезду. Последний раз проверяют документы. На лестнице, в сторонке, с несколькими ступеньками вниз — небольшая раздевалка. Оставив здесь пальто, шапки, поднимаемся на лифте на 3-й этаж. По узкому, поворачивающему под небольшим углом в сторону коридору попадаем в просторную приемную — высокую, отделанную светлым дубом комнату. Прямо напротив входа — большой стол, на нем аккуратно разложены свежие русские

и иностранные газеты. Посередине стола — массивный письменный прибор со стопкой бумаги рядом и т.п. Справа от дверей — круглый, накрытый белой скатертью стол с прохладительными напитками. Это приемная, предназначенная для ожидающих вызова к тов. Сталину. Здесь есть все условия для того, чтобы сесть, подумать, прийти в себя тому, кто был вызван сюда так же неожиданно, как и мы. Да и без этого кто не будет взволнован, ожидая с минуты на минуту встречи с величайшим из современных людей, с человеком, который больше чем кто-либо другой ныне держит в своих руках судьбы мира...

Все мы толпимся вокруг большого стола. Прошло минут 15—20. Наконец, в 8 часов 05 минут вечера к нам вышел тов. Александров и позвал нас к тов. Сталину. Проходим через одну, затем вторую комнаты, в которых справа у окон стоят столы (бюро) его помощников. Открываем дверь в большой кабинет, напоминающий собой зал несколько удлиненной формы. Это, видимо, и есть рабочий кабинет тов. Сталина и одновременно зал важнейших заседаний, которые проходят у тов. Сталина. Слева в зале вдоль стены — большой покрытый темно-синим сукном стол. В конце стола — председательское место с письменным прибором. В правом дальнем углу, у окна, стоит письменный стол, видимо, постоянное рабочее место тов. Сталина. Дверь в противоположной от входа стене приоткрыта. Через открытую дверь в следующую комнату виден огромный, почти в человеческий рост, глобус и на стене — географическая карта...

Мы вошли в зал гурьбой. Нам навстречу поднялся тов. Сталин, и мы почти окружили его уже посередине зала. Лицо его, спокойное и сосредоточенное, и строгое, и одновременно притягивающее, густо покрыто коричневатыми крапинками — то ли от загара, то ли от перенесенной когда-то оспы. Волосы на голове сплошь седые, несколько поредевшие на темени (случилось это, должно быть, уже во время войны). Сталин поздоровался с нами за руку и пригласил сесть за большой стол. Слева от меня, у стены, расположился тов. По-

скребышев, рядом с ним, ближе к тов. Сталину, — тов. Маленков. Остальные товарищи расселись с другой стороны стола. На конце стола, напротив тов. Сталина, расположился тов. Шария.

— Ну рассказывайте, какие у вас были разногласия? — спросил товарищ Сталин.

Вопрос был совершенно неожиданный для всех присутствующих. Трудно было предположить, чтобы тов. Сталин что-либо знал о спорах на эти темы в ИМЭЛе, хотя эти споры были даже перенесены на обсуждение Оргбюро ЦК.

Тов. Кружков, директор ИМЭЛа, стал говорить о том, что у нас в этом отношении все уладилось, и прочее.

Ничего скрывать от тов. Сталина было нельзя, и я рассказал об основных сомнениях и возражениях по вопросам авторства, какие у меня имелись: 1) в отношении двух статей из газеты «Брдзола» («Борьба». — Р. К.). Эти статьи написаны в спокойном тоне, несколько отличном от того боевого тона, характерного для более поздних статей; 2) три статьи из «Кавказского Рабочего Листка». Первая составлялась или редактировалась, безусловно, с участием тов. Сталина, принадлежность ему двух других — сомнительна; 3) вызывала сомнение по стилю статья «Вооруженное восстание и наша тактика»; 4) «Местная пресса» из газеты «Элва» («Молния». — Р. К.) — в статье имеются разноречия в постановке того же вопроса со статьей «Газета «Искра» и аграрный вопрос» и статьей 1908 года «Лакействующие социалисты». Таковы были наши споры и мои возражения.

— Вас за это и «вышибли» из ИМЭЛа? — спросил тов. Сталин. — Кто этим занимался?

— Это дело тов. Кружкова, — ответил я и объяснил, что причиной его недовольства мною было мое письмо в ЦК ВКП(б) о необходимости приступить к изданию Сочинений И. В. Сталина. Первый том их, несмотря на то, что перевод его был готов, тов. Кружков даже не прочел, и это после нескольких месяцев его пребывания в ИМЭЛе. Свое недовольство моим письмом в ЦК

тов. Кружков высказывал мне неоднократно. Были еще резкие стычки с т. Шария, но больше по принципиальным вопросам. Я отстаивал новые переводы, а он — старые, уже имевшиеся в ходу в литературе и пр.

— Перевод плохой, — начал тов. Сталин. — Переводили слова, пренебрегая законами русского языка... На грузинском языке имеется два слова, означающих «жизнь». В одном случае это слово обозначает биологическую жизнь («сицоцкие». — В. М.), во втором случае — жизнь общественную («цховреби». — В. М.). При переводе грузинского слова «жизнь» во втором смысле требуется добавить слово «общественная», хотя в грузинском тексте его нет и оно не требуется. Или переводят на русский язык придаточные предложения без союза «что». В грузинском языке это слово — лишнее. А по-русски, если опустить союз «что», будет безграмотно... Переводить труднее, чем писать, — сказал тов. Сталин. — Часть статей артистически переведена, — добавил тов. Сталин. — Видимо, разные переводчики переводили. Кое-что пришлось поправить, — сказал он. — Например, статьи «Анархизм или социализм?» предназначались для газеты. Их приходилось писать по кусочкам, писать тут же, в типографии, наскоро, на коленке и давать наборщику... Хотя готовился я к ним хорошо. Они печатались с перерывами, поэтому, когда это собрано вместе, получились лишние резюме. Их пришлось исключить.

Одним из присутствующих было замечено, что мы не могли этого сделать сами.

— Да, это уж право автора, — сказал тов. Сталин. — Я не гнался за всем, много вычеркнул. Тут, видать, стремились побольше включить в том, хотели раздуть значение автора. Я в этом не нуждаюсь...

Кто-то заметил, что в Сочинения В. И. Ленина входит все им написанное.

— То Ленин, а то я, — ответил на это тов. Сталин. — В «Брдзола» пишущим был я, да, быть может, еще Северин Джугели... Кецховели был практиком, организатором. Орган вел Кецховели, но писал он мало. И вышло, что Кецховели был фактическим редактором, а редактировать не умел. В 1900 годах у нас была в Баку боль-

шая типография. В ней мы размножали «Искру» и распространяли ее на всю Россию... Первое столкновение внутри «Месаме-даси» (грузинская социал-демократическая организация 1892—1903 годов. — Р. К.) было по вопросу о нелегальной прессе. Левые придавали главное значение нелегальной прессе. Правые перевозносили легальную прессу. С этого и начались расхождения у левых с правыми. Те, кто был за легальную прессу, почти все потом ушли к меньшевикам... Руководители «Месаме-даси» не хотели иметь в Тифлисе нелегальной прессы, поэтому и издание «Брдзола» пришлось перенести в Баку.

Верно, что тон моих статей в «Брдзола» несколько иной, спокойный. Спокойный тон был... Я тогда тянул в профессуру — хотел поступить в университет. Кецохвели меня за это ругал. Батумские расстрелы перевернули все во мне. Я начал ругаться... Тон изменился...

Батумская листовка («Товарищи») — моя. Там больше некому было писать. Но я ее вычеркнул... Осталась в томе только прокламация «9 марта», имеющая историческое значение.

В «Кавказском Рабочем Листке» писали Спандарян и я. Правильно, что статьи «Эпизод великой русской революции» и «Елисаветпольские события» — не мои. Статья «Тифлис, 20 ноября» — моя. Это я помню.

Статьи «Анархизм или социализм?» не были окончены... Заметки, которые я сделал, имея в виду писать дальше, при обыске в Баку затерялись. Да и надобность в продолжении отпала. Анархистов скоро не оказалось. Они появились в Тифлисе как-то налетом... В этой работе есть одно неправильное, устарелое положение. Раньше революционные социал-демократы обуславливали возможность социалистической революции наличием большинства пролетариата в стране. Потом мы это условие выкинули. Это надо было оговорить, что я и сделал. Первый вариант «Анархизма или социализма?» отнесен в приложения. Из двух предисловий к двум разным вариантам сделано одно...

Кое-что не найдено. Прежде всего, программа занятий в кружках. Дело было в 1898 году. Программа, по

которой кружки занимались, была трафаретная. Сначала пропагандист рассказывал о первобытном коммунизме. На смену первобытному коммунизму наступила эпоха рабства. Потом капитализм. Таким образом, общественный строй менялся. Точно так же на смену капитализму должен прийти социализм... Я все это изменил. Программу построил иначе. Первой темой была такая: «Почему мы бедны, хотя все создаем?» Вторая тема: «Почему мы неправы?» и т.д. Потом давалась историческая справка. Новая программа рабочим очень понравилась. Ваню Стурюа еще с одним рабочим (тов. Сталин называл фамилию и второго рабочего, но я плохо расслышал, кажется, Ниния) размножили программу и раздали кружкам. Пропаганда стала вестись потом по этой программе. Она разошлась во многих экземплярах. Хорошо было бы найти эту программу...

Не могут еще найти мое «Кредо». Дело было в 1904 году. Тогда я только что вернулся из ссылки. Знакомых старых работников в Тифлисе не оказалось: одни были отправлены в ссылку, другие находились в тюрьме. В Тифлис понаехали новые люди — студенты из Риги, из Томска и других мест. Они приняли меня в штыки. Хотя низовые работники и середняки знали меня хорошо. Я однажды сказал: плоха у вас организационная сторона, пропаганда еще ведется, а организация дела слаба. На меня донесли, сказали еще, что «Искру» ругает... Мне за это «припаяли»... и потребовали: пусть Сталин напишет свое «Кредо». Я такое «Кредо» написал. Помню, в нем были разделы: теория, практика, организация... Потом это «Кредо» распространялось в организации. (За несколько дней до этой беседы передавали, что тов. Сталин будто бы даже помнил, что передал 70 экземпляров «Кредо» одному армянину, работнику Союзного комитета, кажется, как потом было с ним уточнено, Шавердову Дакуш. — В. М.)

Спустя некоторое время с речью в «защиту» т. Кружкова выступил т. Шария. Он стал оспаривать мое заявление о том, что перевод первого тома был уже готов... и прочее. Защита вышла декларативной и малоубедительной.

То ли вскоре после выступления т. Шария, то ли раньше этого тов. Сталин, как бы в защиту меня, сказал, имея в виду мое незнание грузинского языка:

— Он меньше вооружен.

Я снова попросил разрешения сказать несколько слов. Товарищ Сталин вопросительно посмотрел, как бы говоря: стоит ли возражать? Я оговорился, что возражать т. Шария я не собираюсь, а хочу назвать некоторые неизвестные работы. Мне было разрешено высказаться.

— Если вошедшие в том две статьи из «Брдзола», — сказал я, — принадлежат тов. Сталину, то...

Здесь тов. Сталин бросил реплику:

— Эти статьи — мои, я хорошо помню, как их писал...

— ...то ему же, — продолжал я, — в № 2—3 «Брдзола» должна принадлежать еще одна статья — «Рабочее движение на Кавказе в 1898—1899 гг.». Большая, интересная, принципиальная статья. Затем есть три письма И. Сталина периода 1904—1905 годов за подписью Вано, адресованные В. И. Ленину и Н. К. Крупской. Поскольку найдены пока только два письма тов. Сталина из Кутаиса, относящихся к этому времени, то и названные три письма желательно бы видеть в томе.

Тов. Сталин заинтересовался этими материалами. Я отнес ему № 2—3 «Брдзола» с упомянутой мною статьей, а т. Кружков передал письма, о которых шла речь. Тов. Сталин некоторое время просматривал и «Брдзола» и письма, а потом сказал:

— Это надо посмотреть.

Через день ему были переданы фотокопии названных писем. Спустя некоторое время тов. Сталин вернул их в ИМЭЛ с надписью на обложке: «Не печатать».

Тут же он рассказал, что в 1904—1905 годах была большая переписка с Лениным. Летом 1905 года, по приезде в Чиатура, тов. Сталин написал большое письмо В. И. Ленину по вопросу о демократическом централизме, в связи с решениями только что состоявшегося III съезда партии по организационным вопросам. Одновременно ему на месте пришлось предпринять некото-

рые действия, не вполне согласовывающиеся с решениями съезда.

— Нарушил устав — накажите, — писал тов. Сталин.

Тов. Сталин хотел заручиться мнением В. И. Ленина по этому вопросу, Ленин тогда на его письмо не ответил. Но при встрече с В. И. Лениным на съезде партии тов. Сталин в беседе с ним вернулся к теме своего письма и получил полное подтверждение правильности как своих действий в организационно-партийном вопросе в Чиатура, так и правильности своей точки зрения...

Кажется, дальше тов. Сталин сам поставил вопрос о тираже первого тома.

— Тысяч 30—40 будет достаточно, — сказал он.

— Сочинения В. И. Ленина печатаются в тираже 500 тысяч экземпляров, — сказал кто-то из присутствующих.

— То Ленин, а то я, — ответил на это тов. Сталин.

Все запротестовали, был назван слишком малый тираж для первого тома.

— Я смотрю на дело по существу, — сказал тов. Сталин. — Работы, составляющие первый том, теперь имеют историческое значение, ну еще биографическое. Об этом же у меня потом было лучше сказано. Все это я оговариваю в своем предисловии. Эти произведения не для руководства. (Эта фраза в рукописи В. Д. Мочалова вычеркнута. — Р. К.) То, что нужно для руководства, надо издавать в большем тираже.

— Надо подумать о читателе, — стали доказывать ему, — очереди будут в библиотеках за книжкой. Нельзя печатать разными тиражами разные тома.

— С бумагой у нас теперь стало лучше, — говорит тов. Александров (последние три слова в рукописи зачеркнуты. — Р. К.).

— Хорошо, 100 тысяч достаточно, — уступил несколько тов. Сталин. — Бумага нужна для областных газет. А ведь их стыдно в руки взять — листочки. Разве плохой город Курск? Хороший город. Разве плохой город Орел? Тоже хороший город. А ни тот ни другой газет приличных не имеют.

— Одних библиотек у нас 75 тысяч, — дают справку товарищи из Управления пропаганды.

— Потому и книг у нас на рынке нет, что они все по библиотекам распределяются, — ответил на это тов. Сталин.

Когда опять зашла речь о переводах статей, дополняющих второй том, тов. Сталин сказал:

— Пусть это грузины сделают.

Сталин сказал, между прочим, что вся трудность подготовки издания заключалась в первом и втором — переводных томах, последующие тома — перепечатки и потому трудностей представлять не будут. (Эта фраза вне текста написана на последней странице оригинала. — Р. К.)

Снова всплыл вопрос о тираже.

— Хорошо, пусть будет 300 тысяч, поскольку говорят, что тома нельзя печатать разным тиражом, — твердо сказал тов. Сталин, давая понять, что больше «уступок» не будет...

Тов. Кружков спросил мнение тов. Сталина об «аппарате» тома. Вопрос не сразу был понят: термин «аппарат» — едва ли не специфически имэловский. Кто-то пояснил:

— То есть примечания в томе...

— Ах, примечания? Некоторые из них я читал, ничего, как будто подходят...

— Нужны ли они? — продолжает спрашивать т. Кружков.

— Примечания нужны, — говорит тов. Сталин. — События, о которых говорится, зачастую малоизвестные, происходили давно. Нужно пояснить их современному читателю.

— Может быть, примечания делать покороче? Мы к Сочинениям В. И. Ленина даем совсем небольшие, — добивается упорно т. Кружков, стремясь, должно быть, «облегчить» задачу института в отношении составления примечаний.

Тов. Сталин в этот момент направился к своему рабочему столу и на этот вопрос уже не ответил...

Тов. Сталин высказался также за то, чтобы в каждом

томе в среднем было 300—360 страниц. В предисловии к изданию не надо называть, какие произведения входят в том, а только указывать, к какому периоду они относятся.

— Какой лучше формат томов?

— Мне нравится, — говорит тов. Сталин, — небольшой формат, такой, как томики В. И. Ленина. Можно книжку положить в карман...

— Какого цвета обложка лучше? Вот такой — бордовый или серый?

— Это все равно, — как бы отмахиваясь от несущественного вопроса, роняет тов. Сталин.

Тема беседы уже казалась исчерпанной.

— Мне как-то прислали сборник статей Маркса о национальном вопросе, — вспомнил тов. Сталин, — его без предисловия издавать нельзя. Там проводится мысль, что польская нация никуда не годится...

Все присутствующие недоуменно стали поглядывать друг на друга: кто бы это мог составить такой сборник и прислать его тов. Сталину. Тов. Александров сначала высказал предположение, что это сделал Госполитиздат, а затем — ОГИЗ, Юдин, наверное...

— Вы любите гадать, — немного раздраженно заметил тов. Сталин. — Надо сначала разузнать.

Потом в этой же связи он, между прочим, бросил: «Юдин и его «дружок»...» (имея в виду Митина).

— Ну, как будто, все? — спрашивает он нас.

Ни у кого больше вопросов нет. Мы как бы нехотя, медленно поднимаемся и, откланиваясь, выходим из кабинета тов. Сталина. Оказавшись в знакомой уже нам приемной, все поворачивают головы к часам. 9 часов 35 минут. Итак, беседа длилась полтора часа. Но они пролетели незаметно. Уходим уже знакомым путем, до подъезда, а дальше мимо Кремлевской стены опять к Спасским воротам. Последняя проверка пропусков, и мы покидаем древний Кремль.

В. Мочалов

3. Запись беседы у тов. Сталина, состоявшейся
в понедельник, 23 декабря 1946 года

Как и в прошлый раз, меня разыскиали в Институте истории еще днем, в 4 часа. Звонил П. Н. Поспелов по поручению А. Н. Поскребышева. Сообщил, что в 6 1/2 часа нужно быть в бюро пропусков у Спасской башни, а без 1/4 семь — у тов. Поскребышева. Я выбрался из дома весьма заблаговременно. Пришлось даже прогуляться полчаса от Спасской башни к Москве-реке и обратно. На вопрос в бюро пропусков, знаю ли я, где это и куда мне идти, я уверенно отвечал, что год назад я уже был там и дорога мне известна, дескать, там-то и там-то...

В знакомых уже коридорах так же часто встречаются постовые, и, наконец, перед входом в приемную мне вышел навстречу один из секретарей тов. Сталина в военной форме.

— Я, кажется, добрался раньше всех, — сказал я.

— Да, вы пришли первым, — подтвердил он и провел меня в приемную.

Здесь я, действительно, оказался один. И приемная мне уже была знакома по прошлому посещению. На большом столе, как и тогда, — много иллюстрированных заграничных журналов. Газета только одна — свежий номер «Правды». Я его еще не видел... Беру его и усаживаюсь к столу с прохладительными напитками. Минут через пятнадцать появляется т. Митин. Он садится напротив меня, предлагает выпить нарзану, но мне не хочется отвлекаться от своих мыслей, и я отказываюсь от приятного напитка. От него узнаю поточнее, что вызвали нас в связи с переизданием биографии И. В. (П. Н. же мне по телефону невнятно сказал, что будут говорить с теми, кто принимал участие в первом издании... а чего — он не сказал или я не разобрал, не знаю.)

Вошедший в приемную А. Н. Поскребышев, приветливо поздоровавшись, сказал:

— Придется с полчаса обождать.

Постепенно один за другим появляются: генерал-майор Галактионов, Иовчук, Федосеев, Кружков, По-

спелов, Александров, через приемную проходят гг. Кузнецов и Патоличев — секретари ЦК.

Прошло немного времени, и всех нас позвали в кабинет тов. Сталина. Он встречает нас, стоя около большого стола, предназначенного для заседаний. Мы быстро рассаживаемся вокруг этого стола. Едва мы успели разместиться, как тов. Сталин начал говорить. Первые слова из-за не улегшегося еще шума от нашего размещения, стука стульев, шуршания вынимаемых листочков бумаги и блокнотов и т.п. даже трудно улавливались...

Темой беседы, как уже можно было уловить из первых слов тов. Сталина, являлся вопрос о биографиях Ленина и Сталина.

— Обычно начинают изучение Ленина, — заговорил тов. Сталин, — с биографии. Так знакомится с Лениным громадное большинство людей. Я говорю о простых людях, а не о тех, что сидят в канцеляриях. Они не могут читать 30 томов, им не под силу. Поэтому нужна хорошая биография Ленина.

Здесь тов. Александров вполголоса подал реплику, что ИМЭЛ издал биографию В. И. Ленина.

— Уж я знаю, как у вас ИМЭЛ издает, — несколько возбужденно заметил на это тов. Сталин.

После того как т. Александров снова хотел что-то добавить в духе своей первой реплики, тов. Сталин с упреком добавил:

— Вы в отношении ИМЭЛа хорошо настроены... Когда ИМЭЛ, — продолжал тов. Сталин, — издает что-либо без подписи, без фамилий авторов, это хуже воровства. Нигде в мире ничего подобного нет. Почему боятся поставить фамилии авторов? Надо, чтобы люди имели свободу писать... Свободу высказываться, чтобы было кого раскритиковать. А то когда спросишь, то Управление пропаганды ссылается на ИМЭЛ — как будто ЦК написал, — а ИМЭЛ прикрывается именем ЦК. За спиной ЦК вы все храбрые люди... Нужна свобода высказываться, а то никто не смеет трогать. Какие взаимоотношения у Агитпропа ЦК с ИМЭЛом?

Тут я подал реплику, что согласно Уставу партии,

принятому XVIII съездом партии, ИМЭЛ значится при Управлении пропаганды ЦК ВКП(б), а до этого он был Отделом ЦК.

— Тогда, — сказал тов. Сталин, — Агитпроп ЦК должен дать обстоятельную, вернее, среднюю по размерам, биографию В. И. Ленина. Это очень большое пропагандистское дело.

Дальше тов. Сталин перешел к краткой биографии И. В. Сталина, второе издание которой подготовил ИМЭЛ и исправленный им самим экземпляр которой он во время беседы держал в руках.

— Очень много ошибок. Тон нехороший, эсеровский, — сказал тов. Сталин о представленной ему на просмотр биографии И. В. Сталина. — У меня всякие учения, — продолжал с сердцем и с некоторой иронией в голосе тов. Сталин, — вплоть до какого-то учения о постоянных факторах войны. Оказывается, у меня есть учение о коммунизме, об индустриализации, о коллективизации и т.д. Похвал много в этой биографии, возвеличивания роли личности. Что должен делать читатель после прочтения этой биографии? Стать на колени и молиться на меня.

После этого тов. Сталин разразился целым рядом сердитых характеристик такого рода изображения исторических личностей:

— Марксизму не воспитываете...

— Все дело рисуете так, что становись на колени и молись... о ком вы пишете... Воспитатели чертовы...

— Нам идолопоклонники не нужны...

— Вот вы пишете, что у меня есть учение о постоянных факторах войны, тогда как в любой истории войн об этом написано. Может быть, у меня это же сказано сильнее, но и только... У меня, оказывается, есть учение о коммунизме. Как будто Ленин говорил только о социализме и ничего не сказал о коммунизме. В действительности о коммунизме я говорил то же, что есть и у Ленина. Дальше, будто бы у меня есть учение об индустриализации страны, о коллективизации сельского хозяйства и т.д. и т.п. На самом деле, именно Ленину принадлежит заслуга постановки вопроса об индустриализации нашей страны, так же и относительно вопроса о коллективизации сельского хозяйства и т.п.

— У нас есть учение Маркса-Ленина, — заключил тов. Сталин. — Никаких дополнительных учений не требуется.

— Люди рабов воспитывают... — еще раз подчеркнул тов. Сталин.

— А если меня не станет?... Любовь к партии не воспитываете... Меня не станет, тогда что?..

И еще и еще тов. Сталин говорил о необходимости воспитания нашего народа в духе любви к ВКП(б)... Любовь к идеям, идейное содержание (все записать не удалось).

Под рукой тов. Сталина лежало богато оформленное, иллюстрированное издание биографии И. В. Сталина. Показывая на него, тов. Сталин спросил:

— Такое издание для чего?

Тов. Александров попытался в оправдание выпуска в небольшом тираже иллюстрированного издания сказать, что оно нужно для библиотек, клубов и т.п.

— Библиотек у нас сотни тысяч, — сказал на это тов. Сталин. — От такого издания тошнота берет...

Возвращаясь к самой биографии, тов. Сталин отметил:

— Глава насчет Отечественной войны неплохо составлена.

А затем, опять касаясь остальных частей биографии, продолжал:

— Вот относительно Баку говорится, что, дескать, до моего приезда там у большевиков ничего не было, а стоило мне появиться, как все сразу переменялось... Один все устроил... Хотите — верьте, хотите — не верьте!.. На самом деле как было дело? Надо было создать кадры... Такие кадры большевиков в Баку сложились... Имена этих людей я в соответствующем месте перечислил... То же касается и другого периода... Ведь такие люди, как Дзержинский, Фрунзе, Куйбышев, жили, работали, а о них не пишут, они отсутствуют... Это же относится и к периоду Отечественной войны... Надо было взять способных людей, собрать их, закалить... Такие люди собрались вокруг главного командования Красной Армии... Нигде не сказано ясно, что я — ученик Ленина... Не помню, только где-то глухо об этом упоминается... На самом деле я считал и считаю себя учеником

Ленина. Об этом я ясно сказал в известной беседе с Людвигом... Я — ученик Ленина. Ленин меня учил, а не наоборот. Никто же не может сказать, что я не ученик Ленина. Он проложил дорогу, а мы по этой проторенной дороге идем, — подчеркнул тов. Сталин. — Коль скоро биография в мои руки попала, я таких штук не пропущу, — добавил тов. Сталин.

В ходе дальнейшей беседы зашла речь о лучшем внешнем оформлении биографии, чем прежняя (сероватая обложка и пр.).

— Хорошо была бы написана по содержанию, — заметил на это тов. Сталин.

Тов. Александров и другие высказали то соображение, что выходящая вторым изданием биография И. В. Сталина чересчур краткая и поэтому надо теперь же приступить к подготовке более полной биографии. В связи со всем этим тов. Сталин сказал:

— Надо написать биографию Ленина. Это — первоочередная задача. Все прежние биографии — Керженцева, Ярославского и др. — устарели...

Тов. Александров снова напомнил, что биография Ленина уже во время Отечественной войны была издана ИМЭЛом и была просмотрена тов. Сталиным. Тов. Сталин не помнил об этой биографии и сказал только, что он ее посмотрит. А относительно своей биографии сказал:

— Хотел бы, чтобы эта скорее пошла, пока была издана в этом виде.

— Какой тираж? — спросил тов. Сталин.

— Один миллион, — назвали цифру тиража.

— Бумаги не хватит. Довольно 500 тысяч.

— Бумаги теперь много, — сообщили товарищи.

В это время тов. Сталин, держа в руках книжку с золоченым профилем головы Сталина, сказал:

— Нельзя ли без отрезанных голов?..

Относительно тиража под конец сказал:

— Не больше миллиона.

После этого тов. Сталин направился к своему письменному столу и, возвращаясь обратно с книгой в руках («История западноевропейской философии»), сказал, обращаясь к тов. Александрову (автору этого издания. — Р. К.):

— Я хотел еще сказать относительно вот этой книги. Она не понравилась мне. Неудачная книга получилась. Читал ее и тов. Жданов. Она ему также не понравилась. Это написал не боевой марксист, а книжник.

В прошлом были социалисты в кавычках и социалисты без кавычек. Легальные марксисты, они не были настоящими марксистами. Были катедер-социалисты. Они занимались пережевыванием бумажек. От настоящего марксизма они были далеки. И я боюсь, что у нас также будут катедер-коммунисты. Автор этой книжки смахивает на катедер-коммуниста. Может, это грубо сказано, но для ясности необходимо. Досадно, что такая книга появилась.

Непонятно, почему в Греции появилось так много философов (почему там получила такое развитие философия?). Появился торговый класс из среды свободных. Греки вели тогда большую торговлю со всем миром. А тогдашний мир — это был район Средиземного моря. Они торговали со всеми средиземноморскими городами, везде по берегам имели свои колонии. Тянули за собой всех свободных. Греки объехали весь мир и развивали науку.

Нечто подобное произошло в Европе и в эпоху Возрождения, когда корабли европейцев — итальянцев, испанцев, голландцев — весь мир обошли, стали бороздить по всему свету...

Принято считать, что Гегель был идеологом немецкой буржуазии. Это не так. Философия Гегеля отражала реакционные стремления аристократии, боязнь немецкого дворянства перед Французской революцией...

Поход на французский материализм — вот подоснова немецкой философии.

Вот вы ловите Фурье на противоречиях, ругаете его за эти противоречия. К чему это? Хорошо, что у них были противоречия.

Все они (немецкие философы) были против революции. Они были запуганы Французской революцией.

Без всего этого совершенно нельзя понять, почему появляются те или иные философские школы, чем объясняется их появление...

Вы на протяжении всей книжки не видите различия между понятиями «реакционный» и «консервативный»,

не различаете их между собой. Реакционный — значит, идущий назад от того, что есть. Консервативный — значит, стремящийся к сохранению того, что есть. Гегель, Кант, Фихте тянули назад. Все что угодно, только не идти по стопам Французской революции.

Льюис так писал историю философии. Марксист так не должен писать. Надо уму дать пищу...

Далее тов. Сталин для иллюстрации цитирует следующее место из книжки тов. Александрова, касающееся системы Фурье: «Большим достижением социальной философии Фурье является учение о развитии человечества...»

— Что же это за «большое достижение»? — спрашивает тов. Сталин и продолжает уже иронически цитировать дальше: — «В своем развитии общество проходит, по Фурье, четыре фазы: 1) восходящее разрушение, 2) восходящую гармонию, 3) нисходящую гармонию, 4) нисходящее разрушение...»

Попутно тов. Сталин комментирует:

— Это же сумасбродство, глупость, а не «большое достижение»...

Вы поднимаете из пыли то, что забыто.

Затем, нельзя все публиковать из того, что самым автором не предназначалось для печати... Вот «Философские тетради» Ленина. Из них надо брать и цитировать только принципиальное, а не все, что там есть...

Откуда вы почерпнули какое-то «учение о кругах»? Какое же это учение? Подумайте! Вы пустили в оборот «учение о кругах»... Молодой марксист ухватится за это и будет наворачивать, сбивая с толку массу рядовых читателей...

Учений всяких было много в истории. Но надо различать между авторами учений — лидерами, как, например, Ленин, за которым шла масса, и философами, тоже имевшими свои учения, но с которыми они сами по себе, писали для себя.

Марксизм — это религия класса. Хочешь иметь дело с марксизмом, имей одновременно дело с классами, с массой...

Мы — ленинцы. То, что мы пишем для себя, — это обязательно для народа. Это для него есть символ веры!

Эта книжка, конечно, не учебник. Разумеется, когда нет хлеба, едят и жмых, и лебеду едят...

— Я, тов. Сталин, книжку переработаю, — сказал тов. Александров.

— Я хотел бы, — сказал на это тов. Сталин, — чтобы вы все это продумали... Возражайте! — с некоторым раздражением сказал тов. Сталин. — Не то чтобы системы перечислять, это Льюису предоставьте. А вы социально объясните подоснову немецкой философии... У Гегеля и других немецких философов был страх перед Французской революцией. Вот они и били французских материалистов, — еще раз резюмировал тов. Сталин одну из основных мыслей беседы.

— Кстати, — сказал тов. Сталин, — намек на то, о чем я только что говорил, у меня был сделан еще в «Анархизме или социализме?».

И тов. Сталин процитировал следующее место из этой своей работы:

— «Прежде всего необходимо знать, что пролетарский социализм представляет не просто философское учение. Он является учением пролетарских масс, их знаменем, его почитают и перед ним «преклоняются» пролетарии мира. Следовательно, Маркс и Энгельс являются не просто родоначальниками какой-либо философской «школы» — они живые вожди живого пролетарского движения, которое растет и крепнет с каждым днем. Кто борется против этого учения, кто хочет его «ниспровергнуть», тот должен хорошо учесть все это, чтобы зря не расшибить себе лоб в неравной борьбе» (Соч. Т. 1. С. 350).

И еще раз тов. Сталин вернулся к вопросу, которым он начал беседу:

— Целых шесть учений «открыли» у меня... На самом же деле нет ни одного...

Под конец беседы тов. Сталин заговорил о письме проф. Белецкого, полученном им:

— Если уже человек вынужден был писать мне, когда я был в отпуску, значит, уже был доведен до крайности.

Заговорили о том, что напрасно Белецкому предъявляют обвинение, что он еврей... что, дескать, отец его русский, до сих пор жив и т.п.

В связи с этим тов. Сталин заметил:
— Тот, кто скрывает национальное происхождение, — трус, гроша ломаного не стоит...

Еще раз, возвращаясь к книжке тов. Александрова, тов. Сталин сказал:

— Автор, как старый перипатетик, скользкий, скользит на лыжах. Надо писать так, чтобы каждая глава имела центр удара... Не надо торопиться. Серьезные книжки так быстро не пишутся, — сказал тов. Сталин по поводу намерения т. Александрова в полгода переработать свою книгу. — И подход и манера автора писать безразличная, не тот (слово неразборчиво. — Р. К.), — продолжал тов. Сталин. — Книга не заряжает. Книга развешивает...

По поводу преследований проф. Белецкого тов. Сталин сказал:

— Нам нельзя бросаться людьми...

И еще, опять же в связи с разговором о Белецком, после характеристики Белецкого тт. Иовчуком и Федосеевым как человека не «позитивного», не способного к положительной работе, а только способного критиковать, тов. Сталин добавил:

— Неряха, но человек думающий...

(Далее в рукописи отсутствует одна 21-я страница. — Р. К.)

Тов. Сталин, говоря о письме Белецкого, отметил, что автор его хотел бы подискутировать по поводу книги т. Александрова.

— Разрешим мы такую дискуссию? — поставил вопрос тов. Сталин сначала перед секретарями ЦК тт. Кузнецовым и Патоличевым, а затем перед заместителями начальника Управления пропаганды тт. Иовчуком и Федосеевым.

Секретари ответили положительно на этот вопрос... Тоже вынуждены были нехотя согласиться с этим и заместители...

О дискуссии в принципе, таким образом, во время беседы договорились.

В. Мочалов

ИЗ ПОСЛЕДНИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ СТАЛИНА

МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

(1950, фрагменты)

Вопрос. Правильно ли поступила «Правда», открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?

Ответ. Правильно поступила.

В каком направлении будут решены вопросы языкознания — это станет ясно в конце дискуссии. Но уже теперь можно сказать, что дискуссия принесла большую пользу.

Дискуссия выяснила прежде всего, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках господствовал режим, не свойственный науке и людям науки. Малейшая критика положения дел в советском языкознании, даже самые робкие попытки критики так называемого «нового учения» в языкознании преследовались и пресекались со стороны руководящих кругов языкознания. За критическое отношение к наследству Н. Я. Марра, за малейшее неодобрение учения Н. Я. Марра снимались с постов или снижались по должности ценные работники и исследователи в области языкознания. Деятели языкознания выдвигались на ответственные должности не по деловому признаку, а по признаку безоговорочного признания учения Н. Я. Марра.

Общепризнанно, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Но это общепризнанное правило игнорировалось и попиралось самым бесцеремонным образом. Создалась замкнутая группа непогрешимых руководителей, которая, обезопасив себя от всякой возможной критики, стала самовольничать и бесчинствовать.

Один из примеров: так называемый «Бакинский курс» (лекции Н. Я. Марра, читанные в Баку), забракованный и запрещенный к переизданию самим автором, был, однако, по распоряжению касты руководителей (т. Мещанинов называет их «учениками» Н. Я. Марра)

переиздан и включен в число рекомендуемых студентам пособий без всяких оговорок. Это значит, что студентов обманули, выдав им забракованный «Курс» за полноценное пособие. Если бы я не был убежден в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству.

Как могло это случиться? А случилось это потому, что аракчеевский режим, созданный в языкознании, культивирует безответственность и поощряет такие бесчинства.

Дискуссия оказалась весьма полезной прежде всего потому, что она выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги.

Но польза дискуссии этим не исчерпывается. Дискуссия не только разбила старый режим в языкознании, но она выявила еще ту невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания, которая царит среди руководящих кругов этой отрасли науки. До начала дискуссии «ученики» Н. Я. Марра молчали и замалчивали неблагоприятное положение в языкознании. Но после начала дискуссии стало уже невозможно молчать — они были вынуждены выступить на страницах печати. И что же? Оказалось, что в учении Н. Я. Марра имеется целый ряд прорех, ошибок, неуточненных проблем, неразработанных положений. Спрашивается, почему об этом заговорили «ученики» Н. Я. Марра только теперь, после открытия дискуссии? Почему они не позаботились об этом раньше? Почему они в свое время не сказали об этом открыто и честно, как это подобает деятелям науки?

Признав «некоторые» ошибки Н. Я. Марра, «ученики» Н. Я. Марра, оказывается, думают, что развивать дальше советское языкознание можно лишь на базе «уточненной» теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от «марксизма» Н. Я. Марра. Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростиателем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультовцев» или «рапповцев».

Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка как надстройки и запу-

тал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание другую, тоже неправильную и немарксистскую формулу насчет «классовости» языка и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы, противоречащей всему ходу истории народов и языков, развивать советское языкознание.

Н. Я. Марр внес в языкознание не свойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон, ведущий к голому и легкомысленному отрицанию всего того, что было в языкознании до Н. Я. Марра.

Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов.

Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения.

Послушать Н. Я. Марра, и особенно его «учеников», можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось с появлением «нового учения» Н. Я. Марра. Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период.

Таким образом, дискуссия помогла делу также и в том отношении, что она вскрыла идеологические прорехи в советском языкознании.

Я думаю, что чем скорее освободится наше языко-

знание от ошибок Н. Я. Марра, тем скорее можно вывести его из кризиса, который оно переживает теперь.

Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание — таков, по-моему, путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание.

* * *

Вопрос. В своей статье Вы совершенно правильно оцениваете Марра как вульгаризатора марксизма. Значит ли это, что лингвисты, в том числе и мы, молодежь, должны отбросить все лингвистическое наследие Марра, у которого все же имеется ряд ценных языковых исследований (о них писали в дискуссии гг. Чикобава, Санжеев и другие)? Можем ли мы, подходя к Марру критически, все же брать у него полезное и ценное?

Ответ. Конечно, произведения Н. Я. Марра состоят не только из ошибок. Н. Я. Марр допускал грубейшие ошибки, когда он вносил в языкознание элементы марксизма в искаженном виде, когда он пытался создать самостоятельную теорию языка. Но у Н. Я. Марра есть отдельные, хорошие, талантливо написанные произведения, где он, забыв о своих теоретических претензиях, добросовестно и, нужно сказать, умело исследует отдельные языки. В таких произведениях можно найти немало ценного и поучительного. Понятно, что это ценное и поучительное должно быть взято у Н. Я. Марра и использовано.

Вопрос. Одной из основных причин застоя в советском языкознании многие лингвисты считают формализм. Очень хотелось бы знать Ваше мнение о том, в чем заключается формализм в языкознании и как его преодолеть?

Ответ. Н. Я. Марр и его «ученики» обвиняют в «формализме» всех языковедов, не разделяющих «новое учение» Н. Я. Марра. Это, конечно, несерьезно и неумно.

Н. Я. Марр считал грамматику пустой «формальностью», а людей, считающих грамматический строй основой языка, — формалистами. Это и вовсе глупо. Я думаю, что «формализм» выдуман авторами «нового уче-

ния» для облегчения борьбы со своими противниками в языкознании.

Причиной застоя в советском языкознании является не «формализм», изобретенный Н. Я. Марром и его «учениками», а аракчеевский режим и теоретические прорехи в языкознании. Аракчеевский режим создали «ученики» Н. Я. Марра. Теоретическую неразбериху внесли в языкознание Н. Я. Марр и его ближайшие соратники. Чтобы не было застоя, надо ликвидировать и то и другое. Ликвидация этих язв оздоровит советское языкознание, выведет его на широкую дорогу и даст возможность советскому языкознанию занять первое место в мировом языкознании.

* * *

Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма как собрание догматов, которые «никогда» не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания.

Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества. Марксизм как наука не может стоять на одном месте — он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма.

РЕЧЬ НА ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС

16 октября 1952 года

Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства. Некоторые выражают несогласие с нашими решениями.

Говорят: для чего мы значительно расширили состав ЦК? Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы? Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела. Кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуются десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля.

Но одного желания для этого мало. Воспитать идейно стойких государственных деятелей можно только на практических делах, на повседневной работе по осуществлению генеральной линии партии, по преодолению сопротивления всякого рода враждебных оппортунистических элементов, стремящихся затормозить и сорвать дело строительства социализма. И политическим деятелям ленинского опыта, воспитанным нашей партией, предстоит в борьбе сломить эти враждебные попытки и добиться полного успеха в осуществлении наших великих целей.

Не ясно ли, что нам надо поднимать роль партии, ее партийных комитетов? Можно ли забывать об улучшении работы партии в массах, чему учил Ленин? Все это требует притока молодых, свежих сил в ЦК — руководящий штаб нашей партии. Так мы и поступили, следуя указаниям Ленина. Вот почему мы расширили состав ЦК. Да и сама партия немного выросла.

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа мини-

стра — это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей.

Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов — преданный нашему делу человек. Позови, и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под «шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия — наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей — это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это — грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно допустить? На каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть Еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это — вторая политическая ошибка то-

варища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеем мы принять решение Политбюро по тому или иному важному политическому вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова, Жемчужиной, и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо.

Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно?

Мужик — наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна.

А. И. Микоян на трибуне оправдывается, ссылаясь на некоторые экономические расчеты.

Сталин (прерывая Микояна): Вот Микоян — новоявленный Фрумкин. Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе.

В. М. Молотов на трибуне признает свои ошибки, оправдывается и заверяет, что он был и остается верным учеником Сталина.

Сталин (прерывая Молотова): Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина.

Сталин предлагает решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Вместо Политбюро образуется Президиум в значительно расширенном составе, а также Секретариат ЦК КПСС — всего 36 человек.

В списке, говорит Сталин, находятся все члены Политбюро старого состава, кроме А. А. Андреева. Относительно уважаемого Андреева все ясно: совсем оглох, ничего не слышит, работать не может. Пусть лечится.

Голос с места: Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин: Нет! Меня освободите от обязанностей Ге-

нерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР.

Г. М. Маленков на трибуне: Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин на трибуне: На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я прошу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

С. К. Тимошенко: Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем Вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко. Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел.

По записи Л. Н. Ефремова. См.: Дорогами борьбы и труда. Ставрополь, 1998. С. 12—16. Текст уточнен с автором книги.

Примечание. Заявление Сталина об отсутствии полного единства в руководстве партии убедительно подтвердилось после его кончины. Возобладовавшая в нем группировка, не считаясь с нормами партийно-советской демократии, резко сузила состав руководящих органов и постаралась избавиться от выдвинутых XIX съездом КПСС высококвалифицированных молодых сил.

Говоря о друзьях жены Молотова, П. С. Жемчужиной, Сталин имел в виду националистические еврейские круги, на которые большое влияние оказывала тогдашний посол Израиля в СССР Голда Меир.

Упоминаемый Сталиным Фрумкин М. И. — член партии с 1898 года, после Октября заместитель наркома продовольствия, председателя Сибревкома, наркома внешней торговли, наркома финансов. Активный участник правой оппозиции.

УВЕРЕННО ТОРИТЬ ТРОПУ В БУДУЩЕЕ

Доклад Р. И. Косолапова

*«О решениях XX и XXII съездов КПСС по вопросу
«О культе личности и его последствиях»
на Чрезвычайном XXXII съезде СКП-КПСС
21 июля 2001 года»*

Товарищи!

Начнем с исторической аналогии.

2 сентября 1945 года Сталин выступил с Обращением к народу по поводу признания Японией себя побежденной, а значит, и успешного полного окончания Второй мировой войны.

Сталин говорил не только о современности, но и напомнил о поражении русских войск в 1904 году, в период русско-японской войны. Это поражение, отметил он, «легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил» (Соч. Т. 15. С. 241).

Очевидно, тогда, в обстановке всеобщего ликования, траурно оттененного печалью о павших, вряд ли кто мог предсказать появление нового, куда более крупного и ядовитого «черного пятна». Я имею в виду пресловутый доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» на закрытом заседании участников XX съезда КПСС и намеченную им «линию». Этим советский народ, подрастающие поколения были фактически до окончания века отлучены от правды о наиболее продуктивном тридцатилетии нашего послеоктябрьского развития. Мы, коммунисты старшего поколения, знавшие истину или же догадывавшиеся о ее искажении, сорок пять лет ждали, когда, наконец, настанет ее час. Хотелось бы надеяться, что мы этого часа дождались.

В соответствии с поручением Рабочей группы по подготовке Чрезвычайного, XXXII съезда СКП-КПСС вношу следующий проект:

*«О решениях XX и XXII съездов КПСС по вопросам
«культа личности» и его последствий»*

Заслушав и обсудив доклад тов. Шенина О. С. «О работе СКП-КПСС после XXXI съезда, положении в коммунистическом движении на территории СССР и задачах по сплочению марксистско-ленинских сил в борьбе за социализм и возрождение Союзного Советского государства», XXXII съезд СКП-КПСС подтверждает данные в нем оценки исторического пути советского народа в послеоктябрьский период (1917—1991 годы). В свете современного объективного исследования, вновь вскрывшихся фактов и последующих политических событий съезд квалифицирует то изображение периода истории, когда во главе ленинской партии находился *И. В. Сталин*, которое было навязано коммунистам и общественности хрущевской группировкой на XX—XXII съездах КПСС, как *несостоятельное в научном и лицемерное в нравственном отношении*, как враждебное интересам пролетариата физического и умственного труда, делу социального освобождения всех трудящихся, построения социализма и коммунизма.

XXXII съезд СКП-КПСС постановляет:

1. Постановления XX съезда по докладу Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» (25.02.56) и XXII съезда — о Мавзолее В. И. Ленина (30.10.61), принятые в нарушение уставных норм КПСС и поведения к субъективистской антикоммунистической дискредитации партии и ее марксистских руководителей, к многолетней клевете на научно-пролетарскую идеологию и советский социалистический строй с очевидно контрреволюционными результатами, — *отменить*.

2. Считать важнейшей задачей политического просвещения трудящихся масс всестороннее раскрытие правды о подвижнической, бескорыстно-самоотверженной деятельности Ленина, Сталина и их последователей, о драматических противоречиях и фактических трудностях борьбы за социализм, обусловленных как многогранностью и глубиной преобразований, так и жестоким, изощренным сопротивлением эксплуататорских элементов.

3. Признать вопросом вопросов нынешней политики коммунистов тщательное диалектико-материалистическое обоснование их стратегии и тактики, систематическую работу в гуще трудового народа, формирование в его сознании четких представлений о содержании предстоящего нового переходного периода от капитализма к социализму, о реалистических контурах возрождаемого общества».

Поскольку документы, об отмене которых идет речь, основательно подзабыты, позволю себе прочесть их здесь, тем более что они не велики по объему.

Вот постановление по хрущевскому докладу 25 февраля 1956 года:

«Заслушав доклад тов. Хрущева Н. С. о культе личности и его последствиях, XX съезд Коммунистической партии Советского Союза одобряет положения доклада Центрального Комитета и поручает ЦК КПСС последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным» (XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. II. М., 1956. С. 498).

Обращает на себя внимание то, что доклад Хрущева только *заслушивался*, но не обсуждался. Прений по нему не открывали. Участникам заседания трудно было после всего услышанного посмотреть друг другу в глаза, заговорить. Никто не аплодировал. Резолюция голосовалась, можно сказать, «всухую».

Лживо утверждение, будто это был «доклад Центрального Комитета». По словам непосредственного составителя текста, Д. Т. Шепилова, «до съезда капитального обсуждения доклада не было». Шепилов, получивший от Хрущева поручение на второй день съезда, 15 февраля и имевший от него «полный карт-бланш», пользовался при написании только подготовленным ранее материалом П. Н. Поспелова. По предположе-

нию Шепилова, окончательно «компоновали доклад помощники Хрущева — Лебедев, Шуйский». Причем от соавторства Шепилов решительно отказывался. «Это, — говорил он о Хрущеве, — целиком и полностью его и только его идея!» (И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 125—126). Тем самым подтверждается и то, что в начале 70-х годов рассказывал мне бывший член Президиума ЦК Д. И. Чесноков: «Он (Хрущев. — *Авт.*) обманул ЦК». Если к тому же учесть, что вопрос о «культе» был вытаскен вне повестки дня, утвержденной ЦК и съездом, то налицо прямое произвольное нарушение того, во имя чего такое якобы предпринималось, — «норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным».

Но и это еще не все.

Самая, пожалуй, большая, трудноразоблачимая аппаратная хитрость, на которую пошел Хрущев, состояла в том, что антисталинский доклад «состоялся на другой день... *после официального закрытия съезда* (выделено мной. — *Авт.*), в обстановке полусекретной, когда уже ушли все иностранные гости, в том числе руководители братских коммунистических партий, и были приглашены сотрудники идеологических отделов ЦК КПСС» (Свидетельство И. С. Черноуцана. В кн.: Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 88). К этому моменту были избраны новые ЦК и ЦРК. Иллюзию продолжения съезда создавало то, что доклад о «культе» произносился на утреннем заседании 25 февраля, а состав обоих руководящих органов счетная комиссия оглашала после перерыва. Но в этот день, поскольку голосование состоялось накануне, 24-го, зал являл собой пока что съезд и уже не съезд. Делегатские полномочия исчерпывались с появлением на свет другого Центрального Комитета и лишались постановляющей, партийно-законной силы. Если бы у самого Хрущева жестко спросили, докладом какого ЦК — прежнего или будущего — является то, что он изрекает, он, при всем своем нахрапе, наверняка бы

смутился. Так и родилась прочитанная вам «висячая» резолюция, ущербная и с уставной, и с политической, и с моральной, и с научной точек зрения.

Что касается постановления XXII съезда о Мавзолее В. И. Ленина от 30 октября 1961 года, то оно принималось в другой, резко изменившейся обстановке, на фоне позорной вакханалии, подогретой гонениями на так называемую антипартийную группу 1957 года, то есть на бывших соратников Сталина. Этот документ примечателен сегодня в той его части, где признается «нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина» (XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 362).

Полагаю, отменяя это постановление XXII съезда, мы не станем настаивать на возвращении сталинского саркофага в Мавзолей, а сделаем упор на другом: объявим недействительными содержащиеся там политические оценки. Это — во-первых. А во-вторых, мы морально осудим факт кощунственного обращения с прахом великого революционера и патриота, осудим само явление «гробокопательства», которым ради возбуждения низменных гигиенических инстинктов в последние годы цинично пользовались «демократы».

Товарищи! Вам, конечно, известно постановление V съезда Единой коммунистической партии Грузии о партийной реабилитации Сталина (Гласность. 2001. № 3. С. 2). В принципе нельзя не согласиться с его идеей и направленностью. Справедливости ради следует только подчеркнуть, что задолго до этого съезда и его решений вопрос ставили сотни честных и знающих коммунистов из всех республик Советского Союза, и среди них хотелось бы отметить ленинградку Нину Андрееву, москвичей Киру Корнеевну, Татьяну Хабарову, Алексея Голинкова, днепропетровца Эдуарда Ояперва, одессита

Гурама Цушбая. Выдвигался вопрос и перед XXXI съездом СКП-КПСС.

В то же время представляется целесообразным сделать одну оговорку. Лично мне в суждениях о реабилитации Сталина, в целом обоснованных, все же видится некоторая некорректность. Объясняется это тем, что кампания по реабилитации, затеянная еще в 1953 году Н. С. Хрущевым и А. И. Микояном, временами проводилась «чихом», а, попав под эгиду А. Н. Яковлева, и вовсе превратилась в бесстыжее средство оболгания большевиков и советского строя. Согласно ельцинскому Закону от 18 октября 1991 года, реабилитировались лица, осужденные за контрреволюционные преступления, начиная с 25 октября (7 ноября) 1917-го. «Жертвами политических репрессий» стали часто изображаться политики и власовцы, «крутые» уголовники — от бандитов до фальшивомонетчиков. Данные о результатах кампании умышленно перепутываются и тщательно скрываются. Яковлев как-то заявил о полутора миллионах «реабилитированных» (там же. С. 5). Стоит ли применять это запачканное слово к прямому морально-политическому преемнику Ленина, нашему вождю? О реабилитации когда-нибудь попросят сами «реабилитанты», да кто им ее даст? Думается, вместо подобных формальных акций надо без устали доводить до людей слово самого Сталина и слово правды о Сталине. Здесь особенно уместен мудрый принцип Спинозы: *не плакать, не смеяться, а понимать*, — и практика дает тому все более весомые доказательства.

Недавно в журнале «Альтернативы» (2001. № 2) опубликована характерная статья обществоведа и публициста Б. Ф. Славина, возможно, знакомого делегатам по его работе в ИМЛе и «Правде», а также по роли «переходящего» члена ЦК РПК, КПРФ, а затем и партии Святослава Федорова. Статья называется «Социализм или сталинизм?» и объявляет это противопоставление «гамлетовским вопросом для каждого сознательного представителя левого движения, сохранившего приверженность научным социалистическим идеалам» (С. 117).

Забавно, что новоиспеченный «Гамлет» не замечает собственного политического самоубийства, поскольку для мыслящего коммуниста стержневым моментом является не выдуманная Славным фальшивая, буржуазно-интеллигентская альтернатива, а историческое противостояние социализма и капитализма. Кто подменяет этот момент каким-либо другим, тот вольно или не вольно, по сути, склоняется на сторону прокапиталистических сил.

В развязанной хрущевцами критике «культы личности» Сталина превалирует два обвинения. Первое из них связывается с репрессивными акциями Советского государства, особенно во второй половине 30-х годов; второе вменяет Сталину ответственность за тяжкие поражения Красной Армии в битвах 1941—1942 годов.

В своем февральском докладе Хрущев приписал Сталину попытку «теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 139). Хрущев сослался на доклад Сталина на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК. Удивительно, но в течение 40 лет никто эту ссылку не проверил. Неужто и в самом деле, как говаривал Пушкин, «мы ленивы и не любопытны». В действительности названного тезиса, который без конца тиражировался как «сталинский», ни в докладе Сталина, ни в его заключительном слове нет. Верно то, что Сталин отмечал необходимость «разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится все более и более ручным». Подчеркивал Сталин и то, что «если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств» (Соч. Т. 14. С. 166). Но «теории обострения» во второй половине 30-х годов, то есть когда в СССР уже было обеспечено абсолютное преобладание социалистических форм хозяйства и при-

нята Конституция победившего социализма, он не выдвигал, а выступал против «теории затухания». Вы как политики, надеюсь, хорошо чувствуете этот нюанс.

Нам незачем выгораживать Сталина и изображать его этаким беспечной беззубой овечкой. На январском (1933 года) Пленуме ЦК и ЦКК, говоря об итогах первой пятилетки и необходимости всемерной защиты общественной собственности как священной и неприкосновенной основы нашего строя, он, и правда, выдвинул тезис: «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления», — и призвал «иметь в виду, что рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов» (Соч. Т. 13. С. 211—212). Но действовал он конкретно-исторически. Усиление или ослабление классовой борьбы — причем в меняющихся, подчас новых, не знакомых ранее формах, — зависело от степени упрочения Советской социалистической системы, от ее устойчивости, а она, как показал опыт последних десятилетий XX века, никогда не была постоянной, неизменно гарантированной величиной. Сталин это хорошо понимал. Он был гибким диалектиком, в то время как Хрущеву в этом смысле, говоря по-русски, медведь на ухо наступил...

Любимой игрой оппортунистов и антисоветчиков всех мастей, в которой задействована ложь фантастических размеров, стала цифирь, якобы отображающая число репрессированных большевизмом. Рекорд тут поставил Юрий Карякин — 120 миллионов человек. Есть «свидетельства» и поскромнее — Александр Солженицын и Рой Медведев довольствуются показателем, меньшим примерно вдвое. При населении СССР перед войной 190—195 миллионов и это выглядит внушительно. Остаются недоуменные вопросы: кто воевал, кто трудился в тылу, кто остался в живых, кто восстанавливал народное хозяйство, откуда взялся народ, который до развала Советского Союза готов был взять 300-миллионную высоту?

В свете новейших изысканий (прежде всего В. Н. Земскова и И. В. Пыхалова) считаю своим долгом дать

здесь объективную справку. Так, число приговоренных к высшей мере наказания в 1921—1953 годах (периоды окончания гражданской войны, НЭПа, коллективизации, Великой Отечественной) близко к 800 тысячам. Части этих лиц смертная казнь заменялась заключением на сроки 10—15 лет. В 1934—1940 годах таких заключенных насчитывалось в лагерях от 4 до 7 тысяч (см.: Пыхалов И. В. Время Сталина: факты против мифов. Л., 2001. С. 19,10).

Контингент пресловутого «архипелага ГУЛАГ» в марте 1953 года составлял 2,5 миллиона человек, несколько больше полутора процентов населения страны. Любопытно сопоставить эти данные с сегодняшним положением дел в США. На конец 1999 года в «цитадели прав человека» зафиксировано за два миллиона заключенных, вдвое меньше на 100 тысяч населения (около 0,75%), чем у нас при Сталине (см.: там же. С. 16). Но и страна другая, и эпоха не та. Одно дело — государство и общество, претерпевшее в течение полувека на своей территории драмы трех революций и двух мировых войн, едва залечившее раны последней из них, и совсем иное — государство и общество, сумевшее два века оставаться в стороне от разорительных вторжений, извлечь колоссальный экономический выигрыш от сражений на чужих континентах и занять уникально выгодные геополитические позиции.

Впрочем, приведенные российские данные по США поправляют сами американцы. И, что интересно, в сторону увеличения. Так, М. Соуса утверждает, «что количество заключенных в тюрьмы в США в 1996 г. составило 5,5 млн человек», — оно «сегодня на 3 млн. больше, чем когда-либо было в СССР!» (Соуса М. ГУЛАГ: архивы против лжи. М., 2001. С. 10).

До сих пор историки в долгу перед народом, не дав должной принципиальной оценки двух негативных явлений в советском прошлом, — фактов массового доносительства в 30-х годах и фактов изменничества — в начале 40-х.

Явление доносительства было отмечено в известном, долго замалчивавшемся постановлении январско-

го (1938 года) Пленума ЦК ВКП(б). В нем верно указывалось, «что многие наши парторганизации и их руководители до сих пор не сумели разглядеть и разоблачить искусно замаскированного врага, старающегося криками о бдительности замаскировать свою враждебность и сохраниться в рядах партии — это, во-первых — и, во-вторых, стремящегося путем проведения мер репрессий — перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. III. М., 1954. С. 312).

Кто, к примеру, побуждал упомянутую в документе заведующую отделом Ростовского обкома Шестову инспирировать исключение из партии 30 безвинных коммунистов пединститута? Какая сила заставила секретаря Киевского обкома Кудрявцева провоцировать половину городской парторганизации подать политически компрометирующие заявления на другую ее половину? «Демократская» журналистика вылепила, в частности, из Михаила Кольцова и Всеволода Мейерхольда — фигур, по-настоящему крупных и заслуженно популярных, — кумиры святых великомучеников. Но у всего этого выпячивается и другая сторона. Кольцов, уличенный руководителем интербригад Андре Марти в связях с испанскими троцкистами, после второго допроса и месячной паузы стал давать показания на (назову только известные имена) подругу Маяковского Лилю Брик, ее мужа Осипа и сестру (жену Арагона) Эльзу Триоле, на пушкиниста Зильберштейна, писателей Вишневского, Ставского, Пастернака, Эренбурга, Бабея, Евгения Петрова, Кирсанова и Алексея Толстого, на кинорежиссера Кармена, артистов Сац, Берсенева и Гиацингову, дипломатов Литвинова, Майского и Потемкина, на ряд военных, даже на свою жену Марию Остен (см.: Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. М., 1998. С. 149 и др.).

Похоже вел себя Мейерхольд. На допросах он говорил о своем «антисоветском влиянии» и о якобы близких настроениях Эйзенштейна, Охлопкова, Дикого, Гарина, Олеши, Пастернака, Шостаковича, Шебалина, Сейфуллиной, Кирсанова, Всеволода Иванова, Феди-

на, Эренбурга и др. Правда, потом Всеволод Эмильевич от этих наветов отказался (см.: там же. С. 238 и др.), они не помещали перечисленным деятелям внести свой вклад в золотой фонд советской культуры. Но как вела себя прочая доносительская мошара (имя ей — легион), мы и поныне почти не знаем. Без тщательного социологического изучения ее следов в архивах — этой стихийной отрывки классовой борьбы и буржуазно-обывательской психологии — нам не уяснить всех причинно-следственных связей того, что столько лет приписывается «культу личности». Пожалуй, отчасти прав историк В. Т. Логинов, которого никак нельзя причислить к «сталинистам». «Террор 1937 года имеет свою логику, — рассуждал он. — Сталин вряд ли планировал репрессии в таких масштабах. Но террор — как снежный ком. Берут одного, он с испугу называет еще десять человек, значит, их тоже нужно брать, они тоже кого-то называют, цифры растут» (Караулов А. В. Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990. С. 59). Тут историкам, как говорится, еще пахать и пахать.

В декабре 1977 года мне довелось беседовать с В. М. Молотовым, которому тогда шел 88-й год. Вячеслав Михайлович по-прежнему искренне считал предвоенную кадровую чистку правильной в целом мерой, предотвратившей образование в стране «пятой колонны». «Иначе мы потерпели бы поражение», — сказал он. Подобное мнение в предсмертном интервью с горечью выразил со своей стороны Гитлер (см.: Война и мы. Кн. 2. М., 2001. С. 84). Повторяли его и наши союзники. Если и при этих условиях, по некоторым сведениям, на германских фашистов работало до 1,5 миллиона предателей Родины (см.: Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 782), можно представить себе, какой опасности мы избежали. Ваш покорный слуга не стал бы говорить об этих вещах, если бы осенью 1942 года не наблюдал в оккупированной маленькой Элисте формирование немецкой полиции и двух фронтовых эскадронов преимущественно из дезертиров кавалерийской дивизии полковника Хомутникова, если бы не

видел двух городских голов — русского, по фамилии Труба, и калмыка Цуглынова, не был на похоронах сотен жертв четырехмесячного гитлеровского террора...

Полтора десятилетия «перестройки» и «реформ», во многом мотивированных жупелом сталинизма, привели нас, дав соответствующий фактический материал, к необходимости новых выводов и обобщений. Самое важное из них состоит в том, что результатом хрущевско-горбачевских переворотов явилось не затухание или же прекращение, а, напротив, усиление и обострение классовой борьбы. Перевод ее на качественно новую ступень с реставрацией социального антагонизма в его наиболее вульгарном и контрастном виде, когда преступной плутократии объективно противостоит коварно ограбленная и психологически зачумленная масса пролетариализуемого населения.

Для вас не открытие старое марксистское положение о трех основных формах классовой борьбы — экономической, политической и идеологической. Это положение Ленин конкретизировал определением пяти новых специфических форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата. Таковыми явились а) подавление сопротивления эксплуататоров, б) гражданская война, в) нейтрализация мелкой буржуазии, первоначально крестьянства, г) использование на службе пролетариату профессионалов из буржуазии, д) воспитание новой дисциплины (см.: ПСС. Т. 39. С. 261—264). К началу 80-х годов в литературе считалось, что из этих форм сохраняется только последняя — воспитание новой дисциплины, да и то правящая партноменклатура всякий раз поеживалась при упоминании о ее классовой сущности.

Выплеск классовой борьбы во второй половине 80-х, заставший наши кадры врасплох, связан и с тем, что теоретическая работа на тему ее дальнейшей модификации фактически оказалась на нуле, а вместе с ней и трезвое понимание происходящего.

Еще в ноябрьском (1938 года) постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», подписанном Мо-

лотовым и Сталиным, вскрывались факты безответственного отношения к следственному производству и грубого нарушения установленных законом процессуальных правил. В нем указывалось на подрывную деятельность в органах НКВД и Прокуратуры чужеродных элементов, которые «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности» (Соч. Т. 14. С. 286).

Как и в январском постановлении ЦК, в этом документе сталинское руководство приближалось к пониманию *двойственности* известных карательных мер и к ведению новых зигзагов классового противостояния. Однако Сталин и его соратники еще не вывели из всего этого тезис о *чужеродном* (бело-националистическом и оппортунистическом) проникновении в правоохранительные структуры как еще одной, развившейся уже после Ленина, форме классовой борьбы. Между тем для них не были тайной идущие извне директивы о внедрении со стороны как белогвардейской эмиграции (в частности РОВС), так и троцкистских центров. Финал нам известен. Это — навешивание на Сталина и партию всех жертв войн, эпидемий и социальных конфликтов (в том числе погибших в схватке с фашизмом); это — «реабилитация» подчас заведомых негодяев и недругов трудящихся; это — рассеянный склероз и морально-политический паралич ЦК и КГБ в 1991 году.

Другой формой классовой борьбы, не отмеченной ранее, нельзя не признать чужеродное проникновение в мозговые структуры партии и государства, особенно Академии наук, со второй половины 50-х годов. Мало того, что после смерти Сталина партию ни разу не возглавил сопоставимый деятель, совмещающий способности дальновидного теоретика с широким кругозором и крупнейшего организатора производства и общест-

венной жизни. Грамотные обществоведы вообще перестали фигурировать в высшем руководстве КПСС.

На последнем присталинском (XIX) съезде в Президиум ЦК было избрано пятеро таковых (О. В. Куусинен, И. В. Сталин, М. А. Суслов, Д. И. Чесноков, П. Ф. Юдин), однако в марте 1953 года они все (почивший Сталин не в счет) были оттуда удалены. Возвращение в этот орган Суслова (1956), а потом и Куусинена (1961), в сущности, ничего не добавило — Суслов, умерший в январе 1982 года, не отличался новаторским типом мышления, Куусинен же, видимо, вспомнив свою социал-демократическую молодость, «отличился» умозрительным упразднением диктатуры пролетариата (см.: Бурлацкий... С. 37—39, 41—42), что тяжело потом сказалось на судьбах советской системы.

В 1972 году кандидатом в члены Политбюро (переименованный Президиум) был избран историк Б. Н. Пonomарев, но он не улучшил погоду. Спустя полтора десятилетия, в 1987 году, в этом качестве там появился могильщик большевизма А. Н. Яковлев, что символизировало «начало конца». Почти сорок лет высшее руководство КПСС, отказавшись от самостоятельного стратегического анализа и планирования, довольствовалось популяризаторскими поделками референтов, консультантов и помощников, выдаваемыми за коллективную мудрость партии, и попирало свою обязанность вести страну согласно предписаниям достоверной передовой теории. Надо ли удивляться, что почти вся эта «умственная» челядь, выброшенная со Старой площади в августе-91, стала искать себе убежище не в протестующем «простонародье», а в комфортабельном Фонде Горбачева?

В качестве *третьей* из новейших форм классовой борьбы я назвал бы целеустремленное отщепление партии от рабочего класса, противопоставление рабочего класса партии, его дробление и разобщение вплоть до утраты им адекватного самосознания и своего общественного лица. Шахтерские забастовки 1989 года и поведение профсоюзов в дальнейшем — наглядный тому пример.

Вы видите, что рассмотрение сегодня решений XX—XXII съездов о «культе личности» окрашивается мрачными тонами буржуазно-бюрократической контрреволюции рубежа XX — XXI веков. Догадывались ли, знали ли мы о ее возможности задолго до того, как она на нас обрушилась? Несомненно. «Мы не знаем, — писал Ленин 6 октября 1917 года, то есть в канун успешного восстания, — победим ли мы завтра или немного позже... Мы не знаем, как скоро после нашей победы придет революция на Западе. Мы не знаем, не будет ли еще временных периодов реакции и *победы контрреволюции после нашей победы*, — невозможного в этом ничего нет (подчеркнуто мной. — *Авт.*), — и потому мы построим, когда победим, «тройную линию окопов» против такой возможности» (ПСС. Т. 34. С. 374). Такой «тройной линии окопов» у партии, которая не пересмотрела поспешные хрущевские заявления об «окончательной» победе социализма (XXI съезд) и об отмене диктатуры пролетариата (XXII съезд), увы, не оказалось.

В июне 1925 года слушатели Свердловского университета спросили Сталина о возможности нашего перерождения в условиях временной стабилизации мировой капиталистической системы. Сталин ответил на этот вопрос утвердительно и указал на три опасности, существующие и вне связи со стабилизацией:

а) опасность потери социалистической перспективы в деле строительства нашей страны и связанное с этим ликвидаторство;

б) опасность потери международной революционной перспективы и связанный с этим национализм;

в) опасность падения партийного руководства и связанная с этим возможность превращения партии в придаток государственного аппарата» (Соч. Т. 7. С. 164).

Смею утверждать, что все эти опасности были реализованы в 1985—1991 годах. Из-за нехватки времени я опускаю более подробный анализ, данный в Досье «Гласности», и обращаю ваше внимание на № 10 за текущий год.

Теперь несколько слов о поведении Сталина в начале Великой Отечественной войны.

Знал ли Сталин о неизбежности и времени фашистского нападения на СССР? Да, знал.

Верил ли он Гитлеру? Нет, не верил.

Принимал ли необходимые меры по укреплению обороноспособности страны? Да, принимал. 5 мая 1941 года на встрече с выпускниками военных академий Сталин, по сути, прямым текстом предупредил, что советским воинам надлежит похоронить миф о «непобедимости» германской армии (см.: Новое время. 1991. № 19. С. 37—38). Вместе с тем он считал, что Красная Армия в материально-техническом отношении будет в состоянии нанести поражение врагу только через полтора года. Это, кстати, поразительно подтвердилось на примере Сталинградской операции. 7 ноября 1941 года в осажденной Москве Сталин обещает решающий поворот через «несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик» (Соч. Т. 15. С. 85), а через год, 19 ноября 1942-го, начинается знаменитое наступление Донского фронта во главе с К. К. Рокоссовским.

Веет притворством за версту от попыток взвалить на Сталина вину за взлом фашистами нашей линии обороны на рассвете 22 июня 1941 года. Дело в том, что он в рамках своей компетенции *«не занимался непосредственно оперативно-тактическими вопросами вооруженных сил, никогда не инспектировал войска, не проверял их боеготовность, полностью полагаясь в этом деле на наркомат обороны...»*. Не его вина, что НКО (С. К. Тимошенко) не контролировал должным образом исполнение ускоренных мероприятий по повышению боеспособности войск на западной границе, в том числе распоряжения Генерального штаба (Г. К. Жуков) от 18-го и собственного приказа от 19 июня о приведении войск в боевую готовность. По мнению адмирала флота СССР Кузнецова Н.Г., поведение которого в момент агрессии явилось образцовым, «И. В. Сталин представлял боевую готовность наших вооруженных сил более высокой, чем она была на самом деле. Совершенно точно зная количество новейших самолетов, дислоцированных по его приказу на пограничных аэродромах, он считал, что в любую минуту по сигналу боевой тревоги

они могут взлететь в воздух и дать надежный отпор врагу. И был просто ошеломлен известием, что наши самолеты не успели подняться в воздух, а погибли прямо на аэродромах» (см.: Война и мы. Кн. 1. М., 2000. С. 677). Преступной халатностью тогда «прославился» командующий Западным особым военным округом Д. Г. Павлов.

Хрущев оболгал Сталина, приписав ему пораженческое настроение после первых тяжелых неудач на фронтах (см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 148—149). Имеются свидетельства, что 22 июня застало его больным острой формой ангины. В то же время, согласно тетради записи лиц, принятых Сталиным, 21-го у него побывало 11, 22-го — 15 лиц (кое-кто из них по 2—3 раза).

Высказывалось мнение, что не Молотов, а Сталин должен был выступить по радио в первый день войны. Но это было бы неверно тактически. Сталинская речь 3 июля, то есть на двенадцатый день войны, явилась непревзойденным шедевром сердечного обращения к каждому соотечественнику, емкой программой достижения успеха в борьбе. Подобную разработку, как и принятую 29 июня директиву Совнаркома и ЦК партийным и советским организациям прифронтовых областей, не мог подготовить растерявшийся, подавленный человек.

Было, однако, еще одно, кардинальное обстоятельство, которое до сих пор ускользает (или же преднамеренно упускается) из поля зрения исследователей. Речь идет о классовой борьбе на международной арене, приобретшей после Октября характер противостояния двух систем.

Сталин неплохо разбирался в истории войн. И есть основания полагать, что перед его мысленным взором не раз вставала картина сражения при Каннах и на Перекопе, панорама маневрирования пространством в Отечественной войне 1812 года и начало Первой мировой. Известно, что Россия не объявляла в 1914 году войну Германии. Войну объявила Германия, и притом под предлогом, что в России приступили к мобилизации.

Сталина, по-видимому, очень сдерживал — признаков этого достаточно — именно данный прецедент.

Главное же состояло вот в чем. Больше, чем конъюнктурных военных неудач, Сталин опасался *объединения* крупнейших империалистических держав: Англия в это время воевала с Гитлером, захватившим всю континентальную Европу; США, не участвуя в войне, служили как бы ее заокеанским тылом, — *альянса мирового капитала против Советского Союза*. На сей счет у него было более чем достаточно «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» (Пушкин). Перед Сталиным маячил пример Польши, которая в 1938 году беспечно поучаствовала с Германией в разделе Чехословакии, а в 1939-м, отвергнув возможность советской помощи, сама стала жертвой недомыслия своих правителей. В докладе 6 ноября 1941 года Сталин упомянул и пример «Франции, правители которой, дав себя запугать призраком революции, с перепугу положили под ноги Гитлера свою родину, отказавшись от сопротивления. Немецко-фашистские стратеги думали, — подчеркнул Сталин, — что то же самое произойдет с Великобританией и США. Небезызвестный Гесс для того, собственно, и был направлен в Англию немецкими фашистами (май 1941 года. — *Авт.*), чтобы убедить английских политиков примкнуть ко всеобщему походу против СССР» (Соч. Т. 15. С. 73). Сталин вряд ли считал себя вправе выступить перед народом, не проведя глубокий внешнеполитический зондаж. 3 июля он смог уже уверенно доложить о предпосылках создания мощной антигитлеровской коалиции.

Мао Цзэдун как-то сказал, что лягушка, сидящая на дне колодца, утверждает, что небо величиной с колодец. Так и практически все «критики» Сталина. Стратеги, в лучшем случае военные, а то и просто склочники, они не выходили на уровень геополитической, всемирно-исторической стратегии. Им было важно выиграть одно либо несколько сражений в армейском, фронтовом или межфронтовом диапазоне, — Сталин должен был выиграть, в том числе за счет постановки тыловой, народно-хозяйственной и дипломатической работы, в целом всю

войну. И не только ее. Задача высвечивалась намного шире. Следовало вывести новый строй из капиталистического окружения и вызываемой им международной изоляции, помочь ему утвердиться как мировой системе, создать гарантии его неустрашимости и прогресса.

Смешно сейчас читать пахнувшие троцкизмом заявления о том, будто «Сталин напирал на национальный фактор, считая его самодовлеющим» (Альтернативы. 2001. № 2. С. 122), вирши, в которых игнорируется реальный исторический процесс. По Ленину, «интернационализм на деле один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах». Яснее вроде бы не скажешь. «Все остальное, — добавлял Ленин, — обман и маниловщина» (ПСС. Т. 31. С. 170). В отличие от Троцкого, который видел в Родине всего лишь материал для подтопки мировой революции, Сталин поступал как раз по Ленину. Он укреплял и расширял базу социалистической общественной системы в СССР, раздвигал горизонты мировой революции на территориях многих европейских и азиатских стран, включая сюда миллиардный Китай. Неужто так уж трудно, когда речь заходит о Сталине, отличить человеческий голос от лягушачьего кваканья?..

Признаться, мое первое знакомство с хрущевским докладом весной 1956 года оставило впечатление произвольно-эклетического набора фактов под соусом давней аппаратной интриги и сведения счетов. С тех пор это впечатление многократно усилилось. Его основательно укрепили бесчисленные мифы, которые охотно мультиплицировались буржуазно-ревизионистскими СМИ. Перечислим наиболее ходкие из них.

Миф первый: отношения со Сталиным Ленин якобы прервал своей запиской от 5 марта 1923 года. Такого эффекта Хрущев добился, процитировав этот документ и отказавшись его комментировать. Миф опровергается фактически и документально, о чем я писал в «Правде».

Миф второй: Ленин, возможно, был отравлен Ста-

линым. Во всяком случае, Сталин был готов по просьбе тяжелобольного Ильича доставить ему яд. Автор этого мифа — Троцкий. Миф опровергается запиской Сталина в Политбюро от 21 марта, на которой, кстати, есть подпись читавшего ее Троцкого.

Миф третий: Сталин-де причастен к убийству С. М. Кирова. Любимая игрушка А. Н. Яковлева. Опровергнута рядом публикаций, среди которых наиболее фундированной и убедительной является работа А. А. Кирилиной «Рикошет, или Сколько человек было убито выстрелом в Смольном» (СПб., 1993).

Миф четвертый: Сталин был агентом царской охранки. В отдельных публикациях фигурировала даже «его» жандармская кличка — Фикус, в действительности принадлежавшая некоему Ерикову-Бакрадзе. Основной документ, содержащий этот «компромат», датирован 12 июля 1913 года и вытаскен на страницы «Московской правды» Г. Арутюновым и Ф. Волковым. По целому ряду несомненных признаков он аттестуется как фальшивка. В частности, в этом небольшом тексте семь раз упоминается свежий тогда псевдоним Сталин, хотя вся связанная со Сталиным жандармская переписка тех лет именует его по первоначальной фамилии Джугашвили.

Миф пятый: известный русский врач В. М. Бехтерев якобы, осмотрев Сталина, назвал его параноиком. Автор мифа — академик Н. П. Бехтерева, внучка знаменитости, сама опровергла его в печати (см.: Аргументы и факты. 1995. № 32. С. 2—3).

И так далее и тому подобное...

Спрашивается: не слишком ли много всего такого изливается и обрушивается на одного человека?

«Все необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется», — писал о восприятии Ленина обывателями Максим Горький. Ношу, которую 30 лет держал на своих плечах, свято чтя заветы Учителя, Сталин, «обыкновенной» не назовешь. На его жизненном счету две исторических «мелочи»: 1) создание устойчивого трудового товарищеского сообщества с лучшей в мире системой управления и динамикой роста; 2) победа над ударными отрядами мирового империализма на западе и на

востоке с искусным маневром по временному привлечению на свою сторону других соперничающих империалистических держав. «Владимир Ленин был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это. Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие, чумные пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин — вдохновитель и вождь пролетариев всех стран» (Ленин В. И. и Горький А. М. Письма, воспоминания, документы. М., 1958. С. 240—241). Эти же чувства переносятся и на «наследника его силы» (Горький) — Сталина. Лицемеря по поводу ГУЛАГа и «слезинки ребенка», хапуги и паразиты всяческого сорта прибирают к рукам все, что «плохо лежит», пускают кровь там, где им заблагорассудится, понуждают народы России терять, как на войне, от необеспеченности существования и потери будущего по миллиону жизней в год. Однако прав был белорусский поэт Кондрат Крапива: «Каб сонца засланіць — вушэй аспіных мала».

В заметках 1919 года о диктатуре пролетариата Ленин записал:

«Борьба до конца или «отболтаться» (Каутский К., мелкая буржуазия, «социалисты»)» (ПСС. Т. 39. С. 262). Именно в этом предложении выражается сейчас водораздел между коммунистами и оппортунистами.

Никто не скажет, что у Сталина не случалось ошибок, и порой серьезных. Но выявлять их надо в интересах «борьбы до конца», а не ради самоедского или самооправдательного «отбалтывания».

Первое, на что, мне кажется, следовало бы обратить внимание, — это необходимость иметь отлаженный механизм самоочищения и самообновления партии. До XVIII съезда ВКП(б) (1939) она как правящая партия применяла метод массовой чистки. Однако при чистке середины 30-х годов, как признал сам Сталин, «к сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить» (Соч. Т. 14. С. 323). И чистки, перепутав их с репрессиями, вместо того, чтобы гуманизировать и

совершенствовать их методику, отменили. Во время войны погибло свыше трех миллионов коммунистов — в два раза больше, чем было представлено на XVIII съезде. Чистки (очевидно, с поправками на изменившийся персональный состав партии и послевоенные социальные сдвиги) стали вновь необходимы. Но к подобной практике не вернулись, и это имело свои отрицательные последствия.

Второе — представляется поспешным вывод XIX съезда (1952), при мотивировании замены названия партии ВКП(б) на КПСС, о том, что «меньшевистская партия в СССР давно уже сошла со сцены...» (КПСС в резолюциях... С. 518). Разумеется, об организационно обособленном меньшевизме в начале 50-х годов не могло быть и речи. Но с дистанции десятилетий отлично видно, что меньшевистское идейно-политическое и, если угодно, нравственное течение в партии как в левом (троцкизм), так и в правом (социал-либерализм) его вариантах продолжало существовать. Временами оно находилось в полупридушенном состоянии, а временами — крепло и наглело. Припомните: последний Пленум ЦК КПСС 25 июля 1991 года позволил Горбачеву «вмазать» партии, в сущности, социал-демократический проект Программы, ревизовать оценки спора «большевики—меньшевики». Отбить этот идеологический гол в свои ворота ЦК уже не сумел.

По мнению ветеранов сталинского ЦК, еще в те поры в руководстве на правую ножку начинали хромать (выражение Шолохова) Берия и Маленков. Им неплохо подхрамывал эластичный Микоян. Как нельзя кстати для этой группочки рядом был выдвинут Сталиным Хрущев. Его эстафету через пару десятилетий и подхватил «наш Михаил Сергеевич». Меньшевизм, отливающий всеми цветами радуги, жив и поныне.

Третье: Сталин, прежде всего в период первых пятилеток и войны, великолепно справился с выковкой для промышленности и армии командных кадров новейшей формации. Этому внешне противоречат данные о предвоенных репрессиях в офицерском корпусе. Но, во-первых, из примерно 19 тысяч уволенных из армии

по политическим мотивам более 9 тысяч было возвращено в строй в 1938—1939 годах. Во-вторых, нехватка подготовленных командиров перед войной, которую «демократы» объясняют репрессиями, вызывалась резким увеличением в тот момент численности войск, их штатных потребностей куда больше, чем какими-либо другими причинами. В-третьих, безусловно болезненные процессы кадровых перемен имели — помимо ликвидации военно-троцкистского заговора — и другие положительные результаты. В составе генералитета число лиц с академическим образованием повысилось с 29% до 52% (см.: Пыхалов... С. 54). Это в немалой степени сказалось, — естественно, по мере приобретения опыта современной войны, — на общих итогах фронтовых операций, особенно 1943—1945 годов.

В чем Сталин не преуспел — и об этом надо сказать со всей определенностью, — так в подготовке себе и своим соратникам достойной партийной смены. Если даже один из апологетов Хрущева считает, что «этому чрезвычайно мужественному и активному политическому деятелю не хватало ни мужества, ни образования, ни знаний для того, чтобы стать еще и политическим мыслителем» (Бурлацкий... С. 191—192), то что должны сказать мы? Крупным, и притом самостоятельным политическим мыслителем и организатором должен быть всякий, кто берется за рычаги (или же кому они доверяются) руководства Коммунистической партией и социалистическим государством. Это вытекает не из благих пожеланий, а из объективной природы данной партии и данного государства. Любители и карьеристы должны тут выбраковываться беспощадно. Иначе, как жестоко показала нам жизнь, «культ личности» сменяется «культом» без личности, переходящим в свою очередь в культ наличности...

«Как-то в 1947 году, — вспоминал Микоян, — Сталин выдвинул предложение о том, чтобы каждый из нас подготовил из среды своих работников 5—6 человек, таких, которые могли бы заменить нас, когда ЦК сочтет нужным это сделать. Он это повторял несколько раз, настаивал» (Прибытков В. Аппарат. СПб, 1995. С. 81). Но, судя по всему, перспективность этого предложения и недооценивалась, и отпугивала, и саботировалась.

В отличие от Ленина после Сталина, оказавшегося пленником бюрократии и ее жертвой, не осталось надежной молодой когорты, продвинутой на ключевые позиции, которая умело поведет дело дальше.

Вы, товарищи, конечно, отчетливо помните долгую возню «демократов» с «завещанием Ленина», из которого выхватывалось всего два момента — предложение сместить Сталина с поста Генерального секретаря и «изменение всей нашей точки зрения на социализм», истолковываемое в духе рыночного ревизионизма.

А оставил ли Сталин свое «завещание»? Конечно!

Это — общеметодологические и морально-политические установки работы «Марксизм и вопросы языкознания» (1950); это — «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952); это — речь на XIX съезде КПСС, направляющая в общее русло эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе борьбу за демократию и борьбу за национальное освобождение.

Произошла трагедия. Те, кто наследовал и его власть, не наследовали его дух. С ним же лично повели себя более чем неблагородно. Впавший в бессознательное состояние старик в течение полусуток пролежал без медицинской помощи. Снятие его со всех постов произвели еще до кончины. Спустя некоторое время выяснились и другие подробности, подтверждающие, что уйти из жизни ему «помогли»...

Заканчивая свой доклад, хочу, товарищи, попросить вас не воспринять его как ностальгическое возвращение в прошлое, как попытку увести вас от жгучей повседневности. Наоборот, не разобравшись в поставленных вопросах, мы не сумеем как следует понимать друг друга, объясняться и достигать взаимопонимания с более молодыми, иначе говоря, уверенно торить тропу в будущее. Сталин и сегодня наше оружие, и его не допустимо доверять дуракам, невеждам и подлецам. Со Сталиным и надо обращаться, как с оружием, эффективным и опасным, обоюдоострым, требующим знания, честности и умения.

Поэтому и прошу вас поддержать вносимую резолюцию.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово товарищу Сталину. Предисловие составителя	5
---	---

ЧАСТЬ I

По поводу смерти Ленина	11
Октябрьская революция и тактика русских коммунистов	15
Диалектика партийной жизни	51
Стратегия социалистической индустрии	59
О личном моменте и о «завещании» Ленина	62
О недостатках в партии	67
О самокритике	71
Предостережение зазнавшейся партии	79
Две системы хозяйства	88
Я и так достаточно награжден	92
Социализм и равенство	93
Постигнуть дух социализма	102
О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников	121
Провокация во всесоюзном масштабе	163
Вред нашему общему делу	174
«Дела» против невинных людей	175
Перехваливать наш строй не стоит	182

ЧАСТЬ II

К вам обращаюсь я, друзья мои!	193
На вас смотрит весь мир	200
Ни шагу назад!	202

Советская способность к сопротивлению	207
Поворот к победе	208
Одно слово — Сталинград!	209
Великий день	210
За здоровье русского народа!	211
За здоровье скромных людей!	212
Мы победили	213

ЧАСТЬ III

Экономические проблемы социализма в СССР	219
Напутствие идущим вслед	302
Примечания составителя	306

ЧАСТЬ IV

Сталин и Ленин (Р. Косолапов)

1. Высокое имя Учителя	399
2. Ученик не был рабом	406
3. Еще один пример из гражданской войны	413
4. Хрущевская «соломинка»	421
5. Молодой генсек	427
6. История с извинением	433
7. Пример четы Лафаргов	439
8. Его сразу не раскусишь	446

«То Ленин, а то я», или Сталин и его идеологи

1. Слово составителя	451
2. На приеме у товарища Сталина (В. Мочалов).	457
3. Запись беседы у тов. Сталина, состоявшейся в понедельник, 23 декабря 1946 года (В. Мочалов)	468

Из последних выступлений Сталина

Марксизм и вопросы языкознания (1950, фрагменты)	477
Речь на Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года	482
Уверенно торить тропу в будущее. Доклад Р. И. Косолапова на Чрезвычайном XXXII съезде СКП-КПСС.	486

Косолапов Ричард Иванович **СЛОВО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ**

Ответственный редактор **П. Ульяшов**
Редактор **А. Корина**
Художественный редактор **А. Новиков**
Компьютерная обработка рисунков **И. Новикова**
Технический редактор **О. Куликова**
Компьютерная верстка **В. Азизбаев**

ООО «Издательство «Эксмо».
107078, Москва, Орликов пер., д. 6.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламное агентство «Эксмо». Тел. 234-38-00*

Книга — почтой: Книжный клуб «Эксмо»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1.
Тел./факс: (095) 932-74-71

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК»
представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо».
Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

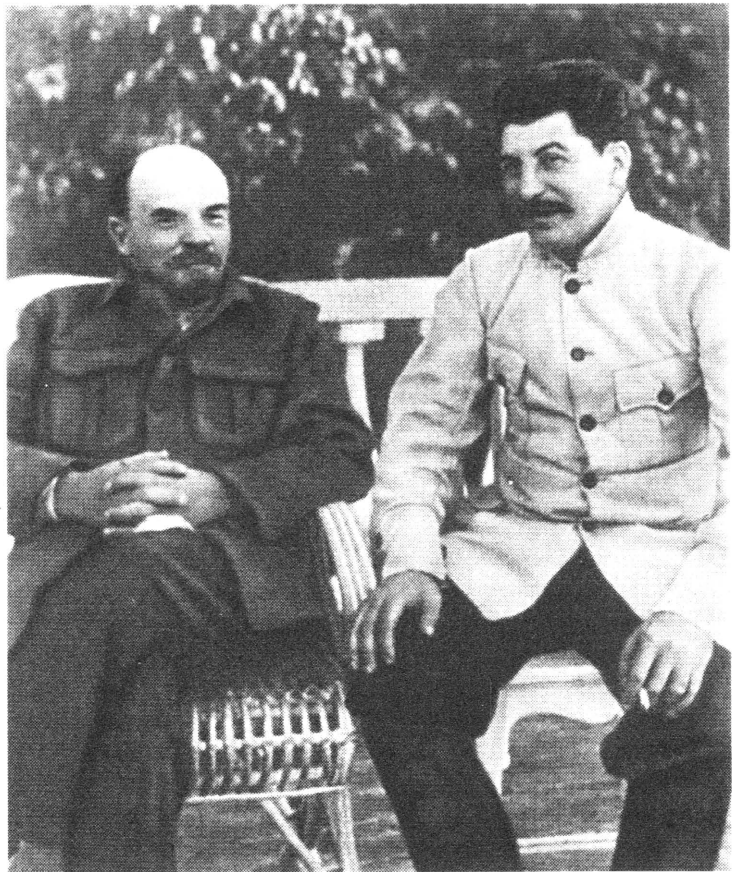

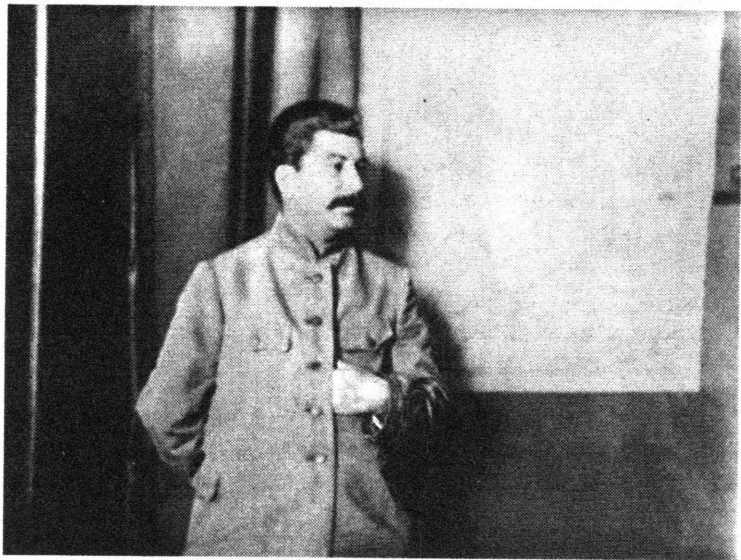
Книжный магазин издательства «Эксмо»
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

ООО «Медиа группа «ЛОГОС».
103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31.
E-mail: mgl@logosgroup.ru contact@logosgroup.ru
ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.
М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.
т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.07.2002
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бум. газ.
Усл. печ. л. 26,9. Уч.-изд. л. 26,7.
Тираж 5 000 экз. Заказ № 5840.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

СТАЛИНИАДА

В книге
Р. И. Косолапова,
много лет
занимавшегося
творческим наследием
И. В. Сталина
и принимавшего
участие в издании его
сочинений, собраны
наиболее известные
произведения и речи
вождя, документы,
относящиеся к его
деятельности... Итак,
слово товарищу
Сталину.

Однако, в первый д
боты это обязатель
не выполнено. М
с-й цех выплавля
1935 тонн ста
ц, плавя, прокат
шь выполняли план.
сь недостаточная по
надежность, несовер
й ввод мартеновск
й в эксплуатацию
сится.

Губляемый в сегод
а номер газеты д
ной смеи сортовк
закрывает суи-ста
достатки, прису
лько сортам, но и
еичкам других цехов
м, например, диспрок
й цех. Здесь 1 апреля
сь просеи станов
от 30
60 минут наза разн
якого ремонта; тонко
дой цех простоял 1
час
минуты - меиам подш
к.

Но, одновременно, ряд ста
нцев и цехов показывают
окарыные примеры рабо
А. Сталяев печи № 2 Си
ров выпускает плавку за
час 40 минут, снимая
1,5 тонны слан с квадрат
ного метра пода. Это невид
ные достижения завед. Но
й среднесортный цех вы
полняет план первых суток
на 187 проц. и т. д.

Стахановский месяц явля
завод должен выполнить
се указания любимого
аркома Орджоникидзе
достойно встретить
ерый стахановский

ные дозволора на социали
стическое соревнование.
Вот, бригада обрущи
кой бригадира Лепилина на
чинает соревноваться с бри
гадой Данилова. Основным

Достоинство ответить
на призыв наркома

С большой радостью всту
пим мы в меиц-ховое со
ревнование, чтобы достой
но ответить на призы
шего наркома. Орд
зе о зидачах апрел
на мастера Лапотки
колосовой цех) для
жения лучших резу
в апреле, соревну
гедей Матюкова.

Смена соревну
ким пунятим;
быстрейшее освоение
новых норм выработки;
лучший ходок, сорт

сорта, хорошую техниче
скую учебу. Кроме того, ок
берутся привезти в образ
цовый, культурный вид сто
ловую, красный уголок и
было.

я дого
дежду
хотим
ной на
я пер
всем

М, про
фор писелев, ста
исцы: Лазарев, Бес
шапошников, Новон
шенин и друг.

пуж с юматт, тонны ста
ли (в натуре) с квадрат
ного метра пода печи.

Работа сталевара Си
дорова за эту смену за
мечательна тем, что он
благодаря отличной по
мощи начальница смены
В. БОНДАРЕВА и масте
ра ЛЮБАНИНКО, выпу
стил плавну за небыва

7 апреля

Мартеновский цех вы
плавил 1835,64 тонны ста
ли—96,3 процента плана.

План по всему проекту
выполнен на 100,5 процента
по готовому проекту—на 121
процент и по сдаче гото
вой продукции—на 103,6
процента. Отдельные цех
плав годяго проката выпло
явали так: новый среднесорт

ному
кис до
Красно
На
привет
Степани
книге

С. Ордж-

дет выплав
2000 тонн
орна ат
ция орден

Об
тинот
вчезам
заты.

ательный
вара Си

меновской
орав аче
один за
40 мин
енорд. Он
чение сме
и достиг
ная и
шар за
той. Вся
длинна
час. Мет
ся 1 час
на поли
минут.
техноло
цех для
марин 1
дернан.

ло нор
нашего
40 мин
Тану
чила и
ная и
шар за
той. Вся
длинна
час. Мет
ся 1 час
на поли
минут.
техноло
цех для
марин 1
дернан.

пуж с юматт, тонны ста
ли (в натуре) с квадрат
ного метра пода печи.

Работа сталевара Си
дорова за эту смену за
мечательна тем, что он
благодаря отличной по
мощи начальница смены
В. БОНДАРЕВА и масте
ра ЛЮБАНИНКО, выпу
стил плавну за небыва

7 апреля

Мартеновский цех вы
плавил 1835,64 тонны ста
ли—96,3 процента плана.

План по всему проекту
выполнен на 100,5 процента
по готовому проекту—на 121
процент и по сдаче гото
вой продукции—на 103,6
процента. Отдельные цех
плав годяго проката выпло
явали так: новый среднесорт

пуж с юматт, тонны ста
ли (в натуре) с квадрат
ного метра пода печи.

Работа сталевара Си
дорова за эту смену за
мечательна тем, что он
благодаря отличной по
мощи начальница смены
В. БОНДАРЕВА и масте
ра ЛЮБАНИНКО, выпу
стил плавну за небыва

7 апреля

Мартеновский цех вы
плавил 1835,64 тонны ста
ли—96,3 процента плана.

План по всему проекту
выполнен на 100,5 процента
по готовому проекту—на 121
процент и по сдаче гото
вой продукции—на 103,6
процента. Отдельные цех
плав годяго проката выпло
явали так: новый среднесорт

ISBN 5-699-00793-8
9 785699 007936 >

Э К С М О

С Л О В О
Т О В А Р И Щ У

СТАЛИНУ

СТАЛИНИАДА